

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

6

Н. Сергеевич

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

H. Schermer

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ТОМ ШЕСТОЙ

**ДРАМЫ, КОМЕДИИ
ТРАГЕДИИ, ЗАМЕТКИ**

«Можайск — Терра»
1994

ББК 84Р1
Л16

Текст печатается по изданию:
Лажечников И. И. Полное собрание сочинений.
С.-Петербург — Москва, товарищество М. О. Вольф, 1913

Лажечников И. И.

Л16 Собрание сочинений. В 6 томах. Том 6. М.:
Можайск — Терра, 1994. — 624 с.
ISBN 5-7542-0007-2 (т. 6)
ISBN 5-7542-0001-3

Шестой том собрания сочинений И. И. Лажечникова
(1792—1869) включает заметки, трагедии, комедии, драмы.

Наиболее интересная из них драма «Опричник» (1843,
опубл. 1859), послужившая П. И. Чайковскому основой для
либретто одноименной оперы.

Л $\frac{4702010106-006}{47E(03)-94}$ Подписное

ББК 84Р1

ISBN 5-7542-0007-2 (т. 6)
ISBN 5-7542-0001-3

© ТОО «Можайск — Терра», 1994.

ВСЯ БЕДА ОТ СТЫДА

ДРАМА В ПЯТИ АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Софья Андреевна Виталина, богатая помещица.
Наталья Ивановна Гориславская, воспитанница ее.
Петр Сергеевич Леандров, помещик.
Сергей Петрович Леандров, сын его, отставной офицер.
Владимир Николаевич Ипполитов, приятель его.
Саша Полетаев, племянник Леандрова, 16 лет.
Флегонт Парфеныч Мухоморов, купец 2-й гильдии и частный адвокат, бывший отпущенник Виталиной.
Павел Флегонтыч, сын его.
Марья Семеновна Медовицына, компаньонка Гориславской (фантастически одета).
Гусынин, откупщик.
Гусынина, жена его.
Соломон, еврей.
Рахиль } малолетние дочери его.
Ревекка }
Полицейский чиновник.
Гости у Виталиной, на даче.
Гости у Гусынина, на вечере.
Банников, отставной приказный.
Сокова, мещанка.
Слуги Виталиной, Леандрова и Гусынина.
Крестьянские девушки.

Действие в подмосковной даче и в Москве.

АКТ I

Сцена представляет английский сад; вправо беседка; перед нею садовые скамейки и несколько стульев; влево площадка под древнею липою, обставленная кругом скамейками; от нее, между кустами и деревьями, вьются в разных направлениях дорожки; впереди ре-

* В оригинале Соломон (*Ред.*)

шетка садовая, примыкающая к богатому господскому дому; за нею видны луга, по которым извивается река, и село на высоте. Подле беседки, на ветвях деревьев, висят две епанчи, бумажный венец и шлем.

Явление I

Сергей Петрович и Ипполитов.

Сергей Петрович. Нет, мука неизвестности сделалась для меня невыносима. Нынешний день судьба моя должна решиться: я передал ее отцу и другу.

Ипполитов. Просто, братец, мы попали на остров Калипсин. Какие субретки — что твоя богиня! Сам Ментор твой — и, как ведаешь, переодетая Минерва в образе смертного — едва не потерял рассудок; спасло только сентиментальное путевое впечатление розовыми перстами. *(Показывает на щеку.)* От нимфы перескочил я опрометью к какой-то дуэнье и от нее узнал многое для тебя интересное. Слушай же. Вон первых, Натали, хоть и называет Виталину «тапан», не дочь ее.

Сергей Петрович. Допотопная новость! В первый день знакомства с их домом я узнал это.

Ипполитов. Я хотел сказать, Гориславская не дочка ее... даже... и по другой линии.

Сергей Петрович. О! и в этом не сомневаюсь.

Ипполитов. Жаль, братец, очень жаль! Знаешь, этак интереснее... громче... романтичнее... кабы она была дочь какой-нибудь графини и знаменитого музыканта... пожалуй, импровизатора... Родилась, например, на Сергиевских водах или в Баден-Бадене... А теперь... не взыщи — ведомо да будет тебе: она — истая дочь какого-то чиновника 14 класса. Каково будет твоему геральдическому коню сделать этот скачок?

Сергей Петрович. Беда какая! Я дам ей свое имя; мой герб будет ее гербом. Она образована как нельзя лучше, и не пристыдит меня в обществе. Ты знаешь меня: мне нужна добрая, избранная сердцем подруга; отцу моему нужно все, что только мне хо-

чется, а пересуды людские я и в грош не ставлю. Не мне охота жертвовать им своим счастьем.

Ипполитов. Надо, однако ж, сказать в пользу Гориславской *нечто*, что составляет ныне *все*. Виталина дает за своей воспитанницей два каменных дома в Москве, несколько десятков тысяч деньгами и пятьсот степных душ, чистых, как стекло, то есть незаложенных и не припадающих к господскому магазину. Боже, какая благодать! С таким приданым и дочь цаловальника завидная невеста.

Сергей Петрович. Торговые виды всегда были от меня далеки, тем более нынче. Впрочем, хоть состояние моего отца независимо в полном значении этого слова, не худо на черный день и запас. Может быть, у Натали есть бедные родственники...

Ипполитов. Отец и мать ее померли. Но готовься к посещению денежной родни... поверь, братец, нашествие горше двадцати язык! Вообрази, потянутся к тебе вереницею приказные старого закала — с клюковными носами, с запахом винной бочки и луку. Кто бросится тебе руку целовать, кто бултых в ноги, крестить позовет, кто поздравит тебя с своим днем ангела; один окопироваться, другой опохмелиться попросит.

Сергей Петрович. Вот уже два месяца, как я бываю здесь почти каждый день и в разное время дня, а не столкнулся еще ни с кем из этой несчастной братии. Если ж и явится к нам какой-нибудь родственник — ласки и помощь очистят и эту статью.

Ипполитов. Итак, все эти препятствия разбили мы в пух, как армию лилипутов. Теперь готовься к самому ужасному нашествию. Встает перед тобою исполин-соперник — Абдель-Кадер Шамиль, с ужасною кривою саблею над головой твоей.

Сергей Петрович. Что еще, зловещий ворон?

Ипполитов. Позволь спросить наперед: ты ее очень, очень любишь?

Сергей Петрович. Просто сойду с ума, если она не будет моею. Расстаться с этой любовью все равно, что погубить душу свою.

Ипполитов. А ты... имеешь доказательства, что она тебя... так же любит?

Сергей Петрович. Так же?.. это много! Были однако ж случаи... конечно, безделицы... минуты... но за них не взял бы я сокровищ всего мира. Чтoб они повторились, готов отдать несколько лет жизни. Да, я уверен был до того, что просил отца сделать предложение.

Ипполитов. Был?..

Сергей Петрович. Потому, что твой вопрос бросил какое-то сомнение в мою душу. Разве ты... проведаль, что у меня соперник? Говори, ради Бога, скорей говори: где он, что он такое?

Ипполитов. Сейчас познакомлю тебя с ним. *(Слышен хор.)* Слышишь? идет шарада, а ты забыл, что представляешь в ней Ахилла. Жаль, что мне, папеньке Агамемнону, пришлось вести дочку свою на жертву богам. *(Накидывает на плечи епанчу и надевает на голову бумажный венец.)*

Сергей Петрович. Какая мука! играть в шарады, когда решается судьба моей жизни! *(Надевает свой шарадный костюм.)*

Явление II

Те же, Гориславская, Павел Флегонтыч, Медовицына, Саша Полетаев и гости обоего пола.

Некоторые из гостей садятся на скамейки и стулья подле беседки или становятся около них; другие разыгрывают перед ними шараду «Агамемнон» следующим образом. С левой стороны сцены молодой человек представляет Агу (начальника евнухов); перед ними стоят, преклоняя и скрестив руки, несколько девушек в восточном костюме; с правой стороны другой молодой человек представляет статую Мемнона; Полетаев, в виде Феба, ударяет его по голове золотым жезлом, и статуя издает тихие, гармонические звуки. Затем из-за деревьев показывается процессия: Павел Флегонтыч (жрец Калхас) ведет мимо гостей-зрителей Гориславскую (Ифигению) к жертвеннику, поставленному в беседке; Медовицына (Клитемнестра) сопровождает ее. Несколько молодых людей и девиц представляют народ. Все они одеты согласно сюжету шарады, разумеется, как импровизируется это в подобных случаях.

Павел Флегонтыч *(тихо Гориславской)*. Жалкая роль Калхаса доставила мне, однако ж, удовольствие

быть ближе к вам. Но... вы грустны, рассеяны... не хотите даже отвечать мне. Какую ужасную перемену нашел я в вас!

Гориславская. Разве не видите, что я выполняю роль свою?.. меня ведут на жертву... (*поравнявшись с Сергеем Петровичем.*) Доблестный Ахилл забыл об нас.

Сергей Петрович. Клянусь богами, никогда не занимался он так сильно судьбою Ифигении, как теперь!

Гориславская (*грустно*). А все-таки она должна погибнуть!

Процессия идет к алтарю; Ифигения, подойдя к нему, падает на колени; Ахилл хочет остановить жертвоприношение, но Агамемнон подает знак рукою, и Калхас опускает нож над Ифигениею — шарада кончена; молодые люди затевают другие игры: то показываются на сцене, то скрываются, в продолжение 2, 3, 4 и 6 явлений.

Ипполитов. Странно, а мне чудится, что это история в лицах!

Павел Флегонтыч (*Полетаеву*). Как глупо перемешаны роли! По моим правам, мне следовало бы быть Ахиллом, и тогда бы я посмотрел, кто отнял бы у меня невесту!..

Полетаев. Видно, вам выпал ныне жребий держать нож над своей жертвой.

Сергей Петрович (*Ипполитову*). Где ж соперник, о котором ты говорил?

Ипполитов. Видел ты, рядом с Ифигенией шел жрец — молодой человек, статный, высокий ростом, очень любезничал с ней; говорит теперь с Сашей.

Сергей Петрович. С рыжею козлиной бородакой, будто опаленною?..

Ипполитов. Впрочем, если б не козлиная борода, очень приятной наружности.

Сергей Петрович. Приятной? не скажу. В серых глазах его что-то зверское, в лице что-то отталкивающее. Я с первой минуты почувствовал к нему отвращение. Что ж это за таинственное великое лицо?

Ипполитов. Monsieur Мухоморов.

Сергей Петрович. Ха, ха, ха! Так это твой Абдель-Кадер?

Ипполитов. Ты засмеялся таким ужасным смехом — наверно отдалось в душе этого господина. Посмотри, как он на тебя взглянул, будто съесть хочет.

Сергей Петрович. Подавится на первом куске! Мухоморов?.. Да из-за одной паскудной фамилии порядочная женщина за него не пойдет. Соперник опасный!

Ипполитов. Более, нежели думаешь. Я не пророк, а могу предсказать, что в истории твоей жизни он играет важную роль. Он только вчера приехал из Петербурга, а нынче... — заметил ли? — и Натали и Виталина с тобою, если не холоднее, так осторожнее.

Сергей Петрович. Правда, обращение ее со мною принужденнее.

Ипполитов. Увидишь еще не то. Это цветы, а ягодки впереди. Мухомор явился предъявить права свои на ее руку.

Сергей Петрович. Права? какие же может иметь он, кроме любви ее?

К концу этого разговора Медовицына подзывает к себе Полетаева и просит его о чем-то; по движениям Полетаева видно, что он отговаривается, наконец он взял от нее какую-то бумажку; Медовицына стала на колени в молитвенном положении за кустами, так что группе молодых людей нельзя ее видеть.

Полетаев (*подбежав к Сергею Петровичу и отозвав его в сторону, тихо*). Cousin, я к тебе посланником от особы, которая тебя страстно любит (*подает ему бумажку*).

Сергей Петрович (*в. сторону*). Не может быть!.. Это на нее вовсе не похоже!.. Я уверен, что не от нее. (*Ипполитову*.) Прочти, братец, эту записку — и вслух.

Ипполитов. Вслух!.. Вот примерная конфиденциальная переписка! (*Читает.*) «Ангел ли ты, сошедший на землю, чтобы взять меня на небо и погрузить все мое существование в море райских наслаждений, или демон-искуситель...» Бр-р! так и несет риторикой.

Сергей Петрович. Сумасбродная Медовицына! узнаю тебя. Скажи своей даме, усердный паж, что здесь нет ни ангела, ни демона, и потому записка, вероятно, ошибкой к нам адресована.

Ипполитов. И от меня порученьице (*шепнул ему на ухо*).

Полетаев. О! что до этого, так я подслушаю, о чем жужжит муха. Будьте покойны, товарищ моих рыцарских подвигов!.. (*Убегает.*)

Сергей Петрович. Мало соперника: судьба навязала мне еще на шею эту приторную, туманную деву. Лет восемь назад я жил возле их пансиона, где она была чем-то вроде классной дамы... шалил и волюнчил... послал *billet doux*... как водится, последовала великая жертва — глупый поцелуй; пошла страстная переписка на манер нынешнего послания. Наконец, я радехонек был, ускакав из Москвы, что развязался с этой Офелией! Теперь, на беду мою, нахожу ее в доме Виталиной чем-то вроде компаньонки или приживалки, и, как вижу, снова начались гонения.

Ипполитов. Вóвремя, когда ей стукнуло 30, вздумала преследовать тебя своей пассией, а перерзевшая дева в пассиве — это бешеный конь, которому нипочем барьеры и овраги и всякие сальто-морtale.

О, горе нам! о, горе нам!
О, страшная для нас невзгода!

Однако ж не выдержу... мы с Сашей больны одною болезнью. (*Оставляет Сергея Петровича, прокрадывается за кусты и подслушивает разговор Полетаева с Медовицкой.*)

Сергей Петрович. Да куда же ты, негодяй? (*Ипполитов махает ему рукой.*) Вот каковы друзья!.. Под сорок, а повесничает, как мальчик!

Медовицына (*восторженно*). Я видела все... я думала, небо на меня упадет, земля подо мною раскроется... Злодей! Воспользоваться моею неопытностью... завлечь меня в сети!.. Но и слабые женщины умеют мстить.

Полетаев (*принимая трагическую позу*). Я на Кавказе рождена.

Ипполитов (*возвращаясь со смехом*). Ха, ха, ха. Новые враги! Да это чудо, братец; разыгрывается ужасная драма. Застой в жизни не годится.

Сергей Петрович. Охота тебе шутить, когда погибает тот, кого называешь другом. Ну, что ж твой Мухоморов?

Ипполитов. Просто приехал получить руку, которая ему обещана сто лет назад, и только дожидается чина коллежского асессора, чтобы...

Сергей Петрович. Что ж наконец?

Ипполитов. Разумеется, наконец свадьба. Теперь разруби этот гордиев узел, новый Александр!

Сергей Петрович. Не бывать, клянусь честью, не бывать!.. Во что бы то ни стало, мне надо сейчас переговорить с нею: ради Бога, займи как-нибудь Мухоморова.

Ипполитов (*возвращаясь с Сергеем Петровичем к группе молодых людей*). Мы с Сашей займемся этим и его порядком побесим. Все наше общество что-то не взлюбило его за чванство — весь на ходулях! Только и разговоров, что о знатных связях, только и слов: «У нас в Петербурге; мы у такой-то графини, у такого-то князя в Петербурге; мне прислали сигар прямо из Гаванны, выписываю мебель от Гамбса...»

Сергей Петрович (*подходя к Гориславской, тихо ей*). Два слова наедине — в них судьба моя.

Павел Флегонтыч (*предлагает руку Гориславской*). Вашу руку...

Гориславская (*после минутной нерешительности, взяв под руку Сергея Петровича, Павлу Флегонтычу*). Извините, Сергей Петрович прежде предложил.

Павел Флегонтыч (*отходя, Медовицыной*). Видно, здесь делают предложения мысленно.

Медовицына. И язык этот понимают очень хорошо. Но мой долг мешать их таинственным разговорам. O temps! о mœurs!

Слышны голоса: «Горелки! горелки!»

Один молодой человек (*Гориславской*). Предлагают горелки.

Гориславская. Очень хорошо; мы уже в паре.

Сергей Петрович (*в сторону*). Как нарочно согласились терзать меня!

В это время проходит подле ограды сада вереница крестьянских девушек; они поют.

Не в поле, в поле пыль пылит,
А метелица метет,
За метелицей мой миленький идет,
За собою ворона коня ведет,
А навстречу красна девица идет.

Саша (*заигрывает с ними*).

Одна из девушек (*ударив его кулаком по спине*).
Вот тебе, жиденок!

Гориславская (*в испуге*). Жиденок?.. Где?.. Кого-то бьют!

Сергей Петрович. Чего вы так испугались?.. Это просто, Сашу наказывают деревенские девушки за шалости. Вечно напроказничает.

Гориславская. Мне послышался удар... я не видала, думала какого-нибудь несчастного... Жиденок?.. зачем же они Сашу так называли?

Сергей Петрович. Потому что это у них презренное, бранное слово!

Гориславская. У них?.. я думаю, у всех... Презренные существа! парии человечества! Не так ли?..

Сергей Петрович. Признаюсь вам, не чувствую симпатии к жидовской расе; но... по мне презрен, гадок человек сам по себе, за свои поступки, а не по роду своему. (*Удаляются, увидев, что большая часть молодых людей и девушек разошлась.*)

Павел Флегонтыч (*Медовицыной*). Я отгадываю: этот молодой человек тот самый... вы мне когда-то о нем рассказывали.

Медовицына (*закрывая лицо руками*). Не договаривайте...

Павел Флегонтыч. Понимаю, ваше дело — мое; пойдем за ними. Я не допущу, чтоб моя невеста переступила границы приличия.

Медовицына. Действовать заодно — вот вам рука моя! Будем преследовать их, как тень Банко Макбета. (*Ипполитов и Саша взявшись за руку, преграждают им дорогу.*)

Саша (*Медовицыной*). Вас просят отгадать шара-

ду: мое первое — несносное насекомое; оно кусает, но неопасно; мое второе — бич людей, а мое все — поганое растение.

Медовицына. Мухомор — отвяжись от нас, змеенок!

Павел Флегонтыч. В нем яд, и очень опасный; не советую его раскусывать.

Ипполитов. Отрава, облитая медом — хоть умереть, да вкусить! *(Убегает с Полетаевым; по приходу их в кружок молодых людей, слышен хохот.)*

Павел Флегонтыч. Ступайте за нашими, а я останусь здесь; мне нужно покончить разом все эти проделки.

Медовицына *(удаляясь, про себя)*. О! сердце мое готово прикормить всех змей этого мира, чтоб напустить их на вероломных.

Явление III

Павел Флегонтыч *(один)*. Тише, осторожнее, друг!.. Они хотят вывести меня из терпения: нет, не удастся! Я, как Атлас, снесу теперь гору оскорблений. Богатство и прекрасная девушка, в которую я сам без памяти влюблен, то и другое мне обещаны, то и другое почти мое — надо, чтоб они и оставались навсегда моими. Шашка моя стоит у королевы: стоит только ее схватить: зачем же мне бросаться на офицеров? Зачем же расстраивать всю игру, улаженную так искусно?

Боюсь только проделки. Нынче получают известие, что я произведен в коллежские асессоры... Петербургский друг смастерил это известие искусно. Страшно, однако ж, если заранее откроется мое самозванство. Шутить не будут! Волос встает дыбом от одного помышления... Впрочем, кто пойдет справляться? Лишь бы сыграть свадьбу! Спускаюсь после в титулярные, а там и действительно произведут. Опоздай немного, и моему бы счастью конец.

Пускай Леандров славит свою минутную победу; завтра и будущность моя!.. Отец ручается головой, что

Гориславская будет на днях его невесткой, как я его сын. Она давно обещана мне; Виталина так благородна, что не отступится от своего слова. Мало этого, говорит отец: у него есть свое заветное, волшебное словечко, которое приведет Натали к ногам моим, смиренную овечку. О! надо скорее исторгнуть у него этот талисман! (*Уходит.*)

Явление IV

Сергей Петрович и Гориславская.

Сергей Петрович (*осмотревшись*). Никого!.. Наконец мы одни... Теперь вы должны меня выслушать; я не могу далее откладывать; мучения неизвестности сделались для меня нестерпимы.

Гориславская. Пора и мне передать вам все, что давно лежало у меня на душе.

Сергей Петрович. Вы, конечно, не раз угадывали в глазах моих, в звуке моего голоса, во всех отношениях к вам более, нежели уважение, более, нежели преданность; но я не смел еще ни разу говорить вам о настоящих своих чувствах. Иногда мне самому казалось... мне, может быть, моему воображению представлялось, что вы заметили эти чувства, что они тронули, наконец, ваше сердце. Простите мне это обольщение. Теперь я должен услышать от вас, обманывался я или нет. Вините за эту дерзость одно мое отчаяние, одну мою любовь, глубокую, беспредельную, с которою слилась жизнь моя.

Гориславская. Вы видели, я сама искала случая быть с вами одной. Думала, во мне станет довольно сил сказать вам, что хотела сказать; но когда пришли эти минуты, я прошу Господа подкрепить меня... Чего вы от меня требуете?.. Одного слова?.. На что оно вам? Что вы и я с ним сделаем?.. Скажу вам более; не смею его выговорить, если бы и хотела... я не вольна в себе... я невеста другого, давно обручена с ним...

Сергей Петрович. Невеста этого ничтожного Мухоморова? Конечно, не вы избрали его! Неужели Софья Андреевна, с ее умом, с ее прекрасною душою,

могла принести вас в жертву этому несчастному фату? Разве не видит она, что ему нужно ваше приданое, а не вы сами?.. Торгаш, он рассчитывает на вас, как на товар; бросьте ему обручальное кольцо с горстью золота — пускай наслаждается любовью, его достойною.

Гориславская. Моя благодетельница, моя вторая мать дала свое честное слово; для него пожертвую даже своим счастьем.

Сергей Петрович. Слово, данное без ведома вашего сердца, когда вы не понимали жертвы, на которую вас готовили, может и должно быть расторгнуто. Упаду к ногам Софьи Андреевны; она тронется моею любовью, убеждениями, слезами старика-отца; она не захочет вашего несчастья... ручаюсь за нее... Мне нужно только ваше согласие.

Гориславская (*в сторону*). Что мне делать?.. Господи! умилось над мною. Я скажу ему все, все!.. (*Вслух*.) Есть еще обстоятельство... сильнее воли матери моей, сильнее меня самой... есть преграда, которую положил сам Господь при рождении моем и которую никто уже не в силах уничтожить.

Сергей Петрович. Я знаю все...

Гориславская (*радостно*). Вы?.. знаете?..

Сергей Петрович. Ваш батюшка...

Гориславская. Отец мой...

Сергей Петрович. Я буду с вами откровенен: когда решается судьба нашей жизни, у нас не должно быть тайн. Неужели вас смущает, что вы дочь бедного... канцелярского чиновника? (*Слышен голос Медовицкой: Натали! Натали! Где ты?..*) (*В сторону*.) Вечно эта сумасшедшая преследует нас.

Гориславская (*в сторону*). Нет, он ничего не знает. Слава Богу, позорное слово удержалось на губах моих.

Сергей Петрович. Да, я знаю это, отцу моему также известно; но любовь моя сильнее всех предрасудков.

Гориславская. Это будет жертва с вашей стороны, а я жертвы не хочу. Вы сами, может быть, расскае-

тесь в ней когда-нибудь, и раскаяние будет — поздно!.. Зачем скрывать? в вас нашла я все, что могло бы сделать меня счастливою; сердце мое не раз обольщалось мечтами этого счастья. Но есть обстоятельства... они не от сердца зависят. Прощайте... будьте только сами счастливы: верьте, это мое задушевное желание. (*Подает ему руку, закрыв глаза платком.*) Останемся друзьями, братом и сестрой — вот все права, которые имею я с этой поры на ваше сердце.

Сергей Петрович. Нет, не прощаюсь, ни за что в свете! С словами, которые услышал от вас, с этим залогом пойду против всех препятствий в мире, против вас самих. Эта рука будет моею, клянусь честью. (*Целует ее руку.*)

Гориславская. Не клянитесь... одно слово может разрушить эту клятву.

Медовицына (*показываясь из-за деревьев*). Прекрасно!.. Одни?.. с молодым человеком?.. он целует вашу руку?.. Вот каково без надзора!

Гориславская. Надзор ваш едва ли мог быть полезен девочке, а я теперь умею сама себя оберегать и в своих поступках отдаю отчет одной татам. (*Леандров и Виталина показываются из-за беседки; Сергей Петрович рукою подает знак отцу.*) Теперь просим с нами. (*Уходят и присоединяются к группе молодых людей.*)

Явление V

Виталина и Леандров.

Леандров (*про себя*). Он подает мне условленный знак... а! понимаю. (*Садясь с Виталиной на скамейку подле беседки, вслух.*) О чем, бишь, мы говорили? Да, о сыне. В самом деле, славный и добрый малый! Живой портрет матери, которую я страстно любил! Знаете ли, ваша Наталья Ивановна мне ее живо напоминает. Одно и то же имя; звук голоса — словно слышу мою Наташу. Как она хороша, моя голубушка!

Виталина. Вы, конечно, полюбили бы ее, если бы знали ее душевные качества.

Леандров. Эх! степное сердце не выдержит... не любит гнета... Скажу вам напрямик, почтенная Софья Андреевна, то-то была бы парочка!

Виталина. Кто?

Леандров. Ну, да вы столичные; все у вас, не взыщите, по-иностранному, как извилины этого английского сада, а у нас, по-старинному, аллеи хоть и стриженные, да зато прямые... видишь с первого взгляда, что на конце делается. Мы с вами с лишком 20 лет приятели, с мужем вашим служил я вместе, были однокашниками и жили душа в душу, как ныне братья не живут. Еще повторю: славная парочка!

Виталина. Ваш Сергей Петрович и Наташа моя?

Леандров. Наконец!.. В нее-то влюблен он по уши и говорит, что не уедет из Москвы, пока не получит руки ее. Только не смел еще прямо открыться ей без моего ведома. Признаюсь вам, для развязки этого дела прискакал я вчера, как молодой курьер, за 500 верст. И сын, и я — у ног ваших.

Виталина. Лестно для нас предложение ваше... но... грустно, очень грустно мне сказать вам: их разделяет страшная, не то, чтобы страшная... сильная преграда. Ваш Сергей Петрович — сын богатого, столбового дворянина; у вас родные все из высокой аристократии...

Леандров. Мы не в депутатском собрании, матушка Софья Андреевна, не разбираем родословные книги, а разложили живую книгу души... послушаем лучше, что она скажет.

Виталина. Мы должны также слушать, что говорит рассудок. Молодых людей может ослеплять страсть; мы должны и за них смотреть далеко в будущность. Наташа, как вы знаете, моя воспитанница; правда, люблю ее, как дочь родную, и дала ей воспитание, какого лучше дочери не могла бы дать: оставляю ей хорошее состояние, но... не могу дать ей имени.

Леандров. Муж дает имя жене своей.

Виталина. Это правда; но бывают случаи в жизни... колкий намек в обществе... он может упасть глубоко в сердце вашего сына... кто поручится за послед-

ствия? Эти случаи горьки; они могут отравить семейное счастье, спокойствие целой жизни.

Леандров. Да что ж ваша воспитанница? Не дочь же она скотницы вашей!

Виталина. Конечно, нет... она дочь... ничтожно-го канцелярского чиновника и, как говорят в насмешку нынешние писатели, дочь благородных, но бедных родителей.

Леандров. Скалозубы!

Виталина. Насмешка — дело великое в свете; от нее затевались раздоры между людьми, которые не нам чета; вы сами лучше меня это знаете.

Леандров. Бросьте политику, она нейдет нам. Посмотрел бы я, что бы сказали эти высокие умы на моем месте, кабы у них был сын, в которого отец влюблен страстно, как я в своего. Да, да, смейтесь, влюблен страстно, до безумия. Знаете ли, для моего Сережи полезу в огонь, брошусь с крутого берега в реку, если он этого захочет; для каждой радости его готов отдать год жизни, и без того недолгой. Объявляю вам решительно, как свят Бог, если не отдадите нам волею Наталью Ивановну, мы возьмем ее у вас силой, мы похитим ее... подкупим ваших людей, отравим ваших собак, дадим вам сонных капель... и поминайте нас тогда лихом, сколько душе угодно.

Виталина. Извините, Петр Сергеевич, начинаю думать, что не у сына вашего, а у вас самих немного кружится голова.

Леандров. Думайте, что хотите, только согласитесь... дайте же мне вашу бесподобную ручку. Добрая, милая Софья Андреевна, сжальтесь надо мною; не уморите меня, старика, вместе с сыном, преждевременною смертью... я стану перед вами на колена...

Виталина. Ради Бога, хоть этого не делайте: молодежь насмеется до упаду над нами. Выслушайте меня лучше.

Леандров. Слушаю, извольте; буду нем, как рыба.

Виталина. Есть еще одно важное препятствие.

Леандров. Опять препятствие; нет, воля ваша...

Явление VI

Саша Полетаев (*прибегая к беседке*). Скачет тройка из Москвы напропалую... над облаком пыли, в котором несется экипаж, развевается какой-то красный флаг.

Виталина (*побледнев*). Парфеныч!.. он подает радостный знак...

Леандров. От которого вы, однако ж, перепугались.

Виталина (*грустно*). Да, он решает судьбу Наташи.

Леандров. Мы сорвем этот значок и водрузим на место его свое знамя.

Явление VII

Виталина и Леандров.

Виталина. Слушайте же... время дорого. Года четыре тому назад, здоровье мое было так плохо, что я думала умереть. Жаль было мне более всего Наташу: я оставляла ее непристроенною, как бы хотела. Дитя было такое прекрасное, умное, доброе, так меня любило! Хоть имение мое благоприобретенное, но Наташа не дворянка: оно не могло перейти в ее руки. Наличных я тогда не имела... В этом горе я обратилась к Парфенычу... Вы знаете его?..

Леандров. Помню, помню; был в числе дворни вашего мужа, управлял вашим имением и порядочно обирал вас.

Виталина. Какой, Парфеныч не ворует!.. Наш оказал много заслуг мужу по тяжбыным делам, за что и дана ему была отпускная. Он был некогда, по-тогдашнему, адвокат-самоучка — нынче счастливые времена для такого рода адвокатов прошли — записался в купцы и женился на бедной дворянке.

Леандров. Вот почему вспомнил я давеча фамилию Мухоморова. Так это с сынком его познакомиться меня изволили?

Виталина. Так точно; молодой человек очень образованный.

Леандров. Говорят: отец юрист! юрист?.. сбил меня с толку. Думал, не сын ли какого юрисконсульта или по крайней мере прокурора.

Виталина. Рассуждали мы с Парфенычем, как помочь горю, и присудили. Написала я заемные письма на имя его во сто тысяч с тем, чтоб он после моей смерти взыскал деньги с имения моего и отдал Наташе в приданое. С этим вместе Наташа обязана была выйти за его сына.

Леандров. Хитро придумано! (*В сторону.*) С моим сыном на одной доске сын Парфеныча... Уф! скреплюсь и полезу для него хоть в удавку.

Виталина. Молодой Мухоморов непротивной наружности, не глуп, получил сначала воспитание у меня в доме, потом в университете, вступил на службу с прекрасными надеждами: чего ж было лучше для моей воспитанницы! По рождению он не мог гнушаться происхождением своей невесты; это еще более укрепило меня в моем намерении. Я выздоровела... и напоминая о заемных письмах Парфенычу, получила их назад. Вы, конечно, оцените этот благородный поступок.

Леандров. Честно, если он и тут не хитрил насчет благородства вашей души.

Виталина. Впоследствии отложили мы свадьбу до того времени, когда Павел Флегонтыч получит чин коллежского асессора. Это даст ему возможность укрепить за собой деревни, которые отдаю в приданое Наташе. Отец ждал с часу на час рокового чина, с утра до ночи жил в почтамте. Вы слышали, он уже едет с вестию, для него приятною... это доказывает значок, который он выставил над экипажем... Жених приехал из Петербурга и предъявил свои права... Скажите теперь, что вы сделали бы на моем месте?

Леандров. Слово честное — великое дело. Но я знаю, исполнение этого слова убьет моего сына, или он убьет своего противника. Таков я сам был в молодости. Нельзя ли, однако ж, найти средств, чтоб сами Мухоморовы отказались от своих прав?

Виталина. Не придумаю.

Леандров. Чувствует ли она склонность к молодому человеку?

Виталина. Павел Флегонтыч приезжал к нам каждый год в отпуск; я полагала, что он ей не противен, но...

Леандров. Но... доскажите, ради Бога...

Виталина. Признаюсь, с тех пор, как явился к нам ваш сын, я заметила в ней большую перемену, и это меня очень, очень огорчает. Не скажу вам ничего более, потому что ничего более не знаю.

Леандров (*немного подумав*). Знаете ли что? Парфенычу и его сыну нужны деньги: уговорим их взять деньги и отступить от невесты.

Виталина. Согласится ли на это Павел Флегонтыч, который влюблен не менее вашего сына?

Леандров. Дайте только слово не мешать молодым людям разобраться самим, то есть позволить Наталье Ивановне сделать выбор, а за остальное я берусь.

Виталина. Препятствовать счастью ее? Боже меня сохрани! Для него пожертвовала бы я своим.

Перед концом разговора ставят стол на площадку и на него самовар и чайный прибор; Гориславская садится на стул, ближе к авансцене, и готовит чай; Медовицына, Сергей Петрович, Павел Флегонтыч и несколько девиц располагаются кто на садовых скамейках, кто на стульях. Слышны крики: «Коллежский ассесор! ура, ура! коллежский ассесор!»

Леандров. Проклятое известие! оно меня как вавром обдало.

Виталина (*в сторону*). Не сулит ли оно всем нам несчастья?

Явление VIII

Ипполитов, Подстасв и другие молодые люди несут Мухоморова, у которого на голове венок, свитый из ветки цветущего кустарника; он махает шляпою.

Мухоморов. Делайте со мною теперь, что хотите! На мою голову, ребята! Приезжайте ко мне, я вам поставлю дюжину вдовушек клико.

Несколько голосов. Да здравствует новый коллежский ассессор! новый дворянин. *(Молодые люди качают Мухоморова и опускают его потом на землю; все подходят, один за другим, к Павлу Флегонтычу, кроме Сергея Петровича.)*

Ипполитов. Поздравляем вас с коллежским ассессором.

Полетаев. Поздравляем вам с дворянством. Ведь вы уж теперь наш брат-дворянин.

Прочие молодые люди. Честь имеем поздравить. Честь имеем поздравить. *(Павел Флегонтович, бледный и смущенный, принимает поздравления сухо.)*

Мухоморов *(бежит к сыну)*. Где, где он? Пустите меня к нему!.. Дайте мне прижать к ретивому моего майора! Он мой... моя кровь *(обнимает сына)*. Друг мой! наконец я дождался великого дня... ты дворянин!.. Мать твоя от радости долго лежала в обмороке... Позволь тобою налюбоваться в знатном твоём чине.

Павел Флегонтыч *(с неудовольствием)*. Какое счастье!.. Есть из чего поднимать такую тревогу! *(Срывая с отца венок, на ухо ему.)* Вы, кажется, не помните себя; хоть бы перед чужими людьми не стыдили меня.

Мухоморов. Экой гордец! *(Подходит к руке Гориславской.)* Поздравьте меня и себя, любезная невестушка, Наталья Ивановна! Наконец мы дождались вожденного конца наших фамильных ожиданий.

Гориславская *(сухо)*. Наших?.. Поздравляю вас.

Мухоморов *(отходя от молодых людей, про себя)*. Ге, ге! Видно, перевернулся лист, как говаривал покойный барин. Хорошо еще, что вовремя заметил.

Ипполитов *(Сергею Петровичу тихо, отведя его в сторону)*. Вот знаменитый родитель нашего Абдель-Кадера! Несчастная, через какое чистилище должна пройти!

Сергей Петрович. Во что б ни стало, извлеку ее из этого омута.

Ипполитов. У меня в голове вертятся странные мысли... По моим расчетам что-то раненько роковой чин получить изволил герой нынешнего дня... Надо будет навесть справочки. У меня есть приятель, который

служит в одном месте с этим господином. Напишу к нему завтра ж...

Мухоморов (*подходя к руке Виталиной*). Поздравьте меня, Софья Андреевна: Павлуша мой коллежский ассессор. Кто бы ожидал лет двадцать пять тому назад... Видно, под счастливой планидой родился. Сударыня, благодетельница моя... вам, вам и вашему покойному сожителю всем обязан... Из ничего, так сказать, из нуля, взошел на такую высокую благодать.

Виталина. Полно, Флегонт Парфеныч, стыдно так унижать себя. Сын твой заслужил свое новое достоинство воспитанием и службой. Умерь-ка лучше свой восторг, да поклонись другу моего покойного мужа. Ты от радости не узнал его.

Мухоморов. Виноват, растерялся. Батюшка, отец и милостивец, Петр Сергеевич, вас ли я вижу? Как нарочно изволили прибыть ко дню моего благополучия. (*Хочет подойти к Леандрову, чтобы поцеловать в плечо.*)

Леандров. Писали из Петербурга, так я поспешил.

Павел Флегонтыч (*следовавший за отцом, удерживает его за платье и отводит в сторону*). Бросьте свои привычки; не то отступлюсь от вас, и сию минуту — в Петербург. Помните, я теперь такой же дворянин, как и они; поддержите меня, будьте с ними поровнее. Садитесь, да подберите цепочку от часов; болтается, как шлея. (*Возвращается к молодым людям.*)

Полетаев (*из-за куста, из-за которого подслушивал разговор Мухоморова с сыном, Ипполитову*). Ого, как дрессирует сыночек отца!

Мухоморов (*надев шляпу набекрень и положив руку в карман, садится на стул против Виталиной и Леандрова и с гордостью охорашивается*). Гм, гм! (*В сторону.*) Не доразумеваю, с чего бы начать!.. (*Вслух.*) Вообразите, Софья Андреевна, моя супружница изволила заказать ландо, да приказала мне купить четверку серых в яблоках... такая мода, говорит, у знатных людей — серые в яблоках... Посажу на козлы кучера, чтоб было два аршина в плечах, с черною, как смоль, бороною, поставлю двух

молодцов на запятки, в галунах, да прокатимся с невестушкой под вербами. Деликатес!

Леандров. Надо герб на ландо; какой же выберешь?

Мухоморов. Выберешь?.. Гм!.. Уж конечно, герб! А!.. подумаем, подумаем... что-нибудь позолотистей! Всего лучше, солнце!.. Лучи чтоб горели, инда глазам было б больно! (*Леандров вынимает табакерку из кармана.*) Позвольте вашего табачку?..

Леандров (*подав ему табаку, высыпает его потом на пол из табакерки*). Всего лучше веник! Предание старинных лет!

Мухоморов. Славный табачок-с. (*Чихает.*) Кажется, амур парфет! Верно из Петербурга от Вели-Белостока... будут нынче сюда... (*Чашка выпадает из рук Гориславской.*)

Сергей Петрович (*отталкивая Мухоморова и бросаясь к Гориславской*). Что с вами?.. не обожглись ли?

Гориславская (*в величайшем смущении*). Нет... ничего... маленькая неловкость... (*Все, кроме Мухоморова и сына его, суетятся около нее.*)

Мухоморов (*сыну, тихо*). Видишь, почуяла талисманец! Каков отец твой! отмстил разом за тебя, братец! (*Скрывается в саду.*)

Виталина (*примечавшая за движениями Мухоморова, бежит к Гориславской*). Что такое случилось?

Ипполитов (*навстречу Виталиной*). Мухоморов-старик шепнул что-то ей на ухо... верно, насчет будущей свадьбы своего сынка... Она выронила чашку из рук... Посмотрите, как сынок торжествует. Прогоните их, они убьют ее.

Виталина. Презренные!.. (*Гориславской.*) Что с тобою, душа моя?

Гориславская (*целует ее руку, плачет*). Ничего... право, ничего...

Виталина (*Леандрову тихо*). День этот полон таких великих неожиданностей... таких сильных ощущений... это расстроило ее... она и без того была нездорова.

Леандров (*тихо*). Может быть, вы желали бы остаться одни? Да и нам надо отдохнуть от разных раз-

ностей этого дня: в сердце и голове совершенная путаница... Видите последствия... спасите ее от явной гибели... (*Громко.*) Сережа, Наталья Ивановна не так здорова; наше общество может тяготить ее. Прощайся и марш до дому. (*Гости прощаются и, один за другим, расходятся.*)

Сергей Петрович (*Виталиной тихо*). От вас зависит прекратить наши общие страдания.

Виталина (*дружески протягивая ему руку*). Завтра переезжаем в Москву; вы для нас всегда самый приятнейший гость.

Леандров (*взяв Гориславскую за руку*). Господь да сохранит вас вперед от дурного глаза и речей не по сердцу! Надеемся скоро увидеть вас и здоровей, и веселей. Подай мне руку, Сережа; уж и мне силы стали изменять. (*Одной рукой держит он руку Гориславской; под другую поддерживает его сын.*) С такими милыми спутниками куда б как отрадно добрести до могилы! (*Целует Гориславскую в лоб.*) Прощай, мое прекрасное дитя. (*Раскланивается с Виталиной и удаляется, поддерживаемый сыном.*) Слова, да одни слова, толку не будет; надо дело делать. Мы покончим разом эти проделки; мы увезем ее, братец!

Явление IX

Виталина, Гориславская и Павел Флегонтыч.

Виталина (*сухо*). Что вам угодно?

Павел Флегонтыч. Позвольте... несколько слов.

Виталина. Теперь ни одного. Довольно и тех, что сказал отец ваш! Я заметила, они привели вас в восторг; очень жаль!

Павел Флегонтыч. Верьте Богу, я ничего не слыхал, ничего не знаю... как же могли...

Виталина. Я вам верю, но прошу оставить теперь нас с нею одних; я сама скоро позову вас с отцом вашим. (*Павел Флегонтыч уходит.*)

Явление X

Виталина и Гориславская. Садятся на скамейку возле беседки.

Гориславская (*бросаясь к Виталиной на грудь*). Друг мой, душно!.. очень душно!.. Позволь поплакать на груди твоей... мне будет легче...

Виталина. Что ж тебя, мой ангел, так встревожило? Какое зло, адское слово сказал тебе Парфеныч?

Гориславская. Он сказал мне самые обыкновенные, самые простые слова. Другую на моем месте эти слова порадовали бы; но, видно, у меня злое сердце, злая натура... гордая не по породе!.. Он напомнил мне о моем отце, о моих сестрах... сказал, что они нынче будут сюда... Дочь должна бы радоваться этому, а я... чуждаюсь того, кто дал мне жизнь, чуждаюсь кровных потому только, что судьба поставила их на низкой ступени общества, а меня, не знаю почему, назло моему рождению, так возвысила пред ними хоть по наружности!.. Даже имя отца для меня страшно... Я боюсь, чтоб кто-нибудь не намекнул о нем, чтоб он сам не явился ко мне, не назвал бы меня прежним именем Эсфири, чтоб бедные сестры не приласкались ко мне... Еврей!.. дочери еврея!.. слова позорные!.. Но я разве не *такая* же?

Виталина. Конечно, уж не *такая*!.. Ты должна бы давно забыть свое рождение... Когда отец позволил тебе принять христианскую веру, он отступился от тебя, он обязался не признавать тебя своей дочерью. Все родственные связи твои были тогда ж разрушены; воспитание, общество, религия положили еще большую преграду между им и тобою.

Гориславская. Он отступился, но я должна ли была, могла ли это сделать?.. Когда вы приняли меня к себе в дом, мне было уже двенадцать лет, кровные связи уж глубоко пустили корни в моем сердце; я знала своего отца, испытала его ласки, его любовь, я сама привыкла любить его.

Виталина. Я думала, что моя любовь заменила тебе всех, кого ты могла любить прежде, что я для тебя — и мать, и семейство твое, и весь твой мир, пока... пока не придет человек, для кого и сам Господь велит оставить отца и мать. Ты видела, что я для тебя не щадила ни забот, ни спокойствия, что для тебя расточила сердце свое...

Гориславская. Родная, бесценная моя!

Виталина. Говорю это не в упрек тебе; все это делала я не из расчетов, не из тщеславия, а так, просто, не знаю почему, может быть и потому, что имела потребность любить кого-либо, и — полюбила тебя, как дочь свою, как никого не любила в мире, кроме мужа. А теперь?... Нет, нет, и теперь не верю, чтоб ты могла мне предпочесть его... твоего бывшего отца! Если бы ты это сказала...

Гориславская. Друг мой, моя вторая мать, если б я сказала, я солгала бы пред тобою и пред Богом. Не могу не любить отца — это выше меня самой, ты это знаешь, ты это сама позволила; но если б нужна была жертва кровная для одного из вас, на выбор между вами, уж, конечно, не ему принесла бы ее.

Виталина (*обнимая ее*). Я в этом была уверена. Что ж заставило тебя нынче бояться даже памяти о твоём рождении? Почему ты прежде никогда не говорила о своём отце с таким страхом? Разве ты не исполнила кровных обязанностей. Родные твои обеспечены от нас приличным содержанием; они счастливы счастьем, им сродным, которого выше не знают, и за него тебе обязаны. Почему ж только ныне, после семи лет разлуки, фантазия твоя начала так мрачно разыгрываться и летать в твоё первобытное семейство? Что за странные вспышки? не понимаю. Тут кроется другое...

Гориславская (*в смущении*). Так! другое чувство: гордость, небывалая гордость вдруг овладела душой моей, она-то и губит меня!

Виталина. Я всегда любила в тебе это чувство, но не в такой ужасной степени, как теперь. Странно, этого прежде не бывало с тобой... Посмотри мне в глаза... Наташа! ты и теперь сказала мне неправду: есть

другая важная причина; есть другое сильнейшее чувство, которое скрываешь от меня.

Гориславская. Виновата... прости мне... открою тебе... я... люблю... я *не могла* не любить *его*... Правда, семь лет забывала, что я дочь еврея, и только теперь это вспомнила, когда в сердце мое невидимо, не знаю как, вкралось чувство, которого прежде не понимала. Я увидела ужасную пропасть, когда голова моя над нею закружилась, когда было поздно воротиться!.. Помогите, родная, друг мой, защити меня от меня самой!.. *Он*... ты знаешь *кто*... сделал мне предложение — я отказала... откажи и ты. Вооружись хоть ты за меня; я уж не могу. Мухоморов мой жених, я обручена с ним, слово твое дано, я за него иду.

Виталина. Теперь ясно, как день: ты будешь с ним несчастлива; ты не можешь, не должна за него идти. Ни он, ни семейство его не по тебе!.. Попробуем над ним силою убеждений, денег, равнодушия твоего к жениху... Все это, вместе с благодарностию ко мне, не поколеблет ли отца и сына? А если для счастья твоего нужно *более*... никогда я этого не делала, Бог свидетель!.. если нужно отступить, решусь и на это. Разве лучше моими руками навязать тебе камень на шею и бросить в пучину?

Гориславская. Хоть бы и так, но... если он узнает, что я дочь... жида?

Виталина. Как это узнать ему? Ты крещена в дальнем городе; когда ты вступила ко мне в дом, из слуг, тогда со мною бывших при мне, никого нет теперь в живых; все это было сделано мужем и мною так секретно... Один Парфеныч знает тайну твоего рождения. Ты слынешь дочерью канцелярского чиновника.

Гориславская. Но тайна известна старику Мухоморову; разве он, владея ею, не может из мщения передать ее другим и бросить меня на поругание света и, хуже всего, на позор перед *ним*?.. Опыт он уже сделал... Ну, если мой отец, в самом деле, приехал в Москву?..

Виталина. Негодяй хотел только посердить тебя, а, может, и попугать за равнодушие к сыну.

Гориславская. Но решиться мне обманывать, не одну минуту, не один день... обманывать всю жизнь того, кто доверчиво, с слепую любовью соединил со мной судьбу свою? О! тяжело!.. Я изною от этой мысли...

Виталина. Так лучше испытаем силу его любви к тебе! Он знает, что ты дочь мелкого канцелярского служителя, и это не пугает его. Любовь его выше всех предрассудков, говорил мне отец, когда просил у меня руки твоей... Что ж?.. спустим тебя одною ступенью ниже, откроемся ему...

Гориславская. Чтоб он узнал, что я дочь жидка?.. Нет, никогда не соглашусь на этот опыт! Лучше расстаться с моим счастьем, лучше умереть.

Виталина. Так предоставь мне действовать самой.

Гориславская. Делай со мною, что хочешь... воля твоя будет моей судьбою... только побереги меня.

Виталина. Будет по-твоему, гордое и дорогое дитя мое! Теперь поди к себе отдыхать, да вели позвать сюда обоих Мухоморовых.

Гориславская (*которая было отошла несколько шагов, возвращается*). Они сами идут. (*Удаляется.*)

Виталина (*увидев Мухоморовых*). Как я стала обоим ненавидеть!

Явление XI

Виталина, Мухоморов и Павел Флегонтыч.

Виталина. Мне нужно с вами говорить о важном для нас деле.

Павел Флегонтыч. Мы за этим же пришли.

Мухоморов. Скажи-ка лучше, Павел Флегонтыч, для повершения этого дела ты приехал из Питера. Дорожка нелегкая и поубыточился немало.

Виталина. Увидите, что стоило бы прокатиться и далее, хоть для настоящего разговора. Поместитесь-ка подле меня, Флэгонт Парфеныч (*указывает ему на ска-*

мейку), а вы, молодой человек, возьмите стул и присядьте поближе. Ты помнишь, старик, что случилось года четыре тому назад, когда я лежала на смертном одре.

Мухоморов. Как не помнить! Ангельская душа чуть-чуть не улетела на небо. Денно и ночью не отходили мы с женой от вашей спальни.

Виталина. Грешно мне забыть, как ты и жена твоя ухаживали за мною в это время. Бедная Наташа проплакала только глаза: хоть и дитя, она понимала, однако ж, что со мною теряет все в мире и остается круглою, несчастною сиротой. Не страшно было мне умереть, но страшно было оставить ее без состояния, без покровительства. Думать долго не было времени; вы оба знаете хорошо остальное.

Мухоморов. По совести исполнил я вашу волю.

Павел Флегонтыч. Желание ваше было для нас законом.

Виталина. Мы расположили судьбою ребенка...

Мухоморов. Однако ж, ей было пятнадцать годиков.

Виталина. Девочка в пятнадцать лет разве не дитя?.. Да, без ее ведома, без ее согласия, мы сделали крепость на ее руку и сердце, на всю будущность.

Павел Флегонтыч. Когда я приезжал прошедшего года в Москву, Наталья Ивановна было уже семнадцать лет — вы не переменяли своего слова. Если б рассудок и сердце ее противились ему, вы бы, конечно, лучше нас знали это и нам объявили.

Виталина. Я молчала, потому что не имела ничего нового вам объявить.

Павел Флегонтыч. По крайней мере, молчание ваше укрепило меня в моих надеждах, в уверенности получить руку той, которую я уж три года называл своей невестой. Каждый год возрастала моя привязанность, и вы ее сами питали. С вашей стороны положено было только одно препятствие — мой чин; вы сами назначили срок нашей свадьбы, когда я получу коллежского асессора: он давал мне право укрепить за будущей моей женой имение, которое вы сами ей назначили!.. Я этого приданого не просил, я и теперь его не требую.

Мухоморов. Однако ж, все-таки не лишнее, Павлуша, ведь обещано... да и не радостно будет Наталье Ивановне от рябчиков жить на сухоядении. Видит Бог, мы поступили без хитрости, без корысти. Софья Андреевна сама изволит знать, что должна мне была сто тысяч по двум актам, явленным в гражданской, и я не покорыствовался ими.

Виталина. Вы можете получить и теперь один, в пятьдесят тысяч: он цел; разница в нем только та, что на него выросли проценты. Примите его в благодарность за все, что вы для меня сделали и *можете* еще сделать.

Павел Флегонтыч (*в сторону*). А! понимаю... (*Вслух.*) Без руки Натальи Ивановны этот акт для меня все равно, что лист белой бумаги. Не о благодарности, не о векселях, явленных у маклеров и в палатах, идет речь, Софья Андреевна, а о выполнении слова, скрепленного честью вашею, честью благородной дамы; дело идет об исполнении обета, данного у смертного одра, перед лицом Судьи, которого протест ужасен... дело идет о счастье или несчастье целой моей жизни. Теперь и я призываю вас к ответу.

Виталина (*вставая*). К ответу?.. меня?.. вы?.. вы, которого отцу дала я свободу, имя, состояние?.. Не вам ли самим дано мною воспитание у меня в доме, потом средства к высшему образованию? Не я ли проложила вам дорогу к службе, вывела вас на степень, которую занимаете ныне в свете? Я могла бы сказать более, но считаю низким говорить о благодеяниях... Извольте, я дам вам ответ. Вы о чести говорите очень горячо, молодой человек; увидим, так ли согласны с правилами чести и действия ваши! Рыцарь, как вы себя понимаете, должен быть во всем таким.

Павел Флегонтыч. Кажется, вы испытывали меня более двадцати лет; не вновь же начинать!

Виталина. Прежде всего и я должна, однако ж, сказать: не имею нужды, чтоб напоминали мне об исполнении *моего* слова. Когда для этого нужно было бы жертвовать своим имуществом, своим спокойствием, одним словом — собою, я не задумалась бы ни на минуту. Но в деле нашем есть третье лицо... дочь моя, не по

рождению,— все равно! — любовь сильнее кровных прав. Так помните, сударь, дело идет о судьбе дочери моей; вы говорите с ее матерью.

Павел Флегонтыч. Слушаю.

Виталина. Не виды на богатое приданое, которое даю за Наташей, прельщают вас, сказали вы: одна привязанность, одна чистая, бескорыстная любовь, возраставшая с каждым годом?..

Павел Флегонтыч. И теперь это подтверждаю.

Мухоморов (*про себя*). Ох, ох! беда с этими прыткими молодыми людьми! Того и гляди, отступится от сотен тысяч.

Виталина. Так для вас нужна она одна, своим лицом?

Павел Флегонтыч. Получить ее и без ничего почел бы я высшим блаженством.

Виталина. Но вы, конечно, хотите, чтоб будущая подруга вашей жизни с рукою своею отдала вам сердце, чтоб она вас любила и любовью своею услаждала вашу будущность. Без того, что за союз двух людей мыслящих, образованных? Уж и в деревнях, у крестьян, не стали отдавать дочерей поневоле. Когда обещала я вам Наташу, я думала, что сердце ее никем не занято и, если не чувствует к вам особенной привязанности, то по крайней мере свободно, по крайней мере способно вас полюбить. До нынешнего дня я была в этом заблуждении. Знайте же: она вас не терпит, она чувствует к вам неодолимое отвращение; скажу более: она любит другого и мне в этом нынче призналась.

Павел Флегонтыч. Не эту ли восковую фигуру, которую только что на днях увидала! Богатырская любовь! шагает верстовыми шагами!..

Виталина. Теперь, господин рыцарь, покажите свое благородство: возьмите ее, повлеките к венцу, поставьте у алтаря Божия, перед лицом Его, солгать, что она не поневоле за вас идет, что она никого не любила, кроме вас. Честен, возвышен будет ваш поступок!.. Но когда совершите вы этот рыцарский подвиг, какое высокое блаженство будет видеть подле себя жену-страдалицу, которая сказала вам прежде, что она вас ненавидит и презирает... Да, презирает, потому что

подобный поступок с вашей стороны другого чувства не заслуживает!.. Начните же этот подвиг, сударь, довершите его, если достанет у вас довольно самоотвержения, чтоб обречь и себя на вечные муки.

Мухоморов (*сыну тихо, так, чтобы слышала Виталина*). По мне хоть бы отступиться от такой невесты. Паша, не лучше ли взять сто тысяч?

Павел Флегонтыч. Увидим.

Виталина. Что ж вы на это скажете?

Павел Флегонтыч. Что я скажу?.. Теперь ни слова, ни одного слова не услышите от меня. Дайте мне подумать, Софья Андреевна! только одну неделю срока прошу; чрез неделю получите решительный ответ. Хочу сам испытать сердце Натальи Ивановны; от нее самой должен услышать ответ. Вы даже обвинили бы меня в ветрености, в легкомыслии, если б я сейчас решился. Любить так долго, так страстно и так скоро расстаться со своею любовью, с лучшими мечтами своей жизни — о! это ужасно!

Виталина. Так через неделю жду ответа. Он должен быть решительный. Помните, мы не ссорились с вами, Флегонт Парфеныч (*с твердостью*), в твоей преданности я уверена... ты мне никогда не изменял и знаешь Бога.

Мухоморов. Матушка!.. видит... Он! (*Показывает на небо.*)

Виталина (*тихо ему*). Зачем же ты... давеча...

Мухоморов (*тихо*). Каюсь, виноват... в сердцах сорвалось... верьте совести, вперед не буду... Уж вы, родная, будьте с ним (*указывая на сына*) не так суровы... (*Уходит с сыном.*)

Виталина (*уходя*). Господи! внуши им все, что согласно только с ее счастьем.

Явление XII

Мухоморов и Павел Флегонтыч.

Павел Флегонтыч. Отступиться?.. отступиться?.. За кого они принимают меня? За ребенка что ли, которого тешили долго любимую игрушкой —

отняли ее, потому что она понравилась другому, и обещают новую, золотую игрушку? Хотят среди белого дня, всенародно, проволоочь меня по грязи и потом умыть розовою водою? И чтобы толпа, чернь насмеялась досыта над этой проделкой?.. Нет, не так легко! Они меня не знают!.. Лучше погубить ее, хоть бы самому погибнуть... Отец! у тебя есть тайна... важная тайна, говорил ты, которая мне даст над Гориславской роковую власть, которая приведет ее к ногам моим, как покорную овечку.

Мухоморов. Почти так.

Павел Флегонтыч. Почти?.. Наверно!.. Ты давеча шепнул ей на ухо несколько слов... видно, показал кончик этой тайны... Гориславская побледнела, как смерть, руки ее дрожали... Постигаю, ты обладаешь великим сокровищем... На что оно тебе? Что ты сделаешь из него, с твоею мягкою, уклончивою душой? Оно принадлежит мне по праву. Отдай мне его!.. (*Берет судорожно отца за руку.*) Пора — ты видел?.. Ты сам устроил эту путаницу, дай же мне нож, которым бы ее рассечь.

Мухоморов. Безумный! не ломай же мне так руку... Ох, ох! чему же вас учат там в высоких трехэтажных палатах? Только что не погладили его по шерсти, он уж все помыслы свои, всю утробу выворотил наружу. Павлуша, не так делают люди бывалые, умные. Отец твой простой, как ты говоришь, необразованный человек, да тебя поучит. А ты наставил меня давеча, все дело было испортил. У нас не так: на душе и волком воешь, да, коли нужно, воркуешь голубочком. Прикинусь дурачком, поклянусь, побожусь, а тут (*показав на грудь*) пишется кровавая челобитная по пунктам... уж с надписью не возвратят, за то ручаюсь. Видел ты, Софья Андреевна по-прежнему ко мне, и уверена, что я ей преданный? А я — предан только себе, да тебе, неблагодарный! Прежде чем ты меня просил, я для тебя многое устроил.

Павел Флегонтыч. Батюшка, простите меня, дайте мне руку вашу... я поцелую ее, чтоб прошла скорее боль, которую причинил ей, и, может быть, сердцу вашему! Умоляю вас об одном — выкупить для меня Го-

риславскую из чужих рук или погубить ее вместе с названной матерью.

Мухоморов. Авось, обойдемся без последнего. Открою тебе всю подноготную. Только поклонись, что не передашь секрета никому до поры до времени; ты, да я, будем одни знать, будем одни проводить от него невидимые проволоки, чтоб куклы плясали по нашему хотению. Даже матери твоей... самой матери не говори: знаешь, волос долог... все дело испортит.

Павел Флегонтыч. Клянусь всемогущим Богом!

Мухоморов (*обходит кругом кусты и заглядывает в беседку*). Никого... не шелохнет!.. Слушай же: Гориславская не дочь канцелярского чиновника, а дочь... еврея.

Павел Флегонтыч. Еврея?.. Может ли статься?

Мухоморов. Сталось, как ты мой сын. Никто из сторонних не знает этого, кроме меня. Тому назад семь лет, покойный Виталин командовал полком, который стоял в Белостоке. Хаживал к ним жидок Соломон — по ихнему фактор что ли — нищий, хоть и проходило много денег через его руки. У жидка было три дочки. Старшая, Эсфира, была такая пригожая, ласковая, разумная. Увидали ее господа, полюбили, и впала им мысль взять ее к себе в дом вместо дочки. За деньги жид готов продать хоть себя, и согласился отдать дочь с тем, чтоб вовсе от нее отступиться. Эсфирочка была такая гордая натура, будто родилась в каменных палатах. Эсфиру окрестили и назвали Натальей, а чтоб она не поступила в дом с жидовским клеймом, по моей науке стали ее величать дочерью личного дворянина. С тех пор она такую и слывет. В Белостоке это дело ныне только известно Богу да душе Соломона.

Павел Флегонтыч. Чем же можно доказать теперь, если нужно, что Гориславская была жидовка?

Мухоморов. Во-первых, натура ее сама сейчас скажется: проба была при тебе с полчаса назад. Во-вторых, я оставил в деле лазейку. Учись, дружок, никогда не кончать дела начисто, а всегда оставляй в нем лазейку — такую, что можно, коли понадобится, влезть

или вылезть через нее. Стоит только потребовать от Виталиной актец о крещении, и секрет выплывет на чистую воду. В-третьих, я приберег себе корреспонденцию с Соломоном, разумеется, и пересылку денег к нему: дондеже могу им располагать, как хочу. Положено ему было две тысячи, а я с каждым годом убавлял фуражные деньги; нынешний год послал ему только триста, и то на дорогу — пускай будет ни сыт, ни голоден. Все для тебя, Павлуша, все для тебя, дружок, не равно на черный день (*слышен шорох в кусте; Мухоморов прислушивается.*) Чу! не слыхал ли ты шуму?

Павел Флегонтыч. Нет, птица слетела с дерева; не беспокойтесь — вам показалось.

Мухоморов. Смекаешь, жид раздражен... стоит только насыкнуть, он и выдаст все наружу. Заметил я, во время отлучки твоей, что Гориславская равнодушна к офицеру; старая барыня смотрит на это ласково и уж до тебя заговаривала мне, хоть на попятную. Пятьсот душ, каменные дома, капиталец... подцепят, окаянные, подумал я, быть тут худа, хоть и дочь приказного. На всякий случай выписал *зидка* из Белостока; приехал вчера сюда и с дочками. Понадобится, докажем Леандровым, что Натальюшка — жидовка, наведем и на батюшку Соломона... Нам ничего, а старому столбовому дворянину втюриться в такое родство... Смекаешь?.. обеими руками отдадут...

Павел Флегонтыч. Батюшка, я перед вами глупец... Тайна ваша воскресила меня. О! я не ожидал, чтоб в ней было столько добра, столько могучих средств. Правда, это такой волшебный талисман, от которого посыплются чудеса. Вы увидите, что я им воспользуюсь... Смирится гордая натура Гориславской — она моя!

Мухоморов. Только, ради Бога, поскромнее, поувертливей, оглядываясь. Так всегда вводи других, а сам не попадайся. Соломона, коли тебе понадобится, можешь отыскать в Черством переулке, близ Сухаревой башни, в доме мещанки Соковой.

Павел Флегонтыч. Соковой... не забуду; эта фамилия врезалась в голове и сердце, как будто выжгли ее горячим железом.

Мухоморов. Однако ж темнеет на дворе. Пожалуй, эти сорванцы дождутся в овраге да поколотят порядком — чего доброго! Отправимся-ка поскорей в Москву. *(Отходит к воротам.)* Эй! Филька! Заснул! Филька! *(Слышен голос.)* «Здесь, сударь... Тпр-ру, окаянные, успеете натешиться. Да, заснешь голодный на тычке!..» *(Мухоморовы скрываются.)*

АКТ II

Комната в квартире Леандрова.

Явление I

Леандров *(один)*. Дочь приказного!.. Неважный ремиз: рука сына разом сотрет его. Не в чины же ему лезть через жену!.. С другой стороны, сколько достоинств! Хороша собой, воспитана, умна, а пуще всего добра, как ангел; все в доме барышней не нахвалятся. Я сам влюблен в нее без памяти. Да и то сказать, сколько ни доискивался приказной родни, не отыскал никакой — круглая сирота! Тем лучше.

Дело решенное: она наша. Вижу, и самой Виталиной хочется честным образом отделаться от Мухоморовых. Мы избавим ее от хлопот; вся проделка падет на нас. Завтра представим ей Гориславскую под именем госпожи Леандровой. Чай, у молодых людей кипит дело: учить и понуждать нечего. Да вот и на помине легки.

Явление II

Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов.

Леандров. Отчет скорей, начистоту!

Сергей Петрович. Все нам помогает. Мухоморовых ныншний день не принимали; со мною старушка была необыкновенно приветлива: в словах ее везде проглядывала родственная, сердечная теплота. Натали была грустна, но успела наградить меня таким

взглядом, для которого можно броситься в огонь; прощаясь подала мне руку... О! что сказала мне эта рука!.. Батюшка, я вполне счастлив.

Ипполитов. Пожалуй, он вас займет целый час рассказами о чудесных взглядах, о таинственных пожатиях руки, а настоящего вы от него не узнаете. Извольте, достославный родитель сего Телемака, выслушать рапорт его Ментора. Наталья Ивановна едет решительно на вечер к Гусыниным; ей сопутствует сентиментальная дева Медовицына; Виталина остается дома, будто по нездоровью... Люди, купленные мною, пересказали барыне о наших будущих подвигах, а барыня дала этим людям секретный приказ не мешать нам; все это, как водится, опять передано мне. По вашему повелению, многоуважаемый Петр Сергеевич, я съездил за 20 верст от Москвы, в указанное мне вами село...

Алтарь готов, горит огнями храм.
Любви курится фимиам
И стелет Гименей нетерпеливый
Роскошный одр из роз чете счастливой.

Леандров. Стихи, особенно с фимиамами, ныне не в моде; давай-ка нам дельной прозы и прозы!

Ипполитов. Прозаически сказать, все приготовлено, чтоб окрутить влюбленную чету; запасены свидетели, шаферы и не забыта батарея шампанского. Воля ваша, грянем: «Гром победы раздавайся!» — и увлечем вас в полонез.

Леандров. Не только полонез, под эти родные, торжественные звуки готов тряхнуть старыми костями и пройтись *русскую*, молодецкую. Спасибо, дружище! (*Кличет.*) Эй! мальчик!

Ипполитов (*тихо Сергею Петровичу*). Видно, в доме отца твоего не вывелись еще мальчики, которые женятся, имеют сами детей и до смерти остаются все мальчиками! (*Сергей Петрович молча жмет ему руку.*)

Явление III

Те же и слуга.

Леандров (*слуге*). Ты знаешь, как мои приказания исполняются?

Слуга. Знаем; хоть в огонь и воду.

Леандров. Чтоб к девяти часам все было готово...

Слуга. Слушаю.

Ипполитов. Прозкзаменуйте его, хорошо ли выучил он мой урок.

Леандров. Помнишь ли, что надо сделать?

Слуга. Софья Андреевна поедет с вечеринки.

Леандров. Софья Андреевна или Наталья Ивановна — все равно — слышишь?

Слуга. Слушаю. Карета их остановится в Газетном переулке, у второго фонарного столба от Тверской. «Что там сделалось?» — спрашивает барыня или барышня. «Колесо ненадежно» — говорит ихний кучер. Мы тут как снег на голову. Бросаюсь к карете, и ну раскачивать колесо. «Ахти, матушка, сударыня! дело худое; вы этак до Кузнецкого не доплететесь. Да не извольте тревожиться: как будто Бог послал нас сюда на эту беду; барин едет из клуба и здесь в двух шагах, в своей карете». — Тут пересаживается барыня или барышня к вам, а известное дело, прямо в село Самородки.

Леандров. Ладно. Теперь на отдых, а вечером к делу, и не зевать. Ступай (*Слуга уходит.*)

Явление IV

Те же, кроме слуги.

Леандров. Люблю такого рода проделки. Это не первинка для меня. В молодости своей, если не для себя увез жену, так приятелю помог увезти.

Ипполитов. Видно, вы были такой же молодец, как и я.

Леандров. Тех же щей, да пожиже. Вы люди нового века: за друга пойдете на дуэль, а под дубину мужика не отважитесь.

Ипполитов. Перед геркулесовой шпагой — пасс.

Леандров. Правда, наши времена были проще, пожалуй, и поглубже; многое уж ныне и не позволят.

Ипполитов. Расскажите-ка нам о вашем молодечестве, хоть ради вящего нашего куража.

Леандров. Вот видите, надо было выхватить одну Надежду Николаевну из дома родственника ее, старика богатого и упрямого, который ни за что не хотел отдать ее за моего приятеля. Разумеется, и приятель, и девушка были влюблены друг в друга по самую маковку головы. Нужно было не только вырвать барышню из-под караула старика, но и перемахнуть в другой уезд. В своем никто не хотел венчать, а в соседнем человек мне задушевный и лихач, каких уже нет нынче, все изготовил, чтоб окрутить влюбленную чету. В глухую полночь спустилась Надежда Николаевна из окна своей спальни, прямо ножками на мои плеча; в охапку ее — и сгинул в темноте ночной. До границы промчались мы вихрем благополучно. Стало светать... ахти! вижу — двадцать молодцов с дубинками дожидаются нас наперехват; из плетня сделан барьер. Сам я сидел кучером; четверка была у меня отчаянная, сказочная. Задрожали жилки, не от страха опасности, а от страха удариться лицом в грязь... Смекаю, дело плохо! однако ж подумал, лучше голову снести чем на попятную... перекрестился, да как гаркнул: «Эй! соколики! не выдайте!...» — и был таков. Только видел в облаке пыли, как разместились люди по сторонам, будто полетели щепки... Не утерпел однако ж: в саженьях пятидесяти остановился да погрозил кнутом. Правду сказать, и невеста была молодец — обняла меня на козлах и поцеловала.

Ипполитов. Сережа, как думаешь, брат, вместо тебя, не повезти ли батюшку к венцу? Посмотри-ка, тридцать лет с костей долой; глаза горят, как у влюбленного юноши.

Сергей Петрович. Если бы и увез для себя, знаю, и у венца отдаст мне ее. (*Целует руку у отца.*)

Леандров. Теперь осталось поручить себя Богу. Прилягу немного; нам придется всю ночь не смыкать глаз. (*Идет в боковую комнату.*)

Явление V

Сергей Петрович и Ипполитов.

Ипполитов. Чудный человек твой отец!.. Жалею, что я не на твоём месте, то есть, не герой нашего романа, не имею такого отца и, главное, такой бесподобной невесты, которую завтра можешь лобызать, сколько душе угодно.

Сергей Петрович. Да, братец, завидовать мне можно.

Ипполитов. Чтоб не завидовать тебе наяву, пойду заесть горечь моего одиночества трюфелями, от которых за версту несет амброзией, и залью ее добрым хересом. (*Расходятся в разные двери.*)

Явление VI

Вечер в доме откупщика Гусынина. Авансцена представляет гостиную, наполненную богатою мебелью, расставленную в модном беспорядке. Посреди комнаты, ближе к левой стороне, мраморный камин, в виде пьедестала, на котором стоит из мрамора изваянная группа Психеи и Амура; кругом цветы в горшках. Сквозь широкую арку, с богатою драпир, видна зала. Во время танцев, звуки музыки слабо долетают до зрителей; сквозь анфиладу комнат видно танцующих, а иногда полькирующие показываются на авансцене, в гостиную.

Гусынин, Гусынина, Сергей Петрович, Ипполитов, Павел Флегонтыч, молодые люди 1-й, 2-й, 3-й, прочие гости обоего пола. Гусынин и 1-й молодой человек разносят карты гостям. Мужчины и дамы, большею частию, рассаживаются за карточные столы. Несколько девиц и молодых дам сидят в разных местах гостиной и залы, другие переходят парами и группами из одной комнаты в другую. Молодые люди рассыпаны там и сям; редкий из них

подходит к дамам и девицам. Гости то и дело прибывают. Сергей Петрович и Ипполитов сидят на диване; первый внимательно выглядывает приезжающих; Павел Флегонтыч издали наблюдает за ними.

Сергей Петрович. До сих пор нет ее! Уж не случилось ли чего? Не отдумала ли приехать?

Ипполитов. Просто, лишних пять минут на туалет, и для тебя, неблагодарный.

Сергей Петрович. Для меня?.. Да, после утреннего свидания я сделался самолюбив.

Ипполитов. Скажу еще тебе в утешение: несчастье приходит внезапно, счастье любит пококетничать — заставляет себя ждать.

Сергей Петрович. Несчастье приходит внезапно, говоришь ты? У меня сердце замерло от этих слов.

Ипполитов. Перед добром, Фомич неверный! С тобою шутить нельзя: благополучие у тебя на носу, а ты его не видишь.

Сергей Петрович. Боюсь всего, пока не скажу: она моя!.. Не выдержу, пойду стеречь ее поближе к дверям. (*Уходит в другую комнату.*)

Павел Флегонтыч (*сев подле Ипполитова, иронически*). Ваш приятель ждет ее... с нетерпением, которого не может скрыть.

Ипполитов. Ее?.. Кто дал вам право, сударь, обращаться ко мне с подобными таинственными вопросами? Кажется, мы с вами не на такой дружеской ноге.

Павел Флегонтыч. Но вы... друг Леандрову, вы желаете ему счастья... он ждет этого счастья с рукою ее; но горько будет разочарование: он обманут!

Ипполитов. А вы, из желания ему добра, хотите открыть обман?..

Павел Флегонтыч. Не столько для его добра, сколько для своего, признаюсь вам. Я в этой драме теперь главное страдающее лицо; берегитесь, чтобы друг ваш, став на мое место, не раскаялся... будет поздно!

Ипполитов (*иронически*). Благодарим за участие.

Павел Флегонтыч. Волею или неволею, вы должны принять его.

Ипполитов. Неволею? это дерзко и смешно! Посмотрим, однако ж, вашей удали.

Павел Флегонтыч. Ни дерзко, ни смешно, если узнаете, что заставляет меня так говорить. Не засмеетесь вы, тем менее засмеется ваш друг, когда увидите *ее*, бледную, трепещущую от одного моего слова. Не засмеетесь, когда я вам покажу изумительные, страшные доказательства моего на нее влияния! Смех разве будет на моей стороне!

Ипполитов (*измеряя его глазами*). После такого предисловия очень любопытен был бы, в самом деле, увидеть ваши штуки, новый дивный Пинетти!

Гусынин (*останавливается в раздумье с картою в руках близ говорящих*).

Гусынина (*своему мужу*). Да вот monsieur Ипполитов не танцует; он избавит нас от хлопот.

Гусынин (*Ипполитову, предлагая ему карточку*). Не достаёт одного партнера... не откажитесь.

Ипполитов. Извините, я не играю.

Гусынин. Два генерала и кавалеры разных орденов...

Ипполитов. Хоть бы гран-метры тамплиеров!.. Не играю решительно.

Гусынина (*отходя с мужем*). Злой человек! не танцует и не играет; зачем же эти господа приезжают на вечера?

Павел Флегонтыч. Пожалуй, я дам вам здесь, теперь, образчики тех таинственных отношений, которые существуют между *ею* и мною. Так... желаете?

Ипполитов. Что ж? В самом деле интересно. Но помните, почтеннейший, что если это одни фарсы с вашей стороны, если вы хоть на волос солгали, я назову вас публично негодяем и лжецом.

Павел Флегонтыч. Я этого не боюсь, потому что дело подтвердит мои слова. После этих доказательств, подадите ли мне руку на мир?

Ипполитов. О! и в этом случае, нет, никогда! Но я даю вам слово препятствовать тогда, чтобы мой друг женился на ней, во что бы ни стало. Для вас, как я вижу, более ничего не надо.

Павел Флегонтыч. Довольно с меня и этого.

Ипполитов. Говорите же... давайте опыты.

(Трое молодых людей останавливаются у камина близ Ипполитова и Павла Флегонтыча и мешают им продолжать разговор.)

1-й молодой человек. Насилу рассадил по мастям!.. Устал, как собака.

2-й молодой человек. Есть из чего! твоя Клеопатра дивно хороша, а Амфитрион дивно глуп — выручаешь его славно!

3-й молодой человек. Смотря на нее, я всегда вспоминаю «Египетские Ночи» Пушкина:

И всеми тайнами лобзаний

И дивной негой утомить.

Счастливец! *(Все трое удаляются.)*

Павел Флегонтыч. Вы желаете опытов? Извольте. Ваш друг наверно будет звать ее на первый танец?

Ипполитов. Если б он этого не сделал, я уговорю.

Павел Флегонтыч. Хорошо. Я уверен так в своем чудесном влиянии на нее, в своем преимуществе над вашим другом, что дождусь, пока он ее ангажирует.

Ипполитов. И потом?

Павел Флегонтыч. И потом пойду к ней, скажу ей два, три слова... она пойдет со мною и откажет Леандрову. Мало, я сделаю этот опыт два раза, пожалуйста...

Ипполитов. Довольно и двух!.. Если б я был на месте Леандрова, я задушил бы вас обоих на первом опыте.

Павел Флегонтыч. Вы не должны подслушивать нас.

Ипполитов. Даю слово.

Павел Флегонтыч. Ждать недолго; через пять минут она будет здесь.

Ипполитов. Неимоверная пунктуальность!.. Помните, если вы на волос отступите... Но... посмотрим эту оказию.

Павел Флегонтыч. До решения задачи!.. *(Встает и скрывается между гостями.)*

Ипполитов *(про себя)*. Воплощенный дьявол!.. Он, однако ж, говорил с такою уверенностью... Нет, он не лжет!.. Так лгать невозможно!.. Несчастный друг!.. И я, как будто вещий ворон, напророчил ему внезапную беду? Что ж? лучше узнать обман прежде, нежели навек с ним соединиться... Вот любовь нашего времени! *(Скрывается между гостями.)*

3-й молодой человек. Ждут нового светила; говорят, должна затмить все, что ты видишь здесь блестящего красотою и любезностию.

Четвертый. Не ты ли открыл ее, великий звездочет?

3-й молодой человек. Наш пансионский товарищ, Мухоморов, помнишь, был такой угрюмый и сердитый на весь мир.

Четвертый. Помню, однако ж славню этюдировал.

Третий. Стоит навесть наши обсервативные орудия — пятьсот душ, сотни тысяч денег, каменные дома. Может быть, удастся дать этому светилу свое имя!

Четвертый. Подцепит какой-нибудь мичман Нептун, или департаментский Меркурий. Кто же она такая?

Третий. Полька... сказывают, правнука Лещинского — по боковой линии! фамилия какая-то славянская... как бишь? да, да, Гориславская.

Слышны голоса: «Она! Гориславская!» — «Гориславская!» — «Дивно хороша!» — «чудо!»

Явление VII

Те же, Гориславская и Медовицына.

Сергей Петрович *(Гориславской, провожая ее через гостиную до дивана, с правой стороны от зрителей, на который она и садится. Медовицына с досадою садится в некотором расстоянии; Сергей Петрович становится за Гориславской)*. Посмотрите, с каким восторгом все здесь вас

встречает; послушайте, как общий голос называет вас царицею нынешнего вечера.

Гориславская. Что мне теперь до безумной похвалы их!.. я никого из них не вижу, никого не слышу... Только... для одного... хотела бы я быть лучше всех.

Сергей Петрович. Для одного?.. О! скажите мне имя этого счастливица... (*Гориславская смотрит на него с любовью.*) Ваши глаза говорят мне так много... Неужели... я?

Гориславская. Кто же может быть другой?.. Видите, какая я нынче болтушка!.. Это оттого, что мне позволено... я так долго молчала. Надо же себя вознаградить!..

Сергей Петрович. Что вы делаете со мною?.. Если б я не боялся, чтоб почли меня безумным, я бросился бы к ногам вашим... Да, я у ног ваших... я целую их с трепетом благодарности, любви, блаженства — высшего, какое только небо посылало человеку.

Гориславская! Мы этак забудем, что на вечере, что не одни здесь. Ангажируйте меня поскорей, а то кто-нибудь предупредит вас.

Сергей Петрович. На первый и второй танец, не так ли?

Гориславская. С большим удовольствием... Мне надо так много говорить с вами. Ступайте... ищите себе скорей визави. (*Сергей Петрович отходит несколько шагов вперед и останавливается в забытьи подле Ипполитова.*)

Ипполитов. Чего ты ищешь?

Сергей Петрович. Визави.

Ипполитов. На одном месте, не говоря ни слова? странно!

Сергей Петрович. Я потерял голову от блаженства и не знаю, куда идти. Укажи мне... толкни меня на кого-нибудь.

Ипполитов. Пойди в залу, там найдешь десятки охотников стать против твоей очаровательницы. На сколько танцев ты ее ангажируешь?

Сергей Петрович. На два. Но для чего этот вопрос?

Ипполитов. Мне смертельно хочется подолее

насладиться, как вы, в парочке с нею, обратите на себя общее внимание. Сколько перекосятся хорошеньких личиков! сколько маменек перебесится! (*Сергей Петрович уходит в другую комнату. Между тем Павел Флегонтыч подходит к одному молодому человеку и шепчет ему что-то на ухо; молодой человек приглашает Медовицыну и уводит ее.*)

Павел Флегонтыч (*наклонясь к Гориславской, тихо*). Вы будете танцевать со мною первый и второй танец?

Гориславская. Это невозможно; вы видите, я дала слово Леандрову.

Павел Флегонтыч. Вы... не пойдете с ним, Эсфира! (*Гориславская бледнеет и в величайшем смущении.*) А если это сделаете, через пять минут все, что здесь есть, узнают, что вы дочь еврея Соломона, и Леандров первый!.. Выбирайте. Мое слово неизменно, как свят Бог! Идите со мною! решайтесь поскорей!

Гориславская (*хочет подать ему руку и приподняться с кресел и опять опускается на них*). Иду. (*Мухоморов подает ей руку и помогает встать.*)

Ипполитов (*про себя*). Великий Боже!

Сергей Петрович (*возвратившись, Мухоморову*). Павел Флегонтыч, что это значит? позвольте, я ангажировал Наталью Ивановну.

Павел Флегонтыч. Спросите у нее.

Гориславская. Виновата... я забыла... слово дала прежде.

Сергей Петрович. По крайней мере, на вальс.

Павел Флегонтыч. И вальс идет Наталья Ивановна со мною. (*Увлекает Гориславскую в кадрили, которая составляется, смотря с торжествующею улыбкою на Ипполитова.*)

Сергей Петрович (*остается неподвижным, на одном месте; отчаяние изображается во всех его чертах*).

2-й молодой человек (*встретив Гориславскую*). На вторую кадрили.

Гориславская. Я?.. на вторую?..

2-й молодой человек. Да-с, на вторую.

Гориславская. Извините... я... не танцую.

2-й молодой человек. Что за странная! идет танцевать и не танцует? (*Уходит в залу.*)

Ипполитов. Есть от чего сокрушаться! она недостойна твоей любви, она недостойна твоего мщения.

Сергей Петрович. А ты почему знаешь? Разве... ты видел, слышал? Или открыл что-нибудь?

Ипполитов. А ты не видал, какому таинственному влиянию она покорна?.. Да, я знаю более тебя, но здесь не место объясняться. Брось ее поганому Мухоморову. Чета, достойная друг друга!

Сергей Петрович. Бросить! Нет, пока я жив! пускай возьмет ее разве у мертвого!

Ипполитов. Стоит терять жизнь из-за такой...

Сергей Петрович. Ради Бога, не договаривай... дай мне еще помечтать, что она не виновата. Упасть с такой высоты блаженства и в такой омут... нет! Увериться в этом, так надо с ума сойти.

Ипполитов. Что ж сказать отцу?.. Слышишь, идет проливной дождь.. (*Слуга закрывает окна.*) Музыка не заглушает ужасной погоды. Я знаю твоего отца: как пылкий юноша, нетерпеливый от любви к тебе, от желания устроить скорее твое счастье, он ранее назначенного часа будет на месте.

Сергей Петрович. Бедный отец!.. Да, надо дать знать ему, что я... сам не хочу... что я отложил... Но прошу, умоляю тебя, подожди немного, хоть пол-часа.

Ипполитов. Поди, поди, любезный... испытай еще раз чудную покорность ее господину Мухоморову; испытай новые насмешки, новое унижение; дай этому презренному орудие торжествовать над тобою. Впрочем, кто знает? на этот раз, может быть, счастье тебе улыбнется. Кокетки имеют...

Сергей Петрович. Одно обидное слово, и мы навек рассоримся. Объявляю тебе, пойду еще на унижение... испытаю, объяснюсь... может быть, еще прежде меня дала слово, и забыла — для меня же.

Ипполитов. Бедняк, жаль мне тебя! Впрочем, делай, как хочешь и что хочешь, а моя нога не будет более в их доме.

Гусынина (*увидев Сергея Петровича*). Что это значит? Вы были всегда душою моих вечеров, а теперь убежали сюда от танцев, как анахорет от соблазна.

Сергей Петрович. Я не нашел себе пары.

Гусынина. У меня?.. Извините, вы клевете на мой вечер, *mon cher monsieur* Леандров... Какая-нибудь размолвка!.. Мы вам поможем, мы отомстим. Пойдемте, я вам сыщу... (*берет его под руку и уходит с ним в залу*). Княжна... пара сокрушительных глаз... богата... как будто вас ждала... Может быть, и судьба!..

Кадриль кончилась. Сергей Петрович извиняется перед Гусыниной и спешит к Гориславской, которую и ангажирует на следующий танец; Гориславская на авансцене садится с левой стороны.

Ипполитов (*тихо Сергею Петровичу*). Что?

Сергей Петрович. Идет.

Ипполитов. Но к ней подходит сатана; посмотрим, что будет.

Павел Флегонтыч (*Гориславской, тихо*). Вы не пойдете с ним, я запрещаю.

Гориславская (*тихо*). Вы?.. О! Это уже слишком много... это свыше всякого унижения.

Павел Флегонтыч. Будете рассказывать, но поздно.

Гориславская. Пора вам сказать: я вас ненавижу и презираю.

Павел Флегонтыч. Так мщение!

Гориславская. Предпочитаю вашей любви.

Павел Флегонтыч. Помните... мщение (*начинается музыка, кадрили составляется*.)

Гориславская (*подходя к Сергею Петровичу*). Где наш визави? (*Входят в кадрили*.)

Павел Флегонтыч (*провожая их глазами, про себя*). На то пошло, так я сокрушу тебя в прах, еврейка! (*Задумывается*.) Гениальная мысль! Прямо из преисподней!.. Она сама просила мщения... будет!.. не отложу надолго. Мое слово не ребяческое слово, оно не мимо идет, не лай пса на привязи, который разносится ветром!.. Ревность, унижение, злоба — все адские стихии смешались в душе моей, буря в ней завывает.

Устроит ли против нее этот жалкий цветок? (*Увидев Ипполитова.*) Довольны ли вы моими опытами?

Ипполитов. По горло!.. Только ради моего и вашего спокойствия, прошу подале от меня... Когда вы ко мне подходите, я всегда слышу запах серы; я всегда боюсь, чтобы новый Самиэль не выпустил на меня свои когти. (*Оборачивается к нему спиной.*)

Павел Флегонтыч. И здесь неблагодарность! (*Увидев первого молодого человека.*) Подойди ко мне, Саша, на два слова.

1-й молодой человек. Что вам угодно?

Павел Флегонтыч. Вы?.. Полно сердиться. Вчера ты просил у меня взаймы пятьсот рублей; вчера их не было — нынче есть. Надо?

1-й молодой человек. До зарезу. Моя Цирцея обещала, но не могла ничего выпросить у своего супруга; откуп, дескать, плохо идет.

Павел Флегонтыч. Приезжай завтра, получишь. Рад товарищу университетскому услужить.

1-й молодой человек. Избавитель!

Павел Флегонтыч. Попрошу и от тебя услугу на доброе дело.

1-й молодой человек. Ты знаешь, у меня сердце как воск; делай из него, что хочешь.

Павел Флегонтыч. Мне только нужно влияние твое на хозяйку дома. Нечего скрывать, ты всемогущ над сердцем ее, а в нем неистощимые рудники добра. Недаром слывет добродетельною дамой.

1-й молодой человек. По-моему, на чужие деньги.

Павел Флегонтыч. Ты против себя злословишь ее. Я знаю, она готова рассыпать свое добро на бедных...

1-й молодой человек. В чем бы ни нуждались.

Павел Флегонтыч. Какому бы народу, какой бы вере ни принадлежали. Femme étaпсі́rée, в полном, высоком значении этого слова, жорж-сандовская женщина! Дело теперь в безделице. Вот видишь, я интересуюсь несчастным семейством... Жид — это правда, но по человечеству наш брат... у него две дочери чудесной красоты.

1-й молодой человек. Только-то? Даю слово — здесь и сейчас.

Павел Флегонтыч. Смотри, не забудь: отец — Соломон, дочери — Рахиль и Ревекка.

1-й молодой человек. Соломонов храм, Рашель — знаменитая актриса... Ревекка — жидовка в романе Вальтера Скотта... припомню, припомню.

Павел Флегонтыч. Приехали сюда из Белостока к богатой родственнице, которая их не признает.

1-й молодой человек. Жестокая! Чугунное сердце!

Павел Флегонтыч. Опиши дряхлого, седого старика...

1-й молодой человек.

Ты зри главу мою, лишенную волос;
Их иссушила грусть и ветер их разнес.

Павел Флегонтыч. Изобрази черными красками их рубища, скажи, что если завтра утром они не получат помощи...

1-й молодой человек. Три тени явятся следующей ночью в спальню жестокосердных дам, и — тогда горе им! вампиры припадут к груди их... Но увидишь, что ни один Массильон не действовал так на своих слушателей, как твой слуга покорный. О! я чувствую в себе красноречие целой академии! (*Убегает.*)

Павел Флегонтыч. Ни один ростовщик не отдавал своих денег с такою ужасною лихвой! Подлинно, жидовские проценты! Она будет моею, или ничьей!..

Между тем, кадриль кончилась; танцевавшие расходятся в разные стороны, между прочими Гориславская и Медовицына садятся в гостиную на одном из диванов, ближе к авансцене. Первый молодой человек переговаривает с Гусыниной, потом горячо рассказывает что-то гостям. Гусынина берет маленькую корзинку с этажерки и обходит с нею гостей, играющих в карты и прохаживающихся по гостиной. Сергей Петрович стоит, облокотясь на пьедестал Психеи и Амура, недалеко от Гориславской.

Гусынина (*одному из играющих в карты за столом, ближайшему к Гориславской*). Ваш кошелек на минуту. (*Играющий дает свой кошелек. Гусынина высыпает из кошелька деньги в корзинку и потом возвращает его.*) На доброе де-

ло — бедному, умирающему семейству еврея. (*Хозяин кошелька кланяется. Гусынина подходит к пожилой даме, играющей за тем же столом.*) Не откажите, я знаю ваше доброе сердце.

Гусынина. Все-1 ки ближний наш и несчастный.

Пожилая дама (*сердито*). Более четвертака не дам. (*Кладет монету в корзину. В это время подходит к Гусыниной несколько мужчин и кладут в корзину деньги разного вида.*) Вздумала обирать нас для презренного жида; у нас свои бедные есть!.. Да еще подошла ко мне после Дремухиной.

Молодая дама (*лорнируя группу мужчин, стоящих близ нее, мужу своему*). Wladimir, donnez quelque chose.

Муж. На что? сколько?

Молодая дама (*с нетерпением*). Mon Dieu, une monnaie, un billet... ce que tu veux, pour un malheureux juif et deux pauvres enfans. (*Муж кладет в корзину депозитку. До Гориславской доходят некоторые слова Гусыниной и гостей; грядь ее сильно волнуется, она в тревожном состоянии.*)

Павел Флегонтыч (*становится позади дивана за Гориславской, тихо ей*). Вы желали мщения?.. Оно не заставило себя ждать. (*Гориславская ничего не отвечает; Павел Флегонтыч удаляется.*)

Сергей Петрович (*кладет свой кошелек в корзину*). Несчастье имеет нынче особый доступ к сердцу моему.

Гусынина. Вы подаете, не зная даже для кого.

Сергей Петрович. Мне кажется, доброе дело не требует отчета.

Гусынина. Я, однако ж, дам вам его. Приехал какой-то бедный еврей Соломон из Белостока с двумя маленькими дочерьми, говорят, дивной красоты!.. Имена романические!.. одну зовут Рахиль... может быть, новая Рашель для нашей сцены... мы об этом помолчим. Другая... виновата, забыла...

1-й молодой человек. Вспомните жидовку из Ивангое.

Гусынина. Ревекка!.. на память этой обольстительной еврейки!.. Думали найти в Москве помощь от богатой родственницы, которая всем обязана Соломону, и — нашли один бесчеловечный, жестокий отказ... Несчастные умирают с голоду.

Гориславская (*хватая Медовицыну за руку, тихо ей*). Помогите, ради Бога!.. Выведите меня... мне дурно... (*Падает без чувств на диван.*)

Гусынина (*в испуге*). Что с вами?.. Душа моя, ангел мой!.. (*Сергею Петровичу.*) Возьмите корзинку... позовите горничных... спирту! воды! что вздумается! (*Сергей Петрович бежит опрометью в боковую дверь; любопытные со всех сторон окружают эту сцену; девицы стараются загоролить собою Гориславскую.*) Боже мой! что я наделала!.. Воображала ли? Какие слабые нервы!..

Один из гостей. Что такое?

Другой. Что сделалось?

Третий. Не мудрено, стягиваются в корсет на смерть.

Четвертый (*иронически*). Может, от любви.

Пятый (*заглядывая через девиц*). Как она хороша в этом положении.

Шестой (*тоже заглядывая*). Как будто ждет своего Пигмалиона! (*Приходят горничная и вместе с Медовицыной уносят Гориславскую в боковую комнату. Гости расходятся по комнатам и принимают за прежние занятия. Сергей Петрович исчезает на некоторое время.*)

Павел Флегонтыч (*бледный, дрожащим голосом Ипполитову, который проходит мимо него*). Ловко была пущена стрела и прямо в сердце! Видите, стрелок искусный не дает промаха!

Ипполитов (*схватив его за руку и отводя в сторону*). Слушайте: Это мне надоело; надо положить конец вашим проделкам. Между вами и ею есть ужасная тайна: вы должны открыть мне ее.

Павел Флегонтыч. Теперь и я скажу: это требование и дерзко и смешно.

Ипполитов. И я в свою очередь отвечу: ни дерзко, ни смешно, сударь, когда я вам объявляю, что от разгадки этой тайны зависит счастье моего друга. Зав-

тра, в десять часов утра, я буду у вас и предложу вам на выбор: открыть мне эту тайну, или... если вы не подлец... разгадать тотчас на свинцовых жеребьях, вам ли молчать о ней молчанием смертным, или мне узнать ее в другом мире.

Павел Флегонтыч. Не прочь. Но прежде хочу доказать вам, что вина не на моей стороне. В три дня тайна сама собой скажется вашему другу. Если вы после трех суток потребуете от меня удовлетворения, я к вашим услугам.

Ипполитов. Буду ждать.

Сергей Петрович (*прибегая к Ипполитову*). Слава Богу, ей лучше!.. Она уехала домой... я успел ее проводить... Едем, мы обгоним их.

Ипполитов. Слабое существо! (*Уходя.*) Но мое дело предупредить отца твоего, а там что угодно.

АКТ III

Комната в квартире Виталиной.

Явление I

Гориславская (*одна*). Как я осталась жива!.. И зачем?.. чтоб несколько лишних дней проволочить тяжелую цепь, которою судьба меня опутала. Господи, зачем ты разом не сокрушил меня? Пошли мне скорее смерть, или я потеряю свой последний рассудок...

Не понимаю, что сделалось, когда мы въехали в Газетный переулок... Карета наша остановилась... отворяю окно... при свете фонаря увидела я отца Леандрова... Ипполитова... и *его*... Он бросился к нашей карете, но Ипполитов удержал его... я услышала ясно: «Она того не стоит!» Потом раздался ужасный голос: «Пошел мимо, домой!» В этом голосе слышала я и насмешку, и какую-то злобу, но более всего презрение!..

Не понимаю ничего; голова моя идет кругом. Ужасная ночь! хоть бы на минуту заснула... Думала, день принесет малейшее облегчение --- все одно... И ночью

и днем те же видения... он, мой отец, худой, изнуренный, бледный, как мертвец, в рубищах... протягивает мне руку для подаения... две девочки-нищенки бросаются к ногам моим и просят у меня куска хлеба... А там хохочут над жестокою дочерью бедного жиди!.. Куда бежать мне от этих неотступных видений? (*Облокотившись на стол, склоняет голову на руки и дремлет, потом вздрагивает и вскакивает с кресел.*) Да, вот он — и теперь передо мною... Отец! чего хочешь от меня?.. Научи, что должна я сделать?.. Скажи... вымолви хоть одно слово. Денег?.. Возьми все, что у меня есть; все твое... Только удались; не терзай меня... (*Закрывает глаза руками.*)

Явление II

Гориславская и Павел Флегонтыч.

Павел Флегонтыч (*отворяя дверь, про себя*). Одна?.. плачет!.. К лучшему!.. Авось либо образумится, и возвратится ко мне... (*Громко.*) Наталья Ивановна!

Гориславская (*оборачиваясь*). Вы?.. пришли убить меня?

Павел Флегонтыч. Ради Бога успокойтесь... что с вами?

Гориславская. Что со мною? И вы спрашиваете!.. Чего хотите от меня после вчерашнего поступка со мной?.. Чтоб докончить его, стоило только войти ко мне с ножом в руке.

Павел Флегонтыч. Назовите этот поступок низким, жестоким, адским, если хотите; я сам, пожалуй, так назову его. Теперь имена для меня ничего: я смотрю на дело. Но я спрошу вас самих, не вы ли виною моего сумасбродства? не вы ли довели меня до последней крайности? С того времени, как вы меня знаете, видали ли что-нибудь подобное от меня? падали ли когда-нибудь на вас хоть тень оскорбления? Вы называли меня своим женихом; вы обручены со мною уже два года пред лицом Бога, которого призывали в свидетели ваших обетов. Правда ли?

Гориславская. Не могу сказать: нет!

Павел Флегонтыч. Вы позволили мне любить вас любовью человека, который скоро должен был называть вас именем супруги — и я полюбил вас такую любовь доверчиво, страстно, уверенный, что ваше сердце и рука не могут никому принадлежать, кроме меня. И ждал я в этой уверенности, покорный вашей воле; я ждал минуты, когда вам самим угодно будет разрешить мои надежды. И что ж?.. Приезжаю сюда... мое место занято, сердце ваше передается другому, минутному гостю в вашем доме, руку вашу вырывают из моей руки... Нет, этого нельзя было выдержать!.. Неужели вы думали, что так легко, без боя, отдам сокровище, которое мне принадлежит по всем правилам? Одно дорого мне; спор за него должен быть ужасен; он начался... каков может быть далее, вы видели вчера поначалу!

Гориславская. Если вы хотите, я виновата во всем, в чем вы меня обвиняете. За то мщение было ужасно... Неужели вы не могли мстить с большим благородством?

Павел Флегонтыч. Душа, переполненная оскорблений и унижения всякого рода, не разбирает средств. Отдалите моего соперника, уничтожьте его надежды, и я — опять покорный вашей воле, вашим малейшим желаниям, я опять готов ждать... год, два, целую вечность, лишь бы вы не принадлежали никому, кроме меня.

Гориславская. Я уж все сделала, что вы желаете. Сергей Петрович просил руки моей, и я решительно отказала. Чего ж более хотите от меня?

Павел Флегонтыч. Вы отказали? но вчера все было приготовлено Леандровым, чтоб увезти вас с вечера Гусыниной; люди ваши были подкуплены, в деревне за десять верст от Москвы хотели обвенчать вас с Сергеем Петровичем, и все это без вашего согласия?

Гориславская. Меня?.. увезти?.. обвенчать!.. может ли стать?

Павел Флегонтыч. Это так верно, как вы теперь видите меня перед собою. Я всё знаю... Подозреваю, что сама Софья Андреевна была в заговоре. А вы... будто и не знали?

Гориславская (в сторону). А! понимаю теперь...

Доброе, чудное существо! Вот почему убирала меня она на вечер с такою заботливостью, с такою нежностью благословляла меня; вот почему сказала мне: «Не бойся, если стобою случится что-нибудь чрезвычайное, и будь счастлива».

Павел Флегонтыч. Вы ничего не говорите; вы, конечно, сокрушаетесь об этой неудаче?

Гориславская. Что скажу вам? я решительно ничего не знаю. Если б тут было мое согласие, не готовилось бы и тайного похищения.

Павел Флегонтыч. Правда, верю вам.

Гориславская. Но... видите... ничего не состоялось... слово «жидовка» их, конечно, испугало... не так ли?

Павел Флегонтыч. Нет, они еще этой тайны не знают и не будут знать, если вы навсегда решительно откажетесь от моего соперника... даю вам слово.

Гориславская. Я уверена... вчерашний поступок ваш был одна вспышка мщения... Простите, я виновата...

Павел Флегонтыч. Так вы откажетесь от него... навсегда?..

Гориславская (*в испуге прислушивается*). Карета подъехала к крыльцу... Софья Андреевна возвратилась... минуты дороги... Я имею до вас просьбу... сжальтесь надо мною. Вы сказали, что отец мой здесь... Если в вашем сердце есть хоть искра любви ко мне, умоляю вас ею, всем, что для вас дорого и свято, скажите мне, где найти мне отца. Во что б ни стало, я хочу его видеть.

Павел Флегонтыч. Что отец ваш здесь, в Москве, я клянусь вам Богом; но... он должен остаться для меня залогом вашего слова. Никто, кроме меня и моего отца, не знает его квартиры, никто, кроме меня, не укажет вам ее, в этом даю вам также свое слово.

Гориславская. Научите, что ж должна я сделать... как дойти к нему?..

Павел Флегонтыч. Найти возможность быть ныне в семь часов вечера в Садовой, у Сухаревой башни... Возьмите с собою Медовицыну, скажите ей, что вы хотите посетить бедное семейство... одни, без свиде-

телей... Знаю ваше прекрасное сердце — это случается с вами не в первый раз... Выйдите из кареты... на углу переулка будут вас ждать... Если вы доверяетесь чести моей, я сам провожу вас к вашему отцу, но, проводив, оставляю вас.

Гориславская (*про себя*). Тайно от татан?.. Что мне делать? Что ни будет, я должна его видеть. (*Вслух.*) Доверяюсь вашей чести — буду... Еще одна просьба... отдайте другим бедным.

Павел Флегонтыч. Понимаю вас... исполню ваше желание! (*Слышен голос: «Кто пустил его? я запретила».*) С уговором молчать обо всем.

Явление III

Те же и Виталина.

Виталина. Зачем пожаловали?.. кто вам позволил?

Павел Флегонтыч. Вход в ваш дом был для меня свободен. Я пришел к своей невесте.

Виталина. Невесте?.. после вчерашнего поступка вашего? Все знаю, сударь! Отныне все связи наши, все обещания разрушены. Вы сами их уничтожили. Забудьте, что мы когда-нибудь существовали. Властью матери запрещаю ей иметь какие-либо сношения с вами; власти этой над нею, надеюсь, никто не отнимает у меня; хозяйкой дома вы, кажется, позвольте мне быть у себя. И потому вход ко мне запрещен вам и отцу вашему. Я уж об этом писала ему.

Павел Флегонтыч. Вы сами дали мне одну неделю срока на известное вам испытание... ваше слово..

Виталина. Я давала его человеку благородному... извините меня... Ждать неделю? Да вы в один день найдете искусство убить ее: ваша душа, ваш ум, гениальные на зло, изобретут средства разом отравить свою несчастную жертву. Кинжал и яд нынче не в употреблении, но их заменили другие средства, которые искуснее убивают. Что бы ни было, кончено между на-

ми! Слышали? (*Указывает на дверь.*) Или вы желаете?.. (*Хватает со стола звонок.*)

Гориславская (*удерживая ее*). Ради меня, пощадите.

Павел Флегонтыч. Повинуюсь, но предупреждаю вас... вы сами позовете меня. (*Уходя, про себя.*) Как бы мне увидеть Медовицыну? Подкараулю, когда эта гордая барыня уедет со двора.

Явление IV

Виталина и Гориславская.

Виталина. Для чего приходил? Что говорил с тобою?

Гориславская. Он извинялся, что вчера оскорбил меня, говорил, что причиною одна любовь...

Виталина. Низкие души никогда не знают этого чувства. В нем только один эгоизм — ужасный эгоизм, готовый на все, чтоб только удовлетворить себя. Не говорил чего об отце твоём?

Гориславская. Сказал, что он здесь... что...

Виталина. Не верь; это жестокая выдумка! я везде отыскивала и нигде не нашла. Еще что?

Гориславская. Еще сказал, что вчера Леандров хотел увезти меня с вечера Гусыниной, чтобы... Душа моя, ты была в заговоре. (*Целует ей с нежностью руку.*)

Виталина. И здесь этот злой гений стал на дороге твоего счастья!..

Явление V

Те же и слуга.

Слуга. Полицейский чиновник из части.

Виталина. Ты послал бы к управителю.

Слуга. Говорить, имеет дело до вас лично.

Виталина (*смутившись*). Зови. (*Слуга уходит.*) Наташа, оставь нас, может быть, какое-нибудь дело по дому, которого ты не должна слышать.

Гориславская. Господи! уж не на счет ли мой?
(*Уходит.*)

Виталина. Я никогда не имела дела с полицией... что-нибудь необыкновенное.

Явление VI

Виталина и полицейский чиновник.

Полицейский чиновник. Смею спросить, вы госпожа Виталина, Софья Андреевна?

Виталина. Точно так.

Полицейский чиновник. Извините, может быть, беспокоил вас... что ж делать? Мы люди должностные, обязаны исполнять приказания начальства.

Виталина. Без оговорок, что вам угодно?

Полицейский чиновник. У вас есть воспитанница Гориславская?

Виталина. Есть, так что ж?

Полицейский чиновник. В частной книге-с она числится дочерью чиновника 14-го класса.

Виталина. Точно так.

Полицейский чиновник. Изволите видеть, выходит оказия... сделан донос, что она... не прогневайтесь, не я так называю ее... что она жидовка, даже некрещеная, и фальшиво называется дочерью чиновника.

Виталина (*в смущении*). Это ложь, клевета! Я знаю, из какого источника она вышла.

Полицейский чиновник. Мы и сами так думаем-с, какие-нибудь шуры-муры. Стоит только представить актец о рождении и крещении госпожи Гориславской, ничего более-с.

Виталина (*про себя*). Что мне делать? Акт о крещении явно обнаружит, что она дочь жида, а я выдавала ее за дочь чиновника. Это запутает меня в дело, может быть, уголовное. Теряю голову. Надо хоть время выиграть... (*Вслух.*) Вот видите, мой муж был военный, законов хорошо не знал, я женщина, я подавно... когда

мы брали на воспитание от чиновника Гориславского дочь его, мы не подумали взять акта о крещении... взяли одно свидетельство, что она дочь его.

Полицейский чиновник. Так пожалуйста свидетельство.

Виталина. Оно... у меня... в саратовской деревне... я его выпишу и по получении... тотчас доставлю. Довольны ли?

Полицейский чиновник. Пожалуйста письменное объяснение.

Виталина. Разве вы мне не верите?

Полицейский чиновник. Не смею не верить, сударыня, но дела не делаются на словах. Кстати (*указывая на письменный стол*), здесь все готово для писания... Две-три строчки, и я более вас беспокоить не буду.

Виталина (*сидя за письменный стол, в сторону*). Господи! надо ложь мне подтвердить письменно. До чего я дожила? (*Написав объяснение, складывает руками бумагу и отдает ее полицейскому чиновнику.*)

Полицейский чиновник. Будьте покойны. Когда изволите получить требуемый акт, вы представите его куда следует. (*Раскланивается и уходит.*)

Явление VII

Виталина (*одна*). Что я сделала?.. я сама наложила на себя руки... В мои лета, какое безрассудство!.. Куда это поведет меня? Чем это все кончится?.. Судьба запутывает нас более и более. В зависимости от презренных Мухоморовых, от каждого полицейского чиновника, Бог знает еще от кого; беспрестанно лгать, беспрестанно обманывать и стараться скрыть обман, ожидать каждую минуту, что откроется фальшивое звание Наташи... нас будут судить... Не уйти от позора!.. Какая ужасная будущность!.. с кем посоветоваться? К кому прибегнуть? Везде низкие, продажные души. (*Задумывается.*) Светлая мысль блеснула в голове моей. Открою все Ипполитову; этот человек благороден

в высшей степени... я уверена в нем, как в себе самой... Зоркий ум его, прекрасное сердце мне помогут... Пускай делает с нашей тайной, с нашим стыдом, что придумает! (*Уходит.*)

Явление VIII

Медовицына (*входя, прислушивается*). Обещал быть здесь, когда Софья Андреевна уедет... Вот и укачала!

Странно все, что здесь делается! От меня прячут какую-то тайну... Замечаю что-то необыкновенное между Мухоморовыми и Натали. Особенно вчерашний вечер доказал мне это... Сейчас приходил полицейский с какими-то секретными розысками; Софья Андреевна необыкновенно смущена... Что бы ни было, а я обязана помогать Мухомову. Унижена, презренна... мщение! мщение!

Явление IX

Медовицына и Павел Флегонтыч.

Медовицына. Что вы хотели от меня?

Павел Флегонтыч. В ваших руках теперь судьба моя.

Медовицына. Приказывайте, я готова все исполнить.

Павел Флегонтыч. Уступки ни к чему не ведут. Надо разом покончить. Вчера вы сами видели опыты моего тайного влияния на нее...

Медовицына. Которого я однако ж не понимаю.

Павел Флегонтыч. Теперь не время объяснять эту тайну. Сергей Петрович также видел... кажется, довольно бы для него... Что ж? понегодовал голубчик и — посмотрите — опять нынче ж будет у ног очаровательницы. Вы одни можете открыть ему глаза.

Медовицына. Без загадок, говорите скорее. Повторяю, что я готова все исполнить, хотя бы стоило броситься в пропасть.

Павел Флегонтыч. Будет стоять только нескольких капель чернил да прогулки к Сухаревой башне.

Медовицына. Хоть в трущобу, говорю вам.

Павел Флегонтыч (*подавая ей бумажку*). Спишите посекретней эту записку и пошлите ее поскорее от себя к Леандрову сыну.

Медовицына (*читает записку*). «Платите за мою привязанность равнодушием, за преданность — неблагодарностью, я не изменю обету, которым поклялась, лишь только вас увидела; я и вдали от вас, изгнанница из рая, которого сладости дали мне видеть одно мгновение, не думаю уж о своем благополучии, а помышляю только о вашем. Оградить вас от зла для меня высшее блаженство. Что ж, когда дело идет о счастии целой вашей жизни? Вы любите другую... вы уверены в любви ее к вам — обман, коварный обман! Я должна, я обязана открыть вам глаза... это мой долг, хотя бы судьба заклала меня у алтаря, которому я посвятила свое служение». (*Целует записку.*) Прекрасно! как будто я сама диктовала. (*Читает далее.*) «Очарованные ее красотой, с мнимыми душевными качествами, вы не могли оградить от них свое сердце. Не верьте ей, она связана тайными узами с другим. Вспомните, Павел Флегонтыч воспитывался вместе с нею, был четыре года ее женихом... я видала не раз их нежные отношения... этого мало: они тайно видались... в чужом доме». Но это клевета, сущая клевета! это уж слишком много!..

Павел Флегонтыч. Так вот ваши жертвы, ваши великие слова! Сильная, железная душа!.. Подите! где вам делать серьезные дела, где вам любить — вы умеете только сентиментальничать!..

Медовицына. Простите, простите, это была только минутная слабость. Я докажу, что достойна моего призвания — я решусь и на преступление, лишь бы мне отомстить за коварство, за насмешки над моею любовью! (*Читает далее.*) «Эта чудная, таинственная связь заставляет ее покоряться его воле. Она, может быть,

и любит вас, но в то же время боится своего жениха... Никто не поверит этому, тем более вы. Но не осуждайте меня прежде времени. Хотите доказательств?... Ныне, в семь часов вечера, он приказал ей быть близ Сухаревой башни, при повороте в *Чертвый* переулок,— в какой дом, не знаю. Она будет. Угодно? вы увидите ее с ее властелином».

Да, я спишу эту записку и пошлю к нему, даю вам самое святое слово.

Павел Флегонтыч. Наталья Ивановна будет ныне просить ехать с нею... к Сухаревой башне... скажет вам, что она должна, тайно от своей благодетельницы, посетить бедное семейство... Не отказывайтесь, поезжайте. В продолжение дня старайтесь с нею сблизиться, наденьте личину дружбы, готовой на все жертвы... поклянитесь ей в сохранении тайны честью, благодарностью, Богом... У Садовой, близ Сухаревой башни, она выйдет одна из кареты; люди пускай останутся у экипажа... я встречу ее в первом переулке... Оставьте нас тогда одних на полчаса...

Медовицына. Не понимаю вашей власти над нею, но понимаю, что в письме моем к Леандрову, в вашем намерении заключается какая-то адская штука... и я повинуюсь вам. (*Подает ему руку.*) До лучших минут, союзник мой! (*Уходит.*)

АКТ IV

Улица с Садовой на Сретенский бульвар; виден переулок; на углу влево церковь, за домами высится Сухарева башня.

Явление I

Сергей Петрович и Ипполитов останавливаются подле дома с вывескою сапожника, у фонарного столба.

Сергей Петрович. Чудное место выбрано для прогулки!.. Маленький, нечистый переулок, где живут швеи, цыгане, жида... И здесь будет она одна с ним?.. Нет, это ложь, святотатство!.. Они хотят меня с ума свести.

Ипполитов. Если б не вечер у Гусыниной, и я сказал бы то же.

Сергей Петрович. Дай, еще раз прочту для куражу дорогие строчки! (*Вынимает письмо из жилетного кармана и пробегает его.*) «Эта чудная, таинственная связь заставляет ее покоряться его воле...» Таинственная связь? А! увидим!.. (*Пробегает еще письмо.*) «Хотите доказательств? Ныне, в семь часов вечера, он приказал ей быть...» Хочу ли? Вот я и здесь, ровно в семь часов, мамзель Медовицына! Верен рыцарь вашему призванию!.. Но берегитесь... если не найду их вместе, я приволоку вас к ногам ее, как подлую клеветницу.

Ипполитов. Отсюда видно кто идет и едет по Садовой и переулку.

Сергей Петрович. Прекрасно!.. бесподобно!.. Настоящий раек!.. О! глаза мои поймают теперь и муху, которая перелетит через переулок. Какая перспектива домиков! Все обители невинности и добродетели!..

Ипполитов. Как будто знакомая карета едет по Садовой.

Сергей Петрович. Карета *их*; узнаю ее между тысячи. Остановились... из нее выходит *она*!.. Дает знать человеку чтобы за ней не следовал... У угла встретил... *он*... ее любезник!.. Не пойти ли им навстречу? не убить ли ее позором?..

Ипполитов. Вспомни, что сказали тебе дома: «Не забудь *там*, что у тебя есть отец, который никогда не обманывал твоей любви, который умрет с горя, если ты позволишь себе какие-нибудь крайности».

Сергей Петрович. Правда, теперь одно презрение! Из чего же горячиться?.. Какое имею право?.. Она невеста его, обручена с ним, а я... что ей?.. Пококетничала со мной... разве это первая? Мне сказала ни да, ни нет... Недаром плакала!.. И что ж мне в сердце, измятом пятилетнею связью с женихом? Пускай любезничают, сколько душе угодно; я им не помеха; я сам отретируюсь в добром здоровье и пожелаю им безмятежного счастья, ненарушимых восторгов... Только посо-

ветую поскорей к венцу... мы с тобою будем шаферами, не правда ли?

Ипполитов. Они подходят ближе; спрячемся на дворе этого дома; здесь живет мастеровой. Сквозь худые ворота увидим, как они пройдут мимо и куда.

Сергей Петрович. Дай мне руку; я слаб как ребенок. *(Ипполитов отворяет калитку и увлекает за собою Сергея Петровича.)*

Явление II

Те же, Гориславская и Павел Флегонтыч.

Гориславская *(чрезвычайно встревоженная, со страхом оглядывается; ее ведет под руку Павел Флегонтыч и несет узелок)*. Сердце ужасно замирает. Земля горит подо мною. *(Слышен из-за ворот голос Сергея Петровича: «Проклятие!»)* Боже!.. Как будто знакомый голос!

Павел Флегонтыч. Здесь живут мастеровые... может быть, драка... Пойдем скорее. *(Ускоряет шаги. Они входят в переулочек и останавливаются у одного ветхого домика с мезонином. Павел Флегонтыч дает знак тремя ударами. Им отворяют калитку.)*

Гориславская. Вы здесь, по условию, оставите меня.

Павел Флегонтыч. А назад?

Гориславская. Я одна дойду до экипажа; благодарю вас.

Павел Флегонтыч. Счастлив по крайней мере, что исполнил ваше желание. *(Гориславская входит в калитку; он останавливается у нее.)* Останусь здесь на минуту, будто оглядеть, не подсматривает ли кто за нами, а там шмыгну на двор и в заднюю калитку. Дозорщики пускай уверятся, что я вошел с нею. *(Входит в калитку.)*

Сергей Петрович *(выходя с Ипполитовым со двора мастерового)*. Ты слышал?

Ипполитов. Слышал: «Сердце ужасно замирает. Земля горит подо мною». Лукавый поймет их лукавые речи. Пойдем; ты видел сам... чего ж более?

Сергей Петрович. Хочу только узнать, чей этот дом, кто в нем живет.

Ипполитов. И потом войти в него, и потом сыграть блистательную сцену ревности?..

Сергей Петрович. Нет, я до этого не унижусь. Говорю тебе: хочу только знать, чей дом, кто живет в нем. Завтра, при прощании, свидетельствуя ей мое глубочайшее почтение, покажу ей, что я посвящен в элевзинские ее таинства... более ничего, поверь. *(Оба подходят к дому, в который вошла Гориславская. Ипполитов стучит палкою в окошко нижнего этажа. Из окна выглядывает мещанка Сокова.)*

Явление III

Ипполитов, Сергей Петрович и Сокова.

Сокова. Что за сорванцы? Ну, что вам!

Ипполитов. Чей это дом?

Сокова. Мой.

Ипполитов. Да вы кто такие, матушка?

Сокова. Мещанка Сокова, батюшка.

Ипполитов. Отдаются квартиры?

Сокова. Только не по вас.

Ипполитов. Да какие ж люди у тебя живут?

Сокова. Внизу приказный, аверху, в каморке, жид.

Ипполитов. А барышня, что пришла сюда с молодым человеком, часто приходит к тебе в дом?

Сокова. Разве я караульщица у своих постояльцев? Вижу, вы шематоны какие-нибудь: убирайтесь-ка подобру-поздорову. *(Затворяет окно.)*

Ипполитов. Спасибо и на этом! *(Удаляются от дома.)*

Сергей Петрович. Слава Богу! теперь голова моя свежа... сердце на месте!.. *(Остановливается и, оборотившись к дому Соковой, делает знак рукой.)* Прощай, прощай! желаю тебе безмятежных наслаждений с твоим нареченным... Будь уверена, что не я приду нарушить их. Правду вы изволили сказать некогда: «одно слово

разрушит вашу клятву». Еще бы вернее сказали: один взгляд охолодит всю вашу любовь. Давно бы так! Медовицына, тебе обязан я своим спасением. Чудная была бы жена эта Наталья!.. как бишь по отчеству?.. (*Немного погодя*). Странно! я перестал любить, а мне все-таки еще жаль ее. (*Плачет, оба удаляются.*)

Явление IV

Бедная каморка; стены голые; окна покривились; в некоторых, вместо стекол, бумага; стол, скамейка, два стула и кровать с задернутыми холстинными занавесками; одна дверь с левой стороны, другая направо, на чердак.

Гориславская, Соломон, Рахиль и Ревекка.

Гориславская (*у дверей, про себя*). Я задыхаюсь... ноги отказываются идти... Страшно! здесь преследовал меня голос Ипполитова, там, в переулке слышалось мне проклятие его друга... Видно, все мне чудится... голова моя расстроена. (*Немного погодя*.) Какая нищета!.. Воображение не сказало мне ничего лишнего.

Рахиль (*увидев ее, толкает отца*). Какая-то хорошенькая барыня пришла.

Соломон (*вскакивает со скамейки*). Что вам угодно, сударыня?.. вы больны?..

Гориславская. Да... (*Садится на стул в изнеможении.*) Мне надо отдохнуть, чтоб собраться с силами. (*Ставит узелок на стол.*) Я помешала вам... вы ужинали. Боже! один черствый хлеб!

Соломон. Благодарение Богу, когда он посылает и эту пищу. Иногда и хлеба не бывает.

Гориславская (*развернув узелок*). Дети! милые! подойдите ко мне... (*Рахиль и Ревекка подходят к ней без боязни; Гориславская целует их и дает им пирожков.*) Заешьте сладким горечь вашего ужина.

Рахиль (*откусывая от пирожка, отцу*). Откуси; как хорошо!

Ревекка. И от моего.

Соломон. Мне... есть не хочется.

Гориславская. Вот еще, чтоб вы не ели один хлеб. *(Дает Рахиле кошелек с деньгами.)*

Рахиль. Мне?.. Нам?.. *(рассыпает золото из кошелька на стол)*. Смотри, тате, все золото!.. То-то накупим себе говядины и пирожков!

Соломон *(который во все время разговора Гориславской с детьми всматривался в нее с недоумением и любовью)*. Сударыня... ваше лицо... вы так похожи на Рахиль мою... Неужли глаза и сердце обманывают?.. Скажите, кто вы... или я не вынесу долее.

Гориславская *(бросаясь к нему на шею)*. Отец!.. обними свою прежнюю Эсфиру.

Соломон. Дочь моя!.. Эсфира, милая Эсфира... Наталья Ивановна!..

Гориславская. Сестры!.. ко мне, мои милые!.. дайте расцеловать вас. *(Целует их с нежностью.)* Теперь я вас не оставлю. Какие пригожие! какие души! Еще, еще!.. Подождите, я принесла вам гостинца. *(Вынимает из узелка богатые серьги и вдевает их в уши сестер.)* Теперь, в этом наряде, вы будете еще пригожей.

Рахиль. Неужели сестрица наша?.. Ах! какие вы хорошенькие и добрые! Ревекка, где ж у нас был кусочек зеркала? *(Находят кусок зеркала и любуются в нем одна за другой.)*

Гориславская *(Соломону)*. От чего ж у вас такая бедность?

Соломон. Мы не ждали ее... нам было обещано многое... вы помните.

Гориславская. Мы всегда посылали обещанное.

Соломон. Через кого?

Гориславская. Через Мухоморова, отца.

Соломон. Мы не получили и десятой доли.

Гориславская. Злодей! как он обманывал нас! О, не одних вас они губили, и мне от них тяжело достается! Без них я могла бы быть счастлива.

Соломон. Бог им заплатит!

Гориславская. Забудьте все прошлое. Теперь я вас не покину! у вас будет все, чтоб жить в довольстве. Но скажите... вы не проклинали меня?

Соломон. Проклипать свою кровь? Боже меня со-

храни!.. Я тебя знаю, ты всегда была такая добрая; я уверен был, какие-нибудь плутни от Мухоморова. Колено злое, негодное!

Гориславская. Здесь, в груди моей, они поселили змею... грызет сердце, невыносимо грызет. Но зачем отравлять настоящие минуты? (*Подходит к отцу и берет его за руку.*) Вы теперь довольны, счастливы, не правда ли?

Соломон. Так доволен, так счастлив, хоть бы сейчас умереть, если бы не эти дети. Еще скажу тебе... я задумал давно, я приготовился и теперь решился... быть христианином, как ты...

Гориславская. О, если бы так... Господи, подкрепи вас на это великое дело. (*Слышен стук в ворота.*)

Соломон. Боже! стучат... я забыл от радости, что он обещал быть ко мне.

Гориславская. Кто?

Соломон. Мухоморов, отец.

Гориславская (*в сторону*). Я пропала. Они завели меня в западню.

Соломон. У них худые замыслы; они хотят принудить меня сказать, что ты дочь моя.

Гориславская. И вы?

Соломон. Скорей убьют меня. Идут... слышно, отворяют внизу дверь. Спрячьтесь поскорей сюда, на чердак. (*Отворяет боковую дверь; Гориславская через нее скрывается.*) Приберу золото, а то могут догадаться. (*Убирает с поспешностью деньги в кошелек, прячет его за пазуху и укладывает детей на постель.*) Смотрите, будто спите; хоть пили вас, ни гу-гу об ней. (*Задерживает занавес у кровати, потом садится у стола и, облокотясь на него, притворяется спящим.*)

Явление VI

Те же, Мухоморов и Банников. Банников несет портфель под мышкою.

Мухоморов (*отворяя дверь, тихо*). Вот актер-то! Будто спит, наверно разыгрывает штуки... Да неужели мы двое русачков не обманем одного жида? (*Громко.*)

Эй, приятель! разве спят, когда дожидаются благодати? Полно тебе сухари есть, полно жить в такой конуре и в лохмотьях ходить.

Соломон. Ах, какие же вы добрые! верно принесли мне работу.

Мухоморов. Работать, когда есть богатая дочка, которая может тебя озолотить!

Соломон. Дочка?.. богатая?.. Уж не во сне ли слышу? Мои две девочки такие же нищие, как и отец их.

Мухоморов. Ну, полно притворяться, старый хрен. Ведь ты мне вчера сам обещал. Недаром же написал я тебя из Белостока. (*Тихо, указывая на своего товарища, который в это время осматривает все в комнате и заглядывает за занавес кровати.*) Его нечего бояться, это мой. Вот видишь, я пришел с тобой расчитаться. А ты, чай, думал, неверная голова, что я тебя обобрал дескать. Нет, так с приятелями за кровные услуги не делают. Для тебя ж, дружище, на черный день копил. (*Вынимает бумажник.*) На, бери, считай сам, сколько тебе по договору следует. Только не взыщи... люблю аккуратность... пожалуй расписочку.

Соломон (*не принимая бумажника*). По какому уговору? Помилуйте, я для вас ничего не сделал.

Мухоморов. Для госпожи Виталиной и меня; ей дочку подарил, а мне невестку... ну Гориславскую-то.

Соломон. Виталину знавал я в Белостоке; госпожа милостивая — и нынче мне поможет, лишь бы добраться до ней. Но дочку... Гориславскую! Уж не подкинуть ли ко мне хотите какую сиротиночку? Вы меня нарочно с ума сводите какую-нибудь штучкой.

Мухоморов. Так ты денег не хочешь, старый плут? Подумай, ведь тут три тысячи...

Соломон. Три тысячи!

Мухоморов. Три тысячи, да еще знатную сумму получишь, коли сделаешь по-нашему.

Соломон. Боже! какое богатство!

Мухоморов. Ну, полно кобениться, возьми... сними камень с совести... Ох, ох, тяжело!

Соломон (*в сторону*). Нет, не продам свою кровь! (*Вслух.*) На что мне деньги, коли не знаю, за что дают?

Банников (*осматривает стол и поднимает с него золотую монету*). И в самом деле, на что ему деньги, коли у него золотые валяются по столам?

Мухоморов. А-га? вот что!.. Откуда взял, окаянный?

Соломон (*в испуге*). Золотой?.. какой золотой? Грех вам, вы сами подкинули.

Мухоморов. Плутуют! сейчас фортель нашел.

Банников. Да не поможет! Мы потащим его в полицию; свидетели налицо, в допросец его по форме, поганого нехристя! (*Раздвигает занавеску у кровати.*) Эге! посмотри, какие богатые сережки у дочек. Откуда появилось вдруг такое богатство?

Соломон. Сережки... да... сережки... пожаловал вчера... сам этот господин.

Мухоморов (*тормоша его за грудь*). Я?.. Ах, мошенник! я задушу тебя и ответу не дам.

Соломон. Делайте со мною, что хотите, я ничего не знаю.

Банников. Вот мы девчонок допросим (*толкает детей*). Эй, вставайте, жидята! (*Тащит Рахиль к Мухоморову; Ревекка в слезах идет за ними.*)

Соломон (*отталкивая Банникова, отнимает у него Рахиль; усилия с той и с другой стороны удерживать ее; дети плачут*). Дети чем виноваты? Вы ее сделаете уродом.

Банников. Хоть бы и так! Эка беда! Говори, кто дал вам сережки? Ну! (*Рахиль молчит.*) Не увернетесь, змеята! в тюрьме допросят голубчиков, в тюрьме...

Мухоморов. Да обыщем-ка его, братец; может, у него еще кое-что найдется. Откуда ж золото валяется?

Банников (*обшаривая Соломона*). Тут что-то толстенько.

Соломон. Это грабеж... я закричу, позову на помощь...

Мухоморов. Прибежит хозяйка — новый свидетель... Она знает, что у тебя гроша не было... я и в квартире за тебя поручился.

Банников (*вынув с усилием кошелек из-за пазухи Соломона*). Целый кошелек с золотом... Все представим; скажешь, откуда взял.

Соломон. Помилуйте, не погубите; я притворялся, что бедняк... это мои деньги, копил всю жизнь свою для этих несчастных.

Рахиль и Ревекка (*на коленях*). Помилуйте.

Банников. А вот сейчас помилуем. Подпиши, что Гориславская дочь твоя — и деньги отдам и концы в воду.

Соломон. Знать не знаю.

Мухоморов (*схватив его за грудь*). Говори, мошенник, не то в тюрьму, сгниешь там и с своим отродьем, как червь поганный.

Соломон. Сжальтесь; у вас у самих, может статься, есть детки.

Мухоморов. Объяви.

Соломон. Режьте тело хоть по кусочку, пилите меня, знать не знаю.

Банников. Так потащим их в полицию с кошельком и сережками; улика налицо. В последний раз скажи, что дочь твоя...

Гориславская (*в исступлении выбегает из боковой двери и загораживает собою отца и сестер*). Дочь его, дочь... я сама... Прочь от них, презренные люди!

Мухоморов (*Банникову*). Наталья Ивановна Гориславская, извольте засвидетельствовать, ваше благородие.

Банников (*вытаскивает из портфеля чернильницу, перо и лист бумаги, садится за стол и пишет*).

Гориславская. Да, пишите, Гориславская — дочь еврея Соломона. Куда идти, кровопийцы? где еще объявлять об этом? В полиции, в суде, на площади, в храме что ли? Везде, всенародно огласить? Пойду с ними рука об руку и везде, кому нужно знать, скажу: вот этот старик, еврей, мой отец, эти две девочки — мои сестры! Довольны ли вы?

Банников. Нам нужно только, чтоб вы подписа-

ли эту записку, и тогда мы оставим господина Соломона и детей его в покое.

Гориславская. Давайте. (*Прочитав, подписывает бумагу.*) Теперь возвратите деньги моему старику (*Банников возвращает Соломону кошелек*) и прочь отсюда; я признала своего отца и отрекаюсь от жениха Мухоморова. Прощайте.

Мухоморов. Что ж делать? Прощайте. (*Кивает Банникову, чтоб он выходил; в двери.*) Жаль только Софью Андреевну...

Гориславская. Жаль Софью Андреевну... что он хотел этим сказать?

Соломон. Ох, ох, ох! Наталья Ивановна... боюсь говорить; вы и так много горя терпите.

Гориславская (*в испуге*). Не может ли она пострадать?

Соломон. Да, вы своею подписью губите ее.

Гориславская. Ее?.. мою благодетельницу, мою вторую мать?.. Я?.. как, чем?.. Говорите.

Соломон. Она вас называла дочерью чиновника Гориславского, а вы сами, письменно, признали меня своим отцом. Им, этим разбойникам, только этого и хотелось. Ее засудят, лишат доброго имени.

Гориславская. Лишат доброго имени?.. И я буду виною ее бесчестия, ее гибели... за то, что она хотела составить мое счастье!.. Нет, я не допущу до этого!.. Воротите их!

Соломон. Что вы хотите делать?

Гориславская. Сама не знаю; только, ради Бога, поскорей воротите. (*Соломон убегает; после нескольких минут раздумья, она становится на колени.*) Господи, Отец милости и любви! благодарю Тебя, что внушил мне благую мысль. Ты один читаешь в моем сердце, Ты один знаешь, как я любила его, как я дорожила его любовью... все, все в жертву теперь; больше Ты ничего не мог потребовать от меня; тут моя жизнь. (*Встает. Мухоморов, Банников и Соломон возвращаются; она отводит Мухоморова в сторону.*) Флегонт Парфеныч....

Мухоморов. Что вам угодно?

Гориславская. У вас моя записка?

Мухоморов. У меня.

Гориславская. А если я дам вам на место ее другую?

Мухоморов. Какого содержания, позвольте спросить?

Гориславская. Все, что вы делаете со мною, с отцом моим, с моею благодетельницей—все это для того, чтоб заставить меня идти за вашего сына; так ли?

Мухоморов. Да, для того, чтоб заставить исполнить ваше обещание.

Гориславская. Так я иду за вашего сына. Возьмите с меня какую угодно клятву, продиктуйте мне ее сами—я вам напишу слово в слово... хоть кровью моей... и тогда...

Мухоморов. И тогда я возвращу вам прежнюю расписку; Софья Андреевна будет спасена от бесчестия, и все канет в воду, будто ничего не бывало.

Гориславская. Спасена! О, слава Богу, спасена! *(Указывая на Баникова)*. А он?

Мухоморов. Будет молчать: он брат жены моей.

Гориславская. Давайте бумаги. *(Мухоморов берет у Баникова прибор для письма и ставит на стол; Гориславская пишет дрожащею рукой.)*

Мухоморов. Прибавьте: за коллежского асессора... не позже недели.

Гориславская. Да, за коллежского асессора. *(Подает записку.)* Довольны ли?

Мухоморов *(читает)*. Лучше не надо. *(Возвращая ей прежнюю записку, хочет поцеловать у ней руку, но она отрывает ее.)* Я хотел на мировую...

Гориславская *(указывая на записку)*. И без того здесь, в этой записке—мир вечный. *(Обнимает с нежностью отца.)* Прощайте, может быть, в последний раз; я вас не оставлю, где бы ни была.

Рахиль. Нет, приходи, приходи еще.

Гориславская *(Мухоморову)*. Теперь проводите меня до кареты. *(Уходит; Соломон и дети провожают ее и плачут.)*

АКТ V

Комната в доме Виталиной.

Явление I

Виталина и Гориславская. Виталина сидит на диване, Гориславская стоит перед ней.

Гориславская. Ты все грустна, друг мой, ты страдаешь; но успокойся: скоро конец всем этим страданиям. Я решилась идти за Мухоморова, и это решение... никто... разве один Всемогущий Бог переменит.

Виталина. Что с тобою сделалось? От чего вдруг такая перемена.

Гориславская. Ничего, все по-старому!.. И ты, и я дали свое слово; слово это должно быть ненарушимо. Дочь жиды... понимаешь... не может быть за Леандровым. Павел Флегонтыч мой жених; я обручена с ним, он мною не гнушается... все, что он делал против нас, было из любви ко мне. Прости мне; без ведома твоего я писала к нему вчера и подтвердила вновь обещание принадлежать ему. Через неделю я буду его женой; ты должна меня благословить.

Виталина. Ты говоришь, как безумная. Что ж заставляет тебя решиться на эту жертву?

Гориславская. Все — отец, Леандровы, обстоятельства, которыми я тебя опутала, муки, на которые тебя обрекла... Пора положить конец!

Явление II

Те же и слуга.

Слуга. Леандров. *(При этом слове смертная бледность покрывает лицо Гориславской; она садится за ручку дивана к другому дивану.)*

Виталина. Проси. *(Слуга хочет идти и оглядывается.)* С докладом? этого прежде не было. *(Вслух.)* Боюсь за тебя; ты на себя не похожа.

Гориславская. Ничего... Пройдет, и скоро.

Виталина. Что ж ты стоишь?

Слуга. Еще какой-то еврей пришел.

Гориславская (*в сторону*). Мой отец!.. (*Вслух.*)
Веди его в мою комнату. (*Слуга уходит.*)

Явление III

Виталина, Гориславская и Леандров.

Гориславская (*про себя*). Славу Богу, еще не он.

Виталина (*подавая Леандрову руку*). Сколько дней не видалась! Хорошо ли так забывать друзей?

Леандров. Что ж делать? Обстоятельства! Не мы, Господь управляет ими. Диковинные вещи творятся в свете! Вот, например, приехал сюда по просьбе сына, думал и то сделать, и другое, а вышло, как говорят нынешние, пуф! И теперь по просьбе ж сына еду в деревню.

Виталина (*чрезвычайно смущенная*). И скоро?

Леандров. Нынче, может быть, через час.

Виталина. Какая поспешность!.. Отчего ж ваш сын так скоро гонит вас отсюда?

Леандров. И он едет со мною. Признаюсь вам, пора, пора без оглядки из этой бестолковой Москвы! Здесь потеряешь совсем здоровье, рассудок. Обольщение, обман, личина на каждом шагу! Посмотришь на иное чудное творение: ангел во плоти, чудо в глазах, в звуке голоса; смотря на нее, сам делаешься как-то лучше; прозакладывал бы жизнь свою, что и душа такая же... А спустись в нее... (*Останавливается.*)

Виталина (*с усмешкой*). Я за вас договорю:

... «Ужасный
Крокодил на дне лежит.»

Благодарим вас за лестное мнение о московских жительницах. Кажется, вы на крокодилов женского пола намекаете.

Леандров. Виноват, не умею прикидываться; такова моя несчастная деревенская натура.

Виталина. Да с вами нынче страшно, Петр Сер-

геич! Вы сделали не по летам каким-то Чацким, каким-то Чайльд-Гарольдом. Хотя мы и не можем принять на свой счет ваших сатирических выходов... ангелов в нашем доме нет, все простые и очень простые смертные, непохожие на портрет, который вы так художнически рисовали... но, кто ведает? вы можете войти в более красноречивое, более наивное исступление, и нас, старых друзей, не пощадить. И потому скажу вам откровенно: вы прекрасно делаете, что едете. Авось деревенский воздух вам поможет.

Явление IV

Те же, Сергей Петрович и Ипполитов. Вошедшие раскладываются.

Леандров. О, мы и здешним исцелены от многих душевных недугов! Да вот и моя молодежь пришла проститься с вами (*встает*) и вместе со мною поблагодарит вас и Наталью Ивановну за все ласки ваши, за дружбу.

Виталина. Не говорите о дружбе, Петр Сергеевич; это слово нынче, в устах ваших, горькая насмешка на нее.

Леандров. По крайней мере, не *мы* виною, что она так кончится.

Виталина. Настоящая дружба не обвиняет слепо, без сильных доказательств, без оправдания.

Леандров. Есть проступки, для которых лучше не спрашивать оправданий: свидетельство глаз не обманывает.

Виталина. Странные загадки?

Леандров. В вашем доме все тайны.

Виталина. Есть только одна, семейная тайна; она не мне принадлежит, и потому для меня священна. Впрочем, на расставанье, за себя и Наташу, искренно прощаем вам обидные намеки; вы когда-нибудь в них горько раскаетесь.

Сергей Петрович (*Ипполитову, тихо*). Хотел бы говорить, хотел бы излить всю горечь негодования,

но... посмотри на нее... как она переменялась в два дня! Это было бы душегубство.

Виталина (*Ипполитову*). И вы нам изменили, monsieur Ипполитов. Жаль, очень жаль; я несколько раз посылала за вами, мне была до вас крайняя нужда по одному важному делу.

Ипполитов. Извините, такой ветренник, как я, худой поверенный в важных делах. Вообразите, чем я занимался все эти дни,—должностью хромононого беса: странствовал по Москве из угла в угол, лазил по чердакам, заглядывал в самые глухие закоулки...

Виталина. Наша и, кажется, ваша Москва, на которую нападают с таким ожесточением со времен Чацкого до Петра Сергеевича Леандрова, конечно, доставила и вашему остроумию богатые запасы.

Ипполитов. Преинтересные.

Виталина. Например?

Ипполитов. Например, вчера мы с Сержем...

Виталина. И он провожал вас в этих бесовских набегах?

Сергей Петрович. Поневоле; от них зависела участь моей жизни.

Виталина. Вашей жизни!.. Странно!.. Это, в самом деле, интересно. Что ж вы нашли?

Ипполитов. В Черством переулке, близ Сухаревой башни, в мизерном доме, помнится, мещанки Соковой (*Гориславская содрогается*), совершаются такие элевзинские таинства, что страшно нам стало.

Виталина (*Сергею Петровичу*). А вы... что скажете?

Сергей Петрович. Я нашел в этом убогом доме гроб моих надежд, счастья целой моей жизни и любви моей, думал я; но, придя сюда, уверился, что это чувство, несмотря ни на какие свидетельства, умрет со мною. (*В глубокой горести со слезами на глазах бросается к руке Виталиной.*) Прощайте, Софья Андреевна, прощайте; я не думал так скоро расставаться с вами, и навсегда! (*Кланяется Гориславской и уходит. Гориславская плачет закрыв глаза платком; Ипполитов раскланивается с Виталиной и Гориславской и печальный уходит вслед за Сергеем Петровичем.*)

Леандров (*подходит к Гориславской*). Ради Бога, одно слово...

Гориславская. Что вам угодно, сударь?

Леандров. Простите смелости моей: от вашего ответа зависит участь моего сына, следственно и моя. Скажите мне откровенно: были вы вчера с молодым Мухоморовым в *этом* доме?

Гориславская. Была.

Леандров. Зачем?

Гориславская. Это моя тайна; но... вы должны узнать ее сейчас. Пора! Воротите вашего сына и Ипполитова: наказание мое должно быть полное — я одна виновата.

Леандров. Нет, не верю, вы не можете быть виноваты. Тут должно быть что-нибудь другое. На старости лет мне бы следовало быть рассудительнее этих пылких молодых людей, а я совсем обезумел. Да, ворочу их обоих, чтоб они выпросили прощение у ног ваших. (*Уходит.*)

Виталина. Что ж хочешь теперь делать?

Гориславская. То, что я должна была сделать давно. (*Выходит в боковую дверь и тотчас возвращается, ведя за руку Соломона; из средней двери в то же время входят Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов.*)

Явление V

Виталина, Гориславская, Леандров, Сергей Петрович, Ипполитов и Соломон.

Гориславская (*указывая на отца*). Вот он, мой возлюбленный... у него была я вчера.

Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов. Еврей?!

Соломон. Еврей Соломон... на днях приехал из Белостока. Не стыдитесь меня, господа, не презирайте меня, завтра ж я буду христианином, и тогда, может быть, вы протянете мне руку, как брату своему. Да, я возлюбленный *ее* от рождения, по крови: я — ее отец!

Леандров, Сергей Петрович и Ипполитов. Отец?..

Леандров (*про себя*). Отец еврей?.. Я этого не ожидал... но, видно, так судьбе угодно...

Соломон. Я разгадал для вас трудную, может быть и грустную загадку; я сделал все, что дочери было угодно... Теперь решайте без меня (*Уходит в боковую дверь.*)

Гориславская. Никто не знал квартиры *моего* отца, кроме Мухоморова-сына; он не хотел мне сказать об ней и взялся проводить меня. Злодеи действовали так искусно!

Виталина. Теперь вы поймете тайну, которую шептал ей негодяй Парфеныч у меня на даче; вы поймете, каким влиянием достойный сынок опутал бедную жертву свою на вечере у Гусыниных, вы поймете сборы в пользу семейства бедного жида. Винюсь тоже перед вами: Натали записана у меня дочерью чиновника, а между тем... вы теперь знаете... и можете судить об остальном.

Ипполитов (*в сторону*). Господи! какое сплетение обстоятельств! какие страдания должна она была вытерпеть!

Сергей Петрович, (*закрыв глаза рукою, плачет; изумление, смущение и грусть изображаются на лице Леандрова*).

Леандров. Сережа, что ты скажешь на это? Чем искупим ужасное зло, которое сделали Наталье Ивановне? Чем загладим оскорбление?

Сергей Петрович. Счастьем моим, батюшка, если Наталье Ивановне угодно будет простить нас и подарить меня этим счастьем. (*Гориславской.*) У ног ваших умоляю вас об нем.

Гориславская. Подумали ль, что скажет свет? Ручаетесь ли за будущее?

Сергей Петрович. Любовь моя выше всех предрассудков, я говорил это всегда, я и теперь это повторяю.

Гориславская. И вы, Петр Сергеевич, не стыдились бы?..

Леандров (*взявши ее за руку*). Э, Наталья Ивановна, что нам нужды до того, кто ваш отец? Нам вы ну-

жны, вы с вашей прекрасной душой, с вашим образованием. Что скажет свет? Да я и знать его теперь не хочу, я на пересуды его плевать хочу, счастье моего сына дороже мне всего. Не нам чета женились — да еще на каких, что вашего ноготка не стоят. Если хотите, мы помирился и с предрассудками: дадим отцу вашему богатый капитал и запишем его в купцы — хоть первой гильдии. Он поедет в Одессу, в Таганрог, куда ему вздумается. Вот и вся недолга!

Гориславская. Я забыла... Вчерашний вечер, спасая отца, желая избавить свою вторую мать от хлопот и страданий, я письменно обязалась Мухоморову выйти за его сына...

Ипполитов. Позвольте... мое дело уладить это. Я был также участником в оскорблении Натальи Ивановны, и потому берусь получить назад это обязательство; клянусь в том честью своею. У меня есть тоже своего рода талисман; кстати, я получил его вчера из места служения нашего рыцаря.

Леандров (*Гориславской*). Вы еще колеблетесь... Хотите ли, чтобы я, старик, упал к ногам вашим? Голубушка моя, сердце ты мое, подумай, как мы далеко зашли... ни нам, ни тебе нельзя назад...

Гориславская. Если на это воля Господня, обнимите меня, как дочь вашу. (*Бросается на грудь Леандрова.*) Я люблю вашего сына и, уверенная в нем, отдаю ему руку вместе с сердцем своим. Ему одному принадлежало оно. (*Подает руку Сергею Петровичу, потом бросается обнимать Виталину.*)

Виталина. Бог услышал мои молитвы: будь счастлива, милое, дорогое дитя мое!

Явление VI

Те же и слуга.

Слуга. Мухоморы.

Ипполитов. А! на ловца и зверь бежит. С вашего позволения, Софья Андреевна, похозяйничаю с ними.

Виталина. Делайте, что хотите.

Ипполитов. Теперь попрошу вас всех, кроме ба-
тюшки, удалиться на время. (*Все, кроме Ипполитова
и Леандрова, выходят в боковую дверь. Слуге.*) Зови.

Явление VII

Ипполитов, Леандров, Мухоморов и Павел Фле-
гонтыч.

Мухоморов. Разве хозяйки нет дома?

Ипполитов. Она в тревоге... по неприятному для
нее делу... и через вас... Я уполномочен поладить с ва-
ми... Прошу садиться. Мы покончим скоро. Вы помни-
те, Павел Флегонтыч, на чем мы остановились на вече-
ре у Гусыниных?

Павел Флегонтыч. Вы требовали от меня удо-
влетворения за какие-то мнимые, оскорбительные на-
веты на одну известную особу. Угодно вам эту сати-
сфикацию, или останетесь довольны тою, которую
я вам представил вчера? Кажется, я исполнил свое сло-
во, как следует честному человеку; ожидаю также,
что и вы...

Мухоморов (*перебивая его*). Что ты, Павел
Флегонтыч?.. в уме ли?.. Сатисфакция была чистая,
письменная; пожалуй, можно и на гербовую пере-
нести.

Ипполитов. Будьте покойны, дуэли ни крова-
вой, ни чернильной не последует; ваш сын исполнил
свое слово... хотя честь... но это к делу нейдет. Теперь
я обязан с вами расквитаться. Но прежде удовле-
творения с нашей, виноватой стороны, позвольте спросить
вас, почтеннейший Флегонтыч, как известного юриста
и знаменитого адвоката... (*Тихо Мухоморову.*) Скажу
вам по секрету, мы знаем все о Гориславской: и проис-
хождение ее, и за что ее выдавали...

Мухоморов (*испугавшись*). Вы?.. каким обра-
зом?

Ипполитов (*тихо Мухоморову*). Тише. Ответ, ко-
торый вы мне дадите, нужен, чтобы разом отбить от

нее моих приятелей... отцу хочется развязаться... вы это сейчас поймете... (*Громко.*) Позвольте же мне спросить вас, что ожидает того, кто присвоит себе непринадлежащее ему право состояния или звания... положим, чин (*взглядывает на Павла Флегонтыча*) и тому подобное? (*Павел Флегонтыч бледнеет.*) Павел Флегонтыч, вы слышали?

Павел Флегонтыч (*чрезвычайно смущенный*). Да... слышал... как же...

Мухоморов (*тихо сыну*). Будь покоен насчет невесты. Это нужно для повершения... (*Ипполитову.*) Того ожидает, батюшка, дальний путь в снежные края... вы меня понимаете.

Ипполитов (*кивая Мухоморову*). Несмотря ни на какое лицо?

Мухоморов. Не взыщите, хотя бы знатный барин или знатная барыня, покатит мой голубчик или моя голубушка на собачках... ха, ха, ха! (*Пожимает руку Ипполитову.*)

Ипполитов. Так-таки покатит? Хоть бы ездил на четверке серых в яблоках?

Мухоморов. Хоть бы на четверке!.. Зато запрягут там шестерку разношерстную: и пегеньких, и буреньких, и рыжих, какие придутся. Говорят, мчат, как вихорь, по снежным сугробам, высунув язык, а кучер, вместо плети, какой-то вилой погоняет; только слышно в снежной степи, как говорят бубенчики.

Леандров. Ха, ха, ха! Веселая поездка!.. Нет ли наказания полегче?

Мухоморов. Ну, смотря по обстоятельствам, уменьшающим вину: женщину отошлют в рабочий дом.

Леандров. А молодца?

Мухоморов. Коли выйдет в меру, поставят в рекрутский прием да забреют лоб.

Ипполитов (*Павлу Флегонтычу*). Поправьте, господин рыцарь, свой тупей.

Павел Флегонтыч (*вскакивая со стула*). Что вы хотите этим сказать, сударь?

Ипполитов (*подавая ему письмо*). А вот что! Прочтите это письмо. (*Павел Флегонтыч не берет его.*) Вы должны его прочесть, или, вы слышали от отца, юриста, что ожидает вас. (*Павел Флегонтыч берет письмо и читает.*) Рука вашего начальника отделения должна быть вам знакома. (*Мухоморову.*) Посмотрите, как он бледнеет, как дрожат его руки! Так бледнела несчастная Гориславская, так дрожали у ней руки, когда презренный отпущенник шептал ей на ухо тайну, которою он владел — тайну своей благотельницы...

Мухоморов (*встав*). Что это все значит?

Ипполитов. Прочтите ответ на лице вашего сына. (*Павел Флегонтыч, прочитав письмо, стоит, как бы пораженный громом.*) В таком положении был мой друг, когда презренный сын этого отпущенника показал на вечере у Гусыниных страшные, изумительные опыты своего влияния на бедную жертву свою, когда она, бледная, трепещущая от одного слова, пала без чувств! Теперь и моя очередь пришла сказать одно слово; посмотрим, на чьей стороне будет смех. (*Указывая на Павла Флегонтыча.*) Самозванец.

Мухоморов (*в сторону*). На беду, окаянный подписался коллежским под двумя актами. Надо просить пощады... (*Падая на колени.*) Пощадите, отец родной! Пощадите, батюшка, Петр Сергеевич!

Ипполитов. Встаньте; вы все-таки носите образ человеческий. Да, я пощажу в нем дом, где он воспитывался, место, где он служил... но с уговором, сейчас, сию минуту, возратить мне обязательство Гориславской. (*Павел Флегонтыч вынимает из кармана бумагу и отдает ее отцу, а этот передает Ипполитову.*) Оно!.. И чтобы через два часа этого молодца не было в Москве, и чтоб никогда не было помину о правах на Гориславскую и семейной тайне ее!.. В противном случае она найдет во мне адвоката, который не помирится иначе, как по статьям закона; свидетелей я найду десятки. Теперь мы расквитались. (*Указывает на дверь; Мухоморовы спешат удалиться.*)

Леандров (*отворя боковую дверь*). Finita la commedia; прошу войти.

Явление VIII

Входят Виталина, Гориславская и Сергей Петрович.

Виталина (*подавая записку Ипполитову*). Извините, выход на сцену одной героини нашей драмы нужен был для окончания ее. Прочтите это послание.

Ипполитов (*читает записку*). Медовицына... я отгадал! Она бежала из вашего дома, на коленях просит у вас прощения во всех ее гнусных поступках. Негодяйка! была с ними в заговоре.

Леандров. За нас был Тот, Кого люди не могут обмануть. А как не сказать, однако ж: вся беда была от стыда. Без того мы давно бы все покончили.

ОКОПИРОВАЛСЯ

КОМЕДИЯ В ТРЕХ АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марфа Осиповна Резинкина, вдова титулярного советника.

Александр Парфеныч, сын ее, канцелярский служитель.

Силай Ермилыч Мамаев, столяр.

Груня, дочь его.

Анна Семеновна Липина, помещица, пожилых лет девица.

Владимир Петрович Подснежников, молодой помещик.

Мавра Львовна Поддевкина, вдова приказного, лет пятидесяти с лишком.

Прасковья Степановна, дочь ее, лет тридцати, высокая, худощавая и рыжая.

Ксенофонт Кирыч Разнесенский.

Муха

Лососинин

Гривенничкин

} приказные служители.

Слесарь.

Ванечка, слуга госпожи Липиной.

Дворовый человек.

Половой.

Кухарка Поддевкиной.

Мальчик и девочка, лет по девяти.

Шарманщик и с ним женщина.

Цыгане.

Действие происходит в губернском городе.

АКТ I

Бедная комната. С одной стороны верстак; на стене висят столярные инструменты; в беспорядке валяются распиленные деревья; у другой стены шкафчик, над комодом, с посудой. Прямо и с обоих боков комнаты двери; одно окно; к стороне верстака две скамейки, к другой стороне столик, около него старый кожаный диван, такие же кресла, два стула и пьалцы.

Явление I

Груня (*одна; сидит за работою — разматывает моток, наверченный на спинку стула; перед нею пальцы; на пальцах развернутая книга*). Кажется, не сидишь сложа руки; часто заря утренняя застаёт за работою, а в доме ни рубля. Отложишь на приданое — подавай на провизию или... на вино. Господи! долго ли еще так будет?.. (*Немного погодя.*) Мне было так хорошо у моей крестной матери, так привольно... жила настоящей балованной барышней. Что ж, разве оставить мне было отца одного... при его слабости... Полно, нет ли еще чего, Груня? (*Грозит пальцем.*) А?.. признайтесь... Виновата, тут еще кое-что привязало меня к этой бедной избушке. (*Вздыхает.*) Что-то замешкался Александр Парфеныч... Саша, душенька, идите же скорей!.. За что ж я люблю тебя? Правда, ты прехорошенький, добрый, угождаешь мне... зато необтесанный такой, с такими подъяческими ухватками, иное слово скажешь, бывает так стыдно, что в землю бы ушла... А все-таки люблю... что ж делать? рассудок запрещает, да тут (*показывает на сердце*) не слушается. Погодите, как будете моим муженьком, переделаю вас. Была же я простой девочкой, а теперь, по милости моей благодетельницы, слыву барышней. Посмотрите, как я примусь тогда муштровать вас. (*Садится и задумывается.*) Все мечты и мечты!.. Он из благородных, сын титулярного... мать говорит, она капитанша... а я — мещанка, дочь столяра... Только ровня мы оба тем, что бедны.

Явление II

Груня и Резинкин. Она притворяется, будто его не видит; Резинкин, держа букет в руках, подходит на цыпочках все ближе к ней и потом бросает букет на пальцы.

Груня. Ах, как вы меня испугали!.. не ждала так рано. Благодарю за цветы. (*Разбирает их и прикалывает часть на голову, а другую к груди.*)

Резинкин. Здесь ваш и портрет — вот этот романчик.

Груня. О! да вы какой стали сочинитель!

Резинкин. А за труды позвольте ручку... (*Груня протягивает ему руку, он целует ее.*) Ведь почти до зари лазил через палисадники... у почтмейстера караульные чуть не поколотили.

Груня (*качая головой*). Чужое?... нехорошо... Смотрите, не наживите беды.

Резинкин. Для вас готов хоть сто палок выдержать.

Груня. Не говорите мне, пожалуйста, таких лакейских слов; разве нельзя как-нибудь иначе?

Резинкин. Нет, вы не знаете, Аграфена Силаевна, как я вас люблю. В канцелярии перегрыз все перья, думая об вас. А с каким душетрепетным чувством вывожу букву «Г», которою начинается ваше рафинадное имечко: Груня! и вследствие этого люблю особенно писать: Господину Гражданскому Губернатору. Вчера крепко задумался об вас; переписал было его превосходительству рапорт об *искуплении* дров, хотел засыпать песком и вместо песочницы взял чернильницу, да и бух... точь-в-точь Черное море вывел. Столона-чальник мой, добрейшая душа... и тот не вытерпел, сказал: «Эх, ты, братец, какая дура! Целый лист веле-новой пропал». Все за вас, Аграфена Силаевна!

Груня. Разве я об вас менее думаю? Да что ж из этого? Весь переулок Бог знает, что говорит об нас.

Резинкин. А вот переулок прикусит язычок, да и целый город ахнет, как получу место письмоводителя станowego. Знаете, окопируюсь авантажно и поведу вас к венцу, в вуале, в кружевах, в фалбалах.

Груня. А маменька ваша?

Резинкин. Она будет согласна. Вообразите только, Аграфена Силаевна: письмо-во-дитель станowego!.. Каково!.. Позвольте мне ваш моток на руки... этак вам ловчее.

Груня (*отдает моток и продолжает работу*). Очень одолжите. А разве это какая-нибудь важная должность?

Резинкин. Как же-с не важная? Важней-ей-шая! Вторая особа в стане!.. Письмоводитель и секретарь все

равно, а секретарь, известное дело, всем ворочает. Вообразите только, мы приезжаем на даровой подводе в свой стан.

Грун я. По важной должности надо бы колясочку.

Резинкин. Потихоньку, потихоньку... сперва начнем даровой подводой, а там дойдем до каменного дома в три этажа. Тут, в первой деревне, объявлю: я, дескать, письмоводитель станowego. В одно мгновение ока все селение переполошилось, точно губернатор приехал... Мужики и бабы, старики и ребята сбегаются смотреть на меня; все стоят передо мною без шапок. «А где ж староста и десятские?» — кричу я грозно.

Грун я. Тише, тише, вы совсем запутались в нитках.

Резинкин (*распутав нитки, надевает моток на стул*). И вот староста и десятские, запыхавшись, бледные, как полотно, несут хлеб-соль, курочку, яицек, а вам, Аграфена Силаевна, ягодок... Для вас ягодки, понимаете-с? Я вам скажу-с, умный народ!.. «Куда ж яйца в дорогу?» — говорю я. «Пока вашему благородию запрягают лошадек, — говорит староста, — мы испечем их». Я вам скажу-с, сметливый народ!

Грун я. На нашем месте я ничего бы не взяла с бедных мужиков.

Резинкин. Наши старшие приказные говорят: нельзя-с, в грош не будут ставить; прослывешь у них же простаком!.. Живей! лошадей, тройку с бубенчиками, а колокола не надо... есть свой. Надо вам признаться, Аграфена Силаевна, я уж и колокол припас... знатнейший, звон такой, все думаю, точно гусли... прямо с горы Валдая, где девки бублики продают.

Грун я. То-то я слышу звон колокольчика, все думаю, какой приезд у Резинкиных! (*Показывает ему на локти его.*) Да что это у вас локти худые? Как не стыдно! Точно у нищего.

Резинкин. Что ж делать-с? от практики поистерлись.

Грун я. Неужели вы так в свою канцелярию ходите?

Резинкин. Хожу-с.

Грун я. А говорите еще, новый начальник у вас строгий? Что бы ко мне принес лоскутков каких сукон-

ных из старого платья; я бы с удовольствием починила.

Резинкин. Признаться, жилетка есть старая, да жаль... еще поношу под сюртуком.

Гривенничкин (*за окошком, стучит палочкой в стену*). Сашка! пора к должности... полно амуриться.

Груня. Господи! какой стыд!..

Резинкин. Негодай! Уж я этого Гривенничкина... пожалуйюсь экзекутору.

Груня. Нет, нет, не делайте этого... и так довольно разговору. Ступайте и не показывайтесь мне на глаза целый день.

Явление III

Те же и Мамаев.

Мамаев. А? красноперый селезень!.. все около девки увивается... Держи ухо остро, брат, разом ошибу крылья.

Резинкин. Я... ничего-с... только с моим почтением, Силай Ермилыч, с хорошими мыслями.

Мамаев. То-то смотри, с хорошими мыслями! (*Подходит к Резинкину и говорит ему тихо.*) Нет ли, брат, двугривенного горло промочить?

Резинкин. Право хоть побожиться, нет, а как добуду нынче, матери не отдам, вам принесу. (*Уходя, тихо Груне.*) Бог с вами, Аграфена Силаевна, убиваете вы меня.

Явление IV

Мамаев и Груня.

Мамаев (*у верстака, лениво прилаживает рубанок*). В голове будто десяток пудов свинцу, на сердце мутит... руки словно мочалы... хоть бы со вчерашнего похмелья на двугривенный промочить. (*Груне.*) Все за книжкой, барышня?

Груня (*она перед этим бросила рукоделье и взяла с пялец книгу*). Читаю про одну девушку, Дженни Эйр, в «Отечественных Записках».

Мамаев. Отеческих!.. Чай, любовные какие записки!.. Набьешь себе голову этими пустяками, да и сама, пожалуй, пустишься в шашни. Смотри, раздавлю, как лягушку.

Груня. В этой книжке все хорошее: читаешь, будто сердцу отдаются слова покойной маменьки.

Мамаев. Хорошее? Знаем-ста!.. А все чернильная строка, Сашка, таскает тебе эту дрянь. Чай, подтибрил где-нибудь, али сорвал с кого!

Груня. Добрый сосед Александр Парфеныч одолжил, а взял он из казенного места, где служит; там выписывают; сам главный начальник хочет, чтобы приказные учились добру из этих книг.

Мамаев. Научили бы лучше, как денежку добывать. Ох, ох! проклятая полоса!.. тошно на белом свете жить!

Груня. Не гневите Господа. По милости Его и моей крестной матери, вы теперь человек вольный; дочь вашу научила она всякому рукоделью и грамоте... Я работаю, сколько сил есть... заказов у вас много... стоит вам только за работу приняться.

Мамаев. За работу? легко сказать!.. Заказные деньги пропиты... дерева не на что купить... руки с похмелья не поднимаются.

Груня. Зачем же вы это делаете?

Мамаев. Эх, Грунечка! с горя что ли после покойницы твоей матери, болеет что ли? Доктура говорят, червяк засел в сердце... все вина подавай ему... хоть бы двугривенный, опохмелиться, как бы с гуся вода! Нет ли, душечка, графинчик ты мой?

Груня. Право, нет.

Мамаев. Поищи, барышня, вишнебочка ты моя... не залежалось ли где?.. А то хоть руки на себя наложить.

Груня (*вставая, сквозь слезы*). Боже вас сохрани!.. У соседки разве занять... Думала взять на соль... ведь в доме зерна соли нет... только дайте слово: примитесь после того за работу.

Мамаев. Примусь... вот тебе... провалиться сквозь землю, примусь.

Груня (*ласкаясь к отцу*). Достану, только не гово-

рите таких слов... (*Прислушивается.*) Кто-то подъехал... (*Бросается к окну.*) Карета четвероместная... Ах! она, наша благодетельница... Анна Семеновна... (*Бежит встречать приехавших.*)

Мамаев. Тут ее нелегкая принесла!.. Хоть умирай! Начнет опять рацею читать.

Явление V

Те же, Липина, мальчик и девочка. Мальчик одет в гусарское детское платье с золотой шифровкой; он нередко утирает рукавом нос; девочка в белом муслиновом платье (оба в продолжение явления пачкаются в стружках); крестьянка с грудным младенцем на руках и Ванечка, слуга Липиной, в ливрее с большою куклою за пазухой; он пьян, при входе тузит мальчика, а потом большею частию держится у стены.

Липина (*Груне, которая хочет поцеловать у ней руку*). Ты знаешь, душа моя, я этого не люблю... поцелуй меня так.

Груня. Какими судьбами здесь? удостоили нашу хижину?

Липина. А вот как, дружок. Ныне день ангела Пашеты, трехлетней дочери Кривлякина; еду поздравить ее, везу подарок. Человек нужный... А без того нельзя... все семейство уж так приучено, смотрит всегда в руки... Ванечка, подай-ка куклу. (*Слуга подает.*) Да где же верхнее платье на ней?

Ванечка. Почему я знаю!.. Знать, дорогой обронил... голова кругом пошла... солнцем что ли припекло.

Липина (*с упреком, но ласково*). Как тебе не стыдно, Ванечка!.. Впрочем, я сама виновата... не подумала о парасоле... кукла не беда, куплю другую в магазине; а бедный, бедный Ванечка! Не было б горячки?

Мамаев. Нашему брату ничего-с, пройдет. Русачка бы: клин клином выбить.

Липина (*Груне*). Кстати, душа моя, вот привезла сюда этих злополучных. Мальчика отдаю в кантонисты; девочку, дочь трубочиста — в приют, грудного мла-

денца — в сиротский дом, а женщину — туда ж в кор-милицы.

Крестьянка. Воля твоя, сударка, а трех разом кормить не буду: и корову один теленок сосет.

Липина. Полно, полно, дружок, не будешь... я уж это на себя беру.

Груня. Бог вас наградит за них.

Липина. Если можно делать добро, делай его, облегчай участь человечества в той сфере, в которой поставлена, — это золотое правило Фенелона. Вот, если у почтенной дамы отекают ноги, я не постыжусь подставить ей скамеечку; право, подставляю. Пускай смеются! А я знаю про себя, что облегчила чем-нибудь бремя человечества. Кстати, графиня Надин пишет ко мне, спрашивает: что делает твоя воспитанница Груня, пристроила ли ты ее, замужем ли она?

Груня. Очень благодарна, что вспомнили меня, дочь столяра.

Липина. Дочь столяра?.. Ты моя крестная дочь, моя воспитанница!.. Нынче мещанка, а завтра — кто знает, что о тебе написано в книге судеб!.. А я тебе пророчу, ты будешь за дворянином, у которого шестьдесят душ... не смейся!.. Об этом после, по секрету... Ну, что твой папа, почтенный Ермилыч? По-прежнему? Кстати вам скажу, я Ванечку вылечила от пьянства по новой методе. Солнцем припекло, а то б посмотрели бы, какой молодец.

Мамаев (*в сторону*). Это видно, у пристенка насилу стоит. (*Дети дерутся из-за куклы, которую дал им Ванечка.*)

Липина. Милочки! полноте... Вспомните, души, вы оба братья по человечеству, по несчастию — еще более. Надо братски друг с другом делиться. Лиза, ты поиграй немножко куклой, потом отдай Васе; Вася поиграет, отдаст опять Лизе.

Мамаев (*подходя к окну*). Какой-то барин сидит в карете, машет рукой.

Липина. Ах, я рассеянная какая!.. Молодой прекрасный человек сидит себе в карете... везу его к Кривлякину рекомендовать, и совсем забыла об нем. Дети, кормилица, ступайте себе в карету, а ты, Ванечка, про-

веди их, чтоб кормилка не оступилась с ребенком на гнилой лестнице. Скажи, сейчас дескать буду. (*Крестьянка, дети и Ванечка уходят.*) Ермилыч, поди к себе в каморку, мне нужно сказать Груне пару слов по секрету.

Мамаев (*про себя*). Видно, что-нибудь неспроста. Приглажу сквозь щелку двери и подслушаю. (*Уходит направо в дверь, которую неплотно притворяет.*)

Явление VI

Липина и Груня.

Липина. По большому секрету, Груня... Знаешь молодого соседа моего, Подснежника? Говори мне все, все чистосердечно, как матери.

Груня. Видела я его по праздникам в деревне, в приходской церкви; встретила раз с ним в роще... он насказал мне разных нежностей — рассердилась; написал мне письмо с теми же любезностями — я бросила в огонь; ездит часто мимо наших окон — я отхожу от окна; был у отца и заказал мебель — я ушла в чуланчик свой: вот и все.

Липина. Знаешь ли, дружок, Бог невидимо посылает тебе счастье!.. Я с ним познакомилась... Прекрасный молодой человек!.. скромненький, застенчивый, как девушка! А как добр! Кривлякина разыгрывала лотерею в пользу неизвестной — взял один десять билетов... Влюблен в тебя по уши... говорят мои люди, ни на что не посмотрит... Жених, что ни говори, жених!

Груня. Может ли быть? он помещик, а я...

Липина. Отец его не Бог знает какого знатного роду...

Груня. Все-таки я мещанка.

Липина. Эка беда! Прочти историю знатных и даже великих людей, ты увидишь, что хуже тебя попадают в большие барыни. Не ты будешь первая, не ты последняя.

Груня. Просто, хочет обмануть бедную девушку.

Разве я также в книгах не читала, разве нет около нас примеров...

Липина. Ты не похожа на этих несчастных, я знаю, да и он не смотрит развратником.

Груня. Может быть, и прекрасный, благородный человек, да я...

Липина. Что? что? уж не...

Груня. Не скрою от вас... вы моя вторая мать... я... люблю другого... обещалась за него... *(вздыхает.)* Разве сам откажется!

Липина. Кто ж это такой?

Груня. Сосед Резинкин... служит в казенном месте... скоро ему дадут хорошую должность.

Липина. Смотри, ты была всегда такая восторженная!.. По мне пошла!.. Соседство!.. молодость... надо было кого любить... он попался первый.

Груня. Может быть, и правда; но вы знаете меня, если уж я слово дала...

Липина. Хоть убей тебя, не отступишься от него, знаю. Если так, не хочу разрывать союза двух любящих сердец. А я было думала так хорошо устроить... Остался один, сиротой, без отца, без матери, может в одиночестве погибнуть... начнет ходить в крестьянских хороводах, ездить на тройках с бубенчиками, стегать арапником по дороге встречных и поперечных... пропадет ни за что!.. Ты наполнила бы его жизнь, сберегла бы его состояние, а пуще всего — душу от пороков... Сколько бы человечество тут выиграло!.. Но не хочу тебя огорчать. Подойди сюда, поближе... Вот тебе, милочка, бумажка.

Груня *(развертывая бумагу)*. Пятьдесят рублей серебром!.. 175 р.?.. Мне...

Липина. Тс!.. услышит... не показывай, отнимет. *(Показывает на дверь.)* Береги на черный или на светлый день, ты меня понимаешь.

Груня *(хочет поцеловать у ней руку, Липина обнимает ее)*. Добрая, бесценная Анна Семеновна! как уж вас назвать и не знаю.

Липина. Дала бы более, ты знаешь, я сама небогата.

Груня. Никогда у меня столько денег не было! Ка-

кое богатство! какое счастье! сберегу... никому не покажу... О, как я счастлива!

Липина. За это попрошу от тебя услуги; мне нужно послать тебя...

Груня. Приказывайте.

Липина. У кареты доскажу... теперь поспешу извиниться перед молодым человеком. Накинь шляпку и приходи скорей. *(Уходит.)*

Явление VII

Груня *(одна)*. Какое неожиданное счастье! Саша, я на тебя более не сержусь. Прочь досада, прочь горе!.. Куда б припрятать?.. В кармане я и так гривенник потеряла. Да! в шкатулку, где лежит его заветное колечко... *(Идет к шкапчику, отпирает комод под ним, вынимает шкатулку, отпирает ее и кладет туда деньги.)* Тут будет безопасно. *(Запирает.)* Заперла... крепко... *(Запирает комод, кладет ключик себе в карман, бежит в дверь на левую сторону, тотчас возвращается из нее в шляпке и посылает издали поцелуй в ту сторону, где схоронены деньги.)* Прощай покуда, мое сокровище! Не увидишь ты света Божьего, пока не настанет для нас очень черный или очень светлый день. *(Только что она хочет растворить дверь, навстречу ей Подснежников.)*

Явление VIII

Подснежников и Груня.

Груня. Что вам угодно?

Подснежников *(загораживая ей дверь)*. Анна Семеновна прислала меня к вам... за вами...

Груня. Если вы за мною, так позвольте пройти.

Подснежников. Вы знаете из письма моего...

Груня. Я не читала его и бросила в огонь.

Подснежников. Выслушайте, по крайней мере, что я вам скажу. Будьте сострадательны, у вас, говорят, доброе сердце... С того времени, как я вас увидел, я

не имею спокойного дня, спокойной ночи; свет мне опостылел... Неужли вы захотите, чтоб я бросился в реку или застрелился?

Груня. Все, что вы говорите, я где-то читала в книжке. Чего вы хотите от меня?

Подснежников. Не будьте так жестоки, не отвергайте моей любви.

Груня. Я вас не понимаю и не хочу понимать.

Подснежников. Вам ли, с вашею красотою, с вашими достоинствами, жить в этой хижине? Вам сулил Бог высшую долю. Прилично ли вам заниматься низкою работою? У вас должны быть хоромы, экипажи, слуги... я сам буду первым слугою вашим.

Груня. Я привыкла жить в этом убогом домике; работа меня не тяготит, потому что работаю для отца, для себя... довольна, никому не жалеюсь на судьбу свою... впредь уповаю на милости Бога, Которому мать, умирая, меня поручила... имя честной девушки дороже для меня всех сокровищ на свете.

Подснежников. Вспомните, что ждет отца вашего в старости... он и теперь едва может работать... хорошая дочь должна жертвовать всем для счастья своих родителей.

Груня. На этом не поймаете меня, Владимир Петрович. Теперь скажу, мы друг друга понимаем. Прошу оставить меня в покое, не то... я позову отца своего.

Подснежников. И вы отвергли бы мою любовь, если б я предложил вам даже руку свою?

Груня. Отказалась бы, потому что вы мне не пара. Если вы благородный человек, перестаньте за мною ухаживать; оставьте меня какою я есть, при моей чистой совести и спокойствии.

Подснежников. Что делать? исполняю волю вашу с горестью, с отчаянием в сердце.

Груня. В таком случае мировая! Нас ждут, переступим же порог друзьями. *(Подает ему руку.)*

Подснежников *(целует у ней руку)*. Вы, просто, ангел! *(В сторону.)* Я, право, влюблен по уши в эту девочку... достану ее, во что б ни стало *(Уходят оба.)*

Явление IX

Мамаев (*один*). Дурочка!.. хоть бы поманила его, а там вор-воробей и попался в силки; честным пирком, да и за свадебку! То-то бы погулял Мамаев! Знаем, что ей люб красноперый Сашка... Правда, малый добрый, вина не пьет, любит ее по чести; была бы пара!.. Да мать, вишь, капитанша, чванится, словно пава на крышке. А богата стала девчонка!.. пятьдесят целковых! Чтобы целковник отцу? хоть бы двугривенный отвести душу... Обещала!.. Да где ей помнить?.. До отца ль?.. Вишь, пьяница столяришка!.. А барышня там себе кофеи да чай с крендельками попивает. Отплатить, аль отплатить на целковиках?.. Больно мутит душу; не в колодезь же броситься!.. (*Трясет комоd.*) Крепко! Мудрец, сватушка, сам работал. (*Смотрит в окно.*) Вот и он, лысый, смотрит в окошко. (*Открывает окно.*) Сват, а сват, поди-ка сюда на пару слов. Кивает, дескать иду. А на душе что-то робко... И то сказать: ведь не у чужой, у дочери!.. Какого ж ей черного дня дожидаться?.. Для меня черен, как волчья ночь. Заплачу долги, куплю дерева, учеников возьму, стану работать да и положу опять, хоть с процентами.

Явление X

Мамаев и слесарь. У последнего связка слесарных инструментов.

Мамаев. Что, сват, как можется?

Слесарь. По-старому, дружище. Знаешь, все заетя не дает покоя ни днем, ни ночью.

Мамаев. Проклятая самоходка! убьет она тебя.

Слесарь. Не могу, братец, отстать... будто нелегкая все под бок толкает: сделай, да сделай.

Мамаев. Авантажу-то много ли? Был богат, угощать приятелей любил, а теперь, чай, и хлебушка не всегда... Ну, сделал, а там-то что?

Слесарь. А там в газетах будут писать: сделал такого-то города мещанин Перехватов диво дивное... тележку, сама катится... По русской палестине почет, да

и в чужих землях будут знать... Кажись, и в гроб-то лег бы радостно!.. Да вот беда какая: недостает двух ру-блевиков пружину одну прибавить.

Мамаев. А то бы?

Слесарь. И в ход.

Мамаев. Может статья, добрый человек и сыщется, одолжит.

Слесарь. Кому больна чужая болячка?

Мамаев. А хоть бы свату твоему.

Слесарь. Ой ли? родной благодетель!

Мамаев. Только сам сослужи; по твоей части.

Слесарь. Приказывай, сват.

Мамаев. По рукам!.. Вот видишь, братец, деньги-то у меня есть... в этом комоде, да ключи запропастились... под пол в щель что ли попали, аль девка затеряла. А деньги самому нужны: барин мебель заказал — дерева надо купить... время не терпит. Кстати, с тобою и инструментики.

Слесарь. Про всякий случай всегда с собою ношу.

Мамаев. Ну, валяй же проворней!

Слесарь (*примеривая крючки*). Этот велик... № 10 будет впору. Как раз! (*Отпирает комод.*)

Мамаев. Теперь вот шкатулку.

Слесарь. Тут № 12... (*Отпирает шкатулку.*)

Мамаев (*шарит в шкатулке, вынимает дрожащими руками кредитку и кладет в жилетный карман*). Запри, а то девка придет, Бог знает что подумает, и воры-то, и разбойники! (*Слесарь запирает шкатулку, а потом комод.*) Теперь пойдем, разменяем бумажку в трактире, там и получишь обещанное.

Слесарь. Век не забуду твоей услуги: прокачу тебя первого на самокате. (*Идут и встречаются в дверях с Резинкиной.*)

Явление XI

Те же и Резинкина.

Мамаев. Тыфу! испугала как!

Резинкина. Что больно робок?.. Постой-ка, голубчик, хоть на пороге, а выскажу тебе все. Пора! дав-

но уж пора! Что это ты, старый хрыч, с своей дочкой развращаете мое детище? У ребенка только что молоко на губах высохло, а тут и любвишка завелась.

Мамаев. Нет ли еще чего? Вытряхивай.

Резинкина. Воспитала в страхе родительском, а теперь и мать нипочем! На службу идет — к Ермилычу в дом, со службы — к Ермилычу, вечером — к Ермилычу, только что не ночует у вас.

Мамаев. Все ли?

Резинкина. Что это вы затеяли? Не в женишки ли уж Сашеньку прочите? Хоть бы зарубили у себя на носу: дескать, мать его капитанша, без году дворянка... только годик покойник не дотянул!.. сын — крестник советника... а я-то что? Столяришка, мещанишка... Хотя бы приданница, а то голь сквозная; туда ж лезет в благородные.

Мамаев (*взявший во время монолога Резинкиной обрубок дерева*). Послушай, богатая капитанша, без году дворянка, коли ты еще хоть слово пикнешь про мою дочь, так я тебя вот этим столярным утюгом так выглажу, что дома своего не узнаешь.

Резинкина. Меня? попробуй-ка! Да ты в тюрьме сгниешь; да тебя на болотной площади отдерут за меня.

Слесарь (*в сторону*). Ну, пропала моя самокатка! (*Мамаеву тихо*.) Оставь, братец; вишь, как она остервенилась, словно белены объелась. Потянут к суду да расправе... плюнь!

Мамаев. И впрямь плюнуть... нечего с глупой бабой толковать. (*Резинкиной*.) Извольте, ваше благородие, без году высокоблагородная, с верстаком беседу вести, сколько душе угодно, а мы вашей милости низко кланяемся. (*Уходит с слесарем*.)

Резинкина (*вслед им*). Сам ты верстак, чурбан необтесанный!.. В полицию, так в полицию... велю Сашеньке прошение написать... Осрамил, разругал, дескать, благородную женщину ругательскими словами. За бесчестие заплатишь!.. (*Только что растворяет дверь, чтобы выйти, навстречу ей Груня*.)

Резинкина (*грозя ей кулаком*). Все из-за тебя, барышня!.. (*Смягчаясь*.) Девка-то смиренная, жаль, а то полетела бы за отцом...

Явление XII

Груня (*останавливается у двери*). Какая страшная!.. Я думала, прибьет меня. (*Прислушивается у двери*.) Все кричат!.. не дошло бы, в самом деле, до полиции! Господи! из чего у них такая ссора вышла... Из-за меня?.. Чем я виновата?.. Хорошо еще, что зашла по хозяйству к кухарке, а то попала бы в суматоху. Боже мой! чем это все кончится?.. Вот и союз любящих сердец!..

Явление XIII

Груня, Резинкин и Разнесенский.

Резинкин (*танцуя и напевая*). Радость! радость! тра-ла-ла, тра-ла-ла.

Разнесенский. Триумф! триумф, мамзель Мамаев! И вот, честь имею рекомендовать — триумфатор, прямо из Капитолия, готовьтесь усыпать путь его цветами.

Груня. Какая тут радость!.. Разве вы не встретили свою мать?.. пресердитая такая... тут была ссора с отцом.

Резинкин. Что мне теперь до ее сердца!.. Одно слово — только три листика, розовые, как ваши щечки или губки...

Разнесенский. Три лавровых листочка, и осклабится она, как солнышко после бури, и скажет она, прижимая его к материнскому сердцу. О мён фис биен ёмё, виен, виен, кё же тамбрас; а те нобль зексплуа же реконне мон сан.

Груня. Разрешите пожалуйста эту загадку по-русски.

Резинкин. Видите эти худые локти?

Груня. К стыду вашему, вижу.

Резинкин. Они-то составили мое счастье.

Груня. Худые локти?

Резинкин. Да-с!.. Знаете волшебное слово «окопировался»?... Нет-с?.. Так я вам скажу. Окопируюсь в самое лучшее форменное платье, из лучшего сукна,

у самого лучшего портного. Великолепный Вицман, мастер из... из... ну хоть из Парижа, упадет передо мною на колени, когда снимать будет с меня мерку... а я себе важно, по-графски, обопруся на него и говорю ему: «Смотри, любезный Вицман, в рюмочку, да чтоб не лопнули ушки у пуговиц... и в двое суток, минута в минуту по моим часам» (*показывает, что он вынимает часы из кармана*). Правда, часов-то у меня еще нет, ну, все равно, покажу на его стенные часы: «А если не сделаешь, берегись, немчура...» — «Карашо, будет верены, ваше высокоблагородие...» и запишет на мерке и в книге: «Мусье Резинкин, срок 40 часов, экстра».

Резинкин и Разнесенский (*танцуют и припевают*).

Ехал чижик в лодочке
В офицерском чине:
Не выпить ли водочки
По такой причине?
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.

Груня. Вы, просто, помешались. Знаю, Александр Парфеныч не пьет вина, а то б подумала... Расскажите мне, что с вами случилось, или я не на шутку рассержусь.

Резинкин. Извольте, начинаю. Убитый горестью... умалчиваю, от какой причины... прихожу в свою канцелярию, сажусь за свой стол; беру лист бумаги и только был вывел: «Вследствие *просимости* такого-то (имярек) по случаю *утопунтия* крестьянина», вдруг слышу, по всем столам: «тс! тс!...» У моего столоначальника лицо стало подергивать, а меж нашей братьи, мелочи, пошла суэта: кто песок со стола сметает, кто обрезки бумаги подбирает под столом. В одном столе не успели, так экзекутор в карманы себе набил.

Разнесенский. Эх, братец, ты говоришь все каким-то низким слогом. О предметах важных следует и важным языком говорить. Например: и вдруг настала такая торжественная тишина, как будто все приносящее превратилось в камень, и повеяло на нас неким амвросическим дуновением, и без лицецерения стало видимо для нас присутствие великого человека.

Груня. Полно, Ксенофонт Кирыч, сбивать его высоким слогом; ведь вы, кум, известно, философ... учили на вакансиях в благородных домах... стихи пишете...

Резинкин. Только слышим... говорит одному тяжелому человеку: «Извольте переменить... я не люблю крючкотворства... это однажды навсегда!.. Пора подъячеству конец!..» Молчание!.. тс!.. (*Резинкин поднимает указательный палец и держит его таким образом несколько времени.*) Очутился он подле меня... положил мне отечески руку на плечо... взглянул на мою бумагу и сказал ласково: «Как вам не стыдно писать таким подъяческим языком! Разве нельзя просто, как говорите, по-человечески?..» Тут потрепал он слегка мой рукав и сердито сказал: «Да какой он неряха! с худыми локтями!.. Разве у него нет матери или сестры, которая бы починила? Худо и повсдение рекомендует».

Груня. Говорила я вам, Александр Парфеныч?

Резинкин. Тут только вспомнил вас. Думал, пропала моя голова!.. (*Разнесенскому.*) Доскажите, Ксенофонт Кирыч... мне неприлично об себе.

Разнесенский. Вот видите, мамзель Мамаев, он находится в таком состоянии как Федра, когда она готова открыть наперснице свою преступную страсть. *Енон, ла лужер мекувр ле визаж.* Благодарение Богу, советник наш, его крестный отец, отозвался следующим образом: примерного поведения, бедный человек, а мать жалованьем содержит, никогда не манкирует на службу.

Резинкин. Разве иногда засмотрится на одну милочку, заслушается ее... (*Груня грозит ему пальцем.*)

Разнесенский. Хоть и не грамотей... (*Резинкин кашляет.*) Но пишет исправно и формы всяких бумаг твердо знает... Мы было хотели назначить его в писмоводители к становому... «Если так, то определить,— сказала персона,— наружность у него благовидная... (*Резинкин показывает с удовольствием на свое лицо*) открытая... подъячим не смотрит... Да велите казначею выдать ему тридцать рублей серебром на окопировку в счет жалованья. Только условие, господин Резинкин: в три дня

неприменно окопироваться и явиться ко мне в новом платье. Смотрите, в три дня: я не повторяю два раза своих приказаний».

Резинкин. Еще не все. Пришел я к казначею получать деньги и расписку принес; казначей выдал мне деньги, а расписку мою... тр-р!.. в клочки. Я ахнул. Казначей засмеялся: «Молись, братец, за него Богу, ведь он свои внес; только никому не говори, не приказал».

Груня. Какой прекрасный человек! как вы должны его любить.

Разнесенский. А Гривенничкин бранит: ведь место письмоводителя было ему обещано.

Груня. Чудный выпал для нас денек! И я получила подарок от своей благодетельницы — отгадайте, сколько?

Резинкин. Красенькую?

Груня. Нет, пять.

Резинкин. Пятьдесят!.. Вы меня перещеголяли... То-то заживем славно!

Разнесенский. Поздравляю, кума, от преданной души.

Груня. Только мне дан другой зарок: употребить деньги тогда, когда настанет для меня очень черный или очень радостный день.

Резинкин. Настанет, скоро настанет, бесподобная Аграфена Силаевна (*показывая ей деньги*). Вот оне, пташки залетные.

Груня (*считая*). Да тут только двадцать девять рублей.

Резинкин. Целковый дал швейцару... Нельзя-с. Заслуженный воин... с такими нашивками... такой важный, вытянулся в струнку, отдал мне честь булавой, инда пол затрещал, а как сказал мне лихо: «Честь имеем поздравить, ваше благородие!»

Груня. Все-таки слишком щедро. А платье уж заказали?

Резинкин. Нет еще, идем сейчас.

Груня. Скорей же, скорей! Я теперь готова вытолкать вас.

Резинкин. Прощайте, (*тихо.*) А на прощанье

ручку, можно? (*Груня качает головой, показывая на Разнесенского.*)

Разнесенский. Идем, братец, а то, пожалуй, новый Антоний найдет здесь свою Капую. До свидания.

Резинкин. До свидания! Увы! явлюсь еще к вам с худыми локтями, но с сердцем... с сердцем... (*Уходят напевая.*) «Ехал чижик в лодочке...».

Явление XIV

Груня (*одна*). Господи, благодарю Тебя!.. Так хорошо сердцу и, вместе, так тяжело... можно часок отдохнуть. Почти всю ночь не спала... А как Марфа Осиповна не благословит сына!.. Смягчится, как узнает, что у меня так много денег, вот тут... под тридевятью замками. (*Стучит в стекло шкафа.*) Тю-тю! Хорошо вам, мои пташки, в теплом гнездышке?.. (*Кивает головой.*) Баеньки, до радостного утра!

АКТ II

Комната в русском трактире.

Явление I.

Резинкин, Разнесенский, Лососинин, Муха, дворový человек и половой. Дворový человек, хорошо одетый, развалился важно на диване и курит трубку; Лососинин и Муха вводят под руки Резинкина, который входит с робостью озираясь; Гривенничкин загораживает дверь.

Разнесенский. Подкараулили-таки злодеи, почти силою втащили.

Муха. Ведь только спрыснуть!.. Ну же вперед; ты у нас нынче князь, как на свадебном пиру. Жаль, музыкантов нет, а то бы туш! (*Резинкин останавливается посреди комнаты; ступит шага два и опять стоит в нерешимости.*)

Гривенничкин (*Лососинину, отводя его в сторону,*

тихо). Смотри, брат, уговор: подпой искусней, да и к черту окопировка и важное место. Славные магарычи будут!

Лососинин. Эка премудрость! Тут нужно только бесстыдство, медный лоб. Иной гвоздем к месту прибит, не скоро оторвешь; а этот, видишь, мотается на мочальной петле.

Резинкин. Право, господа, как-то страшно... в первый раз в таком месте... неприлично.

Лососинин. Важная особа! Фря какая! Здесь почище нас с тобою — и господа бывают — видишь (*указывает на дворового человека*).

Резинкин (*тихо*). То-то и худо. Неравно маменьке скажут; (*про себя*) да, Груня узнает (*вздыхает тяжело*).

Муха. Девочка что ли? маменьки боится — чай, высечет. (*Все, кроме Разнесенского, смеются. Лососинин и Гривенничкин подводят Резинкина к дивану и с почетом сажают его*).

Лососинин. Князю почет! Половой, подушечки. (*Половой приносит две подушки и подкладывает по обеим сторонам Резинкина*.) Вот так.

Дворовый человек. Малый! подь сюда. (*Половому тихо*.) Смотри, не проговорись, что я дворовый человек.

Половой (*тихо*). Как можно! вы практика-с, а они налетающие. (*Громко*.) Вы, господа, что прикажете?

Гривенничкин. Спрашивай у князя.

Резинкин (*вставая*). Сделайте милость, нельзя ли без меня? Я жертвую два целковых на братью, а мне позвольте...

Лососинин. За кого нас принимаешь!

Гривенничкин. Мы ведь не нищие.

Муха. Ясновельможный пан, а мы хлопцы его. Держал нас целый год на том, на сем, да на годово́й праздник выкидывает на всю братью два целковых.

Резинкин (*садится снова*). Право, я не думал вам в обиду, а так... как-то дико, с непривычки. Только уговор, братцы, не более двух целковых.

Муха! Торгуйся, еврейская душа!

Резинкин (*ударяет кулаком по столу*). Черт побери! оставаться, так оставаться. Спрашивайте сами...

Лососинин. Вот это по-братски! (*Половому*). Сладкой водки на всех... гвоздичной, забористой, да на закуску окорок ветчины, да поросенка под хреном.

Половой. Мигом-с, по-щучьему нырянью, по-птичьему летанью.

Лососинин. Постой, малец, уговор лучше денег. Хотя я приказываю, а платит вот этот господин. Так ли, Резинкин?

Резинкин. Уж, конечно, я плачу! Видишь. (*Показывает деньги*.)

Половой. Слушаю-с. (*Уходит*.)

Разнесенский (*в сторону*). Ох! ох! быть беде — умываю себе руки.

Муха (*дворовому человеку*). А ваша милость тутошние или из уезда?

Дворовый человек. Из уезда, по делу здесь.

Муха. Смею спросить, не арендовать ли городскую землю приехали?

Дворовый человек. То есть нанять... хотелось бы.

Муха. Дельце в нашем столе — к услугам вашим пиছে Муха... Муху так и спросите. (*Пожимают друг другу руки*.)

Дворовый человек. Муха? что-то нелюдское прозвище!

Муха. У нас там все так. Статейка знатная, только дорогонька будет, пойдет за тысячу в год.

Дворовый человек. Плевое дело! (*Половой приносит закуску и графин водки*.)

Лососинин (*тихо Резинкину*). Денежный человек, кажись, твоего стана помещик: не пригласить ли?

Резинкин. Как хочешь.

Лососинин (*дворовому человеку*). Не угодно ли удостоить с нами закусить.

Дворовый человек. Почему ж не так: вы люди благородные — я люблю веселую молодежь. Нынче ваш гость, а там мой черед: угощу по-нашенски. (*Все пожимают ему руку*.)

Гривенничкин. Просим, дорогой гость, для почину. (*Дворовый человек пьет водку, за ним другие.*)

Дворовый человек (*Резинкину*). За здоровье ваше, господин.

Гривенничкин. За здоровье письмоводителя!

Муха. Быть ему высокоблагородным!

Лососинин. Подымай выше — нашим начальником!

Разнесенский. Дай Бог ему хорошую женку! (*Резинкин целует его с чувством; все поздравлявшие, кроме Разнесенского, держа поднос с водкой, подходят к Резинкину.*)

Резинкин. Увольте, господа! Ведь я никогда ничего не употреблял.

Все (*кроме Разнесенского*). Нельзя, нельзя, надо же благодарить; ты нас кровно обидишь.

Резинкин (*встает и берет рюмку с водкой*). Благодарен вами, господа, за доброе пожелание (*Выпивает полрюмки.*) А!.. (*В сторону.*) Право, недурно; сладко, и как-то по жилкам мурашки...

Лососинин. Голубчик, дружок, скажи, как будешь нашим отцом-командиром, не станешь нас распекать да сажать под арест за отлучку, например, в трактир?

Резинкин (*охорашиваясь*). Уж всеконечно нет.

Лососинин. Врешь, жулька, зачванишься, посадишь... право, посадишь.

Резинкин. Посмотрите, я и дежурство уничтожу и всем выдам вперед полугодовое жалованье.

Лососинин. Добрейшая душа! Любо с таким командиром и служить!

Гривенничкин. Добрейшая? а зло на дне оставляет. Видишь, ты отбил у меня важное место, а я на тебя сердца не имею. Люблю тебя и теперь, как брата (*целует Резинкина.*)

Разнесенский (*в сторону*). Предатель!.. (*Вслух.*) Не пей более, послушайся меня.

Лососинин. Что за дядька!.. Александр Парфеныч не под начало к тебе пошел — уж не дитя; скоро у самого под командой целый стан будет.

Резинкин. В самом деле, разве я ребенок?.. (*Выпивает всю рюмку.*) Славная вещь!.. Как-то всеселей, отва-

жней! *(Встает и, заложив руки в карманы, важно прохаживается.)* Приди-ка теперь сам начальник, я так отвечу ему.

Лососинин. А милостивца, виновника нынешнего торжества, забыли? Надо бы шипучки.

Резинкин. За здоровье доброго начальника шампанского!

Лососинин *(половому)*. Слышь, две бутылки и стаканы. Да винцо-то из немецкого погреба.

Половой. Знаю-с. *(Уходит.)*

Муха *(дворовому человеку, поглаживая его платье)*. А какое у вас на фрячке славное суконце!

Дворовой человек. С барских плеч... не подумайте... я хотел сказать: это дрянь, с барских плеч моих пойдет слуге. А вот как вчера купил кусок, по десяти целковых аршин... поверьте, я вам не лгу, настоящий атлас!

Муха. Должно быть суперфин!

Дворовой человек. Я вам скажу, и чистить должно быть легко-с *(закусив губу.)* На первое знакомство, позвольте вам на парочку...

Муха. За что ж? помилуйте... впрочем, от добра не отказываются. *(Берет дворового человека под руку и прохаживается с ним по комнате, тихо разговаривая. Слышны звуки шарманки.)*

Резинкин *(бросается к окну и, отворяя его, разбивает стекло)*. Шарманщик, сюда!

Лососинин *(откупоривая бутылки и разливая вино в стаканы)*. Дело мастера боится! *(Половой подносит вино.)*

Резинкин *(с стаканом в руке)*. Многие лета доброму нашему начальнику, виновнику нынешнего торжества! *(Пьет; все за ним берут стаканы и пьют.)*

Лососинин. Внуши ему Господь почаще такие приказания казначею! *(Потише.)* Да поменьше рылся бы в бумагах и побольше подписывал их, не читая!

Гривенничкин. Многие лета!..

Муха. Несчетные лета! Да к просителям пореже бы выходил! Бывало, и вьюн не проскочит меж нас, а теперь... фу! личная корреспонденция! *(Показывает рукою, что улетела.)*

Лососинин. Не тужите... Напрыгается... обойдется!

Гривенничкин. Ну-ка, еврей, откалывай!

Музыкант (*жидовским выговором*). А какие же мы еврей! Обизаете. Мы немцы з Польши.

Резинкин. Что-нибудь новенькое!

Разнесенский. Театральное!

Музыкант. Мы споем и сыграем вам, господа, комедию... В нашу сторону приезжал какой-то сочинитель... ученый такой, что Боже упаси!.. приятель нам был — стуцку славную нам подарил на прощанье. (*Надевает на себя чепчик с женщины, а на нее шляпу; женщина вертит шарманку и поет; музыкант поет и смешною мимикой старается выразить действия лиц из песни.*)

На взгляд обманчив вид мужчин;
Кажись, и сан, и классный чин...
Кто в шляпах круглых, кто с углами,
Кто в грозных шлемах, в картузах;
Всмотритесь в них ума очами —
Большая часть из них в чепцах.

Тот без жены — гроза и гром,
От крика все летит вверх дном,
И нет ужасней человечка!
Жена во двор, утих содом,
И он — смиренная овечка,
Сидит под жениным чепцом.

С докладом секретарь к тому,
А тот с усмешкою ему:
«Насквозь я вижу вас и тонко;
Не проведешь меня, дружок!»
А преданный слуга тихонько
Ему чепец на паричок.

Все. Браво, браво!

Лососинин. Каков секретарь!

Музыкант (*продолжает играть и петь*).

Муж со двора идет седой:
Он «миленький и ангел мой!»
Но лишь за дверь француз предатель
Играет роль в его лице —
И возвратился мой приятель,
Ой, ой, друзья! в каком чепце!

Не обвиняйте вы наш век:
Всегда таков был человек!
Героя древности сажали
У ног Омфалы с верстеном,
А нынче... нынче б написали
Его под кружевным чепцом!

Гривенничкин. Хорошо; только странно, братцы, как тут Амфала, жена нашего регистратора, попала?

Муха. Кто его знает! Может, и знает! Ох, эти сочинители! (*Показывает на затылок.*) здесь сидят...

Гривенничкин. Кабы моя воля, я бы ни одному и места не давал нигде. Ты думаешь, он с тобою знакомство хочет вести? Как же! шиш... грешки наши подмечает да зараз в комедию, как в рамочку, вставит.

Лососинин. Эх, братцы! у вас христианской-то души нет... ведь надо и им чем-нибудь поживиться? Пускай там себе пишут... все романы — романее!.. а мы себе...

Разнесенский. Знаете пословицу, не мечите бисера... (*Дворовый человек шепотом говорит Гривенничкину.*)

Гривенничкин (*указывает на Резинкина*). Скажите ему, хозяину.

Дворовый человек (*Резинкину*). Что-с шарманка? Трын-трава!.. Прогоните их... Я вам доложу, Александр Парфеныч, какой лихой табор цыган прикатил сюда... здесь внизу и остановились. Просто — bravo! А Наташа у них, я вам доложу — мое почтение... деликатес! Ни одной горничной такой смазливой в городе нет. Как заноеет да зальется, что твой соловей в соборанском трактире! Так жилки все и трясутся.

Резинкин. А поцеловать можно?

Лососинин. Целковый за поцелуй.

Резинкин. Целковый? Эка невидаль!

Дворовый человек. А пойдет старая Матрена плясать да косточками потряхивать, так животики надорвешь.

Гривенничкин. Скомандуйте Александр Парфеныч!

Резинкин. Цыган!.. живее!

Половой. Слушаю-с, только меньше десяти целковых не пойдут.

Резинкин. У меня не умничай, щенок!.. Цыган! Дворовый человек. Кстати, шампанского!.. слышишь? *(При слове «цыган» входит труппа их на сцену.)*

Один из цыган *(постарше)*. Слышали мы, что молодежь знатная пирует, так мы и дожидались у дверей... Кликнули — тут и есть, перед вашею милостию, как лист перед травой. *(Начинаются пляска и песни цыганские; раздаются возгласы пирующих: «Тихо! браво!» Резинкин любезничает с хорошенькой цыганкой и целует ее, потом ложится на диван, склоняется головой на подушку и засыпает.)*

Лососинин. Князь заснул, пора и по домам!

Гривенничкин *(ему тихо, упираясь коленкой в стол)*. Не уронить ли стол с посудой? заплатит дурачина.

Лососинин *(тихо, махая рукой)*. И без того довольно. Я считал верно, копейка в копейку, остаток на ниточке. *(Вслух.)* Баста!

Муха. А кто расчет сделает?

Лососинин. Разумеется, дядька его. *(Указывая на Разнесенского.)*

Разнесенский. Поневоле; не бросить же товара за хлеб-соль! За кем же последняя бутылка?

Муха. Спроси у господина. *(Указывает на дворового человека.)*

Дворовый человек. Нет, господа, с меня взятки гладки. Заплатит кто-нибудь из вас, только не я. Половой! принеси ливрею мою, что у тебя в закладе: пора ехать с барином за каретой. Теперь возьмешь фрак в заклад, а к обеду я за ним прибегу да опять отдам ливрею.

Разнесенский, Гривенничкин и Муха. Лакей?..

Дворовый человек. И лакей вашего начальника. *(Скидает с себя фрак и надевает принесенную половым ливрею.)* Правду-матку сказать: благородные, а куда как неблагородно поступили с своим товарищем! Этого и наша братья лакейство не сделает. Наше

почтение; благодарим за компанство и угощение. (*Уходит.*)

Разнесенский. Вот тебе и честная компания... Урок на грядущие времена!

Лососинин. Эка беда!.. Страшно небось!.. Не первую зиму волкам зимовать! (*Гривенничкину тихо.*) Магарычи за тобой: кажись, на славу окопировал! (*Указывая на Резинкина.*)

Гривенничкин. Мастер! в один час обрил, остриг и уконтентовал. Ха, ха, ха!

Разнесенский (*поглаживая у Мухи сукно на рукаве*). Да, брат, кажется, и тебя дворовый человек славно окопировал в сукнецо суперфин. (*Муха отворачивается с сердцем и уходит, за ним Лососинин и Гривенничкин.*)

Половой (*подавая бумагу Разнесенскому*). Вот и счет вашей милости.

Разнесенский (*берет счет и читает*):

За штоф водки	1 р. 50 к.
За три бут. шампанского	12 » — »
За ветчину и поросенка	1 » 65 »
Шарманщику	1 » — »
Цыганам	10 » — »
За поцелуй цыганке	1 » — »
За разбитое стекло	— » 75 »
Итого	27 р. 90 к.

Всего остатку от 29 рублей 1 руб. 10 коп. (*В сторону.*) Ободрали деревцо, только что хотело одеться листиками. А делать нечего, приходится расплачиваться. Пожалуй, позовут полицию... хуже будет. Из чего мне в чужом пиру похмелье? (*Вынимает деньги из жилета Резинкина.*) На место денег положу роковой счетец — пусть поверит. Бедный Резинкин! что будет с тобою завтра. (*Половому.*) Вот деньги. Сдачи и извозчика. (*Поднимает Резинкина и берет его в охапку.*) О, горе нам! о, страшная для нас невзгода!

Половой (*в сторону*). Хоть бы слепой гривенник на водку! (*Занавес опускается.*)

Явление II

Прежняя комната в доме столяра.

Груня (*одна*). Отец не ночевал дома. Видно, где-нибудь достал денег; опять задаток получил и опять прогуляет. Доживем до беды! Да и Александр Парфеныч не приходил вчера. Что-то сердце-вещун так и ноет... А узнать не от кого. (*Садится за работу.*)

Явление III

Груня и Поддевкина.

Поддевкина. Бог помочь! одна-одинехонька, моя голубка, и все за работой?

Груня. Благодарю вас, Мавра Львовна!.. Нам, бедным людям, грех сидеть сложа ручки. Вот и ваша дочка немного отдыхает.

Поддевкина (*шаля везде и все рассматривая*). Ну, моя Прасковья Степановна дело иное; между нами сказать, может скоро совсем работу бросить да орешки пощелкивать: пора! Она у меня приданница богатая. Триста целковых у ней в Приказе, полтора ста на свадьбу в сундуке припасено, а платьев дареных не перечесть, словно у какой графини. Да что, мать моя, у тебя платочек на плечиках новенький?

Груня. Вы видали его уж на мне.

Поддевкина. Ох, ох! нельзя, кровь своя! А тружусь, родная, в поте лица. Посидеть ли около больной, мух обмахивать, гробовой ли убор припасти да поплакать по покойнику или покойнице, приданое ли закупить али весточку горяченькую по секрету передать — везде, все я, Мавра Львовна Поддевкина. Никто лучше меня не угодит. Грех таить, и побранить кого надо за своих благодетелей, побраню... разругаю, в грязь втопчу... не трогай наших! А все по большим, знатым домам! (*Подойдя к шкапу.*) Что это у тебя, голубушка, между нами, носик у чайника отбит?

Груня. Отбит, Мавра Львовна.

Поддевкина. Что-то ложечки серебряной с чернью не видать, да из трех одной чайной?

Груня. Не видать—в закладе.

Поддевкина (*возвращаясь к Груне*). Вчера был у вас помещик Подснежников?

Груня. Был.

Поддевкина. Между нами сказать, он тебя так расхваливает; но словам его, и девицы нет краше и разумнее. Не красней, голубка моя; стыда тут нет никакого: человек благородный, антересный, 60 душ, после отца-скопидома сундук с деньгами в кладовой; а ты ведь, барышня, девица честная, весь квартал про тебя худого слова сказать не посмеет.

Груня. Верю очень, что Подснежников человек недурной; да меня к чему тут приплетать?

Поддевкина. К слову пришлось, матушка, не гневись... Дай Бог ему подругу пригожую и добрую!.. Ты знаешь, моя Прасковья Степановна шьет на него белье...

Груня. Знаю.

Поддевкина. Все голландское, тончайшее, аки паутина, между нами. Угодила ль ему дочка вчерашнею работою— правда сказать, словно мелким бисером вывела— аль на сиротство ее сжалился, аль по нраву ему пришились добрые речи об тебе, возьми, да заплати ей вдвое за работу.

Груня. Видно, вчера такой счастливый день выдался, все подарки были.

Поддевкина. Счастливый? Бог знает, родная! Иному талант впрок, другому на погибель. Ох! ох!

Груня. Вы так тяжело вздохнули, Мавра Львовна, что у меня в сердце отдалось. Уж не с отцом ли что случилось?

Поддевкина. Что ему? Отец твой в деньгах, долги платит, дерева накупил, работников понанял да и себя не забывает. Кутит напропалую!

Груня. Где ж он денег взял?

Поддевкина. Не хочу грешить, не знаю. Нет, мать моя, я про другого говорила. На кого напасти

не бывает, да беда беде бывает розь — от иной и век не опомнишься. Как не вздыхать? сиротинка...

Груня (*в сторону*). Сирота?.. уж не с ним ли что?

Поддевкина. Только между нами, Грунечка, по большому, большому секрету. Коли выйдет от нас прежде времени, погубим малого ни за денежку. Вот видишь, душа моя, вчера, в счастливый-то день... пожаловал соседу твоему, Саше Резинкину, набольший их тридцать целковых на окопировку...

Груня. Так что ж?

Поддевкина. А он — и прогуляй их.

Груня (*у ней выпадает шитье из рук*). Прогулял?.. Не может статься, Мавра Львовна: он не пьет вина, все знают... Верно, злые языки распустили.

Поддевкина. Грех сказать, малый скромный, непьющий, уважительный такой, все меня мамашей зовут... Посватался бы за дочку, обеими бы руками отдала. Да, видно, нашло вражеское искушение!.. А вот как было дело: пойди он к портному с Ксенофонтом Кырычем... знаешь, книжник, долговязый такой... заказывать одежду, а тут подкарауль его сорванцы, писаришки, что ни мелочь, да и утащили его почти силою в русский трактир. Сначала водочки... Саша и руками и ногами... нет таки одолели окаянные. Знаешь, человек непьющий, много ли надо? С одной рюмочки голова пойдет кругом. А как забрало, давай шампанского, да шарманку, да цыган... С хорошенькой цыганкой, говорят, и поцеловался. Только между нами, родная, ради Бога.

Груня (*вставая*). Господи! Господи! какой позор! Чай, целый город знает; не дошло бы до начальника?

Поддевкина. Все денежки-то и прокутил... осталось три двугривенных, сама-таки, сама сочла до полушки.

Груня. Какая беда! погубил он себя.

Поддевкина. Бедная мать так и разрывается; я сама на вдовьи слезы вдоволь наплакалась, да и моя Прасковья Степановна — кажись, девка что твой дуб — и та подалась...

Груня. Что-то с ним будет?

Поддевкина. Командир-то у них строгий, шутить не любит. Говорят, слово сказал, так его хоть громомшиби, а уж от своего не отступится. Важное место было обещано Саше — теперь не видать ему, как ушей своих! Это еще не беда, а толкуют, за пьянство и мотовство из службы выгонят с худым аттестатом...

Груня (*в сторону*). Нет, не допущу до этого! Я спасу его.

Поддевкина. Мать, старуха горемычная, не переживет этой беды. Да вот и она, голубка, на помине легка. (*Входит Резинкина и сын ее.*) Может, что между вами... по секрету... не хочу мешать: прощай, душа моя!

Явление IV

Груня, Резинкина и Резинкин. Мать останавливается в середине комнаты, сын остается у дверей.

Груня. Милости просим, сюда, присядьте, дорогая и редкая гостья.

Резинкина. Нет, не тронусь с места, пока не простите меня, Аграфена Силаевна. Мне и глаза-то стыдно на вас поднять.

Груня. Я на вас не сержусь: вы меня ничем не обидели.

Резинкина. Как ничем? Я ли не позорила вас с отцом, на чем свет стоит, и все из-за этого негодяя? Приношу повинную голову: не секи ее по доброте души своей.

Груня. Если вы меня бранили, так я, конечно, сама огорчила вас чем-нибудь. Сын ваш, может быть, ходил к нам слишком часто против вашей воли, а вы, мать, знаете лучше, хорошо ли это было для него. Поцелуемся же в знак мировой.

Резинкина (*обнимает ее*). Распрекрасная моя, Аграфена Силаевна, сердечная ты моя Груня! Ох! кабы выпутать из беды этого негодяя, назвала бы тебя со всею радостью невестушкой своей. Поддевкина здесь

была, а где она была, там, наверно, знают про мое несчастье.

Груня. Знаю все. Молодой человек покутил немного; с кем этого не бывает! Мы с вами поправим беду.

Резинкина. Благодетельница моя! Спаси его и меня от позора, от беды неминучей. Ты девушка разумная, ты все разочла, какая злая участь его ждет. Деньги дал главный начальник — пропил их, прокутил с цыганами, с лакеями!.. Легче б ослепнуть и оглохнуть... не видала бы, не слыхала бы этого позора! Муж мой служил весь век свой честно, без укору, а сына... выгонят из службы, может статься, хуже что будет (*плачет*). Он сказал мне: одна Аграфена Силаевна может спасти нас. Если хочешь, повалимся оба тебе в ножки.

Груня. Боже сохрани!.. Вы знаете, конечно, от сына вашего, что благодетельница моя подарила мне пятьдесят целковых.

Резинкина. Сказал он мне.

Груня. Александр Парфеныч! может ли портной сшить вам платье в двое суток... хоть бы заплатить все пятьдесят рублей?..

Резинкин. Сошьет в одне сутки и менее, нежели за тридцать рублей серебром, честное слово!

Резинкина. Честный человек, нечего сказать!.. Нет, мать моя, теперь не дам ему денег в руки — вышел из веры. Сама пойду с ним к портному... (*Слышен крупный разговор в сенях. Мамаев входит и сквозь открытую дверь говорит.*) Говорят, приходите завтра, теперь не до работы. Кстати, захватите и дерево ореховое у купца.

Явление V

Те же и Мамаев (пьяный.)

Груня. Отец!.. тс!.. (*Резинкиной тихо.*) Уложу его, а вы приходите через четверть часа, стукните в окно, я вам подам деньги.

Резинкина. Родная ты моя! невестушка ты моя дорогая!

Резинкин (*подойдя к Груне*). Что мне сказать? Язык не двигается... Накажи меня Господи, если я когда забуду, что вы для меня нынче сделаете.

Груня. С вами я тогда буду толковать, когда вы от начальника явитесь ко мне в новом платье.

Мамаев. Эти зачем?.. Опять браниться? Баба-яга?

Резинкина. А вот назло вам, Силай Ермильч, мы поцелуемся с твоей и моей дочкой, да вот как! (*Обнимает крепко Груню и уходит с сыном.*)

Явление VI

Мамаев и Груня.

Мамаев. Видно, мировая... давай Бог! Сашка славный малый!.. Поцелуй и ты меня, Груня. (*Целует дочь.*) Хмелен, душа моя, виноват, больно виноват... (*Плачет.*) В последний раз... Спать иду, а завтра... за работу... и денежки скоро все твои отдам... отдам, говорю тебе. (*Шатаясь, уходит в боковую дверь.*)

Явление VII

Груня (*одна*). Слава Богу, ушел скоро! (*Идет к шкапу, потом к двери, в которую вошел отец, и прислушивается.*) Заснул... (*Возвращается к шкапу и вынимает ключ из кармана.*) Как руки трясутся, точно чужое добро беру. Отчего ж?.. отдаю с радостью!.. Может быть, и от большой радости!.. Судьба моя и его в этих деньгах. (*Отпирает ящик в комод и потом вынимает шкатулку.*) Сердце стучит, как маятник!.. Смелей, дурочка!.. (*Отпирает шкатулку.*) Недолго сидели в клетке, пташки мои; ступайте на волю, гуляйте себе!.. (*Ищет деньги в шкатулке: сильный испуг изображается на лице ее.*) Помню хорошо, тут положила... подле заветного колечка... кольцо цело... Деньги?.. Где мои деньги?.. (*Роняет шкатулку и стоит несколько минут, как безумная; придя в себя, горько плачет.*) Отец!.. Ты это сделал... (*Немного погодя слышен стук в окно, она встрепелась, и долго, озираясь, прислушива-*

ется; опять стучат в окно.) Они!.. Идут!.. Что сказать?.. Украл у дочери деньги?.. Разойдется по всему городу... Нет, скроем... он все-таки отец мой. (*Поднимает шка-
тулку и прячет в комод, который второпях неплотно притво-
ряет.*)

Явление VIII

Груня, Резинкина и Резинкин.

Резинкина. Мы постучались... подождали... опять постучались... не подаешь голоса! Посмотрели в окошко ты одна... потолковали, да и вошли к тебе. Да что с тобою?.. У тебя и язык отнялся... стоишь словно громом тебя пришибло.

Резинкин. Что с вами, Аграфена Силаевна? Ради Бога, скажите.

Груня. Ничего... так...

Резинкин. Не подать ли холодной воды? не сбегать ли за лекарем?

Резинкина. Спрыснуть бы ее; не сглазил ли кто?

Груня. Нет, мне ничего не надо. Чего вы хотите?..

Резинкина. Груня, душа моя, неужели ты забыла? Так скоро?.. Вспомни, сама обещала... деньги...

Груня. Деньги?.. Да... забыла... нет, не забыла, только...

Резинкина. Что ж только?

Груня. Не знаю... как вам сказать.

Резинкина. Раздумала, что ли? жаль, что ли, стало?

Резинкин. Вспомните, я погиб... спасите меня, на коленях вас умоляю... (*Становится на колени.*)

Груня. Спасти... не могу...

Резинкина. Тронься, каменное сердце!

Груня. Говорят вам, не могу.

Резинкина. Вот добрая-то душа! вот невестушка дорогая! сама вызвалась... и такая и сякая... все, что у меня есть, то ваше... себя отдам... Славно сыграла камедь! А я еще хотела у ней ручку поцеловать! этого и адская эхидна не сдсает.

Груня. Бог свидетель, не могу.

Резинкина. Встань, негодяй!.. Твоя ведь любезная!.. С этого дня чтоб и ноги твоей не было в этом доме; не то прокляну тебя.

Резинкин *(вставая)*. Так вот ваша любовь, ваши обещания! Нет, вы меня никогда не любили. Сжалюсь, я погибаю... *(Груня качает головой.)* Нет ответа.

Груня. Нет.

Резинкина. Пойдем отсюда: мы найдем и без нее. У нас уже положено с Поддевкиной; пришла к этой, хотела только Сашеньку потешить. Та хоть благородная, наша сестра; а эта... видно, из мужичек.

Резинкин. Слышите... чтобы спасти меня, я решусь исполнить волю матери моей... слышите, Прасковья Степановна будет моей женой... Все нипочем!.. Так прощайте, Аграфена Силаевна, прощайте, и навсегда. *(Уходит, рыдая, за матерью.)*

Груня *(остается несколько минут на одном месте)*. Меня бьет лихорадка... в глазах мутит... *(Идет, шатаясь, сначала к правой двери.)* Нет, не туда... там отец мой; *(поворачивает к левой двери)* сюда, в темный чулан, в твою спальню, барышня!.. Умираю... помогите! *(В изнеможении падает у двери; на ее крик прибегает полусонный Мамаев.)*

Явление IX

Груня и Мамаев.

Мамаев. Я слышал крик... звали на помощь... Не во сне, нет, почуяло сердце... Груня! где ты?.. Валяется на полу... Она!.. Жива ли еще?.. Узнала, что пьяница-отец украл у ней последнее добро... ведь хрупкое создание, как воск... долго ль до греха? *(Становится перед Груней на колени, берет ее за руки, целует их.)* Груня, голубка моя, дитяtko мое дорогое! промолви хоть словечко... Не подает голосу, не шевельнется... Уж не убил ли я ее?.. Отец милосердый! сжался над ней, не для меня, окаянного. а для нее... Ведь агнец чистый, непорочный, ангельская душа!.. Дай еще ей пожить на бе-

лом свете и увидеть красные денечки... и коли я с нынешнего часа возьму в рот хоть каплю проклятого зелия, разразись над моей головой всеми лютыми бедами: пусть умирать буду без покаяния, пусть бросят меня в глухую трущобу, как зачумленную собаку, и воронья расклюют меня. Слава Богу! сердце бьется... Побегать к лекарю... к добрым людям... Помогите, помогите... отец убил родную дочь свою! (*Убегает.*)

АКТ III

Комната, порядочно убранная, в квартире Поддевкиной.

Явление I

Поддевкина и Прасковья Степановна. Поддевкина убирает дочь перед зеркалом, охорашивает ее платье, прищипливает ей цветы к голове и к груди, подрумянивает ей щеки.

Поддевкина (*в сторону*). Экая счастливая okazия. Будто с неба упал женишок: нечего было долго думать, разом ударили по рукам. Господь дал бы сбыть ее. (*Вслух.*) Скорей, скорей, Прасковья Степановна!

Прасковья Степановна. Что вы так погоняете? Точно машину по чугунке. Не дадут порядочно и одеться.

Поддевкина. Ведь жених скоро будет.

Прасковья Степановна. Вольно ж так скоро!.. я и поплакать не успела.

Поддевкина. Чего плакать? надо радоваться, что выходишь за доброго человека; ты уж девка на возраст... тридцать годков стукнуло.

Прасковья Степановна. Время нашли тут годы считать. Вам не страшно — не вы выходите. Да не по-людски все делается у нас: и сватанье и свадьба в один день.

Поддевкина. Нельзя иначе... Уж я и денег дала за руки на свадьбу пятьдесят целковых, да пятьдесят в руки жениху на окопировку. А то не ровен случай,

недобрые люди разобьют... пожалуй, денежки пропадут, да и ты останешься навек в девках сидеть, между нами.

Прасковья Степановна. Не хочу, не хочу!.. Недаром же шелковые платья да салопы лежат в сундуке, когда-нибудь надеть надо. (*Немного погодя.*) Да как же он все ухаживал за Груней, что барышней слывет?

Поддевкина. Это только для блезира. А мне Александр Парфеныч признался, что влюблен в тебя по уши.

Прасковья Степановна. И впрямь, маменька; как он на масленице танцевал со мною польку-трамбловочку, я было поперхнулась ножкой, он и подхвати меня, да и пожал мне ручку. Всю ночь не спала.

Поддевкина. Вот видишь.

Прасковья Степановна. Что ж, маменька, целоваться мы будем теперь?

Поддевкина. Когда я тебе скажу, можно будет.

Прасковья Степановна. Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!..

Поддевкина. Что ж ты, дурочка, смеешься?

Прасковья Степановна. Да как же не смеяться? ведь я ни с одним мужчиной еще не целовалась. А он такой хорошенький.

Поддевкина. Ты бы, душа моя, брови фиксатурчиком...

Прасковья Степановна. Подите вы с вашей сажей! И так шпилек везде натыкали да ваты с пуд напихали. Станете меня мучить, так и расплачусь... вот вам и свадьба!

Поддевкина. Не сердись, Прасковья Степановна, я так... для твоего ж добра.

Прасковья Степановна. А что? чай Груня разорвется от досады?

Поддевкина. Груня — хорошенькая, добрая девушка, да ему не пара. Вот ей бы к помещику Подснежникову.

Кухарка (*вбегает впопыхах; она одета неопрятно,*

рукава у ней засучены за локти, платье за пояс вздернуто, на ногах нет башмаков). Жених! жених приехал! (Все суетятся; убирают склянки, баночки и прочее с туалета.)

Явление II

Те же, Резинкина и Резинкин. При входе Резинкиных, Прасковья Степановна уморительно приседает; Резинкин бледен и грустен.

Поддевкина. Просим пожаловать, дорогие гости, просим покорно. (*Усаживает Резинкину на диване.*) А вы женишок с невестой, сядьте здесь рядом (*показывает на два стула*), да и познакомьтесь поближе — поворкуйте друг с другом, между нами сказать.

Резинкина. Каков Сашенька-то мой! Посмотрите, окопировался (*повертывает сына на все стороны*). Кстати, нашли готовую пару у товарища его... только что с иголки, да портной сузил; а моему пришлось, точно по нем сшита.

Поддевкина. Молодец хоть куда! Парочка славная!

Резинкина. Уж заодно, Мавра Львовна, поздравьте с благодатью Божьею и с милостью начальнической. Он уж являлся к набольшему своему в новой форме. Вот, говорит, люблю аккуратность! Тут же поздравил его письмоводителем в стане.

Поддевкина. Слышите, Прасковья Степановна, твой будущий сожитель какой чин получил.

Прасковья Степановна. Поздравляю вас с большим чином, Александр Парфеныч; дай Бог вам быть генералом! (*Резинкин молча откланивается.*)

Резинкина. Сашенька и позволение выпросил у набольшего своего на законный брак. Сначала было осерчал, расходился. «Молокососы, — говорит, — а куда ж спешат жениться. У вас, приказных, уж такой обычай. Жалованье небольшое, а там надо нарядов жене, дети пойдут, и начнут себе... — Тут он показал что-то рукою... — А коли неудача, примутся с горя пить». Потом узнал, что приданое есть у невесты, спросил звание, имя и отчество нареченной.

Поддевкина. Слышишь, Прасковья Степановна, его превосходительство удостоил спросить имячко твое?

Прасковья Степановна. Вот, мамушенька, вы все мне глаза кололи: сиди в девках!.. а вот и высидела.

Резинкина. Смягчился он, да и говорит: «Ну, с Богом! По крайности, локти не будут худы; жена зашивать станет». Ей-богу, так!

Поддевкина. Слышишь, Прасковья Степановна?

Прасковья Степановна. Почему ж? Для любезного человека все можно-с.

Резинкина. Кланяйся, Сашенька, да ручку поцелуй.

Резинкин (*поцеловав руку, в сторону*). Какая веле-невая ручка у Груни была!.. а у этой словно оберточная бумага.

Резинкина (*Поддевкиной*). Мне слова два с тобою по секрету.

Поддевкина. Коли по секрету, так между нами, родная.

Резинкина. После речей его превосходительства, надо бы рубликов пятьдесят накинуть на свадебные издержки. Ведь, за здоровье такой важной персоны не подашь цимлянского! Вспомни, мать моя, Анна Семеновна Липина будет у тебя поезжаной дамой.

Поддевкина. Что ты, родная, пятьдесят?.. Легко вымолвить, да нелегко добыть. Билет Парашин, воля твоя, трогать не буду. Неровен час, между нами сказать, мы все под Богом ходим: как Александр Парфеныч ножки вздумает протянуть, надо чем-нибудь молодой вдове пропитываться. Ну уж куда ни шло, десяток для его превосходительства!

Резинкина. Воля твоя, хоть сорок.

Поддевкина. Ну еще десяток приложу для Анны Семеновны: барыня добрая!

Резинкина. Капитанское слово, не отступлю на волос!

Поддевкина. Куда ты упряма, Бог с тобою! Ну

уж, будь по-твоему. Теперь жених с невестой можете и поцеловаться.

Прасковья Степановна (*крепко целует три раза жениха, обхватив его шею одной рукой*). А помните, Александр Парфеныч, как мы с вами трамбловочку в маскараде плясали, я было ножкой поперхнулась, а вы меня подхватили, да и ручку мне пожали.

Резинкин. Не припомню-с.

Прасковья Степановна. А я так не забыла. После того всю ночь во сне видела вас; проснулась, а вас нет, инда с сердцов подушку отпихнула. Теперь я уж какой хотите танец пройду с вами без запинки... ведь меня учила Груня, столярова дочь, что барышнею зовут.

Резинкин. С чем вас и поздравляю. (*В сторону.*) Все она! везде она! как нарочно дразнят меня.

Явление III

Те же и Разнесенский.

Разнесенский (*вбегая*). Великое происшествие!.. Несчастное событие!.. просто, драма!

Все. Что такое? что такое?

Поддевкина. Какая же это дама?.. здешняя, или приезжая? Замужняя, вдова, есть ли дети, сколько детей? Говори, батюшка, говори скорей.

Разнесенский. Эх, Мавра Львовна! какая дама! Несчастливая история с девицей... Позвольте сначала с духом собраться. Не мне бы рассказывать: для такого высокого предмета нужно и великое красноречие. С тех пор, как наш град стоит, — что я говорю? — со времен Римской империи такого происшествия не бывало.

Поддевкина (*впопыхах*). Соломонида! Соломонидка! Шлюха! салоп скорей!.. пойти, побежать, рассказать Кривлякиной, да завернуть к Мордохиной на Петербургскую, да махнуть к Простоквашиной на Московскую.

Резинкина. В уме ли вы, Мавра Львовна?

вспомните, после вечерень свадьба: до вестей ли теперь?

Поддевкина. Жаль, а то без меня кто так скоро по городу разнесет, а я бы, между нами, как птица, как птица... Говорите же, Ксенофонт Кирыч, что такое случилось?

Разнесенский. Вы, наверно, не знаете, что у Аграфены Силаевны украли пятьдесят рублей серебром.

Резинкин и Резинкина. Украли?

Поддевкина. Вот опростоволосилась в первый раз; и подлинно не знала. А была у ней, целый час, дура, сидела!.. Стара уж становишься, Мавра Львовна.

Разнесенский. Вчера приходили к ней две особы за неким денежным пособием... умолчу имена их... пускай потонут они во мраке неизвестности!.. Деньги уж были похищены... уста мои коснеют произнести имя похитителя... это был — отец ее!

Все. Отец!

Разнесенский. Когда она узнала это, добрая, великодушная дочь не хотела вести родителя своего на позорище света: она скрыла преступление в глубине души своей. Между тем, две вышереченные особы, которые ожидали от нее спасения, не получивши его, извергли на нее поток оскорблений, и прочее, и прочее.

Резинкин (*плачет*). Груня!.. Мать, что мы сделали с тобой?

Резинкина (*тихо сыну*). Сумасшедший!.. Помни, что между тобой и ей стоит уж алтарь Божий.

Поддевкина. Как же узнали, что деньги украл пьяница Ермилыч?

Разнесенский. Аграфена Силаевна повержена была на одр болезни; отец сделал во всем признание; он выбежал из дому, как помешанный, и хотел было броситься в реку. К счастью, скоро попался ему навстречу молодой помещик Подснежников, успокоил его, поскакал с ним за лекарем и привез обоих в своем экипаже на квартиру Мамаева. Лекарь возвратил умирающую к жизни. К совершению своего благодетель-

ного поступка, Подснежников, сей рыцарь чести, предложил благородной, великодушной девице не только пятьдесят рублей,—вдесятеро, если ей нужно.

Поддевкина. Чай, девчонка-барышня раде-хонька была денежкам.

Разнесенский. Нет, вы ошибаетесь. Это девица-героиня: она не бросается на деньги, для которых некие особы готовы забыть и стыд, и совесть. Она поблагодарила господина Подснежникова, называла его благороднейшим человеком, но денег не взяла и сказала только: поздно!

Резинкин (*матери тихо*). Слышите ли? Я отступлюсь от этой... воля ваша, отступлюсь... пойду к ней просить прощения, буду валяться в ногах ее.

Резинкина (*тихо ему*). Дурак! болван! где мы возьмем деньги Поддевкиной отдать? Вспомни, чье платье на плечах твоих? А как пойдут к генералу твоему, да стащат там с тебя...

Резинкин. Не слушаюсь никого. Пускай стащат с меня платье, за которое я было проданся... я и сам сброшу его... пускай выгонят меня из службы. Отказываюсь от этой невесты, она мне противна. Иду к Груне. Лишь бы она простила меня.

Разнесенский. Воскресают героические времена! (*Уходят; все оставшиеся на сцене лица стоят несколько минут безмолвно.*)

Поддевкина. Ну что, капитанша, между нами?

Резинкина. Срезал мою головушку, да я... недаром мать. Идем к главному начальнику, я и сына непокорного не пожалею.

Поддевкина. Идем: не пропадать же моим денежкам. И у нас благодетели есть, и Кривлякины, и Мордохины, и на Московской, и Простоквашины на Петербургской. Не круглая же я сирота! (*Дочери.*) Не кручинься, Параскевия Степановна: будет и на нашей улице праздник. (*Уходит с Резинкиной.*)

Прасковья Степановна. Нет, такова уж моя горемычная доля; знать, мои шелковые платья и салопы спрятать опять в сундук. (*Плачет; занавес опускается.*)

Явление IV

Комната в квартире столяра.

Груня, Подснежников и, к концу явления, Резинкин.

Груня. Благодарить ли вас, добрый, благороднейший Владимир Петрович? Вы спасли мне жизнь, да на что она мне теперь! Я вам давеча открыла сердце свое.

Подснежников. Полноте сокрушаться. Вы еще так молоды, начали жизнь только бедностью, горем, изменою... вас ждет еще впереди любовь человека, который будет уметь ценить ваши достоинства, для которого ваше слово будет законом, ваши радости его счастьем. Послушайтесь меня: забудьте все прошедшее, доверьтесь моей любви... уедемте отсюда, в мою деревню. Клянусь, я посвящу вам жизнь свою... успокою старость вашего отца.

Груня. Не хочу вас обманывать: я люблю вас, как моего благодетеля, если позволите, как брата, но не более... сердце дважды не любит.

Подснежников. Все романтические мечты! Любимый человек, хижина, ручеек, венки из цветов, все это хорошо только в романах и песнях. Сами после скажете, что это вздор, бред, что кроме любви в жизни нужна и существенность, то есть деньги.

Груня. Деньги, да!.. Но все это хорошо с тем, кого любишь.

Подснежников. Подумайте, что за человек, кого вы полюбили... неуч, необтесанный, который покинул вас, — из чего ж? — из тридцати рублей, из нового платья... Неужели он вас выше не ценил?

Груня. Правда, из тридцати рублей! Он поступил со мною дурно, очень дурно... в нем ошибалась; но не могу, не в силах перемениться.

Подснежников. Вот редкое великодушие!.. Мне жаль вас. В то самое время, в ту самую минуту, когда вы говорите о любви своей к нему (*входит Резинкин и останавливается у двери, не замеченный Груней и Подснежниковым*), он любит своим новым платьем, сидит

подле своей нареченной, целуется с нею... шафер приехал звать их в церковь... Вот они идут...

Груня. В церковь?.. Где, где вы видите? (*Бросается к окну.*) Да... да... идут к венцу... вон... (*Указывает рукой; немного погодя.*) Нет, я ничего не вижу... мне почудилось... вы меня обманули... Ведь, это неправда?.. Ради Бога, скажите, это неправда!

Резинкин. Неправда! этот горемычный не любитесь своим новым платьем, не целуется с дурой-невестой, не пошел с нею в церковь и не пойдет... Он пришел сюда, в своем старом сюртуке с худыми локтями, пришел вымолить кровавыми слезами прощение у ног ваших, Аграфена Силаевна, а потом — будь воля Божия!.. Груня, вспомни нашу прежнюю любовь...

Груня. Александр Парфеныч... Саша, тебя ли я вижу?.. дай мне образумиться... Так, это ты: ты не женишься на другой; ты меня любишь по-прежнему?..

Резинкин. И не переставал вас любить. Я думал, что вы сами переменились. Не знаю, что со мною было... я с ума сходил.

Груня. Все забыто, все!.. Вот видишь, деньги пропали; но твое заветное колечко цело, здесь все это время лежало на груди моей, у сердца моего...

Резинкин (*в сторону.*) О! теперь я ожил!

Груня. Подите же сюда, сюда... (*Садится на стул и наворачивает Резинкину на руку моток ниток.*) Возьмите этот моток на руки... так.. я хочу еще быть счастлива, по-прежнему... Расскажите, как мы поедем с вами на даровой подводе в свой стан.

Резинкин. Вот, Аграфена Силаевна... мы... едем... едем... в свой стан... мужики и бабы... для вас ягодки... колокольчик... К начальнику?.. солдат!

Груня (*испуганная, встает*). Вы сказали, солдат? Что такое?.. Уж не в самом деле?

Резинкин. Нет, нет, Аграфена Силаевна, я все еще в бреду... дайте мне собраться с духом, с мыслями...

Подснежников (*в сторону*). Полно мне играть

здесь глупую комедию! Неужели этот Резинкин будет благороднее меня?.. (*Вслух.*) Жаль мне вас стало, друзья мои! Иду к начальнику твоему, Резинкин, и буду стараться выкупить тебя из беды и устроить ваше счастье. Может быть, есть еще время. (*Уходит.*)

Груня (*вслед ему*). О, будьте великодушны, спасите его! Если бы не стыдно было, я сама бы пошла.

Явление V

Груня, Резинкин и Муха.

Муха. Его превосходительство прислал меня к тебе, Александр Парфеныч, и приказал тебе явиться к нему.

Резинкин. Ты не знаешь, зачем? что там делается?

Муха. Просто, как на пожаре. Там была у него мать твоя, Поддевкина, отец Аграфены Силаевны. Крик, брань, плач, не поймешь ничего. Не сладит с ними и сам начальник: говорит, лучше иметь дело с чертом, чем с сердитыми бабами. (*Тихо Груне, мигая ей.*) Не пугайтесь, Аграфена Силаевна; поверьте, наш брат из воды сух вынырнет. (*Резинкину тихо.*) Лососинину и Гривенничкину велено подать в отставку; наша судьба с тобой висит на волоске; лакей, что был в трактире, все рассказал своему барину.

Резинкин. О! я пропал... прощай, Груня!

Груня (*удерживая его, Мухе*). Ради Бога, скажите, что там такое: не томите.

Муха. Не дерзаю говорить ни хорошего, ни дурного, сам ничего не ведаю.

Груня. Александр Парфеныч! если судьба ваша зависит от меня, простимся... ступайте к своей невесте, поведите ее к венцу и -- будьте счастливы.

Резинкин. Нет, лучше пропадай моя голова! (*Входят Мамаев и Резинкина.*)

Муха. Вот эти должны знать больше меня.

Явление VI

Те же, Мамаев и Резинкина.

Мамаев (*тихо Резинкиной*). Смотри у меня, язык на привязи. (*Громко.*) А, красноперый уж здесь! Вон, вон; да кстати, возьми с собой и дочь мою... Неугомонная! видно, с нею не сладишь. Груня, поцелуйся с ним... я тебе приказываю, поцелуй жениха своего. (*Груня и Резинкин колеблются.*) Ну, сватья, прикажи уж и сыну своему... вишь, как его напугала, не смеет без твоего капитанского приказа.

Резинкина. Благословляю тебя, Сашенька. (*Груня и Резинкина целуются.*) Господь поладил все к лучшему. Поди ко мне, Груня, дочка моя, помиримся, да уж и навсегда. (*Обнимает ее.*) Чтoб о старом и помину не было!

Груня. Боже мой! не во сне ли это вижу! (*Бежит обнимать отца.*)

Резинкин. Боюсь обезуметь от счастья.

Мамаев. Нет, брат, от счастья с ума не сходят.

Муха. Говорите же, как это дело имело течение.

Мамаев. Расскажу все по порядку, только не сбивайте меня. И без того здесь и тут (*показывает на голлову и сердце*) будто жернова мелют. Вот видишь, Груня: смотря на твои слезы, у меня в груди больно разгорелось. Быть беде, подумал я, изнывает она, сердечная, словно зажженная лучинушка на ветру; пожалуй, наложит на себя руки. Эх, говорю я сам с собой: у набольшого-то командира есть дети — есть у него и сердце; паду ему в ноги, да и раскрою перед ним душу свою. Прихожу, а у него, говорят, такой обычай, коли кто из простого народа пришел, так веди его первого к нему, хоть бы графы и князья дожидались. Тут шмыг ко мне какой-то бойкий лакей и говорит мне: «Ступай смелее; я рассказал барину все, чтo было в трактире, он на вашей стороне». Вот я и взошел... а у самого жилки трясутся. Слышу, Поддевкина кричит: «Опозорил девку, вели, батюшка, к венцу вести, не то лоб забрить обманщику, озорнику». А эта... (*показывая на Резинкину*) говорить ли, сватья.

Резинкина. Не мути души моей; сказано, чтоб о прошлом и помину не было.

Мамаев. Быть так. Спрашивает меня набольший-то: «У тебя дочка барышня?» А голос-то у него так в душу теплою струей и льется.— Зовут ее барышней, ваше превосходительство, а доля у ней хуже крестьянской. «Любит ли она Резинкина? будет ли с ним счастлива?» — спрашивает меня.— Души друг в друге не чают; а где любовь, там и счастье,— говорю я. Знаешь, Груня, вспомнил прошлые золотые деньки мои с покойной твоей матерью.— Тут он повел речь к ней (*указав на Резинкину*); говори, сватья!

Резинкина. Только что вымолвил «Старушка!» да положил руку мне на плечо, я уж готова была пасть ему в ноги, да сказать: повели, батюшка, ваше превосходительство, все сделаю в твою угодю. «Старушка,— говорил он,— что вложено рукою Божьей в сердце, того не вырвет человеческая воля. Благослови-ка сына своего на союз с барышней; я у него сам буду отцом посаженным. А ты, госпожа Поддевкина, перестань тревожить их; вот тебе, между нами, сто рублей за твои убытки. Дочке твоей постарайся сыскать женишка, да постепеннее: этот ей не пара,— озорник и ветреник».

Резинкин. Мог ли я ожидать такой благодати!

Груня. Матушка, ты *там* вымолила для меня эти радости!

Мамаев. В глазах у меня от слез помутилось, инда не помню, что было после того. Только, как выходил я от начальника, было у меня на уме отблагодарить слугу, угостить его в трактире, да... вспомнил свое заклятие. Смекнул, нечистый хочет со мною шутку сшутить, плюнул... а тут, будто из земли вырос, стоит передо мною офицер при шпаге, сунул мне две грамотки в руку и говорит: «Отдай их Резинкину». Вот читай, не про меня писано.

Резинкин (*развертывая бумаги*). Одна об определении меня письмоводителем к становому, другая... разрешение на мою свадьбу с девицей Мамаевой, по прозванию барышня. Вот теперь-то «ехал чижик в лодочке!»

Явление VII

Те же, Липина и Ванечка с огромною корзиною в руках.

Липина. Я знала, что найду вас всех в радости. Но, как сказала мадам де Севиньи в образцовых письмах своих к дочери: добро не надо делать вполонину. С помощью моих знакомых, собрала я на ваше домашнее заведение сто рублей серебром, да Подснежников, отыскав меня, положил столько же в твою свадебную корзинку. Тут же найдешь и богатый подвенечный наряд. Обними меня, Груня, дочка моя, дитя моего сердца!

Груня. И всегда ваша, моя добрая, вторая мать!

Липина. Мое воспитание тебе пригодится; как я тебя переделала, так переделай и муженька своего.

Резинкин (*рассматривая в корзине свадебный наряд*). Вот теперь-то, Аграфена Силаевна, поведу вас к венцу, в кружевах, в увале, в фалборах и поедем в свой стан...

Липина. В моей коляске.

Мамаев. Благодарю Тебя, милосердый Боже! Ты услышал мою молитву... Смотри ж, старик, не забудь своей клятвы, не накличь новой беды на голову дочери.

ГОРБУН

ДРАМА В ПЯТИ АКТАХ

(1829 года)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Иванович Кремонов, помещик.

Вера Павловна, дочь его.

Аполлон Павлович, сын его, горбун.

Александр Андреевич Радугин, отставной гвардии полковник.

Елисавета Андреевна, сестра его.

Гаврила Силаевич Мошнин, купец.

Каспар Иванович Шаф, бывший гувернер в доме Кремонова.

Останов, предводитель дворянства.

Громодерин

Курилкин

Пурышков

Сотов

Тузин

Переметкинский

Казявкин, заседатель суда.

Македонский, секретарь суда.

Следственный пристав.

Слуга, в доме Кремоновых.

Слуга, в доме Радугиных.

Староста.

Молодой крестьянин.

Истопник.

Жена, дочь и дети Мошнина.

Мальчик.

Крестьяне, солдаты, музыканты и песенники.

Действие происходит в одной из отдаленных от столиц губерний, в глуши России; первый акт в одном из девяностых годов XVIII столетия, следующие акты с лишком через год.

АКТ I

Сцена представляет комнату в деревенском господском доме. Окна запушены снегом: с одной стороны печь, с другой обширный камин. Небогатая мебель; один угол загораживают ширмы. Корпус часовой без часов. Утро.

Явление I

Кремонов, Вера Павловна и Аполлон Павлович. Все входят в дорожной зимней одежде. Аполлон Павлович, делая гримасу, наступает на полу сестриной шубы, которую она второпях спустила.

Вера Павловна (*грозя ему ласково пальцем*). Полно, Аполлон, шутить!

Аполлон Павлович (*с глубоким уважением*). Виноват, сударыня! Что ж мне и делать? Это высокие занятия моей жизни! Кстати великолепной встрече, которую нам делают наши подданные!.. (*озираясь*). Какой дворец!.. (*Осмотрев печати на боковых дверях и корпус часовой и не скидая с себя теплой одежды, садится в кресла.*)

Кремонов. Почему сюда?.. Зачем загорожена эта дверь?.. Не понимаю. (*Скидая с себя шубу.*) Как бы то ни было, наконец, благодарение Богу, мы в пристани!.. Легко сказать, с лишком тысячу верст по снежным сугробам и ухабам! Особенно нынешняя ночь дала нам знать о себе. Уф! какой мороз! Все члены окостенели. Кажется, если б не мысль, что мы приедем к себе в теплый угол, что мы хоть несколько отдохнем здесь от бурь житейских... так убаюкал бы меня холод навеки. И если б не ты, Верочка, душа моя (*вздыхает*), право бы, пора!

Вера Павловна. Полноте, папа, смущать себя печальными мыслями. Мы здесь заживем прекрасно: хозяйство, прогулки, книги... (*останавливается в смущении*).

Кремонов. И что еще? Жадные заимодавцы на все налетели, как саранча, и листка нотного не оставили.

Вера Павловна. Нет, я хотела сказать: и приятное соседство. Вы знаете, что Лиза Радугина живет верстах в четырех от нас. Как скоро отойдут руки от холода, pošлю весточку о нашем приезде.

Кремонов. Дай мне свои ручки, мой ангел, я их согрею. Нежный, прекрасный цвет мой, боюсь, чтоб ты не заглох в здешней пустыне. (*Берет ее руки и греет их своим дыханием.*) Но... здесь, кажется, худо топлено.

Аполлон Павлович (*иронически*). Наконец изволили догадаться!

Кремонов (*дочери*). Пойди в свою комнату, там, верно, потеплее... Ты ж целую ночь не спала; надо тебе и отдых. (*Целует ее в лоб и благословляет; Вера Павловна уходит, кивнув ласково брату.*)

Явление II

Кремонов и Аполлон Павлович.

Кремонов (*в сторону*). Какая кротость! какое ангельское терпение! Во всю дорогу и виду не подавала, что страдает... А страдает она много за несчастного отца, за уroda, злого брата, который уморил мать свою, и... на долю ее самой довольно причин для горести! Радугин только что сделал предложение и должен был идти в поход. Партия была прекрасная: хорош, умен, богат, влюблен в нее без памяти... Да, была прекрасная партия! кто поручится, что она состоится...

Время, непостоянство, война... самая гордость Веры в наших обстоятельствах... сколько противных шансов!.. Радугин знал нас в Петербурге за богатых людей, а теперь от 1000 душ только и осталось, что этот бедный уголок. Видно, надо сказать прости и счастье Веры. (*Взглянув на сына, обращается к нему с сердцем.*) Ты что не скидаешь своей епанчи, словно камчадал?

Аполлон Павлович. В жарких странах востока носят же шапки и меховые одежды. А мы разве не на востоке? Так и палит!.. Полюбуйтесь, какими чудными узорами разрисованы стекла, видно — по-восточному!..

Кремонов (*с неудовольствием*). В самом деле, что-то не тепло... (*Пожимается и потирает руками, потом ощупывает стенку печи.*) Да, кой черт, здесь нынче не топлено!.. (*Надевает опять теплую одежду.*) Эй, кто там?.. Брр... А еще за месяц послал строгий приказ все хорошенько изготовить к нашему приезду. Бездельники!

видно, все спилился с кругу... Эй (*обращаясь к сыну*), горбун, что ж ты не позовешь кого?

Аполлон Павлович (*медленно пробираясь к двери*). Горбун! урод!.. вот приятные эпитеты дорогому сынку, наследнику знаменитого имени и богатства господина Кремонова. (*Отворяет дверь, но останавливается на пороге, услышав за ней шум и ссору; когда входят новые лица, возвращается и спокойно садится в кресла.*)

Явление III

Кремонов, Аполлон Павлович, староста и слуга.

Староста. Больно отважен!.. питерская голь, вымолоти-ка сперва на обухе рожь.

Слуга. Пойдем же к барину на разделку. (*Тащит его в комнату.*)

Староста. Что ж? идем!.. мы-ста и боярина не боимся; у нас есть опекун.

Кремонов. Опека!.. Неужели и этого не доставало. (*Обращаясь к пришедшим.*) Что это за шум?

Слуга. Дров, сударь, не дает... чего не бывало, держит в сарае под замком... У Веры Павловны в комнате хоть волков морозить. Мужик, степняк, грозитя еще каким-то опекуном.

Кремонов. Неловко шутить, старина! ты, кажись, был мужик умный, а теперь словно дурману объелся. Разве ты меня не знаешь?

Староста. Как-ста не знать, батюшка, ты был нашим боярином, да вотчина твоя, не осуди, отошла под опеку. Вот что, осударь, без тебя доспелось. Наехал... как бы не обмолвиться... дня за два до Николы с мостом, заседатель из городу, да с ним куроцап приказный, да понятых с десятков, собрали мирскую сходку, да и прочли нам грамотку; по указу-де великого государя, вотчины Павла Ивановича, за долг купцу Мошнину, отбираются под запрет и под опеку... как бишь боярина-то зовут! (*Почесывается.*) Мелочь такая!.. Бают, за тем-де и выбрали такого голенького, чтоб оперился... ведаешь, больно жалостливы!.. Ох! как бишь?..

окаянный, так и вертится около рта... (*Хватает себя за бороду.*)

Аполлон Павлович (*в сторону*). Где у иных выручат голова, у русского мужичка борода. А мы все-таки от холоду зубами щелкаем. Терпение ангельское!

Староста. Те, те, те, Пурышков, батюшка.

Кремонов. Пурышков?... Этот мерзавец, который подписался под фальшивое завещание и скрывает у себя беглых!

Староста. Ему-де повинуйтесь, и его ни в чем послушаться не смейте; что бы ни попрошал, все давайте: пойдет, дескать, все в казну да на уплату долгов боярских. А старого господина Павла Иваныча отнюдь не слушаться; кроху прощать будет, и за тое беда вам. Почали все описывать да печати прикладывавать. Тут неча мне было делать, показал я твой боярский приказ, чтобы топили печи и снаряжали все в палатах, как было допреж. И, Господи помилуй, пошел дым коромыслом, хоть святых вон выноси: осерчал заседатель, аки зверь голодный, разорвал зубами в клочки твой приказ, да истоптал ногами, да бросился на меня: «Али тебе палками вколотить разум,—крикнул он,—сказано раз, так не переспрашивай... Велят колокол снять языком с колокольни, снимай. Оставь своему Павлу прихожу да заднюю каморку к саду, да боярышне на бальзамине конуру—будет с них, нищих». И почал, почал, батюшки, аки сердитый жернов. Того и гляди, тут-те измелет в порошок! Насилу, осударь, отъехали от него десятком кур, да сотней яиц, да тремя поросятами, да ведеркой вина... Все здесь и скушали вдвоем, ажно ужас взял. Замертво свезли в город.

Кремонов (*в сторону*). Боже! и сюда гнев твой меня преследует! (*Вслух.*) Это должно быть ошибка... или плутни... все это перемелется... я привез с собою много денег из Питера... На днях же снимут опеку... Ну, а люди где? почему не видать ни одного?

Староста. Фильку-сапожника взял в услужение заседатель, Афоньку-швейца — секретарь, Праскуту

отдали боярыне, что подарки берет за судью, а прочих, кого рассовал опекун по приятелям, в губернии, да у своей милости оставил. С того случая не урежает к нам, то жеребца сведет с боярской конюшни — пиши земской «околед!» то от садовника поберет из теплицы дорогие деревья — пиши «позасохли». Позавчера велел разбить стеклышко в кладовой, только что руку просунуть, да и втиснул туда своего мальчугана, крепостного — востер постреленок!.. диву дались... вполз и выполз, аки змеенок, да вынес ложек пары две. Говори: «Кошки разбили стекло, а мыши-де таскают серебро». Поперечить не смей: бают не нам, а в губернию.

Аполлон Павлович. А в губернии скажут: не нам, не нам... масляный ком катится и растет, у сбивальщиков все-таки на руках малая толика остается.

Староста. Обмолвись, так и в преисподнюю засадят.

Кремонов. Ну, полно, староста, голубчик... вели, пожалуйста, дров хоть к дочери наверх.

Староста. Свято-слово, не могу: здесь, батюшка, дрова дороже хлеба — соломкою топим.

Кремонов. Суд приказал отвезть нам комнаты, так и дрова не заказал давать. Не колеть же, как собакам на дворе!.. (*Дует в пальцы.*) Ей-Богу, сердце захватило от служи... Бедная Верочка!.. Только беремья-с два небольших... Добрый староста, не кобенясь же... когда-нибудь вспомним твою услугу.

Староста. Рад бы всей радостью, да страшно опекуна и суда. Видит Бог, не могу... коли непротивно милости твоей, пожалуй к нам в избу.

Аполлон Павлович (*схватывает со стола пистолет и, наставляя на старосту, вскрикивает*). Дров, мошенник, сейчас, мигом дров, или я тебе размозжу голову, да чучелу твою отправлю в суд.

Староста (*униженно кланяясь*). Слушаю, ваше благородие... про твою милость што угодно.

Аполлон Павлович (*слуге*). Не отставай от него, пока не принесет, что потребуешь. Убьешь, я отвечаю.

Староста (*уходя за слугой, тихонько*). Экой страшный, да грозный! Так и жилки затряслися.

Явление IV

Кремонов и Аполлон Павлович.

Кремонов (*про себя*). Последние мои надежды рассыпались в прах!.. К чему приступаю теперь?.. У себя в доме я чужой; из милости дают мне уголь... узнают Радугины: Боже, какой стыд! В кармане несколько сотен рублей: надолго ли станут?.. А там неужели протянуть руки и просить о куске хлеба для себя и дочери?.. Скорее петлю!.. Что станется с Верочкой?.. (*Плачет*).

Аполлон Павлович (*в сторону*). Вот этак всю жизнь — слабость, неуместная доброта, беспечность, а после стонет да охает. Берег бы денежку на черный день и не так часто купался бы в стерляжьей ухе и шампанском.

Кремонов. Как на беду, я дал ей воспитание от миллионного состояния! (*Вслух*.) Что будет она делать?

Аполлон Павлович. Вера? то же, что и мы: голодать и ошипываться. Как и мы, грешные, протянет руку и запищит, вместо *tante pâliti*, сжальтесь, добрые люди.

Кремонов. Молчи, змея подколодная, или я своими руками...

Аполлон Павлович. Не душите, может быть, еще пригожусь для вас и вашей Верочки. Славный рисовальщик, славный каллиграф, по милости вашей и моего горба, я без хлеба не останусь.

Явление V

Те же и слуга.

Слуга (*Кремонову*). Вера Павловна просит вас к себе; у ней затоплена печь и самовар подан.

Кремонов (*с восторгом*). Чай? Это прекрасно!.. Что, Ларивон... не осталось ли у нас... ананасного рома?

Слуга. Последние капли выпили на станции за Чистополем.

Кремонов. Куда б хорошо!.. что делать? нет, так нет! (*Хочет выйти, навстречу ему Шаф, который останавливается в дверях; при виде этого нового лица, в каком-то ужасе останавливается и Кремонов.*)

Явление VI

Те же и Шаф.

Шаф. Этот испуг для меня недобрый знак.

Кремонов. Каспар Иваныч?.. Ты ли это?.. Какими судьбами? (*Обнимает его.*)

Шаф. Уж, конечно, я, Каспар Шаф, бывший гувернер в вашем доме, я — собственной персоной. А это мой бывший ученик, мой милый Аполлон? (*Обнимаются.*) Какой стал молодец!

Аполлон Павлович. Хоть прямо в гвардию горбатых!

Шаф. Помнишь ли, как я дирал тебя за уши?

Аполлон Павлович. И за незнание урока потчивал мою собственную персону сладкими грушами (*показывает руками, как он бил его линейкой*). Как забыть эти нежности!..

Кремонов. Садись-ка, дорогой гость, и побеседуем: мы старые друзья! Извини, холодненько здесь... Мерзавцы худо топят... (*Садится на диван.*) Ну, расскажи, мой добрый Каспар Иваныч, зачем с берегов Рейна... в нашу глушь?

Шаф. Вы это должны хорошо знать, Павел Иванович.

Кремонов. Я?.. ей-богу, не знаю... (*слуге*). Скажи Вере, что буду сейчас с Каспаром Иванычем.

Шаф. Позвольте, я вам расскажу всю историю с того времени, как оставил дом ваш. Извините, я немец и люблю пунктуальность. Вы знаете, что я прожил десять лет в вашем доме, милостивый господин, сначала дядькою, потом гувернером и учителем.

Аполлон Павлович. Пунктуальность требует

пояснить в формуляре вашем: был сперва словолитчиком.

Шаф. Да, в знаменитой майнцской типографии, основанной самим Гутенбергом... горжусь этим, государь мой.

Аполлон Павлович. Прибавьте: потом бумажным фабрикантом.

Шаф. Что ж, и это не делает мне стыда. В ваши лета, государь мой, я не ел даром хлеба.

Аполлон Павлович. Вы были не урод!..

Шаф. Итак, послуживши гувернером и учителем, я накопил честными трудами, великою экономией...

Аполлон Павлович. Помню, как вы прятали в сундук кусочки сахара, которые вам отпускали к чаю и кофею, и пили чай и кофей без сахару, а после экономию продавали в трактиры.

Кремонов. Не слушай этой злой обезьяны.

Шаф. О! экономия великое дело: с нею наживают миллионы, а я накопил десяток тысяч. И за те благословляя моего Господа. Вы не забыли, конечно, милостивый господин, что эту важную сумму, все мое богатство, цель и награду всех моих трудов, отдал я вам на сохранение... кто бы не поверил вам? я жил так долго в вашем доме, вы были очень богаты... я был обязан вам признательностью за хорошее со мною обращение.

Кремонов. Не забыл.

Шаф. Помните, когда я поехал из России, вы дали мне слово прислать всю капитальную сумму в следующий год.

Кремонов. Да, кажется... так.

Шаф. Не кажется, а точно так. Я честный немец и не солгу ни за миллионы. Приехав в свое отечество, я женился... Тогда на денежки, которые с собой привез, и на те, которые мне должно было от вас получить, купил я себе домик и виноградник на берегу Рейна. Проходит год, Гретхен дарит меня дочкой — вы присылаете мне, вместо капитальной суммы, проценты. Убеждаю моего кредитора подождать — ждет... Проходит еще год — от Гретхен сынок, от вас ни капитала, ни процентов... Кредитор мой тормозит меня —

продаю клочок виноградника, отрываю кусок от собственного тела, обрезаю свои расходы, и на время спокоен. Еще год — от Гретхен еще сынок, от вас ни слуху ни духу, как говорят русские. Пишу, пишу, нет ответа. Кредитор мой грозит мне тюрьмою, дети, жена, старушка-мать просят хлеба и одежды... Продаю свой дом, свой виноградник. Можете вообразить, как я расставался с ними... каждый угол в доме, каждую лозу оплакали... Нищета, голод детей, изнурение жены, горесть матери, тюрьма — вот что меня ожидало затем. Понимаете ли, государь мой, страдания женщины, которую нежно любишь, матери, кормившей вас своею грудью, стоны маленьких детей, умирающих от холоду и голоду? Понимаете ли, сударь, стыд тюрьмы?.. О, я не выдержал даже мысли о такой будущности и решился оставить отечество и идти пешком в Россию, к вам, Павел Иванович. Я не один перед вами — с женою, с тремя детьми, со старушкою-матерью.

Кремонов. Чувствую все ваше горе... но зачем это?.. Я бы и сам... Да разве не получали... моей последней посылки?.. месяцев пять тому назад?

Шаф. Я сказал уж вам, не получал.

Кремонов. Однако ж посланы чрез банкира петербургского... Ох! как, бишь, его имя!

Аполлон Павлович (*в сторону*). Банкир Нот — знаменитый!.. и такой услужливый!.. особенно к тем, кто к нему напрашивается...

Шаф. Позвольте сказать с должным уважением к вашему лицу и сану: неправда, милостивый господин, неправда грех великий: я везде справлялся...

Кремон. Может быть, плут управитель обманул меня.

Шаф. Хочу верить для чести вашей, только я денег не получал. Позвольте же далее... простившись с семейством, будто шел на смерть, я отправился в путь... В Вене у меня не было уж крейцера в кармане... хоть броситься в Дунай!.. Я об этом уж помышлял... На счастье мое прискакал к императору австрийскому русский курьер с депешами из армии. Являюсь к нему... рассказываю свои обстоятельства... он дает мне ко-

шелек с золотом, разумеется, в долг; мое честное слово ему заложено... этот курьер, кто бы вы думали?... адъютант великого Суворова, этот адъютант — господин Александр Андреевич!..

Кремонов (*с величайшим смущением*). Уж не...

Аполлон Павлович. Конечно, наш рыцарь Радугин. Потешно!

Шаф. Так и есть... Радугин, благороднейший из смертных. Имя его записано здесь, в сердце моем; дети мои затвердят его в молитвах своих. Отдавая мне деньги, он взял с меня слово не разглашать о делах моих с вами, и ручался мне, что вы заплатите непременно долг свой.

Кремонов (*в сторону*). Боже мой! ему все известно... какой позор!.. Бедная Вера, я твой палач. (*Вслух.*) Уж, конечно, заплачу, мой добрый, мой милый Каспар Иваныч... честное слово... Я имею виды... будьте снисходительны только недели на две, на три... Где ж вы остановились теперь?

Шаф. У купца Мошнина, из хлеба нанялся рисовальщиком на его фабрике. Вы должны его знать... За иск его наложена опека... и это обстоятельство заставляет меня бояться...

Кремонов. О, не бойтесь... Жестокосердый! из хлеба! плут! разбойник!.. я докажу, что иск его фальшив... Вы первые будете удовлетворены. (*Входит слуга.*)

Явление VII

Те же и слуга.

Слуга. Барышня приказала доложить вам, не забыли ли о чае, и не прикажете ли сюда?

Кремонов. Идем сами. (*Отводит Шафа в сторону.*) Объясню вам после, друг мой, какие у меня надежды... я выиграл процесс... на днях получу резолюцию из Сената... Недели две-три не больше... (*Жмет ему руку.*)

Шаф. Хочу вам верить и боюсь не верить: от одной мысли сердце леденеет...

Кремонов. Ну уж я сказал тебе... Пойдем же, на примирении выпьем по доброму стакану чаю... здесь так холодно...

Шаф. Мне жарко от воспоминания о моих детях и жене.

Кремонов. Только ради Бога ни слова Верочке... понимаешь, она такая чувствительная... особенно о Радугине... это убьет ее... я скажу тебе за секрет: благодетель твой — жених ее...

Шаф. Даю слово. У меня самого дочь; но моей нет при мне. (*Уходят.*)

Явление VIII

Аполлон Павлович и слуга.

Аполлон Павлович (*удерживая слугу*). Мне что приказано сказать?

Слуга. Не до вас, посидите у моря, да подождите погоды.

Явление IX

Аполлон Павлович (*один*). Вот этак всегда, от первого до последнего в доме!.. А кто выручил их, как не я. Сосали бы отмороженные лапы, как медведи! (*Радостно.*) И у меня будут дрова! я это знаю, я это видел по глазам старосты... однако ж, что-то долго не несут! Я весь продрог... Одежда на мне только именем теплая... Воображение, благодетельное божество, приди на помощь слабеющим силам и удержи хоть на несколько минут последние искры огня в крови моей. Ты нередко было моею красотою, моим богатством и славою! не оставь меня и теперь... Гений мой, моя фея! махни надо мною благодетельным жезлом своим и согрей около меня холодную атмосферу... Дай, помечтаю... не все

ли в жизни мечта? (*Закрывает глаза.*) И вот, я чувствую, благотворная теплота переливается из жилы в жилу... И вот я настоящий наследник богатого дворянина... образован, хорош, ловок... секретарь посольства... в будуаре красавицы, нежусь на роскошном диване, упираюсь ее взором, который сулит мне столько блаженства... (*Вздрагивая, открывает глаза.*) Нет, холодно, очень холодно! Что ни пиши, а горькая существенность превосходит... я в каком-то склепе... недоросль... урод!.. Да, урод!.. люди счастливые, то есть с приятною наружностью, знаете ли, что такое урод? Как бы объяснить?.. Нет, язык человеческий в миллионах слов имеет только одно для выражения этого понятия!.. Люди, если б вы понимали унижение, тяжесть этого слова, вы обращались бы иначе с тем, кто оклеимен им. Сизиф, Тантал, Прометей, почему вас всех, мучеников древности, не изобразили с моей фигурой, с моими понятиями и чувствами!.. Тогда б ваши страдания были понятнее... Но вы мифы, а я... (*Встает и смотрит в зеркало с адскою улыбкою.*) Хорош! Красавец!.. В прибавку, как на смех, как бы ругаясь надо мной, называли меня Аполлоном... Бельведерский!.. Ха, ха, ха! (*Бросается опять в кресла и, скрывая лицо в руках, плачет.*)

Явление X

Аполлон Павлович и истопник.

Истопник (*приносит беремья дров и затопляет камин. Смотря на Аполлона Павловича*). Не замерз ли уж барин? (*Осторожно толкает его.*) Огня принес.

Аполлон Павлович (*открывая лицо, радостно*). Огонь!.. А!.. тепло!.. (*Истопник, увидав его лицо, перестает класть дрова, встает, пробирается к двери и вон из комнаты.*)

Аполлон Павлович. И даже на этого дикаря, с грубыми, черствыми чувствами, мое безобразие сделало впечатление. (*Кладет сам дрова и греется; потом скидает теплую одежду.*)

Явление XI

Аполлон Павлович и Вера Павловна.

Вера Павловна (*неся на маленьком подносе чайный прибор*). Сама изготовила, сама принесла, никому не хотела поручить... Думала, что Аполлоша хоть раз в жизни поблагодарит меня. (*Ставит чайный прибор на стол, потом наливает чай в стакан и подает брату.*)

Аполлон Павлович. Благодарю. (*Прихлебывает с жадностью, иронически.*) Доброе сердце!.. Вы знаете, что слуги так настроены, что донесли бы мне, отпив из моей доли... Было у вас это в мыслях, не правда ли?

Вера Павловна. Нет, мне хотелось иметь удовольствие самой принести и слышать от тебя спасибо. (*Целует его в голову, стоя за спинкою кресел.*)

Аполлон Павлович (*отклоняет голову*). Полно притворничать!.. Ну, кто поверит, чтоб ты с удовольствием целовала урод! Любят ли безобразия?

Вера Павловна. Люблю тебя, брата моего, в таком виде, как ты есть; любила бы тебя и с приятною наружностью, однако ж не за нее, а потому только, что ты мне брат. Может быть, почему знаешь? теперь люблю тебя, непригожего, еще больше... (*грустно*) ты несчастлив.

Аполлон Павлович. Увольте от сожаления, унижительное чувство!.. Поговорим лучше об Александре Радугине. Чай, предмет разговора для тебя приятный?..

Вера Павловна. Я не скрывала от отца, что Александр мне нравится, как еще никто не нравился; почему скрывать мне это от брата? Молодой человек с редкими достоинствами!

Аполлон Павлович. Ты не говоришь более об нем, как о женихе. Едва ли необрученная?..

Вера Павловна. Да, словом и сердцем!.. Но... с тех пор, как он уехал, обстоятельства наши переменились... ты понимаешь унижение бедности...

Аполлон Павлович. О! всякого рода унижение, конечно, лучше другого! А жаль... Забавно было бы посмотреть со стороны, как встретился бы ваш кра-

савец с орангутангом, с которым должен породниться. Как сгорел бы отец! как устыдилась бы ты меня!.. умора, да и только!..

Вера Павловна. Вот какой ты недобрый!.. Можно ли выдумывать такие обидные мечты?

Аполлон Павлович. Мечты?.. Нет, история, сударыня, история, которой каждую строчку мое сердце записывало кровью. А, право, жаль!.. Кто поручится за будущее, кто поручится, прекрасная Матильда, в постоянстве твоего Малек-Адея? Может быть, геройское чело твоего жениха увито не одними лаврами!..

Вера Павловна. Что ж потом?

Аполлон Павлович. Потом... какая-нибудь Гретхен или Лютхен... Мудрено ль... венчают его своими миртами.

Вера Павловна. Не понимаю, что-то слишком высоко!

Аполлон Павлович. Просто, он изменил тебе.

Вера Павловна. Александр так благороден, в каждом слове его было столько любви... (*Задумывается.*) Нет, нет, это не может быть! Верю моему сердцу более, нежели твоим словам.

Аполлон Павлович. Положим так. Но война не невеста со сладкими поцелуями, не супруга с нежными заботами. Кто знает, что она сулит Александру, или уж исполнила... может быть, чмокнулась с ним таким кровавым поцелуем, что изуродовала по-моему. Посмотри-ка на меня.

Вера Павловна (*грустно*). Полно, я тебя знаю. Я пришла к тебе с любовью сестры, а ты чем выгоняешь от себя?

Аполлон Павлович. Помилуй, мы просто рассуждаем, как друзья. Вот ты уж и разгневалась. Я хотел только спросить, пошла ли бы ты за такого уроды?

Вера Павловна. О, конечно!.. Не скрою, что я в первые минуты нашего знакомства с Александром полюбила в нем красивого, любезного молодого человека; но теперь, я люблю только Александра. Сделайся он уродом, я все-таки не перестану любить его.

Аполлон Павлович. Высоко и духовно!.. А если на войне убьют твоего красавца?

Вера Павловна (*в слезах*). Злой человек!.. Господи! не дай сбыться словам этого... (*недоговаривая, уходит.*)

Явление XII

Аполлон Павлович (*один*). Что ж не договорила — урода?.. Да, сударыня-сестрица, я люблю бегать за другими... Зачем же мне одному страдать и бегать?.. Что я, в самом деле, за исключение в мире! (*Немного подумав.*) Сестра добра, и любила б, если б я ее не сердил беспрестанно! Но зачем же она так хороша, как Божий ангел, а я дурен, как сатана? Зачем все ее так любят, а меня все ненавидят, начиная с отца и до последней собаки в доме? Зачем она так добра; зачем жалост меня?.. Вот что меня мучит, что будет мучить до гробовой доски!.. И я мог быть счастлив, наслаждаться, как другие люди, дарами жизни! Сказывают, я родился хорош; меня называли даже пригожим ребенком. Что ж! с приятною наружностью, с умом, с образованием, с протекцией, какое я имел право ожидать от моего рода и состояния, я мог бы теперь, в мои лета, иметь, в самом деле, почетное место в обществе!.. Кто ж виноват, что я всего этого лишился?.. Я ли сам? моими ли ошибками, шалостями, ленью, пороками?.. Нимало! дурекрестьянке угодно было отнять у меня лучшие дары, которыми наградила меня судьба, и те, которые сулил мне свет... Я недоросль, унижен, презрен, помню беспрестанно, что своим безобразием отравил жизнь матери и свел ее в гроб, мерзок отцу, родным, посторонним, самому себе, потому что глупой крестьянке Марфе так угодно было. Кормилица неловко уронила меня, году, на колыбель, с какими-то богатыми вычурами, и эти вычуры пробили мне глаз и сделали меня дромадером... Одним словом, я, по милости Божьей, был человек, по милости крестьянки — урод. (*Слышен шум от санных подрезов.*) Кто-то приехал... спрячемся покуда в эту конуру. (*Скрывается за ширмы.*)

Явление XIII

Аполлон Павлович и Елисавета Андреевна Радугина.

Елисавета Андреевна. Никого!.. как пышно жили в Петербурге, а теперь... пусто, холодно, бедно... в этой несчастной комнате принимают. Окошки замерзли на вершок... печати на дверях!.. Хорошо еще, что нашлось зеркальце, где бы посмотреться (*смотрится в зеркало.*) Бедная Вера! как должна ты страдать!.. Знаю, положение их не изменит намерений брата, но... это унижение бедности для нее ужасно!.. Надо вырвать ее отсюда во что б ни стало; постараюсь убедить ее, хоть на неделю, пока отец найдет средство снять проклятую опеку. Тетушка велела уговорить: она любит ее, как дочь свою. А я... готова увезти ее силой. Идут, кажется... скроем от них, что мне известны их обстоятельства. (*Аполлон Павлович показывается из-за ширмы, Елисавета Андреевна, увидав его, вскрикивает.*)

Аполлон Павлович. Испугались, чего?.. человека?.. самого высокого, благороднейшего создания Божьего?

Елисавета Андреевна (*в смущении приседая*). Извините... так нечаянно... я думала... одна в комнате... вы так неожиданно показались... (*В сторону.*) Мне говорили, что он дурен, но — до такой степени — я никогда не воображала. Он просто ужасен!..

Явление XIV

Те же, Кремонов и Вера Павловна (последние в заметном смущении).

Елисавета Андреевна. Прекрасно! бесподобно! так-то, негодница, держишь свое слово?.. приехала, и не дала знать хоть строчкой.

Вера Павловна. Собиралась... лишь только из дорожной повозки, первая мысль была о тебе.

Елисавета Андреевна. Я лишь только узна-

ла, что вы будете в деревню, прислала сюда своего лазутчика. Караулил целую неделю. Вы в ворота, а он ко мне, сломя голову, с вестью, что пожаловали. Не выдержала и поскакала.

Кремонов. Извините, что принимаем здесь... у Веры в комнате все еще в таком беспорядке...

Елисавета Андреевна. Да как же иначе, с дороги?

Кремонов. Комната такая бедная!..

Вера Павловна. Лиза моя подруга с детства, не взыщет, хотя б и была 'посторонняя! Неужли нам стыдиться нашей бедности?

Елисавета Андреевна. Я ничего не вижу, не могу ничего видеть, кроме моей милой, бесценной Верочки. Ну здорова ли, душечка? (*Целуются.*)

Кремонов (*тихо сыну*). Ты что вывесил напоказ свою гадкую фигуру?

Аполлон Павлович. Чтобы творец гордился своим произведением.

Вера Павловна. Рекомендую, это мой брат.

Елисавета Андреевна. Мы имели уже удовольствие познакомиться.

Аполлон Павлович. То есть я имел это удовольствие. (*В сторону.*) Кабы не крестьянка Марфа, может быть, мы поменялись бы с сестрицей ролями.

Елисавета Андреевна. Гляжу и не налюбуюсь на тебя.

Вера Павловна. Мне бы надо тебя этим встретить.

Елисавета Андреевна. Право?.. О, да я и без тебя знаю, мне твердят это почти каждый день мои степные обожатели. Когда б ты видела, что за прелесть эта молодежь! какой тон, какая высокая образованность! Берегись...

Вера Павловна. Неопасное соседство, потому что мы не намерены ни с кем знакомиться.

Кремонов. Да что ж вы не присядете. Мы словно на какой-то сцене.

Елисавета Андреевна. И в самом деле, я будто играю роль говоруньи. Вы, однако ж, думаете, я приехала к вам в гости, я приехала похитить вашу

дочь. Волей-неволей, вы должны мне ее отдать... Вы так добры, Павел Иванович, не откажите...

Кремонов. Как Верочка...

Вера Павловна (*отводя отца, в сторону*). К жениху в дом?.. в наших обстоятельствах... Не скажут ли, что мы...

Кремонов (*тихо*). Навязываемся... правда, неловко. (*Слышен дорожный колокольчик.*) Кто-нибудь из суда!.. Боже мой! она увидит... услышит... решайся, и избавь отца от позора... (*Возвращаясь к Радугиной.*) Ей надо бы дома... однако ж... отдаю на ее волю...

Елисавета Андреевна. О! ее-то я и не спрашиваю: я могу ей приказать... Нынче я ее главнокомандующий, итак, повелеваю тебе: прощайся с своим папашей и марш за мной! (*Слышен за дверьми спор.*)

Кремонов (*тихо дочери*). Убирайся же с этой болтуньей, хоть к себе наверх.

Вера Павловна (*Радугиной*). Слушаю, мой милый повелитель!

Елисавета Андреевна (*раскланиваясь, берет ее за руку, чтобы идти, и вдруг останавливается*). Да, я еще забыла сказать вам, Павел Иванович... Вы, верно, порадуетесь со мной...

Кремонов. Готов радоваться вашей радостью (*в сторону*), когда кошки скребут по сердцу. (*Сыну на ухо.*) Вели хоть на минуту задержать. (*Аполлон Павлович неохотно повинуется.*)

Елисавета Андреевна. Мы получили на днях от брата письмо... пишет, награжден георгием... за какое дело не помню... помню только, что в Италии... Сам Рымникский надел крест на него и поцеловал его в лоб. Вот почему я нынче так горда: и на меня падают лучи его славы!.. Александр здоров, но грустит по России (*жмет руку подруге*), вам всем кланяется... просит не забывать...

Кремонов. Радуюсь... благодарю... (*Слышны в это время голоса Мошнина и слуги.*)

Слуга. Подожди, доложу.

Мошнин. Пусти, разбойник!

Слуга. Да здесь дворянка-соседка.

Мошнин. Мне-то что, дворянка? я сам господин здесь.

Слуга. Одну минуту.

Мошнин. Ни одной... здесь не в городе... не убежит в задние двери.

Кремонов (*целуя дочь*). Прощай, мой дружочек, будь здорова... (*Шепчет ей.*) Утащи ее и — поскорей из дому.

Вера Павловна (*подруге*). Je suis à toi. (*Уходя с Радугиной, сталкиваются на пороге с Мошниным.*)

Елисавета Андреевна. Ха, ха, ха!.. Это что за бодун-козел. (*Мошнин вслед ее осматривает ее с головы до ног.*)

Явление XV

Кремонов, Аполлон Павлович, Мошнин и слуга.

Кремонов (*в сторону*). Уф, сгораю от стыда... я думал, земля раскроется подо мной... (*Идет навстречу Мошнину.*) Милости просим, Гаврила Силаич, милости просим.

Мошнин. Какая тут милость, батенька! Холопы твои только что за ворот не берут. А как нужны были денежки, так в Питере присылали за мной колымагу не раз... такой-сякой, не мазанный... друг и приятель, и шипучку пили вместе и по два самовара в час ставили.

Кремонов. Ты всегда наш дорогой гость, Гаврила Силаич! Не взыщи на дураке слуге. (*Слуге.*) А тебя, болвана!.. Приказано отказывать посторонним, а Гаврила Силаич свой человек... Эй, стул!.. Да вам покойнее будет на канапе... (*Дает знак слуге, чтобы вышел.*)

Мошнин (*сидясь и осматривая все кругом*). Сесть-то сяду, потому что устал, да прошу не прогневаться, скажу тебе напрямки пословицу: соловья баснями не кормят. А ты вот уж три года сказываешь их мне. Писал, писал нет ответа. Посылал просьбицы — сколько на гербовую вышло!.. сколько пришлось отдать подьячим!.. Гнал лист за листом, а ты и ухом не ведешь, зада-

риваешь судей, да и молчок. Наконец поехал сам к тебе в Питер... я в двери, а ты в другие, я в полицию, отзывают, уехал в степную деревню; шлю туда — пишут: в Питере; словно в гулячки играем. Теперь, батенька, поймал тебя, и не выпущу... прошу не прогневаться, запру в тюрьму, и что ни месяц, буду вносить кормовые.

Кремонов. *Дворянина?* как это можно?

Мошнин. Полно хорохориться-то, батенька, господин дворянчик! что за честь, как нечего есть. А вот прошу не прогневаться, как сядешь у окошечка за золотой решеткой...

Кремонов. Разве не по твоему иску наложена опека на это имение? чего ж еще?..

Мошнин. По-моему. Да что в этой опеке? кому головка, а мне мякина; и процентов не получаю. В имении твоём ни кола ни двора, по твоей же милости.

Кремонов. Что ж мне делать, Гаврила Силаич? научи сам. Все продано, все описано... что я тебе своим лицом?

Мошнин. Правду молвить, невелика пожива. Да мне-то что ж прикажешь делать, Павел Иванович? фабричным задолжал, фабрика стала... банкрот совершенный!.. полезай в удавку или выручай.

Аполлон Павлович (*подвигая к Мошнину свои кресла*). А какая у вас фабрика, позвольте вас спросить?

Мошнин (*держит руку над глазами и всматриваясь в Аполлона Павловича*). Ситцевая, батюшка, ситцевая. (*Обращаясь к Кремонову.*) Ведь сынок твой?

Кремонов. Сын. Вот какова подпора на старости!

Мошнин (*прищуриваясь*). Полно грешить, по глазам вижу, умная голова, дока!

Аполлон Павлович. Разве по одному глазу и по двум горбам.

Мошнин. Хе, хе, хе? И то правду сказать, батенька, вряд ли найдем горбуна дурака. Но мое разумение об тебе, государь мой, не из того источника вытекает. Вот видишь, я хоть и простой человек, да много всякой всячины видел на своем веку и многому научился... Не к стыду моему буди сказано: я был крестья-

нин твоего деда... мастерством каменщик... царство ему небесное, хоть и слыл фармазоном!.. Мужик был хитрый, рассудительный, видел насквозь человека... нажил копейку; да и оставил своему сынку (*наклонясь к Аполлону Павловичу, дружески мигает ему*), только не в помощь богатство... хе, хе, хе! Дед ваш любил меня, часто беседу вел со мною, и зная, что я умею держать язык за зубами, сказывал мне про такие вещи, что ужас иного возьмет... Верьте, государь мой, или не верьте, а он умел делать золото.

Кремонов. Почему ж не передал сыну этого искусства?

Мошнин. Прошу не прогневаться, он знал, что промотаешь дельное золото, как промотал ты денежки, которые он тебе оставил. Где вам, батенька! На такие дела нужно фортель в голове, да бесстрашие, да труд. А вам бы манну с неба кушать... Знаем вас!.. И я то денежки свои не тебе верил, а на слово батюшке твоему во гробу... (*Слышен стук в стене от мороза.*) О, го, го! дает, видно, ответ: «заплачу». Вот кто мне порукой по вас!

Кремонов (*встает и, озираясь со страхом, ходит по комнате*).

Мошнин (*тихо Аполлону Павловичу*). Трус! мороза испугался.

Аполлон Павлович (*тихо смеясь*). Вот этак всего!.. (*Вслух.*) Прошу вас продолжать рассказ.

Мошнин. Таким-то хоботом понабрался я кое-чего у твоего дедушки, по милости его отпущен на волю, научился самоучкой грамоте; протекло много ли мало ли лет, бросил свое каменное мастерство, потом в приказчики на ситцевую фабрику, вышел в хозяева, начал ездить по ярмаркам, делать дела с немцами, армянами, жидами, и с крещеными и некрещеными... с русскими был русский, с татаринном — татарин... где полз вьюном, где на четвереньках... Не взыщи, батенька, как же иначе наживать денежку! Не мне чета тоже делают и выходят в люди!.. И набил было я копейку, да вот почтеннейший нынче разоряет меня вконец... Однако ж прошу не прогневаться, речь-то я к тому вел, что твой дед научил меня по приметам различать сокола от во-

роны!.. Вот как бы мне пришлось с тобою дело иметь, так не стали бы зевать по батюшкиному.

Кремонов. Вот что должно терпеть несчастье. Ты обижаешь меня, Гаврила Силаич, грешно.

Мошнин. Грех правде поперечить, батенька! Плохонек был — дела говорят, не мы. Вот и теперь кабы ты хотел, мог бы поправиться... фортель есть...

Кремонов. Научи меня, будь моим благодетелем, моим спасителем.

Мошнин. Где!.. Ты слишком совестлив.

Кремонов. Готов хоть к сатане в услужение, лишь бы выпутаться из бед, которые меня со всех сторон осадили.

Мошнин (*прищурясь одним глазом*). Право?.. хе, хе, хе! ну вот мне нужен на мою фабрику рисовальщик и гридыровщик... дорого бы дал... понимаешь меня?..

Кремонов. Это одне шутки... можно ли дворянину?

Мошнин. Опять за старую песню!.. Шутка, так шутка! (*Задумывается и считает по пальцам про себя*). Пять — синюха, две синенькие — красная бумага, десять, десять и два раза десять — пятьдесят, четыре беленькие — сотенная! хорошо! А как тысячу сотенных?.. уж это не шутка!.. Ге, ге, ге, да и мы ариметику знаем... (*Продолжает что-то считать по пальцам, между тем Кремонов, облокотясь на ручку канапе, сидит в задумчивости*.)

Аполлон Павлович (*дрожа, вскочив с кресел, в сторону*). Я... я его понял... гениальная мысль! Она давно западала мне в душу... она не раз тревожила меня днем, будила ночью... почему же ей не осуществиться!.. Этот миг мой Рубикон... переступаю!.. (*Подойдя к отцу, на ухо*). Оставьте нас... на часок... на полчаса... я постараюсь его уговорить...

Кремонов (*тихо сыну*). Как же мне от него улизнуть? готов хоть в овине просидеть.

Мошнин. Вам, батюшка, не нужно ли по делам хозяйственным?.. каков час!.. Извольте, извольте... ведь вы, чай, не убежите...

Кремонов. Помилуй, и убежать-то некуда. (*Уходит*.)

Явление XVI

Аполлон Павлович и Мошнин.

Мошнин. Слабый человек, мухи с носа не сгонит, а какое с тобою обращение!

Аполлон Павлович (*хочет говорить*).

Мошнин (*перебивая его*). Не говори мне... все знаю, батюшка, Аполлон Павлович... Так твое имечко, кажись?

Аполлон Павлович. Точно.

Мошнин. И болван-то и горбун?... других имен тебе нет. Ох, ох! А кабы умели тебе цену дать, кабы родитель слушался тебя, или поручал тебе дела свои, так пошло бы иначе...

Аполлон Павлович. Благодарю покорно и понимаю цену ваших похвал. (*Подвигается поближе к нему.*)

Мошнин. Смекнул тотчас, что у тебя глаз верен, аки граненый алмаз. Говорят... (*потирает руки с удовольствием*) у вас и ручка золотая.

Аполлон Павлович. Могу похвалиться, нарисую живо, с чего угодно... а написать могу и скорописью, и по печатному так, что с книжным не узнаешь. Жаль, что не могу дать вам образчика.

Мошнин (*качая головой*). И ты, Аполлон Павлович, не пустишь такой золотой ручки в ход... грешите, родной!.. кабы у меня такая, нажил бы разом десятки тысяч.

Аполлон Павлович. Не имел случая и хорошего посредника...

Мошнин. Да, батюшка, надо верность, чтоб пустить в ход твою работу... А позволь спросить, еще что знаешь?

Аполлон Павлович. Жаль, что ничего более... могу только похвастаться осязанием... вы понимаете... закрыв глаза, ощупаю какая у вас... положим хоть... бумажка. (*В сторону.*) Кажется, в рот положил...

Мошнин (*качая головой*). Так, так, а ты бы?

Аполлон Павлович. Да... я бы...

Мошнин. Заприте-ка дверь, батюшка.

Аполлон Павлович (*запирает дверь и потом, возвратившись, дрожа, схватывает его за руку*). Запер... (*Отведя его за ширмы.*) Полно!.. не выдержу... В жилах моих не кровь, а свинец — ты растопил его! Играть далее нашу камедь невмочь. Мы поняли друг друга — так ли?

Мошнин. И гадать не надо.

Аполлон Павлович. Ты умный, хитрый мужик, пожалуй, и плут; я, как видишь, урод и не дурак. Соединим наши головы, и мы обманем сотни дураков. Да, мы можем разбогатеть.

Мошнин. Ладно!.. ты... я... (*показывает рукой.*)

Аполлон Павлович. Помни, мне терять нечего, кроме жизни, и ту я в грош не ставлю... Взвесь, что ты можешь потерять своею неосторожностью или изменой — жену, детей, которых ты, может быть, любишь, состояние, нажитое трудами многих лет, жизнь, для тебя дорогую.

Мошнин. Жену, троих детей, капитал, голову — кладу тебе в руки.

Аполлон Павлович. Хорошо. Но место? но...

Мошнин. Прошу не прогневаться, все уж давно придумал. Только тебя не доставало. Нечистый, прости Господи, или кто другой, нас свел, не ведаю, но лишь взглянул на твою милость, подумал: вот эта птица и нужна тебе. Слушай же. С незапамятных времен построен твоими прародителями, под этим домом, великий подвал со сводами. Дед твой доподлинно работал в этом подвале. А чтобы никто не видел его мастерства, так он заклал вход камнями и засыпал землей, а из этой каморки провел в подвал тайник. Клали мы его с отцом под клятвой и великой наградой. Мы были крепки на слово, зато и отпущены на волю и милостиво одарены. Отец мой помер, помер и дед твой. Об этом тайнике никто не знал, кроме меня да разве домовых, прости Господи! Отец мой сказывал, что был другой тайник в подвале из другой каморки, да тот еще покойник заклал. Посмотри-ка, фортель какой, хитра штука! (*Отвинчивает ножом два винта в чугунной плите камина, которая от этого действия вдруг опускается.*) Нет ли свечи?

Аполлон Павлович. Мне часто не давали

огня по ночам, а заниматься хотелось, так я крал восковые свечи. *(Вынимает огафок из чемодана, высекает огонь и передает свечу Мошнину.)*

Мошнин *(берет свечу и входит в камин; сквозь отверстие его освещается свод подвала)*. Глянь-ка сюда, голубчик.

Аполлон Павлович *(следуя за ними)*. Чудный храм для нашего божества! настоящая преисподняя!.. Солнце не пробьет этих сводов лучом своим. И ты, гром небесный, притупишь об них свои стрелы!.. О, Вельзевул не мог бы устроить для себя лучшей рабочей. Друг Мошнин, мы здесь потрудимся... мы наживем здесь миллионы.

Мошнин. О, го, го, миллионы!.. Прошу не прогневаться, батюшка: тише едешь — дальше будешь.

Аполлон Павлович. Заключим здесь союз на труд и верность. Обнимемся братски... *(Обнимаются; Мошнин поднимает чугунную плиту и опять ее завинчивает. Оба выходят из камина.)* Да забыл... а мастера другого... понимаешь.

Мошнин. Вот видишь, у меня на фабрике живет голенький немчура...

Аполлон Павлович. Каспар Иванович. Лучше нельзя сыскать! Отец должен ему 10 тысяч. Согласится, так мы запрем его в этот подвал, пока нужно, и пошлем долг жене его в немецкую землю; не согласится — умирай голодную смертью, с женой и детьми. О, я уверен, эта рыбка пойдет разом на золотую удочку.

Мошнин. А там...

Аполлон Павлович. В кибитку и за границу.

Мошнин. А батюшка твой?

Аполлон Павлович. О, этот наш! ему теперь хоть в удавку. Чтобы спасти дочь и себя от стыда и голода, он готов на все.

Мошнин. Лишь только согласие даст, сниму опеку и пять тысяч ему задатку.

Аполлон Павлович. Распустим слухи, что батюшкины дела не были так плохи, как думали, что он привез денег из Питера, отдал мне имение в заведывание... а там разные обороты, покупки, продажи, как водится, от всего барыш.

Мошнин *(треплет его по голове)*. Золотая голова!

Аполлон Павлович. Итак, до завтра.

Мошнин. Утро вечера мудренее. До радостного свидания, батюшка! (*Уходит.*)

Аполлон Павлович (*один*). Посмотрим, сумею ли править великим делом. За работу, Аполлон! я рассыплю на свой мир золотые лучи не хуже моего божественного тезки.

Деньги — вот архимедов рычаг! Нынче я нищий, унижен, презрен, а завтра — золото, господство, уважение!.. А сладостная месть?.. чем оценить ее?.. Отмстить за 30 лет унижения, отмстить людям за то, что в отношениях ко мне попирали законы природы, отмстить всему, что только презирало меня... разве это сокровище можно чем оценить?..

Итак, за работу, Аполлон!

АКТ II

С лишком через год.

В подвале; его разделяет полузадернутая занавеска. В углублении лежит Шаф на соломе. Дверь железная отпирается.

Явление I

Кремонов и Аполлон Павлович. У первого фонарь в руках, у другого салфетка, в которой завязаны съестные припасы и бутылка с вином; поставив свою ношу на пол, он запирает дверь и прячет ключ в карман.

Кремонов. Опять скажу, будто без меня нельзя?

Аполлон Павлович. Никак... извините, вы должны.

Кремонов. Разве я более года не лазил с тобою в эту кузницу? не оклеймил рук и лба своего ужасною каторжною работой?

Аполлон Павлович. Теперь ужасной!.. Однако ж вы чрез нее выручили 1000 душ из-под молотка заимодавцев и свою душу от самоубийства, от которого были на волосок! И душечка Вера обеспечена, устроена, снаряжена, как богатая невеста. Гм! Ужасной рабо-

той, какая неблагодарность! Скажите лучше, золотой, алмазной.

Кремонов. Аполлон, послушай отца...

Аполлон Павлович. Отца?.. В таких делах нет ни отца, ни сына, есть только товарищи.

Кремонов. Пожалуй, товарища, участника в вашем преступлении; мало? главного виновника его, потому что, без моей слабости, вы никогда не посягнули бы на такое злодеяние. Слушай: мы были в крайности, на краю пропасти и, очертя голову и совесть, шагнули через эту пропасть... благополучно... Уф, чего стоит это благополучие! Пора оглянуться и кончить... право, пора; послушай голоса рассудка.

Аполлон Павлович. Мой рассудок говорит: мало, еще! Он же шепчет мне на ухо: попробуй, перестань — так опять втопчут тебя в грязь, опять закуют в прежние железа.»

Кремонов. Верь мне, этого уж не будет, не может быть.

Аполлон Павлович. Верю только тридцати годам унижения. О! когда на объяснения пошло, я скажу вам вот что... Кто довел меня до этой адской кузницы? Не вы ли сами? Я по рождению был ваш сын: что ж вы сделали из меня? — хуже, чем последнего из ваших слуг. Вы не били меня, нет, но унижение, в котором вы меня держали, насмешки, брань, презрение, которым все в доме меня честили, кроме сестры, разве не хуже побоев? Вы забыли тогда, что вы отец мой; я теперь забыл, что я ваш сын. Мы поменялись только ролями... Теперь, я здесь в доме господин и повелитель... да, повелитель!

Кремонов. Послушайся хоть голоса совести.

Аполлон Павлович. Совесть? ха, ха, ха! я до сих пор не знал этой госпожи в лицо. Право, смешно, батюшка, в ваши лета это говорить! Какая совесть у того, кто решается на такие дела?.. Вот вам мое последнее увещание. Пока вы меня слушались, дела шли и идут хорошо, прекрасно, как нельзя лучше. Ну, потяните еще немножко шнур, которым я правлю... еще,—и с Богом!

Кремонов. С Богом?.. с Богом?.. Ужасно!.. Здесь, наверно, нет Его. Умоляю тебя, друг мой, мой благодетель, если не хочешь называться сыном моим... в последний раз кончим, уничтожим орудия, все, все в прах... сожжем и дом, где производилась... Еще время... жених твоей сестры не приехал... Нет подозрений, честные люди, ни правительство еще не следят нас. Чего нам более? Мы и потомство наше обеспечены, как богатые люди...

Аполлон Павлович. Потомство мое в моем уродливом я; а границы этого я еще не отмежеваны. Ба! что-то скажет разве будущность!

Кремонов. О тебе-то я и хлопочу столько же, сколько и о себе.

Аполлон Павлович. Жаль, что я этого не слышал за год с лишком назад.

Кремонов. Каюсь, я был виноват перед тобой... Нет мне оправданий. Теперь ты с твоим умом, с твоею прозорливостью...

Аполлон Павлович. Благодарю покорно.

Кремонов. Исправь мою вину и остановись на краю новой пропасти. Итак, в последний раз...

Аполлон Павлович. Буди по-вашему — в последний раз.

Кремонов. Обещаешься?

Аполлон Павлович. Обещаюсь, обещаюсь...

Кремонов. И бедного Каспара освободить?..

Аполлон Павлович. Освободить, освободить уж, конечно... Неужли мне из него ветчину кооптить!.. Кончен ли наш торг?

Кремонов. Дай слово исполнить это теперь же... ко дню рождения Веры... Утешь меня, осчастливь... Может быть, мне самому осталось недолго жить.

Аполлон Павлович. Хорошо... только не нынче... нынче было бы безрассудно... надо приготовить... а скоро, очень скоро... однако ж, не надо терять золотое время... Вспомните, что я ко дню рождения моей дорогой сестрицы выработал 300 душ и прочее и прочее. Надо же выручить денежки за них.

Кремонов (*грустно качает головою и садится на стул.*)

Аполлон Павлович (*в сторону*). Снова в битву

против судьбы!.. Vas, банк! пасть, так пасть, миллионером! (*Подходит к Шафу.*) Добрый день, приятель!

Шаф. День?.. Разве здесь бывают дни, милостивый господин?.. Для меня одна нескончаемая ночь.

Аполлон Павлович. Ночь, день, часы, это только пустые слова, Каспар Иваныч; во времени их нет. Впрочем, мы иллюминую твою ночь. (*Зажигает несколько свечей; за занавеской лица становятся в такое положение: Кремонов то сидит на стуле, то прохаживается в раздумье по авансцене, то ложится на постель Шафа. Шаф и Аполлон Павлович по временам показываются из-за занавески.*) Какой же обед я приготовил тебе нынче! цыпленок — деликатес, вино — нектар!

Шаф. Лучше б уморили меня голодом.

Кремонов. Утешься, добрый Каспар: сын мой обещает выпустить тебя скоро на свободу.

Шаф. О когда бы так!.. Жена, дети, мир Божий, я вас опять увижу — опять я буду свободен. И в самом деле, пора, Аполлон Павлович. Условие мое было на шесть месяцев. Бедность, кровные нужды, мысль, что я составляю счастье моего семейства, заставили меня решиться, я исполнил условие, как честный немец; но вы... извините, милостивый господин, вы поступаете со мной неблагородно: срок давно кончился, и я здесь...

Аполлон Павлович. Ты знаешь причину, любезный Каспар Иваныч: помнишь — мыши... Кто ж это предвидел?.. Жаль, мышей-то мы и пропустили в условии. Ну, ты такой добрый, честный немец... Ты сделал нам одолжение, и мы не останемся неблагодарны: к семейству твоему посланы 10 тысяч; доволен ли прибавкою пяти?

Шаф. Воли, воли прошу я, господин, а не денег. Деньги заменят ли мне воздух, свободу, семейство, все, что я имею там на земле?

Аполлон Павлович (*будто не слыша его слов*). Помоги-ка, добрый друг... Ты такой искусный механик.

Шаф. Здесь потеряешь и смысл человеческий. Духота, мрак, тоска давят меня, сокрушили мои кости, сердце изныло... видите, каков я стал... (*Показывает свои руки.*) Я не выдержу еще недели... Если долее, готов

лучше на плаху... умоляю вас именем Создателя нашего, общего нашего Судьи и Отца, выпустите меня из этого заточения.

Аполлон Павлович. Я уж обещал бабушке; ты мне более не нужен.

Кремонов. Верь, он исполнит свое слово.

Шаф. Поклонитесь именем Бога.

Аполлон Павлович. Ну, пожалуй.

Шаф. Клянитесь им, страшным именем Бога!

Аполлон Павлович. Да... им... клянусь.

Шаф. Нет, нет, милостивый господин, на вашем языке имя Бога, а в голове, в сердце вашем нет Его.

Аполлон Павлович. О, это слишком дерзко! Не настроить же мне свой голос на твою дудку.

Шаф. Докажите ж, что вы клялись в правде: возьмите меня нынче же с собою.

Аполлон Павлович. Ты вовсе одурел, Каспар. Надо ж поосторожней приготовить твой выезд. Разве хочешь погубить себя и нас с тобою? Я дал слово тебе и бабушке, и свято исполню его. Дня три-четыре и... уходи, ускочи от нас, улетай, хоть к черту!

Шаф. Не сердитесь же, милостивый господин, верю, верю.

Аполлон Павлович. Давно бы так. Расскажи-ка нам лучше о твоём житье-бытье, на... какой бишь реке?

Шаф. На Рейне, первой реке в мире. Какое там небо! какое тепло! как весело ластятся виноградные лозы к стене нашей хижины!.. И теперь в глазах мерещатся они... солнышко играет на яхонтовых кистях...

Аполлон Павлович *(в сторону)*. Вот этак лучше. Пускай померещатся.

Шаф. И теперь, как будто вижу кирку нашу: золотой петух словно хочет оторваться от шпилья и улететь на небо... *(грустно)* а подле кирки кладбище... там покоится прах моего отца... над могилой его каштановое дерево свесило густые ветви... *(Задумывается.)*

Аполлон Павлович. Ну, а женочка у тебя, чай, прехорошенькая?

Шаф. Настоящая роза. Так и звали ее в деревне.

Ах! милостивый господин, кабы вы знали, как она добра, как меня любит: четыре года прошло с нею, словно один день в раю. А детки...

Кремонов. Сколько ж их у тебя?

Шаф. Трое, дочь и два сына: Луиза, Франц и Генрих... настоящие амурчики!

Аполлон Павлович. Ну, на каждого прибавлю по пятисот.

Шаф. Благодарю (*задумывается*). Ангелы мои, добрая моя Гретхен, мать-старушка... живы ли еще?.. И я мог вас покинуть?.. Нужда, нужда, чего ты не делаешь! Кабы вы знали, на какое ужасное дело я решился, чтоб видеть вас счастливыми... (*Плачет.*) Отпустите же меня ныне, Аполлон Павлович.

Аполлон Павлович. Я не прочь, только надо подождать.

Шаф. Боже, Боже мой! будь моим ходатаем... (*Становится на колена.*) Умоляю вас; сжальтесь надо мною... вспомните, что меня ждут старушка-мать, жена, трое детей... обнимаю ваши колена... целую ноги ваши.

Аполлон Павлович. Я сказал.

Кремонов. Разве с нас недовольно? Сжался...

Аполлон Павлович (*молчит*).

Кремонов. Тронься, каменное сердце, участью этого несчастливца... Подумай: полгода в этом погребе... Хотя одно доброе дело, и в день страшного суда, на весах Бога, оно положено будет на выкуп твоих грехов.

Аполлон Павлович. Я сказал.

Кремонов. Так мое проклятие...

Аполлон Павлович. Я сказал. Полно-те, батюшка, с своей трагикомедией! Не угодно ли наверх? Вспомните-ка лучше, завтра день рождения вашей Веры. Угодно ли будет поздравить ее от имени отца, делателя фальшивой монеты, и убить ее именно в этот день, или дать мне волю с Каспаром. Важность какая, грошовому немчуре потрудиться здесь лишний месяц. (*Гасит свечи и берет фонарь.*) Угодно ли вам за мною? (*Отворяет дверь, отец следует за ним.*)

Явление II

Шаф (*один*). Есть Бог, и злодей будет наказан... А ты, Каспар, разве не участник их злодеяний, разве не такой же фальшивый монетчик? Нужда, дети, скажешь ты в оправдание?.. Нет, нет, никакая цель не изменяет злодейства. Лучше б погибнуть мне телом, погибнуть детям, жене, чем пускаться на такое ужасное дело, чем погубить навеки душу свою... Господи! взгляни милосердным оком на мои несчастья, порази меня Своими громами, но хоть за мои страдания пощади невинных.

Грете, милые дети, матушка, над вами всходит теперь солнце; Рейн течет перед глазами вашими во всем великолепии своем; может быть, в эту самую минуту вы гуляете по саду, чистые делами и помыслом, вы спокойны и радуетесь, а я... под землею, в склепе, и с совестью злодея... И там, на свете, вы, может быть, отворотитесь от меня (*плачет*).

Хоть раз бы еще взглянуть на них и потом умереть! Но где надежда освободиться?.. Знаю, что есть отсюда другой выход: об этом проговорился раз Мошнин... но здесь нигде не видать такого выхода... осмотрю еще хорошенько свою тюрьму, перегляжу каждый камешек, каждую щель, каждый гвоздик... А если найду выход? куда он поведет меня?.. Не прямо ль в руки горбуна, или в западню?.. Что бы ни было, надо искать спасения или смерти.

Явление III

Утро, сад; посреди его павильон. На правой стороне небольшое здание; от него идет решетка с воротами. На левой стороне двухэтажный барский дом с террасою в нижнем этаже, ближе к авансцене; в конце этого дома башня. За решеткою видна толпа народа.

Аполлон Павлович сходит с террасы к воротам сада и ласково кланяется народу. При появлении его слышны голоса в толпе: «Вот родимый наш! Батюшка! Кормилец! Отец наш! Дай Бог ему многие лета здравствовать!»

Аполлон Павлович. Благодарю, благодарю, друзья! Есть ли тут из чужих деревень мужички?

Несколько мужиков и баб (*кланяются*). По милости твоей, сударь, званы на хлеб-соль твою.

Аполлон Павлович. Смотрите же, наши, гостей не забывай! Всего вдоволь им!

Несколько мужиков. Слушаем-ста, батюшка Аполлон Павлыч.

Аполлон Павлович. Где погорелые из Шемшурина? (*Являются два старика и один пожилой крестьянин.*) Сестра жалует вам на постройку изб и заведение двести рублей.

Старики. Денно и ночью будем молиться за тебя, отец наш.

Третий. Продли, Господь, живота твоего на многие лета, кормилец наш!

Аполлон Павлович. Не за меня, а за сестру молитесь, она вам жалует.

Крестьянин. За тебя и сестрицу твою, батюшка. Без тебя бы до нас не дошло.

Аполлон Павлович. У которых был скотский падеж? (*Являются несколько крестьян и крестьянок.*) Вам сестра жалует триста рублей на завод скота (*крестьяне и крестьянки, получивши деньги, падают ему в ноги*). Вы знаете, я не люблю этого, добрые мужички; я запретил это... Одному Царю Небесному да земному подобают земные поклоны.

Слышно со всех сторон: «Благослови его Господь!» Двое слуг приходят с кошельками и, по приказанию его, бросают деньги в народ. Слышны за оградой восклицания: «Многие лета новорожденной! Многие лета матушке и всему боярскому дому!» Аполлон

Павлович скрывается в толпе народной.

Явление IV

Кремонов (*один; он выходит из дома с правой стороны*). Ныне 13-е число, день рождения дочери!.. роковое число!.. 13-го смерть жены моей! 13-го числа, восемнадцать месяцев тому назад, я решился на ужасное дело... день, записанный кровью на душе моей, хотя в него не было пролито крови. Но — будет!.. Головы нашей

гидры начинают расти, надо будет отсекаать их... Бедственный день! с него не знаю, что такое спокойный сон; каждый кусок напитан желчью, в каждом человеке таится враг; что шаг — то пропасть. Я чахну, я таю видимо: живой скелет!.. Муки нестерпимы! Вот и теперь, когда несу дочери дарственную запись, лишь только вздумаю, какими путями она приобретена, по коже пробегает мороз, сотни ножей руют в сердце моем. Каждая буква на этом листе говорит мне: ты даришь чужое добро, делатель фальшивой монеты!.. Есть ли имя позорнее этого? какими делами смоешь его? Добро это куплено на деньги, похищенные у государя, у отечества, у ближних... Я — вор... Нет другого имени в душе моей!

Роковой день! дорого бы дал, чтобы воротить тебя... Слабость, непростительная слабость!

Что ж было делать?.. Идти в тюрьму, это бы еще не беда; но поручить благодетельному призрению дворян мою дочь, мою Веру... нет, нет, этого нельзя было вынести! (*Показывается Вера Павловна на террасе.*) Вот и она!.. бывало, я благословлял ее, а теперь... боюсь... руками, которые делают... все равно, что окровавленными. (*Вера Павловна сбегает с террасы навстречу отцу.*)

Явление V

Кремонов и Вера Павловна. Она бросается в объятия отца.

Кремонов. Поздравляю тебя, милая, бесценная Вера! Господь да благословит тебя своими милостями и наградит счастьем, которого ты вполне достойна!

Вера Павловна. О, я теперь совершенно счастлива!

Кремонов. Знаю, чего не достает для полного твоего счастья... Но Бог не без милостей. Кампания кончилась; жених твой здоров и нас не забыл. Сейчас я получил письмо от него. Александр пишет, что уволен в чистую отставку полковником и на днях прискачет к нам, чтоб узнать решение судьбы своей.

Вера Павловна. Боже мой, чем даришь ты меня нынче!.. Батюшка, теперь могу смело сказать: сердце мое никогда не переставало любить Александра и боялось только обстоятельств.

Кремонов. Теперь мы и по состоянию равны. А чтобы навсегда обеспечить тебя от обстоятельств, вот тебе подарок от меня и брата твоего.

Явление VI

Те же, Аполлон Павлович и мальчик.

Вера Павловна (*принимая бумагу от отца и пробежав ее глазами*). Что это? подарок в 300 душ?.. (*Целует его.*) Но... вы не затрудняли себя этим подарком?.. Батюшка, друг мой, не сделали ли долгу для меня?.. На чистые ли деньги?

Кремонов. Нет, нет, я не делал долга... все куплены на... свои... Благодарю за все брата. Вот и он с поздравлением... (*В сторону.*) Кабы знала, на какие чистые деньги!.. (*В это время вбегает мальчик лет восьми, одетый амуrom.*)

Аполлон Павлович (*целует сестру и подводит мальчика*). Вот этот божок поздравит тебя лучше нас, смертных.

Вера Павловна. Сережа, это ты, мой милый?

Мальчик (*смешавшись*). Нет, не я, не я... (*Обращаясь к Аполлону Павловичу, грустно.*) Что ж мне делать? Узнали.

Аполлон Павлович. Худой амур, который роется и не умеет прикидываться! Где же у тебя бумажка?

Мальчик (*подает Вере Павловне письмо*).

Аполлон Павлович. Этот подарок, наверно, дороже наших.

Вера Павловна (*развернув письмо*). Подпись Лизы Радугиной. (*Читает вслух дрожащим, прерывающимся голосом.*) «Александр... приехал... Мы сейчас...» (*Обращается к отцу.*) Батюшка, он здесь... он сейчас будет... Господи, Господи! в состоянии ли я снести все, что ты

мне нынче посылаешь... (*Брату.*) Милый брат, как и чем отблагодарить тебя?..

Аполлон Павлович. Когда этот мальчик оборотится в Гименея, не забыть дружбы.

Вера Павловна. О, никогда, никогда! могу ли забыть, чем тебе обязана? Твоими трудами, твоими работами, мы пришли от бедности к довольству, батюшка на старости лет успокоен.

Кремонов (*в сторону*). Не дай Бог никому такого спокойствия!

Вера Павловна. А я... я уж не могу хорошенько объяснить все, что ты для меня сделал. Какой прекрасный для меня день! (*Слышен стук экипажа.*) Однако ж кто-то подъехал к крыльцу.

Аполлон Павлович (*смотря в окно*). Это он. У сердца, видно, тонкий слух.

Вера Павловна. Боже, поддержи меня! Сердце так и хочет выскочить! (*К концу явления мальчик уходит.*)

Явление VII

Те же, Радугин и Елисавета Андреевна.

Кремонов (*идя Радугину навстречу*). Александр Андреевич...

Радугин (*обнимая его*). Мой почтеннейший друг! Смее ли сказать по-прежнему, милая Вера Павловна!

Вера Павловна (*подает ему руку*). По-прежнему, Александр...

Радугин (*целует руку Веры Павловны*). Милая, бесценная Вера Павловна. И вы не забыли меня? Вы не переменились ко мне?

Вера Павловна. Разве можно перемениться? В моей ли это воле?

Радугин. Целых два года не видаться... ужасное время!.. целая вечность!

Вера Павловна. Помню, были два грустные, несносные года; но теперь, когда вижу вас, они представляются мне словно во сне. Мне кажется, только

и было в моей жизни: первая минута нашего знакомства на бале у Солнцева и настоящая минута.

Радугин. О, как я счастлив!.. Нет слов выразить. Дайте ж мне теперь насмотреться на вас, налюбоваться вами!.. Как верно ни сохранял я, в эти два года, черты ваши в моей памяти и сердце, но вы все-таки лучше, чем представлялись моему сердцу и памяти. Видно, вы с каждым часом хорошели. Теперь от Павла Иваныча будет зависеть вполне нас осчастливить.

Кремонов. Выбор ее сердца я давно утвердил. По письму вашему вижу, что вы не переменили своих отношений к нам. И так, без дальних объяснений, да благословит вас Бог вместе со мною! (*Радугин целует у Веры Павловны руку.*)

Елисавета Андреевна (*которая до сих пор дружески беседовала с Аполлоном Павловичем*). Позвольте мне напомнить вам, любезнейший братец, что вы, в чаду ваших нежностей, забыли вовсе приличия. И вам выговор, любезная Вера Павловна! Александр, рекомендую тебе брата твоей невесты.

Вера Павловна. Виновата.

Кремонов. Виноват, это я должен был сделать.

Радугин (*бросается обнимать Аполлона Павловича*). Вместо всех рекомендаций, полюбите меня, как брата, как друга.

Аполлон Павлович. Счастлив буду, если заслужу вашу родственную любовь.

Радугин. Все, что вы делали для своих, доказывает, что вы не будете чужды и новых ваших родственных связей.

Аполлон Павлович. Что такое мог я сделать для своих, чего бы не сделал другой на моем месте!

Радугин. Не скромничайте, я все знаю. В Петербурге, в здешней губернии и в соседних, чужие и родные, тетка, сестра, все говорят о трудах ваших как об диве. Вот слова молвы: «Павел Иваныч сделался стар, прихварывать начал, и потому запустил было дела свои; но как скоро Аполлон Павлович принял их в свои руки, то в полгода трудами необыкновенными, оборо-

тами, заботливостью, хозяйственным гением, для которого также надо родиться, привел дела в цветущее положение.

Аполлон Павлович. Всегда молва любит преувеличивать худое и хорошее. Лишнее говорили насчет расстройств наших дел, теперь и об устройстве их. Много точности и немного энергии, вот мои заслуги.

Радугин. Прибавьте и горячую любовь к родным. Говорят, вы и ночи мало спите... Для кого ж, как не для отца, для сестры, тратите свое здоровье!

Аполлон Павлович. Кто прочел в сердце человеческого? Может быть, на дне этого колодца найдете один эгоизм.

Радугин. Позвольте вам не верить. (*Обращаясь к Павлу Ивановичу.*) А чтобы не откладывать долее счастья вступить в такое дорогое семейство, я буду просить вас, Павел Иванович... (*Дает знак сестре, чтобы они удалились, жмет руку своей невесты.*)

Елисавета Андреевна (*тихо Вере Павловне*). Оставим их одних. Пойдем-ка под тень освежиться: ты вся горишь!

Вера Павловна Мудрено ль!

Радугин. До свидания, милый друг!

Елисавета Андреевна. Да скоро ли выдадут меня замуж? Ведь это должно быть презанимательно и превесело. (*Уходят; вслед за ними и Аполлон Павлович. Кремонов и Радугин направляются к дому с левой стороны.*)

Радугин. Два мучительных года я был женихом вашей дочери. Сколько я выстрадал в это время! каких опасностей для себя не придумал! Вознаградите меня теперь за эти муки, за эти страдания, назначив скорее день, когда я могу назвать Веру Павловну моею перед лицом Бога и людей.

Кремонов. И для меня, чем скорее, тем лучше. Здоровье мое ненадежно. Кто поручится, что завтрашний день мой? И потому я желал бы хоть несколько времени насладиться счастьем дочери.

Радугин. Почему ж и без тревожных мыслей не исполнить нашего общего желания? Что ж через месяц и свадьбу?

Кремонов. Согласен, но есть обязанности у отца, о которых нам удобнее говорить в доме. Милости просим. (*Уходят через террасу в дом.*)

Явление VIII

Вера Павловна, Елисавета Андреевна и Аполлон Павлович. Вера Павловна и Елисавета Андреевна гуляют по саду: то показываются на сцене, то скрываются между деревьями; Аполлон Павлович следит за ними, не отделяясь от дома.

Елисавета Андреевна (*у башни*). Зачем не ломают этой старой, мрачной башни? И окошечко-то в ней точно в тюрьме! Зачем не срубят этих угрюмых вязов, которые с нею так дружны? Они на меня всегда наводят скуку.

Вера Павловна. Извини, это вкус моего брата. Он говорит, что в этой башне и деревьях много поэзии.

Елисавета Андреевна. Поэзия Юнга! Признаюсь тебе, я не люблю ничего угрюмого и старого. То ли здесь?.. все так молодо, все так улыбается (*скрывается между кустами.*)

Аполлон Павлович. Меня хвалят, благословляют меня! Я устроил счастье крестьян, благосостояние домашних, счастье сестры... и если б не ты, змея подколотная, шевелилась в груди моей, если б не ты, сова полуночная, завывала здесь днем и ночью, я также был бы счастлив! По крайней мере, я имею понятие, как человек наслаждается благами жизни, узнал, хоть издали, что такое делать добро... Я этого не знал прежде! (*Задумывается.*) Кабы это было все чисто, не отравлено!.. Нет, это не был мой удел!.. Вот и теперь, когда все вокруг меня радуется, кроме участников моего преступления, я сам, творец их радости, стою здесь на страже: не откроет ли эта башня свои недра, чтоб рассказать тайны свои, прислушиваюсь, камень не заговорит ли против меня... Сердце невыносимо замирает... полно, перестану... послушаю отца... кончу, разорю все... отпущу бедного Шафа на волю...

Елисавета Андреевна (*бежит за бабочкой*)

к башне). Воля твоя, я мотылька поймаю — такой хорошенький! Настоящий гусарчик, и стянут, и с усиками, и в блестящем ментике.

Вера Павловна. Перестань, не мучь бедняжку.

Елисавета Андреевна. Хоть немного подержу в плену, и отпущу; так приятно ловить!

Аполлон Павлович (*с беспокойством следя за ней глазами*). Что делает эта вертушка у башни? Зачем легкая ее туда занесла? А! что-то стукнуло?.. Еще...

Елисавета Андреевна (*оглядываясь*). Не вы ли, любезный Аполлон Павлович, забавляетесь пускать в меня камешки?

Аполлон Павлович. Кто?.. я?.. я... и не думаю...

Елисавета Андреевна. Да вот и *billet-doux*! (*Поднимает что-то с земли и показывает камешек.*) Хороша конфетка! (*Развертывает бумажку.*) Писано, видно, в большом душевном волнении... какие-то чудные каракульки!.. на какой-то красной бумажке... точно асигнация...

Аполлон Павлович (*бросается через кусты и цветы, топчет все ногами и прямо к Елисавете Андреевне, у которой вырывает бумажку из рук*).

Елисавета Андреевна (*вскрикнув, бежит к Вере Павловне*). Ай!.. Защити, он... убьет меня.

Вера Павловна (*прижимая к себе подругу*). Что с тобою, Аполлон?.. Ты в каком-то исступлении... опомнись.

Аполлон Павлович. Да... я обезумел... простите меня, простите... я вам объясню... это я некогда... писал... это тайна... но когда-нибудь расскажу... Вероятно, мальчишка дворовый нашел... изволит забавляться!.. Я дам ему забаву!.. Простите, еще раз, простите, милая добрая, Елисавета Андреевна. Забудьте этот случай... ради Бога, не говорите об нем вашему брату...

Елисавета Андреевна. Не понимаю ничего, но если тут кроются серьезные тайны, нельзя не простить... Однако ж не забуду еще дня два, потому что мне напомнят мои изломанные пальцы... Вы точно бешеный самозванец Сумарокова!..

Аполлон Павлович. Да, бешеный, безумный, все, что вы хотите, но только не помните зла, ангел во плоти!

Елисавета Андреевна (*подавая ему руку*). Забвение всего и мир неразрывный!

Аполлон Павлович (*сестре на ухо*). Прощу тебя, удалитесь... я так смущен, что ваше присутствие меня убивает... хотел бы хоть провалиться в землю.

Вера Павловна (*увлекает подругу*).

Елисавета Андреевна (*дружески кивнув Аполлону Павловичу*). Ну если эта записка была?.. Ужас приятно!.. (*Скрываются*.)

Явление IX

Аполлон Павлович (*развертывает бумажку*). Рука Шафа... его злодейская рука!.. (*Читает.*)

«Сжальтесь над несчастным страдальцем. Шесть месяцев томлюсь в этой башне, в душном подземелье... здесь совершаются дела ужасные, которых я невольный участник: здесь делают... Пускай схватят горбуна... все откроют... Вы получите награду от правительства»...

Дошло же послание по верному адресу!.. Дурак! сам на себя наложил новую петлю и, может быть, мертвый узел... А я думал еще освободить его!.. Не для того ль, чтоб эту неподвижную трещотку сделать ходячею, чтобы в нашем золоте, в наших перьях гулял этот герольд и трубил о делах наших? Нет, дитя, запой-ка лучше свою колыбельную песнь о Рейне, матери-сырой земле, и усни сам под эту песню сном непробудным!

АКТ III

Старинный господский дом, с стриженной аллеей; на конде пруд; крестьянки в праздничных нарядах, группую; впереди сцены стол, на котором огромная суповая чаша, стаканы, графины, бокалы и закуски. Множество слуг и дворовых девок в различных одеяниях, как водилось в старину в беспорядочных господских домах.

Явление I

Громодерин и Курилкин. Сидят за столом и ведут попойку..

Курилкин. Почему я не муха?

Громодерин. Потому, что ты человек.

Курилкин. Знаю, да почему я не муха?.. Окунулся бы в стакан пунша, да и утонул бы в нем.

Громодерин. Bravo!.. правда, когда бы не вино, гадкое житье на свете!.. Ну, бабы, задремали!.. Эй, Дуная!

Крестьянки составляют кружок; одна из них надевает мужскую шляпу и ходит посредине хоровода; хор затягивает песню:

Как пошел наш молодец
Вдоль по улице в конец,
Ой, Дунай ли, наш Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Ах! как звали молодца,
Позывали удалца,
Ой, Дунай ли, наш Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Как во пир пировать,
Во беседушку сидеть,
На игрище поиграть,
Ой, Дунай ли, мой Дунай,
Сын...

Громодерин (махая рукой). Завыли! полно!.. полно!.. Настю сюда, злодейку Настю. (Слуга подзывает молодую, пригожую крестьянку; она отговаривается.) Проворней!.. не то... (Слуга подводит крестьянку; Громодерин дает ей поцелуй, потом свою руку поцеловать и вынимает из бумажника белую ассигнацию.) Вот тебе за боярский поцелуй! (Обращаясь к Курилкину.) Кой черт! братец, не работы ли горбунчика?

Курилкин (пожимая плечами). Сомнительная.

Громодерин. Ну да в нашем краю сойдут с рук! (Отдает другую бумажку.) А что ни говори, братец, скучно жить на свете. Эй! Гаврюшку да Соньку! славно разбойница поет под бандуру. Да кларнетистов!

Входит с бандурой молодой, красивый, бойкий парень, в сером армяке, между тем как жилет и прочее платье, довольно щегольское, облачают в нем дворового человека; за ним дворовая пригожая девушка, богато одетая, но грустная; подле них становятся два кларнетиста: один с подбитым глазом, с красным носом.

Курилкин. Что это у тебя, Гаврюшка, под наказанием?

Громодерин. Дурь вошла в голову; полюбил Соньку, а она его, да я-то не полюбил; за эту страстишку задавал порядочную страсть, да неймется: хочу в солдаты. Ну-ка заливную, про амуры ваши! Лихо, братец, поет, так и тянет за душу! (*Певцы переговариваются с музыкантами. Указывая на Гаврюшку.*) Ведь он у меня грамотник, своею охотой, собака!..

Певцы поют:

Смолкни, смолкни, молодой ямщик,
Мимо наших окон едучи;
Груди белой не надсаживай:
Сердце без тебя дивно болит.

Со востока пыль поднимется,
Запоет-то мой пригожий друг:
Он разбудит ночь темную,
Встрепенется алая заря.

Он зальется, словно реченька
Говорит в бегу по камышкам;
Он застонет, словно горлица,
Что воркует знойно во саду.

Будто чарами недобрыми
Песни те заговорил:
Сердце хочет выскочить от них,
Просится к нему душа моя.

Чу! запел он... припади к земле,
Ветер буйный, гость докучливей,
Замолчи, валдайский колокол:
Дайте мне послушаться его.

Ах, прости, прощай, родимая!
Убегу, куда потянет песнь.
Пропадай, моя головушка,
Воля моя, воля девичья!

Громодерин. Прочь!.. И без вас тошно на свете... (*Пьет и обнимается с Курилкиным.*) Народ! умирать!

(Все кругом Громодерина падают на землю.) «Жить и пиво варить!» (Все встают и поют.)

Мы с этого пива опять встанем,
Ладо, мое Ладо, опять встанем.
Мы с этого пива в ладоши ударим,
Ладо, мое Ладо, в ладоши ударим.
(Бьют в ладоши.)

Теперь, с этого пива, все передеремся,
Ладо, мое Ладо, все передеремся.

Женщины и мужчины все перемешиваются и под лад музыки толкают друг друга.

Курилкин. Ха, ха, ха!..

Громодерин. Довольно! по местам! (Все расходятся на свои места. К концу этой игры приезжают Останов и Сотов и становятся в отдалении.)

Сотов. Боярские увеселения!

Останов пожимает плечами.

Громодерин. Докажи дружбу, задушевный, любовую! (Пьют и обнимаются и таким образом подходят к пруду.) Хочешь, братец, докажу и я дружбу: брошусь для тебя в пруд!

Курилкин. Докажу и я: за тобой умирать, так умирать вместе. (Хотят броситься в пруд, люди их удерживают; слышны колокольчики и бубенчики; сходятся гости один за другим.)

Явление II

Те же, Останов, Сотов, Пурышков, Козявкин, Тузин, Переметкинский и Македонский.

Останов. Посмотри, наш Орест и Пилад где наши умирать — в воде!

Сотов. Да, это не их стихия. Пойдут, как ключ, ко дну. А была, видно, попойка порядочная. Неужели в этой оргии мы выберем себе исправника?

Останов. Что ж делать, для успеха нашего дела надо с волками повить.

Сотов. По-моему, чем волков тешить, надо их бить, где ни попадутся.

Останов. О, это не так легко, как ты думаешь по-своему, по-столичному! Эти гуси люди богатые; половина уезда им должна... задают пиры, купайся в вине по колено!.. в губернский город шлют обозы.— Тут не много сделаешь!

Громодерин. Ну, до другого дня. (*Увидав гостей.*) Милости просим, милости просим, дорогие гости! Эй! малый, наливочки! Народ — долой. (*Толпа крестьян и дворовых удаляются. Подают наливку. Останов пьет, Сотов отговаривается.*)

Громодерин. Видно, не старого закала! Такой же хрустальный, как и Радугин, гвардеец и гордионец.

Сотов. Прошу о Радугине ни слова худого. Этот хрусталь обделан в таком огне, в каком вы не бывали — его с гордостью можно употреблять и за царской трапезой.

Громодерин (*мигая вошедшему Македонскому*). А, господин секретарь суда? как думаешь?

Македонский. Прошу послушать, господа! Дело криминальное.

Останов. Ну, полно, господа, разве мы приехали для ссоры? (*На ухо Сотову.*) И тебе охота связываться с пьяным?

Сотов. Однако ж к этому пьяному мы приехали трактовать о деле целого дворянского сословия.

Пурышков (*раскланиваясь, Громодерину*). Я не мог преминуть сей верной оказии, чтоб не засвидетельствовать вам моего нижайшего почитания.

Громодерин. А, здорово, всеобщий опекун! Говорят, славную старушку подцепил! Что выторговал-таки духовную?

Пурышков. Не даром, батюшка! три года ходил около постели хворой.

Сотов. Утешитель духовный и телесный!.. Не безделица! Кто, кроме вас, взял бы на себя труд возиться с этим тряпьем?

Курилкин. В это тряпье завернуто золото, мой милый!

Сотов. Милый твой?.. Ошибся, видно, голубчик! (*Курилкин махает рукой.*)

Останов (*на ухо ему*). Ай, ай, какой ты задорный!.. Да угомонишься ли, братец?

Сотов. Он может так говорить с лакеем своим, или кто себя доброй волей запишет в его лакеи.

Козьявкин. Здравствуйте, честная компания! Го, го, умора! Побился об заклад с Аполлоном Павлычем, что мой кривой иноход обгонит его тысячного рысака на трех верстах. Что ж, на одной версте засыпал его пылью. Правда, околели две пристяжные; пристяжных кучера долой... черт знает, не переломил ли себе ребра? да зато батюшка коренник честно вывез — не ударил меня лицом в грязь.

Громодерин. А что закладу?

Козьявкин. С его стороны тысячный рысак и две сотни придачи, с моей иноходец и та же придача.

Курилкин. Что ему, горбуну? Плевое дело! у него, чай, в обоих горбах набиты ассигнации.

Громодерин. За здоровье батюшки-коренника!

Несколько голосов. За здоровье батюшки-коренника! (*Все пьют, кроме Остanova и Сотова, которые занялись жарким разговором.*)

Сотов (*Останову*). Дети, достойные отца!

Громодерин (*мигая на них*). Ой, вы, иезуиты!

Македонский (*униженно подходя к Курилкину и потирая ладони*). Ваше высокородие проговаривали что-то об ассигнациях и горбуне.

Курилкин. Ну, да, братец.

Македонский. Верьте Богу, все пустые слухи... злых людей не оберешься в наше время!.. Я за него готов идти к крестному целованию... А не ровен час, как ваше словечко поймают да пустят в ход... да как на деле не докажете... Вы сами изволите ведать, ложному доносчику... осмеливаюсь доложить из глубочайшего желания добра особе вашего высокородия.

Курилкин. И впрямь спасибо!.. Спасибо!.. пришли, родной, за овсецом-то. Подводы у тебя ведь нанятые!

Македонский. Помилуйте, разве я из интересу, лишь из усердия...

Громодерин (*обнимая вошедшего Тузина*). Хорошо, дружище! в воскресенье откусать нашего хлеба-соли не приехал.

Тузин. Виноват, любезный, пробовал новую осетрину.

Громодерин. А у меня какая солонина духовая была! Чудо! деликатес!

Тузин. Солонина!.. Ах, Боже мой, солонина!

Громодерин. И стерлядка аршинная.

Тузин. И стерлядь. Да я хлеба лишусь на целую неделю. Лучше б не говорил, ночи не засну, все будут мерещиться солонина да стерлядь, стерлядь да солонина.

Громодерин. Ну, да, мы поправим скоро это дело.

Сотов (*на ухо Останову, показывая на Переметкинско-го, стоящего подле них*). Это что за новое лицо?

Останов (*тихо Сотову*). Татарин или жид, черт знает! Досталось ему здесь какое-то именище, служил аферистом у наших и ваших. (*Обращаясь к прочим.*) Полноте, господа, из пустого в порожнее переливать; пора за дело. Сядемте-ка и потолкуем... Вспомните, через три дня дворянские выборы. Судьи и прочие члены судов назначены; ныне хотели назначить исправника.

Громодерин. Да, да, сядемте и потолкуем. Эй! Филька, наливки! (*Все садятся в полукруг, кроме Македонского, который становится за стулом Курилкина.*) Что ж ты!

Македонский (*кланяясь*). Я и постою-с.

Курилкин. Кого ж бы нам выбрать?

Громодерин. Есть один гусь на примете... рангу полковничьего... гвардионец... Надо бы проучить!.. Такой гордец, что и Боже упаси! Стариков нас и знать не хочет; приехал и визита мне не сделал — хоть бы из уважения к моему состоянию и летам!

Курилкин Радугин! Да и у меня не был: гордион!

Переметкинский. И подступу нет ни с той, ни с другой стороны. Несносный человек!

Громодерин. На небо плюет!.. Ой, ой! Республиканец!

Тузин (*задумавшись*). Солонина!.. Стерлядь!..

Громодерин. Эх, братец, какая тут солонина, мы толкуем о Радугине.

Тузин. Да, да, нехороший человек и стола с нами гнушается!

Пурышков. Что ж? Почему бы не проучить голубчика! Выбрать его в исправники.

Курилкин. Ему, чай, мало в губернаторы!

Громодерин. Пожалуй, в обер-прокуроры захочет!

Несколько голосов. Проучить!.. в исправники его!.. пускай потрет лямку! (*Шепчут между собой и смеются.*)

Сотов. Позвольте...

Переметкинский. Не дозволяем.

Сотов смотрит на него с презрительною усмешкой.

Останов (*Сотову тихо*). Ради Бога, не мешай. Я сам, через протоколиста моего, навел их на этот путь. Меня просил новый губернатор, человек благороднейший.

Сотов. Такой же, как и прежний.

Останов. Боже упаси!.. К этому не прислала бы императрица кошелька в день именин. О, этот человек благороднейший! Он умолял меня постараться выбрать в исправники Радугина, который некогда служил в одном с ним полку. Сказал мне по секрету: «Открывается дело очень важное по-вашему уезду... Нарочно не произвожу следствия... дождусь Радугина следователем».

Сотов. В таком случае я поддерживаю вас (*громко*). И я предлагаю полковника Радугина в исправники, но не потому, чтобы мстить за личные неудовольствия: это неприлично русскому дворянину! нет, а потому, что я уверен в благородстве и твердости его правил, и ручаюсь, что он поддержит достойным образом наш выбор, защищая крестьян от незаконных поборов и бедных от угнетения. Вы хотите его унижить, а он себя возвысит своею должностью. (*Слышен ропот.*)

Останов. Позвольте мне сказать слово за Радугина. Вышедши в отставку и собираясь жениться, он должен был, тотчас по приезде своем, заняться хозяйственными делами, и потому не успел воздать должное почтеннейшим своим соседям. Я уверен, обживясь, он постарается загладить свою невольную вину. А, между тем, за тайну должен сказать вам, господа, что и сам губернатор меня об этом просил.

Несколько голосов. Сам губернатор! Сам губернатор! В исправники Радугина! решено!

Переметкинский. Честию клянусь, будет образец исправникам.

Останов. Да как же вы его давеча бранили?

Переметкинский. Ну, да вы видели, ведь надо было *par camaraderie*...

Останов. А кто от слова своего отступится, господа, да будет тому стыдно!

Все (*единодушно*). Да будет стыдно!

Громодерин. Эй, шипучки! Вспрыснем заочно нового исправника!

Пурышков. Вот и Кремоновы. Что-то они скажут о выборе будущего зятя.

Македонский. Осмелюсь доложить, и у них сильная партия — жалисты! Опасно-с, как бы не укусили-с!

Явление III

Те же, Кремонов и Аполлон Павлович.

Громодерин (*обнимая Кремонова*). Добро пожаловать, поздние гости!

Кремонов. Дел куча, выдаю дочь; а не смел отказать, мой почтеннейший друг!

Громодерин (*Аполлону Павловичу, ударяя его дружески по ладони*). Здорово, здорово, дружище!

Аполлон Павлович. Я увлек уж батюшку; мы так много уважаем вас, что готовы бросить самые важные дела, лишь бы провести несколько часов в вашей приятнейшей беседе.

Сотов (*Останову*). Только не делание...

Останов (*дернув его за рукав, на ухо*). Язык мой, враг мой!.. Даст выпить кофейку — так закусишь его.

Сотов. Боюсь я его кофейка!..

Курилкин (*Кремонову*). Здорово, родной, сколько лет, сколько зим! (*Обнимаются*.)

Громодерин. Эй, карты! Аполлон Павлыч любит бостончик.

Аполлон Павлович. Не прочь.

Козявкин (*Аполлону Павловичу*). Рысачок мой.

Аполлон Павлович. И с ним 200 рублей.

Козявкин. Помилуйте, совестно, хоть рысачка-то одного.

Аполлон Павлович. Разве вы хотите меня дарить? я подарков не беру.

Козявкин. В таком случае не прочь и от денег (*тихо пожимая ему руку*). Прошу во всяком случае располагать мною.

Аполлон Павлович (*Пурышкову*). Я написал полную квитанцию об опеке вашей и отослал ее в суд.

Пурышков. Не знаю, как изъяснить вам мою благодарность, достойный муж; без вас дело проволокли бы Бог знает сколько.

Македонский (*Аполлону Павловичу, пожимаясь*). Дрожечки-то у вас, конечно, московские?

Аполлон Павлович. Арбатского. А что — понравились? Купите.

Македонский. Помилуйте, по нашим ли деньгам?

Аполлон Павлович. Заплатите мне 50 рублей, и они ваши.

Македонский спешит вынуть из бумажника деньги.

Аполлон Павлович. Пришлите прежде за дрожками, а там сочтемся. (*Македонский, униженно кланяясь, прячет деньги. Громодерин подает Аполлону Павловичу карту.*)

Аполлон Павлович (*не принимая*). Помилуйте, есть постарше меня: я возьму после.

Громодерин. Вот за это люблю молодого человека; стариков так уважает, не то, что какой-нибудь шематон... (*Сотов, который стоит подле него, берет карту без приглашения; за ним Останов, Тузин и Аполлон Павлович садятся за карточный стол, по временам слышны: «бостон», «шесть в сюрсах», «вист», «ремиз». Прочие гости и хозяин то прохаживаются по саду, то попивают; Кремонов садится на углу карточного стола, возле стола.*)

Аполлон Павлович (*Тузину*). Какие балыки я получил! Янтарь настоящий!

Тузин. Откуда вы это, родной, достали?

Аполлон Павлович. Это моя тайна! Угодно, поделюсь.

Тузин (*подавая ему руку через стол*). Благодаритель!

Громодерин. А знаете ли, Павел Иванович, мы без вас к будущим выборам исправника назначили.

Кремонов. Кто ж удостоился?

Громодерин. Да, не взыщи, родной: твой будущий зятек, Радугин.

Кремонов. Помилуйте, как это... (*Аполлон Павлович толкает его коленкой.*) Полковник гвардии — только что из службы...

Останов. То была служба коронная, а теперь не откажется сделать нам честь послужить дворянам.

Кремонов. Почему б... только... не успел оглядеться... свадьба... куча дел...

Аполлон Павлович (*толкая его опять коленкой и значительно взглянув*). Я уверен, Александр Андреич почтет за особенную честь исполнить желание здешнего дворянства. Он постарается доказать, что не место возвышает человека, а человек место.

Переметкинский. Ваши слова, вельможный господин, надо записывать золотыми буквами.

Аполлон Павлович (*кланяясь*). О!..

Сотов. Игра кончена.

Аполлон Павлович (*рассчитав*). От меня приходит вам 95 рублей (*вынимает из бумажника ассигнации*).

Сотов. Я ассигнаций не беру.

Останов бледнеет и видимо смущен.

Аполлон Павлович. Почему так, милостивый государь.

Сотов. Так, потому что не беру.

Аполлон Павлович. У всякого барона своя фантазия!.. В этом случае добрый хозяин поможет мне.

Громодерин. Что это за вольнодумство!.. Начитался Вольтера, да и хочет весь мир поставить вверх дном. Вы, господин Сотов, обижаете гостя и вместе хозяина. Я давно заметил, вы своей имагинацией разстраиваете нашу компанию. Не любо вам у нас, так вот вам и двери, а погорячитесь, так и не прогневайтесь, полетите и в окошко.

Сотов (*играя перочинным ножиком, который вынул из жилета*). Прежде тот полетит на тот свет, кто осмелится наложить на меня руку.

Останов (*Громодерину*). Успокойтесь.

Сотов. Я сам за честь почитаю оставить вашу доstopочтеннейшую компанию, а все-таки (*иронически*) ассигнаций от господина Кремонова не беру... (*удаляется*).

Громодерин. Эй, дворецкий! Наклади Сотову в его экипаж меди на 95 рублей. Прежде не пускать его со двора! Слышь?

Все гости (*ходят и кричат*). Bravo!.. славно отделил молодца.

Переметкинский. Соломоново решение!

Аполлон Павлович. Сделайте одолжение, оставьте этого сумасшедшего. Мы с ним иначе разделаемся.

Громодерин. Нет, нет, проучить молокососа! Слышь? Меди ему на 95 рублей.

Однако ж господа, дождик накрапывает, лучше под крышу. (*Все начинают уходить, один за другим, вслед за хозяином.*)

Кремонов (*тихо сыну*). Переживу ли я этот день!

Аполлон Павлович (*любуясь мимоходом цветами, громко*). Какие пышные пионы!.. жаль, облетят ныне же...

АКТ IV

Богато убранная гостиная. Вечер, блестящее освещение.

Явление I

Аполлон Павлович и Мошнин. Последний входит, осматриваясь, из боковой двери.

Аполлон Павлович (*отводя его в сторону*).
Что, друг, не слышать ли чего?

Мошнин. Ни гу-гу, батенька. Все тихо, как на погосте. И кому говорить? Сотов прикусил язычок... кофеек был хорош... будет знать, кошка, чье мясо съела; все дворяне уехали в губернию на выборы.

Аполлон Павлович. Да, любезный, эти выборы дадут нам славную подмогу. Радугина, жениха моей сестры, выберут в исправники... Смекаешь, как это выгодно? А все я смастерил. Его поставил против соседей... сказал, что мужики, не стоит вести с ними компании; соседей поставил против него, надул им через добрых людей в уши: и гордец-то он, и в грош их не ценит, и хочет-то он в губернские предводители... А они, назло ему, и давай выбирать его в исправники! дескать, низка для него должность; пускай потянет лямку! Батюшка было и прочь, да я его остановил.

Мошнин. Недаром говорю, золотая головка! С тобой, чай, и в аду не сгоришь, прости, Господи, мое прегрешение! Лишь бы поскорей окрутить сестрицу-то с Александром Андреевичем, а то и шило в мешке спрячем. Пойдет ли на свою кровь?.. А заседатели и секретари наши батраки. И понятых за ведерку приведут... понимаешь... Кто на себя руки наложит? А коли надо, и мертвый на себя покажет.

Аполлон Павлович (*идет к двери и прислушивается; возвратясь*). Теперь один Каспар нас связывает по рукам и ногам. Видно, решился погубить нас. Выпустить его на волю—все равно что на себя доказать. Ему ничего. Скажет, засадили его силой! А нам беда! Во что б ни стало, надо ему на язык мертвую петлю, и поскорей, нынче же!

Мошнин. Как бы без душегубства, батенька, прошу не прогневаться, тихим образом, то есть... нельзя ли сонного, сиречь... зельица? Уснет себе голубчик, да и только.

Аполлон Павлович. Дело!.. вот уж сутки не давал я ему пить. Жажда не свой брат... В питье... понимаешь?

Теперь нырни куда-нибудь, а там и покажись на вечеринке... Я выйду, когда можно будет, а ты посма-тривай за отцом да за зятьком... Отец беспрестанно следит меня... я уж будто побаиваюсь его... Ба! не потерял ли я уж волю свою?.. Зачем же и трудился!.. Нет, покуда она еще моя! покуда я господин здесь в доме!..

Мошнин. А где ж уложить почивать?..

Аполлон Павлович. Уложим... в подвале же! Из опочивальни ежедневной сделаем только вечную...

Мошнин. Как ключ ко дну. Ох, ох! подумаешь, жизнь-то человеческая на волоске висит.

Аполлон Павлович. А там... разорим, уничтожим все, чтобы и следов не осталось... смотри... (*гро-зит ему*) не обмани в последний раз...

Мошнин. Эх, Аполлон Павлович, разве я не-христь какой! Из веры напоследи вышел! Ведь у меня здесь домик, жена и дети...

Аполлон Павлович. То-то же!.. Ну решено! Ступай, и приходи вовремя. (*Мошнин уходит в боковую дверь.*)

Явление II

Аполлон Павлович (*один*). Отчего ж вдруг так сердце замерло? Я думал, решиться на это дело легко... Воображение иногда играет злодеянием, как дитя огнем, но дотронься только до него, и волосы встают дыбом. Видно, на жизни человека лежит святая печать, наложенная самим Богом: ужасно человеку сломить ее!.. А воротиться нельзя... Шаг вперед — грозное привидение с поднятою секирой, и назад — то же. Поздно робеть... Вперед, Аполлон! Крепись, и привидение исчезнет! (*Немного погодя.*) Что ж? Он уснет

сном сладким; его не потревожат житейские горести...
(*Слышно вдали пение.*)

Отставала лебедь белая
От стада лебединова,
Приставала лебедушка
Что ко стаду серым гусям...
Не умеет лебедушка
По гусиному кликати.
Не щиплите меня, лебеда,
Ой, вы, гуси серые;
Не сама я к вам залетела,
Занесла меня погодушка.

Люди поют, веселятся от души, наслаждаются жизнью, а я... так близко от них, под их пение иду губить подобного себе... Что разнежился больно?... Баба!.. Отцовская кровь заговорила... Нет, мешкать нечего!

Явление III

Вера Павловна, Елисавета Андреевна, Кремонов, Аполлон Павлович, несколько подруг Веры Павловны и дворовые девушки. Во время разговора ее с подругами, Кремоновы, отец и сын, прохаживаются по комнате.

Вера Павловна (*своим подругам*). Благодарю вас, милые, каждой из вас желаю таких счастливых минут. Ах! Кабы вы знали, что делается в моем сердце?

Елисавета Андреевна. Однако ж любезный женишок заставляет себя ждать... Я на твоём месте отместила бы ему после свадьбы.

Вера Павловна. На моём месте заговорила бы другое. Может ли теперь придти что-нибудь злое на ум и сердце! чувствуешь только смутное блаженство, да и в том не можешь дать себе отчета. (*Садится, около нее садятся ее подруги; Елисавета Андреевна шепчет что-то горничным; они поют*):

На речке лебедушка кликала,
На быстрой белая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, белый мой!
Без тебя ли мне, лебедушке,
Речка не так течет,
В поле трава не зелена.

В тереме Верушка плакала,
В высоком Павловна плакала:
Ты иди, иди, суженый мой,
Ты иди, иди, ряженный мой,
Скорей иди, Александр господин,
Александр, сударь Андреевич!

Без тебя ли мне, девице,
Темно красное солнышко,
Не ясен светел месяц,
Терем не так стоит;
Без тебя ли мне, девице,
Сахарны яства на ум нейдут,
Денечек весь пасмурен,
Не спится темною ночью.

Аполлон Павлович (*про себя*). Боюсь, чтоб она не веселилась над бездной!.. Надо спасти ее! Без жертвы не обойдется...

Кремонов (*отводя сына в сторону*). Для такого радостного дня, дай свободу бедному Каспару.

Аполлон Павлович. Дам... дам... я уж об этом и думал.

Кремонов. Ты так мрачно говоришь о таком добром деле.

Аполлон Павлович. Нельзя же!.. Надо взять предосторожности... не быть в дураках. Видите радость, счастье сестры!.. Ну, если все это рушится?

Кремонов. Если... все это рушится?!

Несколько голосов. Жених! Жених!..

Кремонов и Аполлон Павлович идут навстречу Радугину.

Явление IV

Те же и Радугин. За ним несколько молодых франтов, разделенных по бальному.

Радугин (*поцеловав руку у невесты, обращается к хозяйкам дома*). Рекомендую вам моих добрых знакомых: все прекрасные молодые люди и танцоры до упаду.

Кремонов. Очень рад дорогим гостям, очень рад. (*Молодые люди расшаркиваются и подают Кремонову руку.*)

Радугин. Хотел бы сюда на крыльях ветра. Лошади мчали меня, а мне все казалось, что тащусь на клячах. Кричу кучеру: «Пошел! пошел!..» — он летит по камням и ухабам и вдруг хлоп — рессора пополам.

Кремонов *(в сторону)*. Худое предвестие!

Вера Павловна. Не ушибся ли ты?

Радугин. Нет, слава Богу; кончилось только одною досадою на задержку. Теперь я с тобою, мой друг, и все забыл. Как хочешь, по обычаям сговора, мы здесь не расстанемся. *(Садится рядом, за ним размещаются и другие.)*

Вера Павловна *(тихо пожимая ему руку)*. Ни здесь, ни там! *(Показывает глазами на небо.)*

Радугин. Да, я забыл вам сказать: в сенях стоит, пригорюнясь, бедный Мошнин, такой нарядный, сапоги со скрипом, и не смеет сюда войти, а говорит: «Хотелось бы полюбоваться на радость общую».

Кремонов. Почему ж не так? Он не помеха. У нас все попросту, без чинов и затей, по старине, как вы сами хотели.

Аполлон Павлович. Мы давно ведем с ним дела торговые... простой, но честный купец! *(Слуге.)* Попросить сюда Мошнина.

Явление V

Те же и Мошнин

Мошнин. Честной беседе во компании многие лета желаем.

Кремонов. Вот мой будущий зять — прошу любить. *(Радугин подает Мошнину руку.)*

Мошнин *(низко кланяясь)*. А нас прошу жаловать, *(Всматривается в жениха и невесту.)*

Вера Павловна. Что ты так на меня пристально смотришь, Гаврила Силаич?

Мошнин. Смотрю и думаю я: напрасно, матушка-сударыня, прошу не прогневаться, цветочек приколоть изволили — сами розанчик, да еще какой!..

только вот что развернулся. А твое красное солнышко при тебе: есть от чего расцветать.

Радугин. Благодарим за приветствие, благодарим.

Аполлон Павлович показывает возле себя место Мошнину, этот садится.

Хор:

Черна ягода смородина,
Прилегла к круту бережку;
Прилегли кудри русые
К лицу белому, румянному:
Приглядывали красны девицы
За румяным молодцом;
Русы кудри по плечам лежат
На Александре да Андреевиче,
Брови черные, что у соболя;
Очи ясные, что у сокола!
Слышишь ли, Александр Андреевич,
Мы тебе песню поем,
По имени называем,
По отчеству величаем.

Радугин (*кладет ассигнации на поднос, который подносит девушка*). Благодарю, милая!

Мужчины встают, один за другим, с места, для поздравления; им подносят бокалы шампанского. На приветствия их жених и невеста откланиваются; Кремонов хочет говорить, но от слез не может; Вера Павловна бросается к нему в объятия, потом в объятия брата.

Аполлон Павлович (*взявши бокал*). Вера, в счастьяи своем не забудь брата! (*Выпивает.*)

Вера Павловна. О никогда, никогда: счастием своим я вам обязана!

Один из гостей (*взяв бокал, обращается к жениху и невесте*). Как искрится сие вино, так искрилось бы всегда ваше счастье. (*Выпивает.*)

Другой (*с бокалом в руке, восторженно*). Сколько упоительных капель в этом бокале, столько упоительных дней в вашей жизни!

Третий (*расшаркавшись и откланявшись, молча выпивает вино*).

Четвертый. Как... сколько... (*Краснеет и не может выговорить слова.*)

Мошнин. Э, батюшка, оставьте, дней много в году впереди, успеете сказать. (*Взявши поднесенный бокал.*) Матушка, сударыня, Вера Павловна, дорог у тебя на ожерельи окатный жемчуг: унизал бы тебя Господь такими дорогими дочками! Милостивец, Александр Андреевич, так и горят жаром золотые позументы на одежде твоей: такими золотыми сынками обложил бы тебя Господь!

Радугин. От души спасибо за желания, Гаврила Силаевич! (*Обращаясь к Вере Павловне, тихо.*) Этот, видно, не полезет в карман за словами. (*Подносят вино девушкам; они, коснувшись губами бокала, поздравляют жениха и невесту, потом целуются с невестой.*)

Елисавета Андреевна. Мне чего желать тебе, милый друг? Чтобы ты поскорей, так же весело, праздновала мою свадьбу.

Хор
(*величает гостей*)

Ох, вы умные головушки,
Разудалы, добры молодцы,
Вы охочи по пирам ходить,
Песни слушати:
Вы охочи ли девиц дарить,
Не рублем, не полтинкою,
Золотою гривенкой.

Молодые гости кладут на поднос деньги, Мошнин хочет то же сделать — от него не принимают; он садится на свое место;
хор поет:

Уж ты умная головушка,
Ты окладиста бородушка,
Гаврила Силаевич,
Ты охочь по пирам ходить,
Песни слушати:
Ты досуж по свадебкам гулять,
Девушек сманивати.
Ты охочь ли девушек дарить?
Не дари рублем, не полтинкою,
Ты дари золотою гривною.
Слышишь ли, бородушка,
Гаврила Силаевич,

Мы тебе песню поем,
По имени называем
По отчеству величаем.
Станешь дарить —
Станем хвалить;
Не станешь дарить —
Станем корить.

Мошнин (*кладя на поднос серебряную мелкую монету*). Вы, голубушки, хвалили мою бородушку — моя бородка негодная, ощипанная, дарит вам, чего стоит.

Хор

На дружке-то кафтан
Весь по нитке сбиран.
Как на дружке-то кафтан,
С фальшивой бахромой,
Чулки вязаны,
И те крадены,
На дружке-то шляпенка
После сватушки чертенка.

Мошнин (*махая рукой*). Довольно, довольно, все кишочки повывымыли! На-те, окаянные, вот вам... (*Берет концами пальцев несколько ассигнаций, потом, обращаясь к Аполлону Павловичу.*) Давно шипучки не пил... так и ударило в голову.

Аполлон Павлович. Э, вздоры какие! Мужик ражий! (*На ухо ему.*) Теперь пир в разгуле... иду.. время дорого... может, через час будет поздно!.. А ты поглядывай, да не плошай... (*пробирается к дверям и скрывается.*)

Мошнин (*в сторону*). Словно смолы кипучей налил мне на сердце; хоть бы залить чем. (*Обращаясь к Кремонову.*) Позвольте еще, батюшка, на радости, шипучки? (*Слуга приносит ему вина, он выпивает два бокала, один за другим; подгулявши, садится сначала небрежно на двух стульях, а там кладет одну ногу на стул; вынув белый батиственный платок из-за пазухи, завертывает конец его на указательный палец правой руки и повелительно машет им.*) Эй, девушки! «Через речку черемуха лежала».

Хор

Через речку черемуха лежала,
Да никто по черемухе не ходит,
Лишь один Александр переходит,
Свет Андреевич переходит,
Душу Верочку переводит,
Переводит он ее, целует
Через низаное ожерелье,
Через пуговики золотые.

Радугин (*поцеловав Веру Павловну по русскому обычаю*). Не правда ли, ангел мой, эти старинные обычаи стоят всех наших новых?

Вера Павловна. Какие бы несчастья не ожидали нас впереди, эти минуты уж довольно вознаградили за них.

Радугин. Уж, конечно, блаженству нашему завидуют и неземные!..

Мошнин. Что ж? ребята, плясать!.. Зачем же позвали вас сюда!

Радугин. В самом деле, господа, веселиться, так веселиться. (*Входят музыканты: две скрипки, бас и флейта; молодые люди ангажируют девиц, становятся в пары и танцуют экосез, делая мудреные антраша и уморительные шассе.*)

Елисавета Андреевна. Не правда ли, господа, ведь вы мне обязаны выучкой экосеза-стрекозы? (*Молодые люди кланяются.*)

Мошнин (*глядя на танцы, пощелкивает пальцами*). Ай да, девки, ай да, ребята!.. ходи, юла, ходи живо!.. Коси сено, коси сено! Павел, вели подать еще шипучки... (*На ухо Кремонову.*) Черт знает, может твой Аполлон душит его там, а меня за него так и давит.

Кремонов (*робко озираясь, тихо Мошнину*). Душит?.. Опомнись, Гаврила Силаич... он пошел выпустить, что ты это вздор городишь... тише, погубишь нас.

Мошнин (*выпив еще бокал*). Гадко, ребята, другую... русскую. (*Подходит к музыкантам и велит им играть «Барыню»; те продолжают начатый танец.*) Эй, Павел, что ж не слушают? Ведь мы товарищи: что я, что ты — мы здесь равные господа... один профит...

Кремонов (*робко*). Конечно, Гаврила Силаич, мы с мужичками хлебец готовим, а ты нам продаешь его; да все-таки надо уважить других гостей... (*Тихо.*) Образумься, не снимай с плеч головы! видишь, все на тебя как странно смотрят... Господи, Господи! обойди нас горькой чашей...

Мошнин. Что мне до твоих гостей! я сам набольший! Эй голубки: «Отставала лебедь белая»!.. Не то, смотри, Павел...

(*Кремонов, испуганный, приказывает музыкантам перестать играть, а хору кричит: «Отставала лебедь белая». Танцы прекращаются, все в каком-то недоумении. Радугин дает тихонько слугам приказ окружить Мошнина и унести его. Мошнин барахтается, хочет что-то закричать, но один из слуг зажимает ему платком рот. Его уносят.*)

Радугин. Пойдемте в другую комнату, пока вытолкают отсюда козла. Залез в виноградники Господни и погряз в них.

Явление VI

Женская спальня. Кровать. По стене большие шкафы для платья. Портрет фамильный отца Кремонова, во весь рост, и богатый туалет, на котором в стакане стоят цветы. Портрет движется вроде двери, из-за него показывается мало-помалу Шэф.

Шэф (*осматриваясь*). Господи! Ты провел меня здрава по безднам; докончи Свой милости, спаси меня от когтей эхидны!.. Где я?.. в спальне Веры Павловны. Это была некогда спальня горбунова деда; видно, из нее сделал он тогда лазейку в свою лабораторию. На старости он перешел в нижний этаж. (*Слышен шум.*) Идут... (*Шэф спешит спрятаться в один из шкафов, который находится против туалета; входит девушка, убирает что-то на туалете, смотрится в зеркало и уходит. Шэф выходит из шкафа.*) Одно средство — спуститься из окна! Помню, подле стены стояли старые деревья... Убьешь-ся... Что ж? разве легче в когтях горбуна?.. Поверю себя Господу. (*Хочет отворить окно, слышен опять стук.*) Кто-то идет на беду мою (*прячется опять в шкаф; входит Вера Павловна*).

Явление VII

Вера Павловна и Шаф

Вера Павловна (*садится и задумывается*). Нет, от счастья не умирают! Неужли на свете есть еще блаженство выше того, которое я испытала? (*Входит горничная.*) Ступай, ужинай или спи себе, милая! Нужно будет, позову тебя или сама разденусь (*горничная мешкает*). Ступай, я тебе говорю, оставь меня (*горничная уходит*). От удовольствия и спать не могу. Буду еще мечтать. Хоть заочно побеседую еще с ним, лишний раз мысленно поцелую его... Ах, как он хорош!.. как обворожительны ласки его!.. О, он будет любить меня нежно, страстно... Каждое слово, каждый взгляд ручаются в этом. Помню все слова его на память сердца!.. Не говорит, а глаза его так сладко волнуют мне душу!.. Милый Александр, клянусь посвятить тебе всю жизнь мою, все помыслы...

Шаф (*высмотрев из двери шкафа и становясь на колена, тихо*). Вера... Павловна...

Вера Павловна. Мне показалось, кто-то называл меня по имени.

Шаф (*сложив руки*). Спасите меня, Вера Павловна! Вера Павловна. Ай!

Шаф. Одно громкое слово ваше, и я погиб, и вы погибли, все, все.

Вера Павловна. Что вы хотите от меня в полночь?.. в моей спальне?..

Шаф (*встает и, заперев дверь, кладет ключ перед Верой Павловной*). Всемогущим Богом клянусь, я не злодей... вы знаете меня... сколько лет я был вашим учителем!.. Видите мое лицо, мои руки... они иссохли; я дрожу, как былина, которую качает ветер... Что могу я, полумертвец?.. Не подумайте, чтобы я был сумасшедший, хотя с виду и похож на него. Я только несчастный... ужасно несчастный! Вы слез моих не видите... у меня нет более слез... я их выпил все на днях, вместо питья... Полтора года в заточении, здесь, в сыром подвале... два дня не было капли во рту... Я вижу, здесь у вас цветы в воде... позвольте...

Вера Павловна. Может быть, ядовитые цветы.

Шаф. Не могу вынести... губы запеклись, грудь сожгло (*вынимает цветы из стакана и выпивает воду*). Ах! как хорошо!

Вера Павловна. Странно! и не понимаю ничего!.. Откуда же вы ко мне?

Шаф (*двигает портрет и, отворив за ним потаенную дверь, указывает Вере Павловне сход вниз*). Оттуда!.. там, под землею, склеп... света Божьего не видать... настоящая могила! Закрою скорей! Сердце замирает от одной мысли, что можно опять туда, хоть на одну минуту.

Вера Павловна. Кто ж вас засадил туда, бедный Каспар Иванович?

Шаф. Ваш брат, ваш отец.

Вера Павловна. Может ли это быть!.. Что вы им сделали?

Шаф. Ничего, кроме добра.

Вера Павловна. Не постигаю; объяснитесь хорошенько.

Шаф. Ужасно выговорить, для какого дела они заключили меня... Откуда же у них проявилось вдруг такое богатство?.. Вы знаете, я пропал без вести... сердце ваше обольется кровью, если я вам скажу одно слово... На вас, милостивая госпожа, я вижу праздничное платье; от этого слова оно сделается черней всякого траурного; цветок высохнет на груди вашей, волосы ваши побелеют в один миг... Нет, лучше бегите из вашего дома, пока кто-нибудь в нем не произнес при вас этого слова. Дом?.. он не ваш завтра; завтра придет грозный закон, и не оставит в нем камня на камне. Бегите отца, брата... их нет более у вас... ужасное злодеяние поставило между ними и вами вечную преграду. Оставьте родину, отечество... бегите со мною, ко мне, на Рейн.

Вера Павловна. Каспар Иванович, сжальтесь надо мною... пощадите меня, ради Бога пощадите... я помолвлена, у меня жених — вы знаете.

Шаф. Несчастная! не скрепляйте этого союза: он

тотчас порвется, как гнилая нитка. Не думайте, чтобы для вас существовало здесь счастье; нет, злодеи у вас все отняли, даже имя... понимаете ли? Завтра выйдете замуж, и муж ваш будет гнушаться, вас, дочери делателя...

Вера Павловна. О, ради детей ваших, не договаривайте... *(Падает без памяти на диван.)*

Ш а ф. Господи! не убил ли я ее?.. Заточение сделало меня каким-то иступленным *(переносит ее осторожно на диван и трет ей руки)*. Слава Богу, жива... пульс бьется... Да что ей и в жизни!.. Но мне надо думать о спасении... Минуты дороги... *(отворяет окно)*. Только этот путь мне остается... скину с себя *(скидает верхнее платье и завязывает его ремнем)*, а то могу зацепиться за сучья... *(Задумывается.)* Паспорт, деньги на груди... Боже милосердый! Дай мне еще раз увидеть жену и детей... и облегчи участь этой несчастной. *(Вылезает из окна и исчезает.)*

Явление VIII

Вера Павловна *(одна, приходит в себя)*. Что я видела? Что я слышала?.. Не был ли это тяжкий сон? Нет, вот и отворенное окно... Шаф, верно, через него вышел. Хоть бы он спасся!

Простите, мои радости, мое счастье — навеки. Прости, Александр, я уж тебя недостойна, я, дочь, сестра делателей... *(Плачет.)*

Теперь многое становится мне ясным... Помню намеки, слухи... Понимаю дерзость Мошнина... страх и покорность отца... деспотизм брата... Боже мой! может быть, батюшка был увлечен любовью ко мне; он хотел избавить меня от унижения бедности, составить мое счастье... Вот оно — это счастье!.. Теперь все кончено; связи мои с миром разорваны... *(Слышно движение за портретом.)* Кто еще? Иди... теперь не боюсь никого, хоть бы пришел сам сатана. *(Входит Аполлон Павлович, чрезвычайно встревоженный.)*

Явление IX

Вера Павловна и Аполлон Павлович.

Аполлон Павлович. А! где он?.. ты все знаешь...

Вера Павловна. Да, знаю, несчастный... Лучше б я лишилась рассудка до этого часа! Но, слава Богу, тот, кого ты ищешь, уж далеко. Одною жертвою меньше.

Аполлон Павлович. Лжешь! он здесь... я его сейчас видел... его тень мелькнула перед мною... Ты его спрятала. Я перерою все мышиные норы, все тайники твоего девственного гардероба. *(Осматривает во всех углах и в гардеробном шкафе.)* Он мне нужен... Он мне нужен... Наша судьба, наша жизнь в его руках... понимаешь ли ты, женщина?

Вера Павловна. О! если б могла не понимать!.. Его нет здесь — довольно ли с тебя?

Аполлон Павлович *(возвращается к сестре и с жестокостью схватывает ее руку)*. Где он? куда ушел? Говори! *(Вера Павловна молчит.)* Злодейка! ты мне скажешь правду, я вымучу ее у тебя.

Вера Павловна. Глупец! разве ты не знаешь меня? Когда вонзили нож в грудь человека, что ему укушение мухи?..

Аполлон Павлович *(бросается перед нею на колени)*. Вера, сестра, друг мой, на коленях молю тебя, скажи, где он... не погуби нас. Неужели ты желаешь видеть отца своего в оковах?

Вера Павловна. Поздно, не снимешь их теперь... Шафа нет здесь, говорю тебе, как свят Бог. Верить ли ты еще Богу?

Аполлон Павлович *(бросается к окну и взглянув в него)*. А! он на дереве... Ружье — и всему конец!.. *(Бросается к двери. Вера Павловна становится на колени и молится. Через несколько минут слышен выстрел под окном и затем падение чего-то тяжелого.)*

Вера Павловна. Злодей! он убил его.

Аполлон Павлович *(под окном)*. А! проклятие!.. посыпались только перья.

Вера Павловна (*подходит к окну и со страхом прислушивается*). Не слышно стонов... кабы промах! Чу! вдали бежит человек; брат за ним в погоню... упал, слава Богу!.. Господи, милосердый Отец! спаси несчастного... укрой его под крылом своей ночи, уловляй беглеца дорогу, чтобы ноги его не запутались обо что, склони на пути его сердца людей, чтобы дали ему убежище и скрыли от гонителей. Хоть за страдания мои дай ему видеть тех, кого он любит.

АКТ V

Комната в доме Радугина.

Явление I

Радугин и Елисавета Андреевна.

Радугин. Вот и я, милый друг, с выборов.

Елисавета Андреевна. Ну, что было там интересного?

Радугин. О! много — особенно для меня, для тебя, для Веры. Я приехал уж к концу выборов, моя участь была уж решена там без меня. Поздравь меня с должностью.

Елисавета Андреевна. С какою?

Радугин. Отгадай: удостоило дворянство здешнее...

Елисавета Андреевна. По крайней мере, в уездные предводители.

Радугин. Нет, в исправники.

Елисавета Андреевна (*иронически*). Поздравляю! Так Вера Павловна будет исправницей.

Радугин. А почему бы не так! Хоть я и против желания выбран, за честь почитаю принять эту должность. Послужу еще моему царю и отечеству, и на новом моем поприще докажу, что можно быть им полезным на всякой ступени. С этой минуты считаю новые мои обязанности... священными.

Елисавета Андреевна. Но, как хочешь видно, твои неприятели желали тебе сделать зло.

Радугин. А я отомщу им за то всевозможным добром, какое только в состоянии буду сделать. Что ж касается до Веры Павловны, то, я уверен, она повторит мои слова, и не слыхавши их. Хочу, жажду ее видеть... Ты не поверишь, как я спешил. Успел только присягнуть на новую должность, явиться к своему начальству, и полетел сюда. Ну, что там, здоровы ли?

Елисавета Андреевна. Ездила к ним, но никого дома не застала. Сказали люди, уехали за покупками в наш уездный городок; между тем, на деревне мальчик их говорил, что дома. Странно!

Радугин. Эка беда, что мальчик соврал!

Елисавета Андреевна. Встретила Мошнина на дворе.. прошел какой-то смущенный. Видно, совестился своей проделки на вечере.

Радугин. Плут порядочный! Не клади ему пальца в рот. Только меня очень удивляет, как он командует в доме Кремоновых и как старик слушается его и будто побаивается. (*Входит слуга.*)

Явление II

Те же и слуга.

Слуга. Приехал из губернского города купец, просит позволения видаться с вами, говорит, хлеба хочет купить.

Радугин. Зови. (*Слуга уходит.*) Кстати, на свадьбу денежки нужны.

Явление III

Радугин, Елисавета Андреевна и купец.

Купец (*кланяясь и озираясь*). Его превосходительство, господин гражданский губернатор, изволит свидетельствовать вам свое почтение и приказал вручить вам лично это письмецо.

Радугин (*принимает письмо*). Благодарю покорно за труд, прошу садиться. (*Купец садится. Радугин, рассматривая конверт, про себя.*) Секретно?.. с купцом... Что бы это значило?.. (*Распечатывает и читает также про себя.*) «Я нарочно дождался вашего выбора для важного следствия». А, так вот где ларчик открывается! «Податель этого письма следственный пристав Соловкин; он наряжен под начальство ваше. (*Взглянув значительно на пристава, продолжает.*) От него же получите официальную бумагу о назначении вас исправником, и вместе другую по делу, которое вам поручается. Знаю вас, и потому не имею нужды ограждать свое доверие обыкновенными фразами о благородстве вашей души, усердии и проч.». Хоть за это спасибо. Скорей к делу!.. (*Следственному приставу.*) Прошу садиться. Надеюсь, мы с вами скоро кончим насчет продажного хлеба. (*Читает далее; на лице Радугина заметно возрастающее смущение, ужас и грусть; руки его дрожат.*) По соседству вашему делаются... Преступники отец и сын... Кремоновы; участник их купец Мошнин». (*Вслух.*) Нет, нет, это гнусная выдумка, это ложь! Их оклеветали... Богатство их породило завистников...

Следственный пристав (*тихо Радугину*). Кто эта молодая особа?

Радугин. Сестра моя.

Следственный пристав. Прикажите ей удалиться... (*Тихо.*) Я имею верные доказательства; я докажу... ручаюсь головой моей.

Радугин. Ужасно!.. Друг мой — все кончено!.. (*Рыдая бросается обнимать сестру.*) Молись за меня! Молись за нее.

Елисавета Андреевна. Что с тобой, душа моя?

Радугин. Господь наложил на нас руку свою... О, тяжело!.. Лучше б умереть мне было на войне!.. Зачем поручили они мне это дело?.. разве они не знали?.. Проклятая должность! Я от ней отказываюсь, отказываюсь от всего... Прочь от меня, сударь, к черту с вашими бумагами! Вот вам и секретное письмо!.. (*Раздирает его в клочки.*)

Следственный пристав (*собирая клочки и завя-*

зывая их в узел платка). Позвольте прийти к вам, когда будете спокойнее. А я немедленно приступлю к делу, согласно присяге моей. Буду вам нужен, так вы можете найти меня по следующему адресу, который вы, конечно, не откажетесь от меня принять.

Радугин (*берет записку и прячет у себя в жилете*). Хорошо!.. Оставьте меня, сударь; дайте мне образумиться. Ведь вы человек, не зверь же! (*Пристав идет к дверям.*) Пойдите! (*Пристав возвращается.*) По этому делу вы у меня под начальством?

Следственный пристав. Точно так.

Радугин. Так я вам приказываю не начинать дела до тех пор, пока я вам не скажу.

Следственный пристав. Но если мы упустим время и случай?

Радугин. Я за это отвечаю.

Следственный пристав. В таком случае примите от меня бумагу и дайте мне письменный приказ.

Радугин (*берет бумагу и, написав приказ, отдает ему*). Теперь, прощайте.

Явление IV

Радугин и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна. Милый друг, скажи, что с тобою сделалось?

Радугин. Не могу... это не моя тайна... ужасная тайна!.. Любовь, долг... вся жизнь моя тут!.. Господи, я лишусь рассудка!.. Эй! человек! (*Входит слуга.*) Лошадей! Проворней! (*Слуга уходит.*) Поеду...

Елисавета Андреевна. К кому ж ты поедешь в таком состоянии?

Радугин. Поеду к ним... к ней...

Елисавета Андреевна. Возьми и меня с собою.

Радугин. Нет, этого нельзя! Ты не должна более переступать порог их дома... Бедная Вера!.. О, кабы ты знала, как она несчастна!.. (*Обняв ее, уходит.*)

Явление V

Комната в доме Кремоновых.

Радугин (*один*). С какими чувствами был я здесь недавно и с какими прихожу ныне! Как все приняло мрачный вид, все опустело! Будто готовятся на погребение... От стен веет тлением. А давно ли радовались здесь, пели песни, пировали счастье и любовь!.. четыре дня тому назад и — ныне... кажется, целая вечность между ними лежит.

Жарко, а лихорадка бьет меня... День, два — и я не выдержу... Куда б хорошо!

Что-то долго нейдет она? Я приказал просить ее одну, сказал, что очень нужно переговорить наедине... А тех, не хочу и видеть!.. Да вот и она. Какая перемена в ней!.. Неужели?..

Явление VI

Радугин и Вера Павловна.

Вера Павловна (*силая улыбнуться*). Вы меня спрашивали?

Радугин. Вы нездоровы, Вера Павловна?

Вера Павловна. Да, нездорова.

Радугин (*берет ее руку*). Рука ваша ледяная.

Вера Павловна. Нет, мне жарко.

Радугин. Что с вами случилось? Вы едва говорите, вы так холодны ко мне. Так скоро?

Вера Павловна. Нет... ничего... я только очень нездорова.

Радугин. О! не смотрите так на меня... вы сокрушаете мою душу. (*После некоторого молчания.*) А я хотел было объявить вам приятную весть: меня выбрали в исправники.

Вера Павловна. Поздравляю.

Радугин. Для вас бы ничего быть исправницей?

Вера Павловна. Почему б!

Радугин. Только вот что неприятно. Мне дали

тогчас же несносное поручение... гадкое... сделать следствие по фальшивым ассигнациям. *(Рука ее сильно вздрагивает, он бросает руку и потом зорко всматривается в лицо Веры Павловны.)* Вообразите, здесь, близко делают... вы не знаете... *(Вера Павловна переменяется в лице и молчит.)*

Радугин. Прекрасная работа!.. и легкая!.. Можно, по крайней мере, разом разбогатеть... выкупить 1000 душ, заплатить долги, дочке дать богатое приданое... закинуть потом сети для ловли жениха, подцепить дурачка-соседа, составить выгодную партию...

Чудесная работа, право! я хочу сам попробовать... А вы как?..

Вера Павловна *(падает в обморок)*.

Радугин. А! и она участница... И она, зная все, хотела оклеймить имя честного человека!.. Как она ловко притворялась!.. Теперь не любовь, а презрение к тебе! Эй! люди, отец, брат, помогите ей!.. А как я любил ее!.. Несчастная!..

Явление VII

Те же и Кремонов.

Кремонов. Что такое? Боже мой!.. Вера!..

Радугин. Ничего! Мы только распрощались! затем все по форме обстоит благополучно... Полюбуйтесь на вашу дочку, сударь!.. Ваше дельце!.. *(Бросив на Кремонова презрительный взгляд, уходит.)*

Явление VIII

Кремонов, Аполлон Павлович и Вера Павловна.

Аполлон Павлович *(схватив руку отца, который стоит в горести над дочерью и, увлекая его, в сторону)*. Все открыто. Радугин объявил сестре... Я только

к Мошнину... одна верста... Мигом назад. Еще не все пропало. Вы без меня... пожар — и всему конец! (*При последних словах Вера Павловна приходит в себя.*) Вера приходит в себя... снесем ее на канапе (*поднимают и усаживают на диван*). Теперь за последний подвиг...

Кремонов. Не знаю, достанет ли меня на это...

Аполлон Павлович. О! тогда мы пропали... (*Увлекает отца с собой.*)

Явление IX

Вера Павловна (*одна*). Пожар — и всему конец?.. А! понимаю. Но у отца не станет на это духу... Я за него исполню. Отец жертвовал собою для меня, надо отплатить ему тем же. Жертва от меня неважная! Мое все лучшее дала мне судьба только на один миг. Все пропало, как сон!.. Что остается мне впереди? Позор или смерть. Так ее, и чем скорее, тем лучше. По крайней мере она на что-нибудь годится... Спасу имя отца от позора. О, как жестока была судьба! Даже отняла у меня отраду видеть хотя сожаление любимого человека. С каким презрением смотрел он на меня! Я думала, его взгляд уничтожит меня в прах... Он уверен, что я участница их. И в гроб-то уношу с собою его презрение... Кто меня оправдает?.. Разве Ты, Господи! (*Становится на колени.*) Боже милосердый! не вмени на суде Твоем моего проступка; Ты видишь, я хочу спасти честь отца моего. Еще одна молитва к Тебе, Многомилостивый... сделай, о мой Боже, чтобы Александр узнал, что я невинна... с этой мыслью я умру спокойнее. Себя поручаю Твоему милосердию. Теперь к делу. Не останется следов. Огонь разольется по всему дому. Пускай смерть застанет меня в молитве об отце, об нем... Кто подумает, чтобы пожар сделан был с умыслом! Тогда бы не погибла дочь и сестра!.. Ее предупредили бы, спасли... (*С радостью.*) О! я уж вижу, как огонь быстро разливается на моем жертвеннике! (*Уходит.*)

Явление X

В комнате дома Радугиных. Вечер.

Радугин и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна. Что, был у них?

Радугин. Был.

Елисавета Андреевна. Что ж там?

Радугин. Ничего, прекрасно! Как нельзя лучше! Распростился с Верой Павловной. Все обошлось порядком, как водится, был и обморок.

Елисавета Андреевна. Распростился! а... свадьба?

Радугин. Разве мало женихов и без меня? Может, сыщется какой-нибудь ветошник... Мне-то что?.. Отныне запрещаю тебе говорить об них. Презренное семейство!

Елисавета Андреевна. Отец и сын, может быть; но Вера... О! я поклянусь всем священным, что не найдется другой, с такою чистою, прекрасною душою. Не только брат мой, приди мать с того света, и та заставит меня сказать противное. Буду говорить об ней, любить ее, пока во мне хотя остаток жизни будет.

Радугин. Не спорю — прекрасная, благородная девица!.. Пускай будет по-твоему... не всем же разочаровываться!

Явление XI .

Те же и слуга.

Слуга. Давишный купец.

Радугин. Зови, скажи, что давно жду. (*Обращается к сестре.*) Поди в свою комнату, мой друг, и не мешай мне. (*Елисавета Андреевна уходит.*)

Явление XII

Радугин и следственный пристав.

Радугин. Виноват, ваша правда! Нечего продолжать следствие... Улика была налицо... Прикажите ночью окружить дом.

Следственный пристав. Надо это сделать сейчас же. Мои лазутчики дали мне знать, что вы там были и навели сильное подозрение. Горбун из-за двери слышал ваш разговор с сестрою... предупредить.

Радугин. Так прикажите сию минуту.

Следственный пристав. Я уже приказал. Мошнина послал я взять под стражу. Извините, я действовал против вашего предписания.

Радугин. Благодарю! Вы спасли мою честь. Теперь продолжайте ваше дело. Я сам вслед за вами буду на месте. (*Следственный пристав уходит.*) Кабы кончилось без меня!..

Явление XIII

Радугин и слуга.

Слуга. Какой-то мужичок имеет крайнюю нужду до вас.

Радугин (*в сторону*). Может быть, по этому же проклятому делу. (*Вслух.*) Позови.

Явление XIV

Радугин и молодой крестьянин.

Радугин. Что тебе нужно, друг?

Молодой крестьянин. Коли дозволишь молвить, ге... ты барин такой милостивый... (*почесывается*) леску понадобилось.

Радугин. Только?.. Бери, руби, сколько хочешь, любезный, валяй хоть целый лес.

Молодой крестьянин. Знать, барин, на радости чливо так жаловать изволишь... слышно, свадьба у тебя скоро будет. Поздравляем твою милость.

Радугин. Да, на радости!.. свадьба... пир! Ну, получил, что надо, ступай себе.

Молодой крестьянин. Еще нуждица, милостивец.

Радугин. Что еще? говори скорее.

Молодой крестьянин. Вот изволишь видеть, нынче ночью прибежал к нам под окно прохожий, пришел ночевать. Матка было и не хотела пустить, да отец не послушался... Баит: так-то об одну пору отдал было он Богу душку на морозе, в мятелицу, кабы не пустили в избу добрые люди. И мне всегда настрого наказывает: «Сенька, скорей ворота настезь, кто бы ни попросил, а то и благословения моего не будет». Вот полуночник-то наш был какой-то боярин; весь мокрехонек, родимый. Баит: гнались за ним злодеи, да он утек от них — переплыл Каму — видно, лих плавать! Затем, что баили они с батькой, не ведаю; батька дал ему свой зипун, да запрет свою тройку... Ведь у нас кони ухарские! Как пустишь, только земли просят. Боярин написал грамоту, сунул мне целковик... Все гляжу на него, где копые, где решето... Грамотку велел отнесть к твоей милости, коли минет столько дней сколько у меня на руке пальцев, да поминай как звали, лихо полетели! *(Вынимает из-за пазухи.)* Никому не велел отдавать кроме твоей милости. Соскучилось мне без батьки, да коней, да понадобилось леску-то, думаю, чего ждать долго, дай стегну нынче, кажись, не испортил. Разве деготку попало... да я, пожалуй, слизну.

Радугин *(принимая бумагу и развернув ее)*. Подпись Каспара Шафа!.. А Кремоновы распустили, что он давно уехал в чужие края. *(Начинает читать.)* Писано карандашом; с трудом разберешь.

Явление XV

Те же и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна *(вбегает в испуге)*. Господи, какое зарево! Так и осветило наши окна. Точно день!.. Говорят, пожар в стороне Кремоновых. Уж не дом ли их горит?

Радугин. Безумный!.. Что я наделал!.. Как я оскорбил ее!.. Милая, бесценная сестра! Она невин-

на... Еду... Еду... Что буду делать, не знаю; по крайней мере, оправдаю ее перед целым светом. Я не постыжусь взять за себя дочь преступника; я должен загладить мое оскорбление... Прощай, мой друг (*обнимает ее*), молись за нас обоих. Вот, читай мой приговор. (*Отдает ей письмо, потом, обращаясь к молодому крестьянину.*) Со мною в коляску, ты будешь мне нужен.

Явление XVI

Елисавета Андреевна (*одна, читает письмо*).

«Милостивый господин и благодетель, когда будете читать это письмо, меня не будет в здешних краях. Я имею паспорт и довольно денег, чтобы ускакать от погони. Но, избавившись от беды смертной, я считаю за священный долг оправдать перед вами особу, которой обязан своим спасением, и которую, может быть, обвинит наружность. Эта особа — Вера Павловна Кремонова. Отец и брат ее делатели фальшивых... для этого дела они заключили меня в подвал, что под их домом. Все преступные орудия найдутся там. Но, клянусь вам всемогущим Богом, Вера Павловна не знала до вчерашнего дня об их злодеяниях. Вчера, в полночь, я убежал из своей тюрьмы и попал прямо в спальню Веры Павловны. Там открыл я ей все... Можете представить себе ее положение! Я спасся. По мне стрелял злодей-горбун; но вместо меня попал в мое платье, которое я с умыслом оставил на дереве. Была за мной погоня... я переплыл Каму... благодетельный крестьянин скрыл у себя и, уверенный, что я утекаю от злодеев, решился везти меня... в какую сторону, вы узнаете уж, поздно. Ваш долг, как честного человека, оправдать дочь Кремонова: я исполнил свой долг. Прощайте, мой благодетель, будьте счастливы, о чем усердно буду молиться с женою и детьми.

Каспар Шаф».

Боже! что с тобою, бедная Вера! (*Плачет.*) Что с тобою будет, не смею и подумать.

Явление XVII

Ночь. Двор перед домом Кремоновых освещен пламенем. Народ и солдаты стараются тушить огонь. Несколько людей бросаются в дом. Кремонов, Аполлон Павлович, Мошнин окруженные стражею. Следственный пристав, солдаты, дворовые люди, крестьяне.

Кремонов. Ради Бога, спасите дочь мою... Она там, в своей комнате... отдам все, что имею, лишь бы спасти ее!

Аполлон Павлович (*стоит, облокотясь на спинку изломанного стула. Следственному приставу*). Бесчеловечный! Слышите ли стон?.. Это ваше дело! Пустите меня спасти сестру. Нет жалости у зверя... Так губите, сударь, людей, когда вам дана на то воля.

Следственный пристав (*спрашивает что-то у солдат, выбегающих из дома*).

Аполлон Павлович. Что, сударь, что нашли?.. Искали ночью солнца?.. Вы будете жестоко отвечать за оскорбление. Нас оклеветали завистники; им нужно наше богатство, и вы, как видно, половинщик у них; но есть закон, есть правосудие, милостивый государь, оно отмстит за невинных.

Мошнин (*тяжело вздыхая*). Не нам чета страдали; почему ж нам, грешным, не терпеть напраслины!

Кремонов. Спасите Веру, ради Бога, спасите дочь.

Явление XVIII

Те же и Радугин.

Следственный пристав (*бросаясь к нему, на ухо*). Вы испортили все дело. Видите, они умели скрыть свое злодеяние; огонь, того гляди, все поест и не оставит никаких следов. Отвечайте же вы, сударь.

Радугин. Где же Вера Павловна? Я не вижу ее.

Кремонов. Она там... в доме... О, помогите Александр Андреевич!

Радугин. Друзья, кто за мной, тому тысячу рублей, кто спасет Веру Павловну, тому пять тысяч. (*Бро-*

сается по лестнице в дом, за ним несколько молодых крестьян и солдат, вооруженных топорами, с криком.)

Следственный пристав (*стоит в глубокой задумчивости, потом, окинув все кругом себя и увидев стул, на который оперся Аполлон Павлович, ударяет себя рукой в лоб*). Ба, дурак!.. Эй, унтер-офицер, сюда... пори у этого стула подушку.

Аполлон Павлович. Не трогайте... мы преступники. (*Отмыкает перстень и из него высыпает себе в рот яд; потом подает перстень отцу*.) Батюшка, разделите... тут еще довольно для двух.

Кремонов (*отталкивает его*).

Следственный пристав. А! злодей! ушел от нас! (*Вырывает перстень*.)

Аполлон Павлович (*отцу*). Неужели и на это не достало у вас воли?.. (*Обращаясь к следственному приставу*.) Молодец! победа на твоей стороне. Возьми перстень на память обо мне; а что в нем было, того не возьмет уже никакая сила. Через пять минут, батюшка избавлю вас и свет от уroda.

Следственный пристав. Это... руки назад (*указывая на Мошнина, солдаты исполняют его приказание*).

Кремонов. Проклятие!..

Аполлон Павлович. Не договаривайте — кончите, как вы жили. (*Шатается*.) Солдаты, поддержите меня... (*Падает на руки солдат*.) Есть, однако ж, сила выше человеческой. Эта сила... Твоя, Господи!.. (*Умирает. В это время прибегает жена Мошнина, одетая по-русски, за нею дочь лет 16-ти и два сына от 6-ти до 8-ми лет*.)

Жена Мошнина (*рыдая, мужу*). Разбойник, ты разбойник, снял с нас бедных головушки!

Дочь Мошнина (*припав к ногам отца*). Батюшка, на кого покидаешь ты нас, сирот? (*Дети плачут; солдаты уносят Аполлона Павловича и уводят Кремонова и Мошнина; за ними следует следственный пристав*.)

Кремонов (*оглянувшись назад и увидев дочь*). Слава Богу! она спасена.

Показывается в дверях горящего дома Радугин, неся с крестьянином Веру Павловну, которая в обмороке.

Занавес опускается.

ОПРИЧНИК

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

В стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Васильевич Грозный.
Князь Афанасий Вяземский
Алексей Басманов
Малюта Скуратов
Василий Грязный } советники в опричнине.
Федор Алексеевич Басманов, кравчий, любимец царский.
Елисей Бомелий, врач царя, голландец.
Князь Осип Гвоздев, царский шут.
Андрей Морозов, сын земского боярина.
Прасковья Морозова, мать его.
Князь Иван Жемчужный, боярин из земщины.
Наталья, дочь его.
Молчан Семенович Митьков
Иван Петрович Федоров
Иван Михайлович Висковатов } бояре земские.
Захарьевна, мамка Натальи Жемчужной.
Подселина, дьяк.
Сваха.
1 }
2 } слепцы, сказочники.
1 }
2 } гости
1 }
2 } сидельцы.
Дворецкий.
Посаженая } мать Натальи Жемчужной.
1 }
2 } девицы боярские.
3 }
Боярыня земская.
Старый опричник.
Молодой опричник.

Жены опричников. мальчики, стрельцы, опричники, народ.

Дана была в первый раз на петербургской сцене 15-го сентября,
на московской — 6-го октября 1867 года.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление I

Сад. В нем яблони, кусты смородинные, березки и подсолнечники. В стороне видны за деревьями хоромы боярские, вдали Кремль.
Вечер.

Андрей Морозов и Захарьевна. Входят в сад.

Андрей Морозов
(из-за куста, за которым он прятался)

Что, матушка моя, что, золотая,
Какие вести?

Захарьевна

Я ли, мой родной,
Не порадею для тебя!.. И дух
Захватывает, будто вихорь встречный,
Деревья и земля вертятся, словно,
Прости Господь! какое наважденье
Лукавый напустил на нас... Ох, ох!
Того гляди, боярин нас подметит
И разом голову мою снесет!..
Да за тебя, мой птенчик дорогой,
Мое ты наливное яблочко,
Охотно в полымя пойду...

Морозов

Спасибо,
Захарьевна, спасибо, золотая;
Твое добро век помнить буду!.. Что ж
Наталия Ивановна?..

Захарьевна

Ведь я
Тебя, голубчика, еще допреж Наташи
Вынянчила; от самой колыбельки
Ты рос и вырос на руках моих.
Зато сам взыскивал меня добром:
То черевичками дарил, то челкой,

А ласки? а любовь? глаза песком
Засыплют, разве их тогда забуду.
И твой родитель, царствие ему
Небесное! хоть волоском бы тронул
Меня, пока жила у вас. Бывало,
Все жаловал с боярского стола...
Не то, что нынче!

Морозов

Службу нам твою
Грешно забыть. Да ты не говорила
Мне ничего, о чем просил тебя.

Захарьевна

Сказать велела «будет», мой родной!
Сначала где! руками и ногами!..
Лишь молвила ей, так и затряслась
Сердечная, как будто молонья
Березу молодую охватила:
Белее стала моего *убруса*.
Девушке ведь куда зазорно с парнем
До честного венца тайком видаться!
Девушка славою своей красна:
Уронит, будто в воду золотое
Кольцо, уж не поймает никогда.
«Мне мил он, нечего греха таить»,
Вздыхаячи, так молвила она,
«Когда б на миг мне волю развязали.
Без крылышек к нему бы полетела,
С ним перемолвилась бы тайным словом,
Не ведали б того словечка люди;
Его б и буйный ветер не перенял:
Лишь ведали бы Бог да душишки наши».

Морозов

И будто бы так молвила она?

Захарьевна

Как свят Господь, словечка не прибавлю!
Разумница она у нас такая:

Иной раз говорит, читает будто
По книге дьяк ученый.

Морозов

Этих слов
Мне не забыть до гробовой доски!

Захарьевна

«А как теперь пойду к нему?.. И люди,
И Бог, и стыд девичий не велят.
Ну, как увидит батюшка родимый,
Да как подстерегут соседи злые,
Да как свои дворчане подглядят,
Умру на месте от стыда!» Я ну
Ее умаливать и увещать
И тем и сем, и поклялась божбою,
Что не увидит и собачий глаз,
Не только что людской. Сдалась голубка!
Да вот она сама... У бедной ножки
Как будто спутаны травой густою,
Смотри, родной, побереги ты нас.
А я пойду, да стану на стороже.

Явление II

Княжна Наталья Жемчужная и прежние. Морозов хочет
выйти из-за куста.

Наталья

(в испуге, дает ему знак, чтоб он остался)

Постой!.. не выходи ты, ради Бога!.. Слышишь?
Калиткой кто-то стукнул...

Морозов

(прислушиваясь)

Ничего!

Так тихо, будто в келье... Только слышно,
Как вешний вегерок листья тревожит,
Как стонет над цветком пчела... Тебе

Почудилось (выходит из-за куста),
бесценная моя!
Жемчужина моя ты дорогая!

Наталья

Нет жалости в тебе, неугомонный!
Когда б ты знал да ведал, сколько страху
Я приняла, как по пятам моим
Бежал нечистый дух, как подо мной
Горела мурава, ты б не помыслил
Со мною видеться. Вот и теперь
Как будто сердце хочет выскочить.

Морозов

Прости ты мне, душа моя, Наталья
Ивановна, прости моей любви!
Невмочь мне более была разлука.
Ты вспомни, целый год мы не видались.
Чего я в этот год не натерпелся!
Крыжатника широкий меч едва
Меня не переброшил в мир другой,
Едва я кровию не изошел;
Но и тогда, как от очей бежала
Прекрасная Господняя земля,
Не с Божьей красною землею, не с жизнью
Расстаться было жаль, с тобой одной!
А ты... ты вспомнила ли меня?

Наталья

Зачем и спрашивать?.. Кабы забыла,
Пришла б ли я сюда? И день и ночь
Лампаду жгла перед святой иконой,
Чтоб Божьи ангелы тебя хранили
От вражьего меча; и в ночь вставала,
Чтоб помолиться о тебе тайком.
Забуду разве я тебя, Андрюша...
Ах! что со мной? что вымолвила я?..
Какая глупая! все забываю,
Что мы не дети более, не вместе
Живем как брат с сестрой... уж не деремся
Из-за бабочки...

Морозов

И не детей, бывало...
А как давно? не более двух лет...
Не только ссорилась с своим Андрюшей,
Из-за чего, не помню хорошенько,
Но берегла ему и поцелуй на мир.

Наталья

Пора тебе забыть, Андрей Петрович!

Морозов

Когда б твое мне милое словечко
Предвестьем было сладких слов других!
Когда б пророчило, что боле нам
Уж врознь не жить, что скоро в Божьем
храме
Мы обручимся!..

Наталья

О! для этих дней
Я берегу на дне своей души
Такие имена, каких уста
Мои не говорили никогда
И никому, кроме тебя, не скажут!

Морозов

И поклянешься ты?

Наталья

Без клятвы мог бы
Поверить мне! Но я клянуся страшным
Господним ликом, Матерью Его Пречистой,
Что никому тех задушевных слов,
Кроме тебя, я не скажу.

Морозов

Но вместе
Ты поклянешься ль мне, что под венеч
Ни с кем ты не пойдешь?

Наталья

Не поклянусь;

Отец велит — пойду.

Морозов

Любовь твоя

Что ж после этого?

Наталья

Сама не знаю.

Не преступлю вовек отцовской воли:

Велит, и за немилого пойду;

А там... *(плачет)* недолго мне пожить придется;

Венец другой наденут на меня.

Морозов

Нет, радость ты моя! нет, дорогая!

Клянусь я также страшным Божиим ликом,

Иконой Матери Его Пречистой,

Что никому тебя я не отдам.

Недаром обручили нас отцы,

Когда мы и любви не понимали:

Росла она недаром вместе с нами;

Не понапрасну ж завещал отец

Мой, умирая, чтоб ни за кого,

Кроме меня, тебя не отдавать.

И твой отец, во имя давней дружбы,

Во имя Господа то обещал,

И страшный крест на том поцеловал.

Ужли на ветер были те слова,

То обещание перед открытым гробом,

В присутствии Спасителя Христа?..

Не может быть!.. Нет, нет, не верю слухам...

Наталья

Каким?

Морозов

По околадку по всему

Звонят, что сватает тебя надежно

Молчан Семеныч Митьков.

Наталья

В первый раз
Я слышу от тебя. Вдовец... уж и старик...
Ведь он мне только в батюшки годится!
Покойная жена его меня любила,
Как дочь свою... С ума разве сошел!..
Иль над тобой хотели посмеяться!

Морозов

Каких на свете нет причуд! Вот наш
Иван Васильевич, кажись, немолод,
А женится уж чуть ли не на пятой.

Наталья

Ведь, говорят, в опрочине другой
Закон: там, слышно, Елисей Немчин
На всякий тяжкий грех их разрешает.

Морозов

Молчан Семеныч — добрый человек,
Отцу был задушевный друг, но тут...
Я кланяюсь! переступлю дорогу,
Хоть был бы он семи пядей во лбу,
Хоть сам бы царь Иван Васильевич на ней
С жезлом своим кровавым стал!.. Поклялся
Я страшною божбой, и никому
Тебя не уступлю!.. Поутру ж завтра
Приду я с сватовством, с собою мать
Старушку приведу... Все за меня:
Порода, молодость, богатство, клятвы...
А сердце что-то сильно замирает!

Наталья

Бог не оставит нас.

Захарьевна

Сюда. Наташа!

Скорей!.. скорей...

Н а т а л ь я

Прости!

М о р о з о в

Р

Прости, мой свет!

Молися, чтоб Господь благополучно

Судьбу нашу решил... Прости еще!

(Скрывается за кустами.)

Н а т а л ь я

(подходя к мамке)

Как жаль его, голубчика, мне стало!..

З а х а р ь е в н а

(отворяя калитку, показывает рукою, чтобы молчала)

Ах, батюшки! как муха привязалась!

Скажи, вишь, ей; да что за Божия коровка?

Да почему коровкою зовут?

Спроси, кто поумней да в книги смотрит.

(Уходят.)

Явление III

Гридня в доме князя Жемчужного. С одной стороны изразцовая печь с узорными украшениями, с другой стол, покрытый скатертью; кругом стола скамьи, с суконными полавочниками. Утро.

Князь Жемчужный и дьяк Подседина входят вместе; князь запирает дверь задвижкой.

Д ь я к П о д с е д и н а

(стряхивая пыль с платья)

Во-первых, праха отрясение; во-вторых, честной маковке дома, хозяину, поздравление *(кланяется низко)*.

К н я з ь Ж е м ч у ж н ы й

Спасибо, господин дьяк! спасибо моему милостивцу! Сядем-ка и посмотрим, исправно ли ты смастерил подпись.

Дьяк Подседина

Если бы Морозов встал из домовища, побожился бы, что сам подписал духовную запись. Да... на всякий случай... ты ведаешь сам: дельце смастери, и возьми благодарение за труды, а все-таки дележку припаси... печатнику, наместнику... Ведь эта лестница идет высоко! Нынче уж времена такие: живем по притче евангельской: «Друг друга тяготы носи».

Князь Жемчужный

И ведомо так, господине!

Дьяк Подседина

Бывает, и подлинно сам покойник своеручно расписался, а живые спорят: рука, дескать, не его!.. Так на всякий случай, надо эту ручку позолотить из кладовой покойника: тогда живые и мертвые присягу дадут.

Князь Жемчужный

Любые стопы возьми. Только все ли так расписал как говорено? И дом каменный с кладовыми, и что в кладовых найдется, и пятьдесят дворов крестьянских за незаконное владение дедом и отцом...

Дьяк Подседина

Еще на похороны сто рублей, на помин души двести, вкладу в Печоры десять рублей, долгу за освобождение из плену татарского сто угорских золотых... все, все до последней пулы! Обещал да уговорился, так надо и грех знать. Ох, ох! не для одного мира сего живем!.. Вот, станется, *молодой* дьяк из опричины оставил бы пробел, а мы ведь *земщина*, не *средние*, а *старые*, да еще были дьяками у Елены Глинской, когда Василий Иванович... мир ему в селениях небесных!.. Под нашу работу иголочки не подпустишь!

Князь Жемчужный

Так покажи, милостивец. (*Дьяк вынимает из выдолбленного дерева лист бумаги, развертывает его и показывает*

князю, не выпуская из рук. Князь пробегает бумагу из-за руки его.) Ничего не пропущено... А подпись... я сам бы побожился, что рука Морозова! Так теперь, пожалуй мне...

Дьяк Подседина

Оно так; да надо бережно, господине, надевши рукавички: не замарать бы подписи. Не взыщи.

Князь Жемчужный

Понимаю, понимаю. (*Вынимает из-за пазухи кису с деньгами и дает ему.*) Уговорное. Теперь можно?

Дьяк Подседина

Благословясь, возьми. (*Отдает бумагу и берет кису.*) Что у тебя, голубчика, так руки-то трясутся?.. Видно, не привычен. На наше б дело не годился. И то примолвить, покойник был тебе задушевный.

Князь Жемчужный

Беру только свое назад. Ведь ты же сам писал: дед Морозова завладел у моего деда десять дворов.

Дьяк Подседина

Ну, что об этом! (*Прячет кису за пазуху.*) Чай, верно?

Князь Жемчужный

Вот тебе свидетель (*показывает на небо*). А подлинная духовная запись?

Дьяк Подседина

Ахти, я, худородный! память стариковская оставила дома... Ну, да кстати, на записи-то и сочтем твою верность... Тут же кстати принесешь и стопочки две серебряные. Так мы тебе и остатками Морозова будем кланяться. (*Слышен стук у дверей.*) Кто-то стучится.

Князь Жемчужный
(прячет бумаги в стол и открывает дверь)

Кто там?

Явление IV

Те же и дворецкий.

Дворецкий
(поклонившись в пояс)

Боярин Молчан Семеныч Митьков чествует тебя, господине, и прощает видеть твои ясные очи.

Князь Жемчужный
(радостно)

(Про себя.) А! с сватовством! Кстати кончил с дьяком. (Дворецкому.) Просим жаловать. Да вели кравчему подать оловянник меду и стоп. Чтоб в меду, как на небе в морозную ночь, прыгали звезды от холоду. (Дворецкий, поклонившись, уходит.)

Явление V

Князь Жемчужный и дьяк Подседина.

Князь Жемчужный

Мы с тобой простимся покуда! Вечерком, на закате солнышка, зайду к тебе, мой милостивец.

Дьяк Подседина
(берет шапку)

Яко золотое солнце кончает свой щедролюбивый путь и рассчитывается с землею, так и мы с тобою повершим свое дельце, обильное щедрыми дарами. (Удвигаясь про себя.) Молчан Семеныч Митьков?.. О! с этим витьязем не дай Бог повстречаться на путях неправды! Каков час, изломает тебя, как медведь. (Уходит.)

Явление VI

Князь Жемчужный
(один)

Грызет червяк... да это с непривычки:
Обетами, пирами заморим.
Бояться нечего: закон скрепит!
Живых обманем, мертвые не встанут.
Отдай, вишь, я Морозову Наталью:
Так с нею и добро ее отдай!
С чем я останусь? В мир идти с сумой?..
Нет! будь, как сделано. За Митькова отдам:
Старик и без приданого возьмет.
Богатый; я и сам на молодой
Женюсь. Кому не хочется пожить
Богато с молодой женой?.. Напрасно,
Червяк, грызешь! беру назад свое...
Вольно же было деду оплошать!

Явление VII

Князь Жемчужный и Молчан Митьков.

Митьков

Здорово, князь! с весенним красным днем,
Господь тепло и милость посылает.

Князь Жемчужный

Кто милость Божию приносит в дом,
Тот и в осенний день гость светлый. Просим,
Садись поближе, здесь. (*Кравчий приносит
оловянный и стопы, ставит на стол и уходит.*)
Чай, жарко? Путь далек.

Митьков

Порядком!

Князь Жемчужный

На тебя стопа любая
Так ласково глядит! Янтарный мед
Ей-ей, и прямо с пылу ледника!

М и т ь к о в
(*взявши стопу*)

Будь здоровьем свеж, хозяин дорогой.
И с дочкою своей единокровной,
Как бояр и свеж твой искрометный мед!
(*Выпивает.*)

Князь Жемчужный

Благодарю, Молчан Семенович!
Ну, что скажи, как милует Господь?

М и т ь к о в

Пока живу под щедрой благодатью
Его.

Князь Жемчужный

Что делается богатым вам!

М и т ь к о в

Ведь я сказал *пока*. Ты знаешь сам:
Кто в наше время силен и богат?
Мы земщине с тобой принадлежим,
И в этот час, как говорю с тобой,
Быть может, в этот самый миг лукавый
Опричники ворвались в кладовые
Твои.

Князь Жемчужный

Мои?.. О, Господи помилуй
Нас от беды!.. Ты радостный ведь гость,
Молчан Семенович, не вещей вран...
Мои?.. Опричникам плачу исправно
По силе дань. Да что об этом говорить!
Беда чужая — не смола, не льнет.
Пока нам хорошо живется, проживем!
(*Подает стопу и кланяется.*)
Прошу еще прикушать на здоровье!

М и т ь к о в
(откланивается)

Уволь, князь. Мед твой крепок, мутит разум
И расплывает речь, а мне теперь
Грешно словечко даром уронить.

Князь Жемчужный
На волю отдаю твою, желанный.

М и т ь к о в

Ты начал ласково, так и дослушай.
Есть у тебя сокровище в дому:
Не бархат золотой, слепит что очи;
Не камень самоцвет с лучом огнистым;
Но перед ним и жаркий *аксамит*,
И царской ризницы все самоцветы —
Как перед Божьим солнышком свеча!
Я знаю, нет ему цены; но я...
Прости, князь, дерзости моей великой...
Желаю быть его купцом. Не серебро,
Не злато за него я предлагаю,
Но самого себя... коль непротивен.

Князь Жемчужный
Ты правду говоришь, гость дорогой;
Есть у меня сокровище в дому.
Расстаться с ним как бы с душой расстаться;
Но вечно хоронить его нельзя.
Кто знает! ныне времена лукавы:
Ловцы как раз проведуют об нем:
Не с честью доброму купцу отдашь
В дому Пречистой Матери...
(*Озирается по сторонам.*)

М и т ь к о в

Утащут

Кромешники под воровской полой...
Ты знаешь, счет давно уж потеряли
Девицам честным и женам боярским,

Которые нашли позор и смерть
В проклятой слободе...*

Князь Жемчужный
(тихо)

Остерегись,
Молчан Семенович!.. дворчане наши
Все куплены; словечко невпопад,—
И может повести тебя на плаху!..

Митьков

Да, я забыл, что ныне стены слышат **,
Не только что чужих, боишься кровных;
В семье своей предателя ты ждешь...
Когда извечные бояре наши
Торгуют совестью, в слугах подавно.
Как нам изменников не ожидать?
Везде нас сторожит метла ловцов;
А душу христианскую смести
Ей в тьму кромешную — что сор поганый!..
Но мы об агнце чистом говорили
И в стадо волчье зашли!

Князь Жемчужный

Подале,
Подале, мой родной, чтоб не попасть
На волчий зуб!.. Да где ж, признайся мне,
Ты видел дочь мою, и почему
Тебе моя Наталья приглянулась?

Митьков

Видал ее я дважды в храме Божьем...
Вдовцом уж был... Поверишь ли, не раз,
Когда она, творя широкий крест,
С любовью приподнимала очи
На светлый лик Спасителя-младенца,
Смущала мысль нечистая меня,
И долго я молиться не дерзал.

* См. История Государства Российского, Карамзина, том VI, стр. 107, 108 и 275. (Здесь и далее прим. авт.)

** См. История Государства Российского, Карамзина, том VI, стр. 24.

С тех пор везде за мною эти очи
И грезами мутят тревожный сон.
Ты видишь, стыд покрыл лицо румянцем...
Мне б не пристало речь вести такую
В мои лета... Напрасно их скрывать:
Предатель, белый волос, обличает.
Я знаю, дочь твоя не ровня мне;
Все это часто мне твердит рассудок;
Не свыше... что?.. как и назвать, не знаю...
Велит грех помыслов венцом покрыть.
Вот я пришел с повинной головой
К тебе. Будь мне советник, друг, отец;
Скажи: «Не дельное затеял ты,
Молчан Семеныч; брось свои затеи,
Не по годам оне; осталось нам
С тобой молиться...»

Князь Жемчужный

Нет, я этой речи
С тобой не поведу. И в наши лета
Куда как недобро едину быть!
Немолод ты, но в схватке боевой
Ты удалю и молодого пристыдишь.
Немолод?.. Тем надежней для жены!
Не по лозе кудрявый вьется хмель:
Себе надежнее опоры ищет.
Ты славу сделал уж свою; тебя
Ничто не изменит: а молодого...
Узнаешь ли, что будет из него?
В опричники пойдет еще, пожалуй!..
Уверен, как зеницу ока, будешь
Беречь жену.

Митьков

Как жизнь свою, как душу!
Она хозяйкой полной будет в доме;
Не только словом оскорбить, и гневно
Дохнуть я не посмею на нее!

Князь Жемчужный

Я знаю хорошо тебя, и верю:
Слова твои и дело — все равно.
Тебе отдать сокровище мое,
Красу ее и счастье уберечь
И я б не прочь; но... видишь... есть помеха...

Митьков

Какая?.. может, слово дал другому?..
В отлучке столько лет я был: дела
Московские теперь мне незнакомы.

Князь Жемчужный

Совсем не то. Признаться ли тебе?
Я не могу приданого ей дать
Богатого... Худые времена,
Война, пожар...

Митьков

Мне ничего не надо,
Кроме ее самой. Беру, в чем есть.
Я унижу ее окатым жемчугом,
В парчу и золото ее одену;
Под ноги постелю ей аксамит
И полк купцов пришлю к ее услугам:
Лишь только слово дай!..

Явление VIII

Те же и дворецкий.

Дворецкий

Уж третий раз
Морозов с матерью приходят.

Князь Жемчужный

Что ж?

Ты им, небось, сказал, что у меня
Молчан Семенович, что мне нельзя
Их видеть?..

Дворецкий

Говорил. «Молчан Семенович
Был мужу друг,— старушка говорит,—
И не помеха нам». Сын рвется силой.

Митьков

Проси их, князь. Пускай жена и сын
Морозова в моем благополучье
Участье примут.

Князь Жемчужный

Нет, я не хочу,
Чтобы ты споров наших был свидетель.
С Морозовой есть счета у меня,
И потому прошу оставить нас
Одних. Уж решено: твоя Наталья. *(Дает знак
дворецкому, чтобы звал Морозовых.
Дворецкий уходит.)*
И вот рука моя!.. Свидетель Бог!

Митьков

Отец родной!.. я вовсе без ума
От радости... Теперь иду в часовню
Молебен благодарный отслужить;
А там дней на десять, не боле,
Поеду в отчины свои: хочу на славу
И диво всей Москвы устроить свадьбу.

Явление IX

Те же, Морозов и Морозова. Входят при последних словах
Митькова.

Князь Жемчужный
(Митькову громко)

А мы пока невесту приготовим.
Прощай, зять дорогой!

Морозов
(у дверей)

А!.. кончено!..
Ты слышала: «Невесту»?.. зтем звал?
Семеныч весел, как жених, а тот
Трясется, словно в лихорадке злой...
Теперь другое сватовство пойдет!..

Митьков
(встретив Морозова при входе)

Здорово, крестничек!

Морозов
(иронически)

Здорово, крестный!

Митьков

Давно ли из Литвы?

Морозов

Кажись, и нынче
Я в вражьем стане... Толковать не время!
Иди своей дорогою, боярин!

Митьков

Что больно так спесив? Всегда как сына,
Тебя любил.

Морозов

Помилуй!.. молодец
Такой... ус только пробивает... в братцы
Годишься мне!.. Ступай же, братец, с Богом.

Митьков

Не понимаю!.. знать, с ума рехнулся!..
Пока в отлучке буду, может статься,
Ты образумишься. Хоть ты, кума, прости!

Морозова
(сухо)

Прощай!

Митьков
(в раздумье, выходя)
Темна вода во облацех!

Явление X

Князь Жемчужный, Морозов и Морозова.

Князь Жемчужный
Ну что тебе, старушка, надо?

Морозов
(подвигая матери скамейку)
Прежде
Садись. Не просит он тебя садиться!

Морозова
(сидясь)
Старушка?.. Не безродная какая!
Кажися, у Морозовой есть имя
И отчество. Мой муж и местом
Был старше тебя.

Князь Жемчужный
Беда какая!
Пожалуй, хоть Прасковья Ниловна,
И Ниловна еще, для старшинства.
Зачем же посетила ты меня?

Морозова
А вот зачем, мой батюшка: есть счетцы
У нас с тобой.

Князь Жемчужный
Покончить их.

Морозова
Давно? Ты знаешь сам,

Андрюшка был в Литве, а я в Печоры
Поплакать ездила над той землицей,
Где муж лежит, и помянуть его.

Князь Жемчужный

Уж я творил богатые поминки.

Морозова

Богатые?.. (*Махнув рукой.*)
Пускай! зачем тревожить
Из этого покойника!.. Спрос будет
Когда-нибудь. (*Показывает на небо.*)

Морозов

Еще не мертвых час:
Живых!.. Наступит скоро и тогда
Оденьтесь, кости в плоть, и станьте здесь
Лицом к лицу: да будет суд из гроба!
(*Обращаясь к матери.*)
Теперь ты повесть поведи с начала.

Морозова

Так слушай же ее: Жемчужный князь.

Князь Жемчужный

Я слушаю.

Морозова

Ты помнишь ли, когда
Татары, будто волки жадные в овчарню,
В Москву ворвались и почти до тла
Огнем и полымем ее спалили?

Князь Жемчужный

Давно уж этому.

Морозова

Лет десять и с хвостом.
Но в память ли тебе, как с пепелища
Ты в этот самый дом к нам прибежал?
Он уцелел, благодаренье Богу!..

Едва ль не в эту gridsню, где теперь
С тобой считается, боярин гордый,
Ты прибежал в лохмотьях обгорелых,
Весь в язвах... на тебе лица живого
И образа людского не было... как зверь
Израненный, стонал ты и метался.
Захарьевна моя еле живую
Наташу на руках своих несла
И наготу ее своим убрusом
Прикрыла... После всех сюда внесли
Твою покойницу; она была
Уж мертвая; но страшными очами
Искала будто бы кого... наверно
Свое дитя. Здесь гроб ее стоял,
На этом месте, где теперь сидишь.
Не говорю, кто бросил землю на нее,
Кто проводил ее, кто помянул,
Кто приютил бездомных: уж и то
Довольно, слишком много я сказала!
Не я, кровь говорит. Ты сам меня
На этот грех навел.

Князь Жемчужный

Я заплатил

За все, за все с покойником расчелся.

Морозов

Как будто деньгами за это платят?

Морозова

Потом ты обжился у нас, как дома,
И скоро две семьи одною стали.
Не знали мы, что наше, что твое.
Не только что добра, не различали
Детей: вот этого ты сыном называл,
А я Наташу, будто кровь свою,
Любила. Положили мы тогда же
Их обвенчать, когда пора придет:
И стали с тех часов их звать в дому
Невестою и женихом. Не правда ли?

Князь Жемчужный

Да мало ли что в шутку говорится!

Морозов

Шутил бы ты с холопами своими!
Боярин смехом слово даст, исполнит,
Хоть умереть!.. Бесстыжему другое дело!

Морозов

Есть шутки — плачут кровию от них.

Князь Жемчужный

Потом, боярыня?

Морозова

Потом, боярин,
Когда сожитель мой построил рядом
Другой дом, этот уступили мы тебе.
Побojiшься ль, что деньги заплатил?

Князь Жемчужный

Духовная вам запись все откроет.
Твой муж не так, как ты, умел быть благодарным.

Морозова

Посмотрим!.. С той расстались мы поры.
Потом нашла война... клич стали кликать...
Покойника не утерпело ретивое;
Послышал врага, выиграли очи,
И тотчас он велел коней седлать.
Тогда Андрей и ты с ним снарядились.
Год миновал тому, а словно совершилось
Теперь в очах моих. Ты помнишь, здесь
Прощались мы; я плакала навзрыд,
Как будто чуяла, что он не будет
Назад. «Не плачь, — сказал он мне, прощаясь, —
Я возвращусь, как прежде, с доброй славой;
А если Бог пошлет кончину с честью
За дом Пречистые, так вот тебе
Родной и сыну нашему отец».

Тут указал он на тебя, и свету
Не взвидела я Божьего; лишь помню,
Когда очнулася, конь его любимый
Заржал так звонко, инда в сердце отдалось.
Хотела воротить голубчика...
Простыл и след! не воротился боле!
Хоть бы коня-то привели ко мне:
Уж как бы холить стала я его! *(Рыдает.)*
Теперь, Андрюша, очередь твоя.

Князь Жемчужный

Длинненька повесть, да к тому ж знакома:
Нескучно говорить, так скучно слушать!
Рассказчикам пора и со двора:
Ведь надо знать и честь!

Морозов

Сейчас конец.

(Кланяется.) Боярин! не взыщи: старушка
говорила —

Скучненько было... Эй! Морозов молодой!
Для милости его повеселее,
Потешней что-нибудь!.. Отца сюда!
Отца подайте нам!.. Ведь он был весельчак
Такой!.. Вот он пришел с последней шуткой.
Перед тобой он; из глубокой раны
Сочится кровь... смотри!.. и взял он руку
Твою... *(Берет князя за руку.)* Что, холодна рука
его?

Князь Жемчужный

Как лед!

Морозов

И говорит: «Друг, мы с тобой крестами
Когда-то поменялись... Цел ли крест?»
(Ощупывает на груди его.)

Князь Жемчужный

Цел!

Морозов

«Цел! Он самый... ты сберег... спасибо!
И твой на мне без пятнышка... гляди!
(Открывает грудь.)
Лишь кровь на нем за родину святую.
Я сыну твой залог передаю;
На нем, молю тебя, Андрею будь
Отцом. Мы братьями с тобой ведь жили.
Ты обещал ему Наталью: крест
На том целуй! Отдай ему Наталью!»
И ты... ты страшный крест поцеловал!..
Теперь я с сватовством пришел, боярин!
Не свах к тебе привел, отца из гроба,
И стал Господь свидетелем у нас.
Отдай Наталью мне: она моя
По праву Божьих и людских законов:
Отдай, и кровного греха на душу
Не положи.

Морозова

О, Господи помилуй!

Князь Жемчужный

Отдал бы я... божусь... да поздно!
Когда б пораней!.. Митькову сосватал,
Ты слышал.

Морозов

Слышал прежде клятву
У смертного одра. Еще словечко
Последнее. Когда ты целованье
Креста Спасителя, обет священный,
И благодетелю и брату позабыл,
Так знай: твоя Наталья любит
Меня, мы свыклись с ней от малых лет;
Мы с ней давно душами обручились
И про любовь свою сказали Богу.
Как будто воздухом, привыкли мы
Любовью этою питаться. Дочь
Свою — одна и есть — не погуби.
Еще бы отдавал за молодого,

За ровню ей, а то старик, вдовец...
Оплакивать ее ты скоро будешь.
Хоть дочь-то пожалей!

Князь Жемчужный

Я не могу,
Верь Богу, не могу! Погубит Митьков.

Морозова

О Господи! прости нам прегрешенья!

Морозов

(на ухо князю)

Так я тебе шепну: поклялся
Я страшную божбой, что никому
Наталию не отдам, хоть голову снести!
Из храма Божьего, из-под венца,
Со свадебного пира вырву жертву,
И посрамлю тебя!

Князь Жемчужный

Жаль, не могу!..
Что бы тебе пораньше прийти!

Морозов

Отступник!.. после этой гнусной речи
Не смей отца ты другом называть!
Забудь, что ты им был когда-то! помни,
Из гроба он отрекся от тебя,
Как ты, предатель, от него отрекся!..
Поддай... поддай залог его!.. Как он
(шарит на груди его)
Не раскалился на груди твоей?

Князь Жемчужный

Разбой!.. разбой!.. Дворчане!.. помогите!..
(Входят слуги.)
Едва не задушил!.. хотел ограбить!..
За приставом сейчас!.. Свяжите мать
И сына!

Морозов
(загораживая мать)

Только троньте! Разу недохнет,
Кто палец хоть один на мать мою
Посмеет наложить. *(Слуги отступают.)*

Морозова
(грозя пальцем)

Без нас ты был бы нищий!/

Князь Жемчужный
Возьмите сами вы клюку с сумой,
Да с Богом в путь!

Морозов

Не трать с христапродавцем
слов:

Дышать с ним воздухом одним — так смрадно.
*(Уводит мать свою посреди слуг, которые от них
раступаются.)*

Явление XI

Князь Жемчужный
(один)

Пожалуй, ссора эта доведет до бед!..
Морозовы на слово крепки... Экой рьяной!..
Уж лучше бы по-старому оставить!..
Ох, ох! не знает человек, где пасть,
Где встать... И то промолвить: что ж Морозов
Без денег сделает? Без денег нынче
И прихлебнуть водицы не дадут.
Не отказать же Митькову возиться
И с этим грозным витязем не легче...
Но будь, что будет! Эй! позвать Наталью!
*(Отворяет боковую дверь. Садится спиной
к этой двери.)*
Но этот ей жених по нраву, знаем!
Но девке после слюбится с богатым;

Ведь и они на золото и зерна
Идут, как рыба на приманку!
Что зернышко бурмитское, то ласка;
Там понемногу нижется любовь.
Бывальщина!..

Явление XII

Князь Жемчужный, Наталья и Захарьевна.

Наталья

(бледная и дрожащая останавливается у дверей)

Дай руку, няня... страшно!..

Не вижу света... все идет кругом...

Захарьевна

(поддерживая ее, тихо)

Смотри, не срежь головушку... сама
Ты слышала содом, а я тебе
Не молвила словечка... Ну, смелей!
Лишь знай, тверди, как я тебя учила.

Наталья

«Я Божья, да твоя! я Божья, да твоя».

Захарьевна

(приведя ее на середину груди, громко)

Ступай же, павушка! Чего робеть?
Ведь он родимый твой, не съест тебя.

Князь Жемчужный

(не оборачиваясь)

Наталья, ты?.. *(Наталья молчит.)*

Что голосу не дашь?..

А?..

Наталья

(слабым голосом)

Божья, да твоя! *(Падает.)*

Князь Жемчужный
(*вскочив, бросается к дочери*)
О Господи! что с нею сделалось?..
Захарьевна, воды!

Захарьевна
(*припав к княжне и ощупывая ее*)

Какой воды!
Уж холоднехонька, моя голубка!
Ахти, головушка!.. убил ее!
Добил-таки сердечную, злодей!
(*Причитывает с воплем.*)

Снарядим мы невесту
Не под здешний венец:
Подвенечное платье
Парчевой ей конец.
Не «от камня честна»
Пропоем-то мы ей;
А с слезами завопим:
«Упокой Ты рабу!»

Князь Жемчужный
Молчи, хрычовка!.. разом дух бы вон,
Когда б не жаль на душу класть греха!..
(*Кладет руку на сердце Натальи.*)
Жива!.. забилося сердце... слава Богу!
Наташа! свет ты мой!.. промолви слово...

Наталья
Я Божья, да твоя! Лишь дайте мне
Покой.

Князь Жемчужный
Эй, ведьма! помоги свести
Ее в опочивальню. (*На ухо мамке.*) Скоро, скоро
Морозова дух выкурю из дому! (*Уводят княжну.*)

ДЕЙСТВИЕ II

Явление I

Торговая площадь в Китай-городе. С левой стороны церковь Василия Блаженного и часть Кремля; с правой деревянные лавки с навесами; посреди лобное место. Разного звания и пола люди то проходят через площадь, то заходят в лавки для покупок.

Бояре Висковатов и Федоров, гости, сидельцы и народ.

Сиделец

(проходящему боярину, скинув шапку)

Пожалуй к нам, честной боярин! Что прикажешь? что в угоду? шапки горлатные, соболи сибирские, сапожки казанские... По ножкам вижу, сапоги надо... На взгляд подберу, будто на заказ...

Другой сиделец

(не дав тому договорить)

Боярин у нас покупать изволит. По соболиным бровям, по молодецкому взгляду узнаешь тотчас.

Третий сиделец

Бархат бурской, камка мисюрская, обьяр фражская, сукна немецкие, ковры кизылбашские... У нас вся земщина покупает... Пожалуй к нам, боярин, с убытком для почину отдам... ради легкой ручки.

Боярин Висковатов

Полноте лаять, собачонки! Сам знаю, где и что купить.

Второй сиделец

Отстаньте от него: знать, кису про опричников на черный день бережет.

Третий сиделец

Видно, колокол во сто пудов у носящих покупает!

Гость
(*грозя из лавки*)

Я вас, зубоскалы! Разве не узнали царского советника, Ивана Михайловича Висковатова?

Висковатов
(*махнув рукой*)

Бывалого советника! Нынче в опрочине совет — метла да секира. (*Подходя к лавке другого гостя.*) Здравствуешь ли, приятель?

Другой гость

Вашими молитвами, боярин.

Висковатов

Есть алая камка, саженая дробницами?

Второй гость

Есть. Просим садиться. (*Боярин садится на скамью у лавки.*) Видно, твоя милость для Митькова покупает? (*Показывает камку.*)

Висковатов

Да, женишок уехал в свои поместья, а мне навязал снаряжать его невесту. Ох! ох! неохотно и для приятеля хлопчешь по этому делу. Вмешалась тут нечистая сила... (*Разглядев товар.*) Камка пригожа, а о цене и спросу нет; уложи-ка весь кусочек.

Боярин Федоров
(*вслушавшись в речь их, подходит к лавке и раскланивается с Висковатым и гостем*)

И подлинно, нечистая сила толкнула старика отбить чужую суженую: словно в опрочине побывал. Да у какого молодца отбил! Этакой жених каждому боярскому дому золотая маковка. Старикам почет — речь разумная — никого не обидит, словно красная девица; а когда его за живое затронут, так пойдет один на стену удалцов. Сказывают, и войску православному краса.

Первый гость

А добра у него побольше Митькова... Чай, в кладовых мешки с серебром валяются.

Второй гость

Бывало, отец нищих оделял, да в забыты, вместо пуль, раздаст рублевики.

Федоров

А нынче вдову и сына этого богача выгнали из дому родительского; и унесли-то они, горемычные, добра, что на плечах своих. Если бы не родной, так ночевать бы им без покрыши.

Оба гостя

Каким это побытом?

Федоров

Видишь, покойник, как отъезжал на войну, не распорядился добром; а тут, сам ведаешь, думка за морем, а смерть за плечами; в басурманской земле, перед смертным часом, сделал духовную запись, и все откал Жемчужному, а вдову и сына оставил нищими.

Второй гость

Статочное ли дело! мы знавали покойника: в жене и сыне души не чаял. На малость этаких сердобольных, честных людей: так пошел ли бы в смертный час на кровь свою!

Федоров

Не всякому слуху верь, а тут поневоле поверишь... Говорят, а говорят-то подьячие большого приказа, если, дескать, не лукавый, прости Господи, смастерил духовную запись, так наверное дьяк Подседина.

Второй гость

А что бы боярину донести наместнику?

Федоров

Сунься-ка! разом потянут на дыбы!.. Ведь такие дела под золотой покрывкой делаются. Да и то примол-

вить: где ж правый суд сыщешь? куда идти с жалобой? в Александровскую слободу, что ли? Там тебе разом медведи суд дадут!..

Висковатов

(префывая его)

Вот и сам Морозов идет мимо Василья Блаженного, а Жемчужный только что отошел... Разошлись две черные тучи! (В это время князь Жемчужный, выходя из церкви, старается избежать встречи с Морозовым, который подходит к церкви. Пока внимание обоих бояр устремлено на них, мошенник бросает что-то в лавку второго гостя и, незамеченный, скрывается в народе.)

Второй гость

Идет, повеся голову... У какого сокола подрезали крылья! (Висковатов, взяв покупку, раскланивается с гостем и удаляется, за ним и Федоров: оба иногда останавливаются, чтобы посмотреть на Морозова, и толкуют что-то между собой.)

Явление II

Морозов

(в стороне, про себя)

Ходил молиться!.. Бога ль обмануть
Ему поклонами, мольбой нечистой!
И не сковал Господь уста злодея,
Когда святое имя призывал!
Руки не отнял у него, когда
Он собирался крест творить;
О, слишком милостив до нас Господь!
(Немного погодя.)

Везде ходил, обегал все приказы,
Челом бил малым и большим судьям,
Везде одно и то же: нет суда!
Свидетели... и сколько? ровно пять!..
Все до едина померли. На подпись
Мне не дали взглянуть порядком... Подпись
Как будто бы отца... Не может быть:

Он нас так горячо любил! об нас
И на одре лишь только было речи!
Когда под Юрьевым я принужден
Оставить был его на попечение
Жемчужного, мне помнится, была
Другая запись. (*Задумывается.*)

Все, все до последней нитки!..
Мать, бедная мать!.. Где теперь старушка
Укроет голову?.. В чужом дому!
И хлеб чужой слезами обольет!

Вдали слышны крики: «Гойда! гойда!» Народ бежит врассыпную;
лавки запираются, всеобщая суматоха; только два гостя, говорившие
с боярами, остаются в своих лавках.

Опричники?.. Потеха скоро будет!
Идет так, видно, в свете круговая:
Наскочит сильный — слабого души!

Издали появляются опричники верхом, с секирами в руках и с метлами за спиною и опять скрываются; у лошадей висят собачьи головы. Они буйствуют: то давят прохожих, то срывают с женщин головные уборы. Крики из толпы народной: «Ай! батюшки! помилуй!»

Опричники

Гойда! Гойда!
Метите Земщину!.. грызи ее!..

Морозов

Ого! быть жаркой травле!.. мелкий зверь
Бежит... Потеха, да и только!.. Гойда!
(*Немного погодя.*)
Два молодца остались в лавках... Любо
Глядеть на них: гроза им прямо в очи
Бежит, и ломит сила частый лес;
А им... хоть пасть, да побороться с нею!
Не удержать им головы на плечах!
Дай, в случае невзгоды, к ним пристану:
Обиженный мне всякой нынче — брат!
(*Подходит к лавкам первого и второго гостя.*)

Что ж вы, честные гости, не бежите?
Гроза нахлынет и на вас.

Первый гость

Уж полно
Под первый нож протягивать нам шею;
Не овцы ж мы!

Второй гость

Довольно и того,
Что нас татары грабили и жгли:
Неужто и своим давать повадку?
Пожалуй, так и дети малые
Пойдут нас воевать!

Морозов

Вас только двое.

Второй гость

Еще сидельцев двое: на дозоре
Они стоят. Мы Спаса образу молились,
И станет Батюшка за нас!

Первый гость

(показывает дубинку, обитую гвоздями)

Вот эта

Кума уложит спать порядок целый!

Морозов

Когда бы молодцов таких побольше,
Не смели бы опричники буянить.
И я к вам примыкаю! Нет ли мне
Железного товару?

Второй гость

(отыскав в лавке богатый меч и отдавая Морозову)

Есть по вас. В закладе.
Пусть честный воин выручит его!

Теперь с Морозовым на целую ватагу
Кромешников пойдем!

Морозов

Так вы меня

Спознали?

Оба гостя

Стыдно б нам тебя не знать!

Сидельцы

(бегут, вооруженные топорами)

Идут! идут!

Первый гость

Пускай!

Второй гость

Мы встретим хлебом

с солью?

(Оба выходят из лавок и становятся подле сидельцев.)

Явление III

Василий Грязный, Морозов, два гостя, два сидельца, мошеник и несколько опричников.

Грязный

(подходя ко второму гостю, показывает на мошеника)

Доказывает он, что ты купил
У вора нож мой, в серебро оправлен.
Не серебром он дорог: царский дар!

Второй гость

Не покупал и не видал ножа.

Грязный

А если в лавке мы твоей найдем?

Второй гость

В ответе голова. *(Дает знак, чтобы он
осмотрел в лавке.)*

Грязный
(заглядывая в лавку)

А это что?
(Поднимает нож.)

Второй гость

Ни телом, ни душой не виноват!

Первый гость

Мошенник — доказатель!.. Он кругом
Все давеча шнырял и сам подкинул...

Грязный
Как смеешь ты его так называть?
Опричникам он служит!

Первый гость

Хоть бы князю
Великому служил, по шерсти кличка!
Проделки эти уж не новы: знаем вас!

Грязный
(опричникам)
Свяжите-ка обоих, да и лавки
Сметите дочиста!
(Опричники колеблются.)

Второй гость
(показывая дубинку)

Гостей незваных
Мы выметем вот этою метлой!

Сидельцы
(поднимая топоры)

Мы не дадим хозяина в обиду!

Первый гость

Живые не дадимся!.. ляжем,
Но под собой постелем вашу братью!

Грязный
(*Морозову*)

Нечестно ты связался с торгашами!

Морозов

А честно ты в разбойники пошел?

Грязный

Напраслина! по царскому указу
Ловлю крамольников, воров...

Морозов

Грешно

Великое тут имя вам мешать.
Ворам от вас везде потворство, честных
Вы давите, где лишь рукахватила.
Совет мой, с миром отойти отсюда.

Старый опричник

Тут надо помощь.

Грязный
(*свищет*)

Помощь!.. гойда!

Другие опричники
(*повторяют*)

Помощь!

Прибегает множество опричников, Василий Грязный дает им приказания. В это время показывается издали молодой Басманов.

Грязный

Да вот и молодой Басманов!.. этот
Своей и царскою рукой прикроет.
(*Начинается боевая схватка.*)

Явление IV

Те же и молодой Басманов.

Басманов
(увидев Морозова)

Стой, братцы, стой!.. Кто руку лишь поднимет,
С ослушника я голову снесу.

(Бросается обнимать Морозова. Бой прекращается.)
Морозов!.. друг!.. сердечный!.. ты ли?..

Морозов

Видишь!

Басманов

Как в схватку эту ты попался?

Морозов
Прежде

Вели своей ватаге отойти; а там
Поговорим.

Басманов
(опричникам)

Пора и по избам!
Ступайте, молодцы!

Опричники

Идем!.. тут взятки гладки.

Грязный
(вслух)

Оно бы так, да надо наперед
Двух этих молодцов схватить. Один,
(показывая на второго.)
Вот крайний, пойман в воровстве, а этот
Ругал Ивана Вас...

Морозов

Ложь! клевета!..

Я, я за них порукой!

Басманов

Прочь, ребята!..

(Опричники удаляются, кроме Грязного.)

Василий Грязный, отойди! меня

Ты знаешь. Помни: мною ты стоишь!

Грязный

(отходя с неудовольствием, про себя)

Стою... да сдержишь долго ли меня!

(Оприщикам, догнав их.)

Чур помнить, братцы, сделали тревогу

Советник бывший царский Висковатов,

Да с ним конюшний Федоров, они

Народ против опричников мutilи.

Пора их за ворот, богаты стали!

Ведь серебро лопатами гребут!

(Уходит, за ним опричники.)

Явление V

Морозов и молодой Басманов.

Басманов

Давненько не видались! ровно с той поры,

Как выручил ты голову мою

Из-под мечей крыжатииков удалых.

Когда б не ты, мне б не гулять теперь

По свету белому. Тебе порядком

Досталось за меня!

Морозов

Я только сведал,

Как злость растет, когда увидишь кровь

Свою. Придет пора, с тобой сочтемся.

Басманов

Покуда, помню, у тебя в долгу.

Ну, Расскажи-ка мне, как поживаешь?

Морозов

Так хорошо, хоть со свету бежать!

Басманов

От злой разве жены? Ведь ты женат?

Морозов

На ком, спросить позволишь?

Басманов

На Жемчужной.

Уж ведомо! Не сам ли все твердил,
Что красоты ее ни написать
Пером, ни в сказках рассказать? Отцами
Сосватаны едва ль не в колыбели?

Морозов

Не только что друзья, того гляди
Княжною этой бабы и ребята
Придут меня дразнить... А что, скажи,
Князь Осип Гвоздев здравствует?

Басманов

Вопрос

К чему о скоморохе?

Морозов

Знать хотелось,

Шута не опросталось ли место
У вас. Нельзя ль меня, коль милость будет?
(Кланяется.)

Тогда и с долгом прост. Лишь об одном
Прошу: бубенчиков как можно боле
И платье поцветней. Раздолье будет!
Ведь царского шута уж не обидают!

Басманов

Не понимаю я тебя.

Морозов

Поймешь,
Сейчас поймешь. Да, друг! я опозорен...
Обижен... с грязью смешан... Легче б,
Когда б меня перед отцовским домом
Татарин привязал к хвосту коня!
Ты знаешь... нечего таить!.. любил
Как я княжну, и душу за нее
Готов был положить. Мне сам отец
Ее сулил: свидетель был Господь!
И что ж теперь? что ж? Старичишка Митьков
Из-под руки моей ее схватил!..
Вдобавок надо мною насмеялись!..

Басманов

Отца и жениха вкопал бы в землю:
Послушал бы их смеха!.. Вот рука
Моя, отплатим с лихвою. Да будет
Перед тобой мне стыдно, если я солгу;
А до поры княжну из мыслей выброшу:
Об этой мелочи и сокрушаться
Не стоит. Приезжай к нам в слободу;
У нас табун красавиц: выбирай
Любую. Хочешь, что ли, чернооких?
Как в ночь летучая звезда, лобзаний
Огнем падет на грудь!.. Иль с поволокою
Глаза, и с русою косою до пят?
Русалкой защекочет сердце, будто
Волной морскою, ласками заплещет.
Что ночь — красавица, что день — то пир:
Житье у нас и умирать не надо!

Морозов

Нет, друг, поклон красавицам твоим,
Поклон твоим пирам. Мне пир один:
Кровавую обиду смыть. Наталья —
Одна мне обрученница до гробу;
Ее из сердца, из ума не вырвать,
Как острие копья, что метко враг
Оставил в ране, надломив копье.

Поклялся я ужасною божбою,
Что никому не уступлю ее.
Добыть, иль душу сатане отдать:
Вот мой обет!

Басманов

Так что же?.. хочешь ли, добудем?

Морозов

Легко сказать!

Басманов

Все также, как и сделать.

Морозов

Так научи.

Басманов

В опричники идти.

Морозов

В разбойники, сказать хотел, конечно?

Басманов

Пожалуй, мало ли к чему такое
Название можно приплести!.. Зато
Чего не сделаем тогда!

Морозов

(подумав)

А что?..

Опричники так страшны, так могучи,
Как слухи носятся об них?

Басманов

Морочишь.

Приятель!.. Знаешь сам, они
Опора Грозного: с тебя довольно!

Морозов

Чай, можно... легче им, и за обиду
Нездешним... этак... смехом посмеяться,
Чтобы заплакал кровию обидчик?

Басманов

Ручаюсь головой!

Морозов

И можно будет
Нам, на сговорном пиру, посреди
Разгара жаркого подблюдных песен
И поцелуев жениха с невестой,
Нагрять молодцам, и пасть на них,
Как молния, как Божия гроза,
И разом вырвать жертву из толпы
Испуганных девиц, в глазах отца
И жениха?

Басманов

Уж сколько раз потехой
Такою потешались! счет уж потеряли!

Морозов

А что?.. забавно будет, в самом деле,
Коль я в опричники пойду!.. всего
Забавней, чай, тебе, Жемчужный князь!
(Подумав.) Да почему же и не так?

Басманов

Решайся.

Морозов

Иду!.. и вот рука моя!

Басманов

Ты наш,
И завтра же отправимся к царю.

Морозов

Одно забыл... одно... благословенье!..

Морозов

Не такова она: ей сына честь
Всего дороже... Но дано уж слово,
И смерть одна лишь может взять назад.
До завтраго, опричник-брат, прощай!
(*Расходятся.*)

Явление VI

Изба.

Морозова
(одна)

Как ни гадай, уж плохо жить приходит!
Когда бы не позор, уж так и быть
Прикрыла б камышком на сердце нужду;
А то и глаз-то некуда девать!
Иной, бывало, гад ползет и вьется,
А нынче будто с голубятни смотрит,
Иль сожалеючи поклон натянет.
Уж и просвирня, увидав меня,
Нос отвернула: в церкви и дьячок
Мне место указал пониже... Горько!
Сама б стерпела, жаль Андрюшу пуще
Всего: не вынести ему позора!
Кровь молодая, бьет ключом горячим...
(*Входит Морозов.*)
Да вот, голубчик на помине легок!

Явление VII

Морозов и Морозова.

Морозов

Кручина все, родная!.. Полно, брось
Кручину во дремучий, темный лес:
Пускай следов ее Жемчужный ищет!..
Никто, как Бог. И вот на первый случай
Тебе (*кладет кису на стол*).

Морозова

Откуда?

Морозов

(показывая на небо)

Он послал... Кто ж больше?

Морозова

Вестимо, через Божьи руки шло.
Да с неба, дитяtko, дождь серебром
Не падает.

Морозов

Слыхала ль ты когда
О молодом Басманове, что кравчим
У самого царя?

Морозова

Сын Алексея, Федор?

Как не слыхать, родной! как не слыхать!
Полна их славой русская земля,
Да малых, чай, детей пугают ими.
Отец в опрочине с Малютой, с Грязным
И с Вяземским сидят, да бирку держат
В руках, да кровью братьев отмечают,
Чью голову наутро надо снести;
А сын, любимец и потешник царский,
Одежду носит с одного плеча,
И из одной с ним чаши пьет.
Да под одеждой этой парчевою
Греха, греха схоронено — не смей
Метлой кромешников! Да в этой чаше
Намешано слез больше, чем вина!..
Не взял ли от кого из них?.. Кровь, кровь
На этих деньгах запеклась!.. разве
Слезами матерей они обмыты!

Морозов

Да, от Басманова я взял.

Морозова

Отдай,
Отдай скорей, родной! лукавый ночью
Не даст заснуть, креста не сотворишь
Без помысла нечистого.

Морозов
(про себя)

Солгу...
Ведь для ее ж добра! Не то обиды
Не оторвать от сердца, как змеи!

Морозова

Что шепчешь там ты про себя?

Морозов

Хотелось
Сказать, да побоялся... Так и быть
Скажу. Когда б на деньгах клали метки,
За что и от кого они идут,
Тогда б и в церковь их не стали брать;
А я от Федора их получил,
Как старый долг... Клянется, что отец
Мой дал взаймы, как воевали вместе
В земле крыжатников. Поверил клятве:
Не все Жемчужные.

Морозова

Уж если так,
Возьму. Ах! чаял ли сердечный друг,
Через какие руки получу
Твое наследство!.. Только и осталось!

Морозов

Не всяким слухам верь. Удал Басманов,
Вино и разные потехи любит:
Но не в укор такому молодцу
Такая быль. Когда б отца спросили,
Сказал бы он, что первою красой
Басманов в русском войске; он велел
За то мне братом называть его.

В кровавых сечах шлем его всегда
Мне был вожатаем.

Морозова

Пушай бы в войске,
Как хочешь, как велел отец, будь брат
Ему; а здесь, на стороне родной,
Не братайся ты с ним: помутит душу,
Приучит к зелено вино; а там
Приучит к крови — долго ль до греха!
Пожалуй, он в опричники тебя
Введет. Не пережить тогда позора!

Морозов

Мне без Басманова нельзя ни шагу...
Нельзя мне отступить от него.
Он в силе при царе; он обещал
Мне суд на нашего врага. С ним нынче же
Хотел я в слободу.

Морозова

Уж сердце слышит,
Мне потерять тебя.

Морозов

Пожалуй, я
Останусь. Слово дал... была надежда
Смыть кровную обиду, кости успокоить
Отца и честно помянуть его.
Эх! нужды нет, останусь!.. притчей городской...
Пойдем бродить, мать с сыном, уж конечно,
Где полудней, и Лазаря споем
Пожалобней из нашего житья —
Бытья: авось, разжалобим прохожих!
Вот, скажут, дитячко боярина
Морозова бредет, с ним мать. Бедняжка!
Жемчужного сосватал было дочь;
Да юродивый, знать, какой: поклон,
И насмеялись! Из дому родового
Холопы выгнали обоих. Жаль!
Обиды б этой не стерпел покойник,

А им как будто бы орехи в стену...
Легло бесславье на его могилу!

Морозова

(рыдая, бросается на шею сыну)

Андрюшка!.. перестань. Прости ты мне!..
Сам знаешь, сердце женское... Сын мой!
Ступай, куда указывает долг:
На все тебе мое благословенье!
Лишь кости успокой отца в могиле
И честью помяни его. Не дай
И мне в позоре умереть.

Морозов

Теперь

Я слышу голос матери моей.
Когда бы мертвые нам подавали слово,
Отец сказал бы за тобою тоже.
Родная! свет очей моих! ты снова
Богата; снова горсти серебра
Посыплешь на сирот и нищих; снова
Почет тебе дадут и в храме Божьем
И за боярскую беседой... И Жемчужный
С повинной головой к тебе придет
И будет милостей твоих просить.

Входит Захарьевна и останавливается у дверей.

Явление VIII

Те же и Захарьевна.

Захарьевна

Знать, милости Господь послал на них.

Морозов

Захарьевна!..

Морозова

Как очутилась здесь?

Захарьевна

Ох! ох!.. Злодей-то опозорил, выгнал:
Морозовых чтоб духу у него
В дому не пахло... Батюшки, родные!
Прикройте сирую и приютите
«На черную ночь от грозы и волков,
На белый-то день от смерти голодной».

Морозова

Сам Бог, Захарьевна, к нам посылает
Тебя. Андрюша едет в слободу
К царю; я остаюсь одна: какой же
Помощницы искать мне лучше? Верно
Ты нам служила не один десяток лет.

Морозов

(подойдя к мамке)

Ну, что там делают?.. Наталья что?..

Захарьевна

Послышала лишь только, что отец
За Митькова сосватал, Богу душики
Чуть-чуть не отдала: сам инда он
Перепугался... «Свет ты мой, Наташа!
Открой хоть глазки, вымолви хоть слово!..
Я не злодей какой... любого выбирай!»
И плакал он и руки-то ломал!
Оправилась Наташа, все опять забыто,
Опять за Митькова велел рядиться.
Купцов, портных дом полон, и девичник
Готовят.

Морозов

Скоро?

Захарьевна

Скоро. Поспешают.
Через недельку...

Морозов
(про себя)

Поспешим и мы.
(Отведя Захарьевну в сторону.)
Не проронила ль слова обо мне,
Так невзначай?..

Захарьевна

Лишь об тебе одном
И было у нее речей со мной; а речи
Все обливала горячими слезами;
И слез-то уже не стало. Руки наложить
Хотела на себя, да побоялась
Греха великого. «Тогда, пожалуй,
На свете том нам свидеться откажут!»
А как со мной прощалась, повисла
На шее у меня и молвила,
Рыдая: «Скажи ему, не вынуть
Его из сердца и ножом, пока
Есть свет в очах, смотри, скажи,
Чтобы поплакать на мою могилку
Пришел».

Морозов

Через неделю?.. Поспешим!
Иду!.. Прощай, благослови, родная!
Захарьевна, прощай, ухаживай
За матушкою хорошенько; береги
Ее ты пуще глазу.

Захарьевна

Будь здоров, голубчик,
А уж об матушке с покоем оставайся.

Морозова

Да будет над тобою милость Божья!
Прости, мой свет, прости, Андрюша!
(Рыдая обнимает его и потом провожает
до дверей.)

Этак

Рыдало сердце и тогда...

Захарьевна
(указывая на кису)

Недобрый,
Пожалуй, человек войдет: не худо
Прибрать их, матушка, счетом?

ДЕЙСТВИЕ III

Явление I

Варьская улица. Посреди площадка, и на ней церковь.

Морозова, Захарьевна, гость, две боярыни и мальчики. Морозова с Захарьевной, вышедши из церкви, пробираются по одной стороне улицы. Гость стоит у ворот своего дома.

Несколько мальчиков
(вслед за Морозовой)

- Собачья голова!
- Собачья голова!
- Метла кромешная!

Морозова

Что лают там пострелы. Не дослышу.

Захарьевна

Не в разумеенье, матушка. Кричат:
«Собачья голова»; а так зовут
Опричников.

Мальчики

Опричница поганая!

Гость
(погрозив им кулаком)

Я вас, озорники!.. прочь, бесенята!
(Мальчики рассыпаются.)

Морозова
(проходя мимо гостя)

Спасибо, мой родной! С чего ругать
Им вздумалось? Со мною на роду позора
Такого не бывало.

Захарьевна
Знать, тебя
За Юрьевну сочли. Ты на нее
Сшибаешь личиком и ростом.

Морозова
Меня оборони!.. (Увидев на другой стороне улицы
двух прохожих боярынь.)

Панкратьевна!
Постой-ка, лапушка! Словечко молвить
С тобою нужда есть.

Боярыня
Уйдем скорей!
Опричница, пожалуй, взглянет нас. (Убегают.)

Морозова
И слово-то промолвить не хотят!
Как будто с черной немочью! Неужто?..
Помыслить только, пробирает дрожь!
(Удаляется, за нею Захарьевна.)

Явление II

Бояре Висковатов, Федоров и гость.

Висковатов
Здравствуй, честный гость! (Раскланиваются.) Не
проходил ли боярин Митьков к своим хоромам?

Гость
Я давно стою здесь: не видал.

Федоров
Погонялись немало за ним... Ног под собой не слы-

шим. Дозволь отдохнуть у себя на прилавочке; кстати посторожим здесь приятеля.

Гость

Милости просим. (*Бояре садятся.*) А видел я сейчас диво дивное: сожительницу именитого боярина Морозова обижали ребятишки, да поносили опричницей. Что за притча?

Висковатов

Слышишь, Иван Петрович? Недаром говорят: «Хорошая слава лежит, а дурная бежит».

Гость

Уже не пошел ли с горя сынок...

Висковатов

Ох! ох!.. Не всякому слуху верь. Да вот Молчан Семеныч. Прощай, добрый человек!

Гость входит в калитку; бояре спешат навстречу Митькову, который идет в раздумье.

Явление III

Висковатов, Федоров и Митьков.

Висковатов

Молчан Семеныч! На два слова, братец, Остановись.

Митьков

Как, испугал меня!

Висковатов

(берет его за руку и отводит к стороне церкви; за ними следует Федоров)

Что больно робок стал! Иль на душе Нечисто?

М и т ь к о в

Как нечисто? Взяли вы
С чего меня так обижать напрасно!

В и с к о в а т о в

А вот с чего, приятель дорогой.
Ты по грехам моим мне навязал
Приданое скупать...

М и т ь к о в

Так что ж? Послужой
Такой и я готов бы отплатить.

В и с к о в а т о в
(кланяясь)

Спасибо вашей милости. Еще с ума
Я не рехнулся, чтобы в мои года
Себя таким позорищем ославить.

М и т ь к о в

Не в бровь, а прямо в глаз!

В и с к о в а т о в

Когда дружить,
Так правду без оглядки говорить.
Да, братец, грех, и неокупный грех:
Заесть чужой век; маков красный цвет,
Что утром лишь расцвел во славу Божью
На утешенье мира, истоптать
В похмелии нечистой стопой!
Приданое готовим мы с тобою:
Зачем?.. Готовь-ка лучше ты покров
Богатый для своей невесты, дьякам
Вели за упокой спеть по крюкам,
Не песни девкам голосистым.

М и т ь к о в

Разве
Неволей за меня Жемчужная идет?

Висковатов

Открой ему глаза, Иван Петрович:
Его лукавый вовсе ослепил.

Федоров

От малых лет Морозову она
Обещана, с ним свыклася душою,
И думала век в радости прожить.

Митьков

(про себя)

Так вот причина, почему Морозов
Со мной, как туча с тучею, сошелся!

Федоров

Стань на одну с ним доску и сравни,
Кто красной девице из вас пригодней:
Он — кудри черные, кровь с молоком,
Соколий взгляд, и молод и пригож;
А ты, хоть бы в стекло речное посмотрелся.

Митьков

Когда бы знал!.. мне ль с молодцом таким
Тягаться! Князь Жемчужный утаил
Все это от меня.

Федоров

Как не таить!

Не только дочь, себя бы обвенчал
С твоим добром грабитель, тать дневной
Морозова наследия. Он продал
Тебе родную дочь, а сына, друга
И благодетеля пустил с сумой.
Кто этого теперь в Москве не знает,
Кроме тебя!.. И мало, что добро
Земное отнял у Морозова:
Он душу погубил его навек.
Одно дитя у матери и было,
Одна утеха в мире; им гордилась
Она перед другими матерями

И, правда, было чем гордиться ей!
И ты в грабительстве сообщник был,
Ты вместе душегубство совершил!

М и т ь к о в

О Господи! за что напраслина такая!
Вы знаете меня, друзья: могу ли
Я посягнуть на черные дела!

В и с к о в а т о в

Когда б не ведали, мы тратить слов
Не вздумали б с тобой. Не ты, лукавый
Тобой все это совершил. Так знай:
Морозов, потеряв невесту
И выгнанный из дому родового,
И опозоренный перед слугами,
С тоски и от стыда в опричники
Пошел.

М и т ь к о в

В опричники?.. Морозов?
Сын друга моего?.. Не может стать!
До того и мать не допустила б;
И сын не захотел бы мать свою
Убить таким позором.

В и с к о в а т о в

Может быть, мы в силах
Еще спасти его.

М и т ь к о в

Спасем, друзья!
Чего б ни стоило, казны моей
Иль головы, спасем! и не допустим,
Чтоб именитого боярина сын честный
В позорный плен кромешников попал.
Нет, этот грех не ляжет на душе
Моей. Я от невесты отступаюсь.
Родных нет кровных у меня: Андрей
Морозов мне крестный сын: хочу
Его своей копейкой наделить,

И за него сам сватом буду. Едем
Сейчас мы в слободу, и на пороге
Кромешной тьмы ему заставим путь.
Но прежде слово: от кого ж узнали,
Что он в опричники идет?

Висковатов

Василий Грязный,
Советник слободской, везде звонил.

Федоров

У *Расстани** я видел сам, как он
В толпе опричников стоял, печален
Один в толпе веселой; с похорон,
Казалось, только что пришел. Рукою
Я сделал знак ему, что б подошел
Ко мне; но гневно он отворотился.
Тут подлетел ко мне опричник с криком:
«Эй! убирайся прочь! не *ваш* он боле!»
Не *наш*, я повторил, на узника взглянув;
И слезы горькие меня пришибли.

Митьков

(*утирая глаза рукою*)

Давно ли это было?

Федоров

В прошлый четверток

Митьков

Ведь молодцы, которых принимают
В опричники, живут и по неделе
В слободке, что *Неволею* слывет?
Они там ходят под искусом строгим.

Федоров

Морозов поскакал с любимцем царским,
Басмановым: так диво ли, когда
Могучею и удалой рукою

* Место у Троицкой заставы в Москве

Тотчас перемахнет его к царю?
И если он в опричники уж принят?

М и т ь к о в

Так мы возьмем с собой старушку мать
Морозова и с нею в ноги упадем
Царю, и вымолим ей честь и сына.

В и с к о в а т о в

Мы и без того с приятелем сбирались
От града стольного царю челом
Ударить: горько, горько на святую Русь,
Как на вдовицу сирую, смотреть,
Покинул, видно, нас совсем Державный!

Ф е д о р о в

Мы правду выскажем царю-отцу,
Как верные сыны; а там... готовы
За край родной и голову сложить!

М и т ь к о в

Так в путь, друзья, скорее!

Ф е д о р о в

Прежде

Сподобимся Святых Тайн приобщиться:
Кто едет в слободу, тот к смерти будь готов.
*(Лишь только хотят они идти, слышны редкие
удары в колокол; они останавливаются
и взглядывают друг на друга.)*

В и с к о в а т о в

Что это за звон?

Ф е д о р о в

(печально)

Знать священник умирает.
(Крестятся.)

Явление IV

Трапеза в царских хоромах, в Александровской слободе. В одной стороне стол, покрытый скатертью и уставленный разными серебряными сосудами; в другой кресла, и перед ними столик, на котором лежит книга. Слышны редкие удары колокола. Служители, поставив блюда на стол, удаляются.

Грозный, Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Алексей Басманов, князь Осип Гвоздев и несколько других опричников входят поодиночке, опустив голову и скрестивши руки на груди. Когда Грозный останавливается посреди трапезной, опричники становятся перед ним в ряд.

Грозный

Довольно, братья, потрудились Богу,
Мы человеки: созданы из духа
И плоти. Духом поработали;
Молитвами и тяжким воздыханьем
И пеньем сокрушили грудь свою;
Поклонами земными без числа
Смели мы прах церковного помоста;
Довольно изнурили плоть: пора
И пишу ей. Садитесь и вкушайте.

Алексей Басманов

А ты, отец? Ты боле всех трудился;
Усердья тяжкого ты на челе
Несешь печать: тебе и подобает
Вкусить всех прежде от плодов земных.

Грозный

Как мне? Поставленный всех выше вас,
Всех более приявший власть от Бога
Добро и зло творить здесь на земле,
И потому всех боле согрешивший,
Не наравне же с вами должен бремя
Раскаянья нести. Хочу еще
Работать Богу духом сокрушенья;
А вы за трапезу садитесь, братья!

Все опричники, сделав поясной поклон Грозному, садятся за стол и потом усердно едят и бражничают.

Грозный берет книгу со столика и, стоя, читает с благоговением про себя, ударяя себя по временам в грудь. Слезы мешают ему читать далее; он садится в кресла и, облокотясь на столе, закрывает глаза руками.

Алексей Басманов
(*Вяземскому*)

Что ж ты не пьешь?

Вяземский
(*тихо, указывая на Грозного*)

Смотри... гроза нагрянет!

Гвоздев

Не в первый раз вам с головы своей
Да на чужую отводить удары.

Вяземский

И впрямь!
(*Шепчется с Басмановым и потом говорит громко.*)

Из этих стоп лукавый
Меня все дразнит.

Алексей Басманов

Мудрено ль, одна стопа —
От Висковатова поднос царю,
Другая Федорова дар... Напрасно
Хотят посеребрить души коварство:
Сквозь серебро и золото сквозит

Грозный
(*вслушавшись в последнюю речь, приподнимает голову*)

И я ведь не слепец!.. Не вижу, что ли,
Их замыслов лукавых на меня?
Не ведаю их злобных ухищрений?
Но я ведь в Александровской, не в стольном
граде!
Хочу я — милую; хочу — караю!

Адашевых, Сильвестров нет со мной,
Нет боле пестунов моей свободы!

(При этих словах все опричники встают из-за стола.)

Мне широко, мне вольно здесь, раздолье...
Кто путы принесет? Давайте их!
Заброшу с ними удальца туда,
Куда костей и ворон не заносит!

Вяземский

Мы — слуги верные, мы присягали
От злых людей тебя остерегать,
От нового нашествия боярской власти
Беречь цареву...

Грозный

Разве слухи есть?..

Вяземский

Немчин Бомелий из Москвы приехал
И много кой-чего порассказал.
Когда бы не Басманов Федор, жарко б
Твоим слугам от земщины пришлось.

Грозный

Бомелия ко мне!

(Вяземский уходит.)

Моим слугам?..

Моим?.. Кто? Земские?.. Перстом обиду
Свинцовой палицей им отплачу;
Дохну грозой, и срою избы их,
И мелким прахом размечу по ветру!
(Вяземский возвращается с Бомелием.)

Явление V

Те же и Елисей Бомелий*

Грозный
(Бомелию)

Рассказывай, что было, как в Москве?

Бомелий

Народца русска, нет чего сказать,—
Зверь настояща; чувства никакова...
Корми, пошалуста, все смотрит лес.

Князь Гвоздев

Прибавь, голодного неразумеет сытый.
Не ты ли кормишь, Елисей Немчин?

Бомелий

Не я, сиятельна забавник, нет,
А каспадин наш Иоанн великий:
Как с неба солнышка, он посылай
На злой и добрый милости своя.

Князь Гвоздев

Пригреет солнышко заморских гадов,
И выползут из нор, чтобы кусать.

Грозный

Молчи! не то, язык на стенку гвоздем!

Князь Гвоздев

И выйдет Осип Гвоздев на гвозде;
Свой своему ведь поневоле брат!

Грозный

Дурак!.. вперед, мой добрый Елисей!

* О характере Бомелия см. Историю Государства Российского, том IX, стр. 140 и 190.

Бомелий

Приехал мой в Москва. Кто от царя,
Того бегай, как будто черна язва...
Везде народ сбираяся в кружок
И с ними завсегда одна боярин,
И каварит: «Пришла худая время
С тех пор, как нет Адашев наш в совет.
Народ опричника на откуп отдан:
Рвут хлеба изо рта, пьют наша кровь.
Кто правит нами, наш не знает.

Грозный

Скоро

Проведают, кто правит ими! Скоро
Им зарублю его кровавой метой!

Бомелий

Кадил мой раз на торг, и где мой взглянет,
В народа, в лавка, у церква, везде
Бояре, земская, да понемножка
Везде яд остра сыпай с языка
Против тебя.

Грозный

А кто бояре были?

Узнал?

Бомелий

Мой? преданна твой слуг, твой раб,
И не узнай!.. Одна был Висковатой,
А Федоров другая. О! как подло
Против отца... Опричника твоя
Ругали, как сапожник!.. хуже!
Они разбойник, ты их атаман.
Гляжу: опричник едут, с ними Грозный,
Так смирна, как барашка. А народ
На них; кто лает, как собак, кто камень
Пускай в них; даже баба и мальчишка
Показывай им языка.

Грозный

Язык вам вытяну до слободы!

Бомелий

Не вытерпела тут солдат твоя,
И началась сраженье. Кровь лилась
По улиц, как ручей, и долго б, сильно б,
Еще лилась, когда б не подошла
Басманов твой любима, да еще
Одна его приятель молодая,
Морозов. Он в опричника идет.
И побежала все от них, как зайца
От удалой собак.

Грозный

Федюша мой

Уж не ударит в грязь лицом; и шапка
На мне не загорится от стыда
Нигде, где смеют имя господина
Его при нем позору отдавать.

Алексей Басманов

(смотря в окно)

Два молодца во весь опор несутся...
За ними клубом пыль валит... Один
Мой сын; лицо другого незнакомо.

Бомелий

(смотря в окно из-за Басманова)

Тот сама, что в опричника идет
И рыцарства своя уж заслужил
Так славна.

Алексей Басманов

Кто ж за ними?... удалец
Какой-то... на моем аргамаке... несется,
Как вран за молодыми ястребами...
Лихой наездник, он прилип к коню,
Как будто вместе вырос.

Вяземский
(*посмотрев в окно*)

Мудрено ль?
Старик веревками к седлу привязан.
Да это, Господи прости, сам дьяк
Подседина. Клещом надулся, градом пот...
Не перышком, знать, грамотку скоблить!

Алексей Басманов
Вот у крыльца... отделали коней!..

Грозный
Для Федора любых с моей конюшни!

Явление VI

Те же и молодой Басманов.

Грозный
Дай в маковку себя поцеловать.
(*Молодой Басманов наклоняется.*
Грозный целует его в голову.)
Бомелий все мне рассказал... Поспеет
На всякий пир мой кравчий дорогой:
Меня он сладким медом веселит
И вместе земщину опохмеляет.
Скажи, чем жаловать тебя? Стопа
Заветная тебе ли полюбилась?
Бери! Мой терлик первого наряда
Тебе не приглянулся ль? С плеч моих
Надену на твои — лишь пожелай.

Молодой Басманов
По милости твоей, добром я этим
Богат: другой наградою меня
Пожалуй.

Грозный
Разве сокола попросишь,
Что с тучею бежит по поднебесью,

Не дам тебе, а на земле что хочешь,
Проси.

Молодой Басманов

Есть у меня крестовый брат;
Пригож, как девка красная, и статен,
Как рьяный конь, что вставши на дыбы,
Широкой грудью на копье летит.
В бою под Юрьевым, когда зарница
Мечей немецких сильно разыгралась
Над головой моею, он, мой брат,
Меня от смерти и позора спас.
В долгу я тяжком у него, ты видишь.
Теперь он просится в опричники:
Своею милостью взыщи его!

Грозный

Давайте молодцов таких поболе.
Крепка ограда, где тычины крепки.
Прозвание его?

Молодой Басманов

Андрей Морозов.

Грозный

С тобою он?

Молодой Басманов

Здесь, у крыльца. Но прежде,
Чем очи ясные свои увидеть
Позволишь, суд и милость сотвори
Ему. Обижен земщиной он крепко.

Грозный

Поведай, как и от кого обида?

Молодой Басманов.

Жемчужный князь — обидчик в этом деле.

Грозный
(обращаясь к Вяземскому)

Красотка дочка у него, не так ли?
Ты про нее вчера мне говорил.

Вяземский
Заподлинно так, господине: краше
Ее во всей подсолнечной не сыщешь.

Молодой Басманов
За Митькова за старика хотят
Отдать.

Грозный
Садится не в свои он сани!
Скорей сюда подкатим их, Федюша.

Молодой Басманов
Морозова была невеста...

Грозный
Свадьбу
Сыграем в слободе и зададим
Веселый пир на удивленье миру.
Да мы с красавицей и суд забыли.
Ну, что же князь Жемчужный?

Молодой Басманов
Подменил
Морозова духовную он запись.
Тут дьяк Подседина работал ловко;
Все подписи подделал так исправно,
Что суд приговорил Морозова добро
Жемчужному отдать все, без остатку.

Грозный
Здесь дьяк, сказали мне?.. Сюда его.

Молодой Басманов
(отворив дверь)
К царю пожалуй, милостивец дьяк!

Князь Гвоздев

Судья покончит суд без проволоочки.
Кабы на всех плутов гроза такая!..

Явление VII

Те же и дьяк Подседина.

Грозный

Ты краснописец?

Подседина

(упадая в ноги, показывает на свое ухо)

Не дослышу... правым...
Великий господине всяя Руси!

Грозный

Что правым не дослышишь, знаем!
Медведю на ухо велю спросить.
Ответь, пока я глазом не мигнул.

Подседина

Не краснописец, нет, а земский дьяк
По милости родителей твоих:
Дай Бог им царствие небесное!

Грозный

Ты не таи художества. Перо
И лист бумаги!
*(Молодой Басманов приносит и кладет то
и другое на стол; дьяк встает.)*

Подпиши под руку
Морозова... которого, ты знаешь —
Отца: чтоб подпись сын родной признал!

Подседина

Куда мне, солнце красное, куда
Моим окостеневшим пальцам дело
Такое совершить!

Грозный

Так за тебя

Медведь подпишет на твоей спине.

Сюда стервятника лихова!

Подседина

(падая на колени)

Виноват!

Попутал грех лукавый!.. соблазнили

Рублевилов предательские очл.

Чужим добром владеет князь Жемчужный

По милости моей: я смастерил

Духовную с начала до конца.

Грозный

Повинной не секут, не рубят:

За то и головой дарю тебя.

Но чтоб рука твоя не соблазняла

Тебя вперед (обращаясь к Скуратову),

клеймо полож на ней, Малюта!

(Два опричника хотят увести дьяка.)

Постой!.. Он *худородный* дьяк!.. Всегда

Царю и царству нужны грамотеи;

Крамолы не куят против меня!...

Простить его.

(Дьяк бросается в ноги Иоанну:

по движению Грозного, его отводят.)

Бомелий

Вот нова Соломон!

Грозный

Теперь мы примемся за новобранца.

Явление VIII

Те же, кроме Подседина и Бомелия, и Морозов.

Грозный
(*Морозову*)

Ты, молодец, в опричники желаешь:
Неволя гонит, или просит воля?

Морозов

Как перед Господом, перед тобою
Души не постыжу грехом обмана.
Неволею иду, но той неволи
Не купишь золотом своей казны,
Всей силою земных князей не свяжешь.
Она — нездешняя; в недобрый час
Во мне, как дух нечистый, поселилась,
И не смогу ее ни заклинаньем,
Ни силой крестною самой изгнать.
Она-то привела меня сюда.
Но, господине, знай, неволя эта
Дарит опрличине слугу вернее
Всех псов твоих, секир твоих надежней.

Грозный

Люблю речь умную и удалую:
Как полоса меча, блестит и рубит!
Даю охотно этой речи веру,
И с радостью в опричники беру
Тебя. Каких же слуг желать мне лучше?
Любимца моего ты брат крестовый
И земщине заклятый враг душой.
Но для тебя опрличины закон
Не властен я переменить: ты должен
На верность нам присягу *нашу* дать.

Морозов

Готов.

Грозный

И я не постыжу душу

Грехом обмана. Знаешь ли, что если
Обет нарушишь, с головой простишь?
Не выручат ни други, ни заслуги;
Не скроешься ни под полой моей,
Ни в храме Божьем не найдешь защиты.

Морозов

Все знаю, и на все решился.

Грозный

Братья!

Пока дает обет свой новобранец,
Прикройте голову его ножами,
В залог того, что не задумается меч
Снести ее, лишь только мысль измены
Родится в ней. *(Все опричники составляют
около Морозова круг, всех ближе к нему
становится молодой Басманов,
и держат над головою его ножи.)*

А ты, Андрей Морозов,
Во имя Господа и страшных сил
Его, клянись за мной

Опричники

Клянись!

Морозов

Клянусь!

Грозный *

Не только делом, самому, или словом,
Но даже стороной, через других,
Не помня хлеба-соли, ни родства,
Ни выручки, не разбирая пола
И лет, кому бы ни было из земских
Во веки не служить и не дружить.

* История Государства Российского. Карамзина, том IX, стр. 87 и 88.

Морозов
(про себя)

А мать моя?.. мать?.. а Наталья?..
Неужели и от них мне отступиться?
Для них лишь только я сюда пришел...

Грозный

Что ж ты задумался?

Морозов
Клянусь!

Грозный *

Не только
Во всякой час на лиходеев наших
Усердно доносить, какое зло
Они противу наших замышляют,
Иль словом нам наносят оскорбленье,
Где б ни было, на площади, во храме,
За дружеской беседой, на пиру,
В семье родной, не только доносить —
Везде подслушивать, подстергать,
Не скажут ли об замыслах лукавых
И своды погреба и тайна кельи,
И поцелуй любовницы безумный,
И наставленья матери родной.

Морозов
(про себя)

О Господи! оставь ты меня!.. (Плачет.)

Молодой Басманов
(тихо Морозову)

Опомнись!.. слышишь голос?.. сам отец
Тебя из гроба к мщенью призывает.

Морозов
(про себя)

Так — пропадай душа! (Вслух.) Клянусь!

* История Государства Российского Карамзина, том IX, стр. 24.

Вяземский

Он плачет.

Худой опричник будет!

Грозный

Наконец,

Ты должен от отца отречься...

Морозов

Мертвых

Не трогай, господине!..

Грозный

Дело! Мертвых

Зачем в поличную с живыми ставить!

Но мать жива... От матери отречься

Ты должен.

Морозов

(молчит)

Грозный

Что ж? клянись!..

Опричники

Клянись!

Морозов

(молчит)

Грозный

Еще я повторяю!..

Морозов

(молчит)

Молодой Басманов

(из-за него).

Отрекаюсь.

Морозов

Нет, нет! то не был голос мой!.. Нет, дьявол
Сам за меня сказал, не человек!
От матери отречься?.. Нет! не верю,
Чтобы нашлось чудовище такое,
Кто б мог от матери, его родившей,
Питавшей грудью его, отречься!
В опричине такого нет закона;
Его нет даже у зверей самих!
Не может быть... ты надо мною, господине,
Хотел лишь подшутить...

Грозный

Когда шучу

Такими шутками, то головы летят.
Не скоморох же я, Андрей Морозов!

Морозов

Когда закон бесчеловечный есть,
Закону этому не покоряюсь:
Вели меня в сей миг ножам всем этим,
Что надо мною подняты, хоть разом
Насквозь пронзить!
(*Молодой Басманов падает на колени.*)

Грозный

(*молодому Басманову, немного погодя*)

Не бойся за него,
Крестовый брат! Бесстрашен он, я вижу;
Он постоит за нас и за себя.
Люблю я молодцов таких: нам нужны
Они. По взгляду моему, я знаю,
Пойдет один на стаю лиходеев. (*Морозову.*)
За то я матерью тебя дарю...
И новому опричнику привет!
Стопу мне фряжского!
(*Молодой Басманов наливает и подает ему стопу.*)

За мною, братья!

(Все, кроме Морозова, наливают стопы и поднимают их.)

За здоровье твое, слуга наш новый!
(Выпивает стопу.)

Опричники

За здоровье твое, наш новый брат!
(Делают то же. По знаку Грозного, один из опричников подает стопу Морозову.)

Морозов
(поднимая стопу)

Жить долги веки господину Руси
И царствовать ему во страх врагам!
(Выпивает.)

Грозный
(Морозову)

Теперь, опричник наш, с Жемчужным
можешь

Разведаться: сам дьяк признался
В подлоге записи духовной. Поспешай
В Москву и забирай свое добро,
Где только ты его найдешь. По праву ль
Тебе еще придется что в дому,
Моею властью бери.

Молодой Басманов

Невеста

Там у него.

Грозный

Вези сюда голубку;
Мы свадебку сыграем в слободе
И позовем отца попить.

Морозов

От милостей твоих я белый свет увидел.
Вели, и за тебя сложу охотно
Я голову свою!

Грозный

Увидим, брат!

Молодой Басманов

Дозволь и мне к Жемчужному на лов:
Девичник, слышно, у него на днях...

Грозный

Спросить однако же, на всякий случай,
Какой же путь возьмете вы?

Морозов

Прямой.
В лесах глубоких мы сейчас потонем,
И вынырнем под самую Москвой.

Грозный

Вы в путь на ловлю рыбок золотых,
А мы пойдем с Малютою смотреть
Кулачный бой медведя с человеком,*
Добро б с простым, а то с боярином,
да с земским.
Не видывал!..

Уходят; за ними все опричники, кроме Морозова.

Морозов

Наталья! ты моя!

О! дорого ты достаешься мне!..
Прости же, воля, воля сладкая!
Прости! я продал душу сатане!
(Немного погодя.)
Зато позор я смыл с души моей!
Зато потешусь над тобой, Жемчужный!

* История Государства Российского Карамзина, том IX, стр. 91 и 92.

ДЕЙСТВИЕ IV**Явление I**

Терем в доме князя Жемчужного. Девичник.

Наталья Жемчужная, девица и сваха. Наталья, печальная, сидит на скамейке. Несколько девиц заплетают ей косу; другие водят хороводы и поют; иные разделились на группы и пары; кто занимается беседою, кто резвится. Сваха, во время пения, несколько раз подходит к полурастворенной боковой двери и сквозь нее переговаривается с князем Жемчужным.

Девицы
(поют)

Скачет груздочек по ельничку:

Слава!

Ищет груздочек беяночки:

Слава!

Не груздочек скачет, боярской сын:

Слава!

Не беяночки ищет, боярышни:

Слава!

Наталья

Зачем веселые поете песни,
Подруги милые? Они не ладят
С тоской моей. (*Немного погодя.*)

Ах! спойте лучше мне

Ту песнь, что наша Машенька любила.

Одна из девиц

Какая Машенька?

Наталья

Соседка наша...

Ну, та, что выдали за старика.

Другая девица

И умерла потом?

Третья девица

Что за охота?

Первая девица

Беда какая! песня — не пророк;
Мы девицы — не воронья: споем!

Девицы
(поют)

Поднялась погода —
С сивера налег;
Разыгралась речка
В берегах крутых:

Гонит без оглядки
За волной волну;
Путь себе дорожку
Стелет широко.

Ты куда так, речка,
Без ума бежишь?
В море хоть раздолье,
В море пропадешь.

«Ах! не я широкой
Доли той хочу:
Гонит зла погода
С сивера налет».

Ты куда так, девица,
Снаряжаешься!
Ты куда так, красная,
Убираешься?

Не спеши развязывать
Русую косу:
Под повязкой бархатной
Часто слезы льют.

«Ах! не я, подруженьки,
Доли той хочу:

Гонит слово батюшки.
Божия гроза.

Кабы воля-волюшка
Мне была своя,
Уж не той бы долюшки
Пожелала я!»

Н а т а л ь я
(повторяет)

Уж не той бы долюшки
Пожелала я. (Плачет.)

С в а х а

О чем тужить, красавица моя?
Надежней, право, старый молодого.
Старик окутает тебя в парчу,
Унижет лалом, жемчугом окатит,
Твоею красотой не наглядится,
Пылинке на тебя не даст упасть;
А молодой... кто ведает? в пирушках
Да в схватках удалых тебя забудет;
На зернь добро твое же променяет,
И век твой, будто молонья, спалит.

Явление II

Те же и князь Жемчужный.

Князь Жемчужный

Что правда, сватенька, то правда. Разум
Когда б имела, плакать перестала б.
(Кланяется девицам, а те откланиваются ему.)
Спасибо, красные, спасибо вам,
Что дочки проводить девичью долю
Пришли.

С в а х а

Ну, спойте что-нибудь, девицы!

Дев и ц ы

(поют, перешептавшись между собою)

Смолкли рощи голосисты,
Притаились речки,
Запорхал снежок пушистый
И покрыл все белым платом.

Выезжал князь со княгиней
Тешиться охотой:
Будто криком лебединой
Вереницы, остров дрогнул.

Гонит жарко гончих стая
Вострую лисичку;
Душегрейка дорогая
Будет!.. Но гадали рано...

Гнали красную лисицу,
А попал волк серый;
Окружат тебя, девицу,
С старым и постылым мужем.

Князь Жемчужный делает знак неудовольствия.

Сваха

(обходя с князем девиц)

Разглядывай, которая по нраву,
Да нам скажи; а мы тебе поможем.
Нас только не забудь.

Князь Жемчужный
(указывая на одну из девиц)

Вот эта чья?

Вторая с краю?

Сваха

С бойким глазом? будто
След огневой, куда посмотрит, сыплет?

Князь Жемчужный

Да, да.

Сваха

Боярина Серебряного... сладим!
(*Слышен шум на дворе.*)

Князь Жемчужный
(*в испуге*)

Что?... что такое?... Боже мой!

Явление III

Те же и дворецкий.

Дворецкий

Со всех сторон

Опричники двор осадили, лезут
Через тыны, долой ворота с петель.

Явление IV

Те же и кравчий.

Кравчий
(*прибегая*)

Все ломят наповал, шумят, кричат,
И черным роем в дом влетели...
(*Слышны крики: «Гойда! гойда!»*)

Князь Жемчужный

Опричники?... Прощай, моя казна!

Девицы рассыпаются с криком и бегут к дверям, но увидев, что все входы заняты опричниками, возвращаются. Кто из них падает от страху, в том числе и княжна, кто собирается около нее в кружок.

Явление V

Те же, молодой Басманов, Морозов, толпа опричников и дьяк Подседина. Подседина останавливается у дверей.

Молодой Басманов

Кто с места только тронется, в окно
Велю я сбросить!.. Впору мы, как видно,
Пришли: девичник только что в разгаре.
Опричники догадливы, и женишка
С собою привезли. (*Жемчужному,*
указывая на Морозова.)

Вот он, хозяин —

По государеву указу.

Морозов

Здравствуй,
Тесть дорогой!.. Не ждал!.. Что, слову верен,
Небось, Морозов?..

Молодой Басманов

Эй, дворецкий! слушай,
И передай Жемчужного дворчанам,
Что все они, и дом, и двор, и в доме
Что в этот миг найдется налицо,
Морозову принадлежит. За целость
Всего ты отвечаешь головой.

Дворецкий
(*кланяясь*)

Повинен выполнить царя указ.
(*Уходит; за ним кравчий.*)

Князь Жемчужный

Помилуй! всем владею по закону.

Молодой Басманов

Дьяк, говори!

Подседина
(*подойдя к князю*)

Во всем признался
Я, окаянный: запись смастерили
Мы ложную с тобой: в вине своей
Покаялся я Богу и Царю...

Князь Жемчужный
(*падая на колени*)

Не дайте умереть без покаянья!

Морозов

Что? грянула гроза? Гроза-то Божья!
Ее из гробу вымолил отец,
И выплакала мать кровавыми слезами;
Теперь ты молишься под черной тучей?
Теперь ты крестишься, когда гремит?
А помнишь ли, князек спесивый, чванный,
Из дому этого ты выгнал нас с сумой?
А помнишь ли, велел своим дворчанам
Нас с матерью вязать?.. Забыл тогда,
Что это мать Морозова!.. Теперь
За мною очередь пришла; теперь
Смешно и мне... У ног моих, паскудный!
Просил я честью дочь твою; не отдал:
Нельзя — за Митькова давно сосватал;
Нельзя — отцу его крест целовал!

Князь Жемчужный

Ведь время не ушло. Не помни зла;
Возьми теперь с моим благословеньем.

Морозов

Когда ты ползаешь передо мной?
Да кто согласия твоего просил?..
И без того *она* моя! Твое согласие
Мне все равно, что нитка паука!
Она моя!
(*Бросается к Наталье: девицы перед ним
расступаются.*)

Недаром я божился!

Молодой Басманов

Встань, князь Жемчужный! (*Опричникам.*)

Поднимите

Его, опричники! (*Опричники поднимают князя.*)

Почет ему! под ручки!

Он брата нашего ведь тесть!..

Поедет свадьбу в слободе играть!

Морозов

(*схватив руку Натальи*)

Наталья Ивановна! опомнись...

Жемчужина моя ты дорогая!

Промолви слово, свет очей моих!

Наталья

(*пришед в себя*)

Кто звал?.. Андрей Петрович! не во сне ли вижу?

Андрюша!.. Это ты?.. Твой голос? Как же

Пробрался ты сюда?.. У нас девичник.

Ты разве этого не знал? Проститься

В последний, видно, раз пришел!.. Прощай!

Прощай, душа моя!.. Беги скорее!

Что станется, когда отец увидит!

Морозов

Опомнись; я твой суженый, приехал

Тебя к венцу везти... Благословенье

Мы получили... Едем в Божий храм!

Наталья

С тобою?.. в Божий храм?.. Ах! дайте мне

Собраться с разумом; не понимаю,

Где я. (*Озирается.*) Подруги!.. мой отец!..

опричники

Кругом!.. о Господи! и ты опричник!..

(*Закрывает глаза руками.*)

Прочь, прочь! Я отрекаюсь от тебя!

Кромешника любить я не могу!

Морозов

Да, я опричник; только для тебя пошел!..
Зачем же я клялся ужасною божбою?..
Зачем же я прошел сквозь огонь и воду?..
Коней, друзья! коней! Мы не купцы;
Не торговаться мы сюда пришли!
Что наше, то берем, как ни попало!
(Схватывает княжну в охапку.)

Молодой Басманов

Люблю! по-нашему!

Несколько опричников

Вот молодец!

Морозов

Спасибо, братцы, вам! Моя казна
И погреба к услугам вашим!.. Едем!
(Уносит княжну.)

Молодой Басманов

(опричникам, указывая на князя Жемчужного)

Смотрите, братцы, не забудьте гуся!
(Уходит. Опричники выводят князя и удаляются.
Девуцы остаются на своих местах как будто
окаменелые.)

Явление VI

Гридня в царских хоромх, в Александровской слободе. С правой стороны широкая скамья в виде кровати, покрытая персидским ковром; в изголовье шелковая подушка; у скамьи два складные стула; подле одного из них стоят гуси. С левой стороны один стул с высокою спинкою, узорочно-вызолоченною, и несколько складных стульев полукругом. На столе несколько серебряных стоп и кувшинов. Грозный, князь Афанасий Вяземский, Алексей Басманов, Малюта Скуратов и Бомелий. Все сидят, кроме Бомелия.

Грозный

Спасибо, Елисей! спасибо!.. люблю
Мне слушать о странах иных, где разум

Творит такие чудные дела;
Где человек — подобье Божие, не зверь;
Где царство — тело стройное, бояре —
О благе и красе родного края мыслят:
Не то, что наши земские — лишь им
Свои кисы набить да сесть за стол
На *место* старшее, да злом упиться!
И я когда-то помышлял страну
Свою на образец иных устроить;
И я в себе на то довольно слышал воли:
Какой-то дух во мне могучий говорил, —
Судебник и Казань его зачатки, —
Но этот дух, измученный жестоко
В борьбе с затронутой, лукавой стариной,
Восстал не на создание, — на смерть,
На разрушение... и не падет,
Пока в борьбе врага не одолеет!
Спасибо, Елисей! ступай на отдых.
(*Бомелий раскланявшись уходит.*)

Явление VII

Те же, кроме Бомелия, и Василий Грязный.

Василий Грязный

Бояре земские, советник Висковатов,
Да Федоров, бывлой конюший царский,
Да Митьков, очи ясные твои
Желают видеть.

Грозный

Все былые и былые!

Все сердобольцы о своих *местах*,
Печальники о старине своей,
Когда была им воля широка!
Зачем они пришли? Им мало казней
В Москве?.. Зови сюда!
(*Василий Грязный выходит.*)

Малюта мой,
Чай, не устал!.. Напрашиваются сами!
(*Василий Грязный возвращается с боярами.*)

Явление VIII *

Те же, Висковатов, Федоров и Митьков.
Прошедшие бояре падают Грозному в ноги.

Грозный
Зачем пожаловали?.. Встаньте!

Митьков
Заблудилась
Из стада нашего овца; попала
Она...

Грозный
(*перебивая его*)

К волкам, хотите вы сказать?..
Не к нам ли, агнцы смирные по шерсти?
Сюда, что ли, великопостные бояре?

Митьков
Сюда привел злой путь, не в стадо волчье,
Но в стаю... может быть и верных, псов.

Грозный
О ком же говоришь?.. Ясней, боярин!

Митьков
К тебе в опричники Андрей Морозов
Пошел.

Грозный
В слуги к Царю!

* История Государства Российского, Карамзина, том V, стр. 161.

Митьков

Служить он может
Тебе и в войске, как досель служил.
Один он сын у матери, одна
Опора и утеха ей. Отец!
Будь милостив, отдай его старушке.
Опричник по душе худой он будет;
И без того их много у тебя.
Дай матери закрыть глаза с той мыслью,
Что сын ничем свой род не опозорил.

Грозный

Ничем не опозорил?.. А опричник разве
У вас слывет бесчестным?..

Митьков

Виноват,
Великий господине всея Руси!
Зовут их удальцами и ворами,
Которым голову сложить, свою
Или чужую — все равно.

Грозный
(смеется)

Мне то и надо!
А вы хотели бы, чтобы овцами
Я вашими живот свой охранял?..
Морозова, коль хочет земским быть
Опять, я не вяжу: пускай мне скажет
Доволен ли?

Митьков

Пошли тебе Господь
И долгий век, и от сынов утеху!

Грозный

Не нужно мне благословений ваших:
А вы чего хотите?

Висковатов

Господине

Великий вся Русь! положил
На сердце нам Владыка наш небесный
Придти сюда и повесть рассказать
Тебе о сиротстве твоей земли.
Ты, может быть, ее еще не знаешь:
То будет повесть скорбная, не прогневись.

Грозный

Да что, послы вы от народа, что ли?

Висковатов

Что скажем мы, народ то говорит:
Ты в голосе моем его услышишь голос;
В моих слезах детей своих увидишь слезы.*

Грозный

Рассказывай; но уговор — не хныкать!

Висковатов

Покинул ты совсем, державный, нас,
Покинул нас, отец! Без пастыря как стадо,
Добыча легкая волков насытых,
Так бродим мы, конца бедам не зная.
Татары жгли нас и пленяли;
Татарский плен был легче: с нами был
Наш царь, с детьми отец их был, и слезы
Он осушал любви приветным взглядом,
И раны словом исцелял одним.

Федоров

Нам памятни нашествия Орды;
То нехристи, то злые басурмане!
Придут, и гонит их Господен лик,
Как след кровавый, уносимый ветром.
Но легче ли опричников твоих
Набеги, братьев, одноверцев наших?
Что час, мы ожидаем их с бедами,
С грозой, с наветами и грабежом;
И с пленом наших дочерей и с казнью.

Секира и метла не отдыхают...
И этими бедствиям конца не будет,
Пока не сжалишься, отец, над нами!

Грозный

Я вашу повесть слушал до конца.
Спасибо вам на добром слове! Жестко
Немножко, братцы, да зато правдиво!
Терпеть пришлось: народ ведь говорит!..
И я вас повестью потешу. Не взыщите,
Когда оближетесь полынью, а не медом.
Так искони: долг красен платежом.
Вы повесть от народа говорили,
А я свою народу говорю.
Кто, спрашиваю вас, виною этих
• Бед, этих казней, этого раздела
Отца с детьми? кто, спрашиваю вас?
Не вы ли сами, честные бояре?
Лишь только я умел владеть руками,
Вы приучили их рубить и сечь:
Младенца игры были только казни!
Вы тешились, когда собак и кошек
С крыльца высокого о камни разбивал;
Вы тешились и славили меня,
Когда державный отрок, будущий властитель,
Конем народ свой будущий давил.
Все это вы, бояре, пестуны мои!

Висковатов

Но чистый ток твоей души не скоро
Совет рабов лукавых помутит:
Не вдруг ты изменился. Вспомни:
Когда с своей супругой первой жил,
Два ангела тогда ходили по земле,
И провожали их везде благословенья.

Грозный

Да, было время!.. Может статься, Грозный
Без вас еще и был бы добрый царь.

(Задумывается.)

Тогда я правил милостью одною,

В совете и любви я жил с народом;
Но вы и тут пришли нас разделить.
Был день... ужасный день... об нем как вспомню,
Так дыбом волосы встают!.. Забыли?
Когда на смертном я одре лежал?
Без сил лежал, закрыты были очи;
Но чувств и памяти я не лишился.
О Господи! зачем не отнял их тогда?..
И слышал я, как верные бояре,
Друзья мои, еще живого ризы
На мне делили, над моим заветом,
Что только приняли из уст моих,
Ругались! На кресте их лобызання,
Еще их клятвы не остыли, а они
Уж клятвы крестные в ногах топтали!
И при одре моем — все слышал я —
Родного сына, кровь мою, венцом,
Не ими, Богом данным, обходили.
О! если б силы я тогда имел!
Вас всех бы я обнял и задушил бы разом!..
Вы этот день забыли, и теперь,
Крамольники, пришли меня судить
За то, что памяти я не лишился.
Тот день был *ваш*, и много было *ваших* дней;
Теперь пришли *мои*... Малюта! с глаз
Долой рабов, которые к суду
Владыку своего призывали! с глаз долой!
И чтобы не ходили по моей земле!

Висковатов

Опомнись, господине, разве мы
Участники в крамолах этих были?
Виновные уж казнены давно
И заслужили казнь. Достойному
Достойное твори.

Грозный

Одно вы тело,
Один вы дух: по речи вашей вижу!
Не поднялись ли и теперь вы на меня?..
Я знаю вас: лишь зло вы сеете на нивах!

Федоров

Пришел час воли Божьей: покоримся!
За истину мы рады умереть.
Награда за нее нас ждет иная!
Вели казнить детей своих, но помни:
Есть суд и над тобой! Придет тот суд,
Придет великий час, и в нашей крови
И в крови неповинной тьмы людей
Ты дашь ответ.

Висковатов

Последняя молитва
Твоих сынов, чтоб сердце обратил
Твое Господь на милость и добро.
Лишь в этом случае тебе желаем
И долгих и счастливых дней.

Грозный

(указывая на бояр)

Малюта!

Скуратов

За мной!

Висковатов и Федоров

Идем.

Висковатов

(Митькову)

Прощай, друг честный!

Митьков

Разве

Отстану я от вас?... Что вы сказали
Теперь царю, и я то повторяю.

Малюта уводит за собою Федорова и Висковатова.

Явление IX

Грозный, Алексей Басманов, Вяземский, Грязный и
Митьков.

Грозный

Ошибся! будешь жить! Еще ты нужен мне!
На расставанье выпьем-ка за упокой
Бояр смиренных... Иоанна... Иоанна... *
(Не позабыв бы в синодик занести)
Скорее круговую чару нам.

Алексей Басманов наливает стопу и подает ее Грозному. Грозный отпивает из нее и передает Вяземскому и так далее доходит она до Митькова.

Пей, очередь твоя!

Митьков

Не пью! Из этой чары
Кровь братьев через край бежит. **

Грозный

Так пей ты с ними чашу смертную!
Казнить его, крамольника, с другими.

Митьков

Пока меня Господь к себе не призвал,
Дозволь к тебе последнее моление:
Будь верен слову своему... отдай
Морозова старушке матери... За то
Я там... молиться буду за тебя!

По знаку Грозного, опричники уводят Митькова.

* Ивана Висковатова и Ивана Федорова.

** См. - История Государства Российского Карамзина, том XI, стр. 169.

Явление X

Грозный и Вяземский

Вяземский

А что? я говорил. Морозов
Худой опричник будет по душе?
Его печальник сам сказал...

Грозный

Да, слышал.

Вяземский

От матери не отрекался, плакал!
И клятва-то насильная была!
Он земского боярина ведь сын...
(*Грозный задумывается.*)
(*Про себя*). Пожалуй, молодец нас отобьет:
Лиха беда ему втереться в милость.

Грозный

Морозова старушка здесь?

Вяземский

В *Неволе*.*

Грозный

Покрепче запереть, пока скажу дать волю.
Когда приедет сын, сказать ему,
Что воротилась в стольный град. Об казни
Бояр молчать до времени. Афоня!
Сыграй умненько это... Испытаем!
Устал я, спать хочу! Слепцов ко мне!

Вяземский уходит.

* Слобода близ Александровской.

Явление XI

Грозный

(один, стоит несколько минут в раздумье, потом падает на колени и молится, ударяя себя в грудь)

О Господи! вынь душу грешную из тела:
Хотел бы выплакать ее, да не смогу
(Услышав приход слепцов, крадется к скамейке и ложится на нее.)

Явление XII

Грозный и два слепца. Один несет с собою гусли.

Первый слепец

Будь нам вожатаем, Господь!

Второй слепец

Он умудряет и слепцов
(Сделав несколько шагов, хватается себя за голову.)
Паук на темя мне упал. К добру!

Первый слепец

Ты, братец, без того меня счастливей:
Тебе всегда копейку лишнюю дают.

Грозный

Все таковы! Господь очей лишил,
А тут из паука готовы в драку!
(Слепцы садятся около него, на пол.)

Первый слепец

Какую ж говорить?

Грозный

Какую хочешь,
Лишь бы на этот мир похожа не была.

Первый слепец

«Жар-птицу» я тебе вчера не досказал.

Грозный

Мне сказка эта не по нраву.
Рассказывай другой.

Второй слепец

В некотором царстве, в некотором государстве, а имени ему нет и конца ему нет, жил был царь Вахром, а было у того царя два лика: одним все бы встречал солнышко с восхода, другим все бы провожал на ночлег; а едал он не калачи пшеничные, не блины заварные; что ни день приносили ему, Вахрому, по младенцу от груди матери: все были его родные дети. Проглачивал их словно горошенку, да похваливал, да брюшко поглаживал. А запивал он свой кус не вином заморским, не медами сладкими, а кровью человеческой...

Грозный

И эта сказка не по нраву мне.
Все кровь да кровь: довольно и не в сказке!
(*Печально*). Сыграй-ка лучше на гусях;
Давидову мне песнь сыграй — авось засну.

Второй слепец садится и играет на гусях духовную песнь; Грозный засыпает.

Первый слепец

(*прислушиваясь, толкает второго клюкой*)

Заснул...

Оба встают, берут друг друга за руку и осторожно удаляются.

Второй слепец

Спи под мечом небесных сил!
Хоть на часок бы отдохнул народ! (*Уходят.*)

ДЕЙСТВИЕ V

В Александровской слободе.

Явление I

Влево часть царских хором с крытыми узорочными переходами, из которых сходит лестница. Направо разные строения. Далее караульня, и от нее рогатка поперек дороги: при ней стражею — стрельцы.

Вдали поле и слободка Неволя.

Морозов

(прохаживаясь у крыльца)

Велели дожидаться здесь, пока
Князь Вяземский придет... Долга же песнь!
(Немного погодя.)
Достал ее!.. и что же на душе
Не легче: тот же камень, только что
Перевалил на сторону другую.
Какими страшными путями добыл! будто
Сам сатана работал для меня! *(Немного погодя.)*
Чего мне стоило беречь дорогой,
Чтоб речь иль взгляд не осквернили
Мое сокровище, мой ненаглядный цвет!
Бывало, робких слов любви краснела;
А тут... Едва до драки не дошло
Из-за нее... Противно даже имя ей
Опричника... а я опричник сам!
С венцом ей это имя навяжу,
Во цвете лет убью ее позором,
Иль семя злое с ней размножу на Руси!..
О Господи! когда бы встал из гроба
Отец мой, и теперь меня увидел!
Что скажет мать?.. Проклятье, может быть!

Князь Гвоздев

(проходит мимо Морозова)

Держи остро ты ухо... берегись! *(Уходит.)*

Морозов

(про себя)

Бережись? Хоть шут, слова его не мимо идут!

Явление II

Морозов и Вяземский.

Вяземский

Здорово... *брат*, сказать еще не смею.

Морозов

А почему ж?

Вяземский

Ну, мало ли какие
Дела творятся в мире... Каково
Ты съездил?

Морозов

Хорошо.

Вяземский

Привез ли ты
Невесту, спрашивать не надо:
Зачем поедет *наш*, то и добудет.

Морозов

Привез. А ты не знаешь ли, где мать
Моя находится?

Вяземский

Ты шутишь?

Морозов

Какие шутки!

Вяземский

Разве с ней нигде
Не повстречался?

Морозов

Нет.

Вяземский

Чуть зоренька
Вчера зарделась, в одноколке чудной
Помчали мать твою... гнедые кони, с белой
Отметиной на лбу?

Морозов

Нет, не видал.

Куда ж?

Вяземский

К тебе навстречу. Митьков,
Молчан Семеныч, с ней сидел.

Морозов

(про себя)

Зачем же Митьков?..

Ума не приложу!

Вяземский

Они лесами

Поехали.

Морозов

А мы, как на беду,
Большой дорогою... Басманов вздумал!..

Вяземский

Вы, словно, с ней играете в гулячки!
Она сюда дорогой Троицкой, а ты
В Москву окольною; она лесами
Нырнула в стольный, ты махнул полями.
Не обошел ли вас уж лесовик?

Морозов

Что делала здесь? что говорила?
Здорова ли?

Вяземский

Так весела сударка,
Хоть руки в боки!

Морозов

Отчего же?.. Разве
Иван Васильевич дозволил ей
Увидеть очи царские свои?

Вяземский

Нет, Митьков от нее и от себя
Челом ему ударил... Хочешь знать
О чем? (*У окна показывается Грозный и,
незамеченный Морозовым, вскоре скрывается.*)

Морозов

Прошу тебя, скажи.

Вяземский

Нет, братец,
Все будешь знать, состаришься скоренько!
Покуда это тайна.

Морозов

Я — опричник,
И ты не должен от меня таить.

Вяземский

Опричник?.. Да надолго ли еще?
Бог знает!

Морозов

Ради Бога, не томи.
Ума лишишься от твоей загадки.

Вяземский

Язык мне Грозный привязал... Спрошу
Я только: если б кто тебя присягу
Опричникам нарушить поневолил?

Морозов

Я клятву дал... хоть сатане бы дал,
Под острыми мечами не нарушу.

Вяземский

Но если б разрешил тебя сам царь?

Грозный показывается в переходах невидимо для Морозова.

Морозов

О! дело то иное!.. с радостью!

Вяземский

Могу еще промолвить... чур меня не выдать?..

Морозов

Клянусь!

Вяземский

(*озираясь*)

Просила мать твоя уволить
Тебя из братства нашего...

Морозов

Кого?

Вяземский

Царя, вестимо! через Митькова.

Морозов

Что ж царь?

Вяземский

Веселая в Москву мать поскакала...
Ни слова более! Он скажет сам.

Морозов

(*вне себя*)

Когда бы так!.. Когда б Господь услышал
Молитву матери!.. Наталья, мать моя!
Опять я буду ваш! опять все братья мне!

В земле отца возрадуются кости!
Опять мне волей сладкою дышать!
Жемчужный, и тебя прижму тогда
Я к сердцу своему!.. (*Вяземскому.*) Но я безумец,
Как малое дитя, тебе поверил.
Ты, может быть, хотел меня изведать,
Хотел лишь посмеяться надо мной?
Смотри же! не пройдет смех даром!

Явление III

Те же и Грозный.

Грозный

Нет,
Морозов! (*При этом слове Морозов бледнеет
и дрожит.*)

Смеху нет тут никакого!
Когда опричником тебе остаться
По праву не пришлось, тебя я разрешаю
От клятвы: слово царское я дал
Уж Митькову и матери твоей,
И слово царское здесь повторяю.
(*Сходит на лестницу.*)

Морозов
(*упадая ему в ноги*)

Не за себя, за мать благодарю!
Воздаст тебе на небесах Отец.
Вели, я брошусь за тебя в огонь!.. Нет жертвы,
Которой не принес бы я тебе...

Грозный
(*смеется*)

Давно я это слышал, и не раз!
Твои слова — речь детская. Заутро...
Что говорю, заутро?.. не приспееет
Еще полночи час, иное скажешь,
Голубчик!.. Мы, однако ж, испытаем!
Опричником ты добывал невесту:

Опричником води ее к венцу.
Хочу, чтоб нынче свадьбу здесь сыграли,
Покуда ты еще мой, слободской слуга:
А там идти на все четыре волен! (*Уходит.*)

Явление IV

Морозов и Вяземский.

Вяземский

Ну, что, солгал?

Морозов

Дай мне опомниться.

Когда б солнышко поворотилось
Назад, меня бы так не одурило!
Чем мне благодарить тебя? Проси
Казны моей.

Вяземский

Не надо нам... Казной
Мы царскою богаты. Не все из корысти!
Хотел лишь услужить...

Морозов

Спасибо, друг!
Пойду, обрадую Наталью. (*Про себя.*) Только
Смотри, не забывать, Морозов! нынче
Еще опричник ты!.. (*Вслух.*) О Господи!
Во сне иль наяву все это вижу? (*Уходит.*)

Явление V

Вяземский

(*один*)

Вот простыня! стели на ней что хочешь!
Отпущен молодец... Не знает разве он,

Опричника лишь смерть уволить может?
И то сказать, для Грозного закона нет!
Чем кончатся затеи... поглядим. (*Уходит.*)

Явление VI

Гридня в одной из царских хором.

Морозов, Наталья Морозова (бывшая княжна Жемчужная), князь Жемчужный, Алексей Басманов, князь Афанасий Вяземский. Несколько опричников с женами, составляющие свадебный поезд, в том числе мать посаженная Наталья и чашник. Весь свадебный поезд сидит за столом; на столе огромный каравай; пудовая свеча стоит в кадке с ячменем у конца стола. Пированье только в начале. Чашник обходит гостей по свадебному чину.

Вяземский

(*взяв стопу, которую подносит ему чашник*)

Жить в здравии и счастье новобрачной
Чете, и свадьбу внуков ей увидеть!
(*Чашнику.*) Неполно налил, чашник, доливай:
А то благополучие неполно. (*Чашник доливает.*)

Морозов

И так мое благополучие неполно:
Нет матери со мной, и мне благословенья
Не достает!.. еще нет одного,
Кто радости моей виновник первый;
И этих двух отлучников довольно,
Чтобы наш праздник не совсем был светел.

Алексей Басманов

Андрей Петрович, не взыщи: едва
Из стремени сын вынул ногу, царь
Потребовал его к себе и с тайным словом
Послал куда-то.

Вяземский

Фряжское, кажись,
Вино из царских погребов, а горьковато —

Не худо подсладить.
(*Выпивает; между тем новобрачные целуются.*)

Морозов
(*тихо Наталье*).

Когда же
Ты задушевные слова мне скажешь,
Что обещала?

Наталья
(*пожимая ему руку, тихо*)

Подожди, мой свет!

Алексей Басманов
(*приняв стопу от чаши*)

Не стариться бы вам сто лет, да столько же
Цветным бы платьям вашим не носиться;
Коням бы добрым устали не знать,
И бочкам в погребах не осушаться!
Жемчуг бы вам лукошками считать
И серебро лопатой загребать! (*Выпивает.*)
Вино хулить нельзя, а воля ваша,
Горчит на дне. (*Новобрачные целуются.*)

Морозов
(*Наталье тихо*)

Пускай бы отравили
Полынью целый погреб, сотом губ твоих
Могла бы подсластить!

Наталья
(*тихо*)

Когда б ты ведал,
Что у меня в душе!.. Горит так жарко,
Как будто солнышко играет в ней!

Морозов
(*тихо*)

Скорей, скорей конец бы пиروванию!
Скорей последние бы сбросить пути!..
О! не дождусь конца обрядам этим!..

Старый опричник

Да что сыр молодой на блюде,
Да что мед сладкой с кардамоном,
Что зелено вино с шафраном,
Вам жить да поживать в совете и любви. (*Пьет.*)

Молодой опричник

Роди ты сына сокола,
Чтоб личиком он был в тебя,
Отвагою и разумом в отца!
Дай Бог опричника нам удалца!

Наталья

(*тихо*)

О Господи! помилуй от беды
(*Прижимаясь к мужу.*)
Ты не опричник, нет? скажи еще.

Морозов

(*тихо*)

Лишь пированье кончится, я волен,
Как птица вольная на небе — улетим
С тобой в свои края. Сам царь сказал;
А слово царское не мимо идет,
Что Божие.

Наталья

(*тихо*)

Я жду и не дождусь
Конца твоей неволи. И теперь
Еще не верю счастьем своему.

Один из опричников

(*отпив из стопы*)

И это нужно подсластить.

Морозов

Слышишь?

(*Целует Наталью.*)

Так поцелую этому поверь.

Вяземский, вслушавшись в последнюю речь, опрокидывает солоницу.

Алексей Басманов

Ахти! что сделал ты, князь Афанасий?

Вяземский

Беда какая! солоницу опрокинул.

Жены опричников

Ахти!.. ахти!.. Попутал грех лукавый!..

Не миновать беды!.. О Господи!

Лишь обойди ты нас!.. Меня помилуй!

Наталья

(Морозову)

Лишь на тебя не пала б черна доля!

А я теперь довольно пожила.

Явление VII

Те же и молодой Басманов.

Морозов

(увидев Басманова)

На счастье, не на беду проруха!

Молодой Басманов

(схватив его за руку и увлекая из-за стола в сторону)

Пируешь ты и прохлаждаешься,

И без ума от поцелуев сладких;

А над собой грозы не чаешь вовсе?

Сбирается! Страшнее эта

Всех гроз, которые ты испытал.

И ты, ты, неразумный, сам ее накликал.

Морозов

Я?.. чем?.. не понимаю.

Наталья

(отцу)

Не дослышу,

Что страшно так он говорит. Лицо
Его ужасно... побледнел Андрей Петрович.

Молодой Басманов

Как малое дитя, лукавому поверил,
А тот подвел тебя в тенета прямо...
Все слышал царь, что ты ни говорил.

Морозов

Я знаю сам... и шибко испугался,
Когда царя увидел над собой.
Очами грозными сожжет, я думал;
Напротив, милостью меня взыскал,
Мне из опричников дает свободу.

Молодой Басманов озирается и отводит его далее.

Алексей Басманов

Дрожит мой сын... недаром этот задрожит:
Беда немалая грозит кому-то.

Вяземский

(*гофдо*)

Я знаю лишь про то, да знает царь.

Алексей Басманов

Но, видно, сын тебя поболе знает.

Молодой Басманов

Ты с радостью отрекся?.. Неразумный!
Хоть полукавил бы немного! Нет,
Ты клятву только что сказал царю:
Служить опричником и ей не изменять;
Опричники тебе лишь только возвратили
Твое добро, невесту, честь: ты в миг
Один все это позабыл!.. И не таков,
Как Грозный наш, будь я на месте этом,
Тебя б не пощадил!.. Но царь щадит...
Не спрашивай за что... довольно, что щадит.
И голова твоя еще на плечах!
Но слушай, слушай... слово роковое.

Оно последнее; в нем жизнь и смерть
Твоя. И говорит тебе его
Басманов... помни, тот, кого ты спас
От плена и позора.

Морозов

Говори.

Что можно сделать, сделаю; обиды
Лишь чести не было б ничьей. Ты знаешь
Меня.

Молодой Басманов

Эх! случаи бывают в жизни:
Казаться может сгоряча обидой
И то, что сущий вздор... Иной раз едешь
Лугами по заре, и путь коню,
Разлившись широко, заставил ток:
Подъедешь ближе — пар туманный!

Морозов

Говори же.

Молодой Басманов

Послушайся меня!.. Опричник ты еще,
Опричник, связанный и клятвой грозной,
И благодарностью, и царской волей;
Так покорись!.. Яснее говорить
Тебе не смею... Сделал я свое,
А там свое твори! Ты не дитя!
(Горько.) Теперь и я примусь за пированье!
(Садится за стол на место, которое ему дают
Вяземский и Алексей Басманов. Морозов в раздумье
сидится на свое.)
Скорее, чашник, мне стопу такую,
Чтобы в ней поместилось все вино,
Что нынче выпито у вас.
(Чашник подает ему огромную стопу.)

Вяземский

Один...

Два... три... четыре... десять.... и тринадцать!
Теперь тринадцать нас сидит!

Алексей Басманов

Тринадцать?..

Несколько голосов

Ровнехонько!.. тринадцать!.. Быть беде!..

Вяземский

На чью-то голову падет?

Молодой Басманов

Так на свою

Накликал, вещий ворон!

(Выкидывает его из-за стола чрез скамейку.)

Вяземский

(вставая)

Берегись,

Чтобы на голову не пало шептуна.

(Все в страхе встают из-за стола, кроме Морозова и Натальи; она крепко прижимается к нему.)

Явление VIII

Те же и Василий Грязный

Василий Грязный

(кланяясь на три стороны)

Беседе честной низко кланяюсь;

А новобрачным трижды три поклона.

Им долго жить и деток народить,

Чтобы в хороминах тесненько было

И шумно, словно в улье матером.

Морозов

Благодарю, неожиданный гость! На пир

Или по делу к нам пожаловал?

Василий Грязный

По делу,

Андрей Петрович, от царя. Ему сказали

О красоте супружницы твоей:
Ее он хочет видеть.

Морозов

Да такой
Она во сне не ждала благодати!..
Мать с гордостью о том детям расскажет.
Когда же?

Василий Грязный

Сейчас, со мной.

Морозов

(берет Наталью за руку)

Пойдем.

Василий Грязный

Одну ее он хочет видеть.

Морозов

Без меня?..

Василий Грязный

Одну, лишь с посаженной матерью.

Морозов

Одну?.. Не в басурманской мы живем земле!..
Одна?.. И я иду: Бог сочетал,
Не разлучает человек!

Василий Грязный

Тебе

Не приказал.

Морозов

Не слушаю!

Молодой Басманов

(отводя его в сторону)

Останься;

Он только хочет испытать тебя.
Послушайся меня ты, ради Бога!
(*Морозов задумывается.*)

Посаженная мать
(*Наталье*)

Что ж ты, голубушка?.. Ведь не простой зовет!

Наталья

Андрей Петрович, не оставь меня;
Ты знаешь сам опричников закон.

Морозов
(*возвратившись к Наталье*)

Все... други, недруги... все в заговоре!
Хотя бы мать пришла и запрещаала
Идти, идем!

Наталья

С тобою — хоть на смерть!

Так пусть велят нас разлучить мечами!

Вяземский
(*про себя*)

Дай, забегу вперед, скажу, что оба
Царя приказ не ставят ни во что. (*Уходит.*)

Явление IX

Те же, Морозов и Захарьевна

Морозова

Где ж он?..

Андрюша!.. Ты ль, родной?.. Ох, ты опричник!
(*Падает без чувств в объятия сына; между тем
Грязный и другие опричники увлекают Наталью;
свадебный поезд расходится.*)

Наталья

А!.. помоги!.. спаси, Андрей Петрович!

Явление X

Морозов, Морозова, Захарьевна и князь
Жемчужный.

Морозов

О Господи! не умерла ль она?
*(С помощью Жемчужного, кладет мать
на скамейку к столу и старается привести
ее в чувство.)*

Захарьевна

Была все в заключеньи, лишь теперь,
По милости своей, Басманов молодой
Освободил. Ведь не пила, не ела
Уж сколько суток!.. Может быть, с того
И приключилось ей...

Морозов

(плачет над матерью, потом, придя в себя, озирается)

Чей крик я слышал?

Просила помощи?.. Наталья где?..
Мать умирает! увели Наталью!..
Иду! *(Жемчужному.)* Передаю тебе ее,
Живую или мертвую. Прощай!
Во всяком случае, в родной земле,
В святой Москве нас схорони!..
Прощай!

Явление XI

Те же кроме Морозова.

Князь Жемчужный

(прикладывая руку к вискам, сердцу Морозовой)

Уж, кажется, не оживет голубка!

Дай, унесем ее в опочивальню.
(*Уносит с Захарьевной Морозову.*)
(*Про себя.*) Не вижу никакой беды!.. Все блажь.
Чтобы послушаться нас, стариков!

Явление XII

Царские хоромы с крытыми переходами, из которых сходит лестница. Вдали церковь. Ночь; полная луна и несколько фонарей в руках опричников освещают предметы.

Грозный, Вяземский, оба Басманова, Скуратов, Василий Грязный, Наталья, посаженная мать и несколько опричников. Наталью Морозову ведут Василий Грязный и опричники, они останавливаются у крыльца при виде Грозного.

Грязный

Остановитесь здесь!.. Голубке сизой
На время, братья, развяжите крылья.
(*Оглядывает Морозову.*)
Такой красоты, нечего сказать,
В свой век не видел — лакомый кусок...
Как будто слеплена из первоснега
И облита зарею Божьей!.. Жаль!..
Не припадет дитя к ее груди —
Увянуть суждено в пустынной келье!
Парчу и шелк заменит власяница,
Сбежит румянец с щек, потухнет взгляд,
И на устах, как мак пунцовый ныне,
Земля могильная наляжет вскоре.

Наталья Морозова

Что Господом моим мне суждено,
Того и ты, владыка, не изменишь.

Грозный

И дьяк не лучше бы тебя сказал!..
Теперь Морозова ко мне подайте.

Явление XIII и последнее

Морозов

Я сам иду на суд твой, господине!

Грозный

Не я, закон рассудит нас с тобой!
Ты помнишь ли, когда сюда пришел,
Вязал ли я тебя, тебя ль неволил,
Служить опрличине я ль вынуждал?

Морозов

Я сам пришел и клятву добровольно
В безумье произнес.— Могу ль забыть?
До гробовой доски клеймом позорным
На сердце выжжена она!..

Грозный

Но прежде, чем
Ты поклялся во имя Господа
И страшных сил Его, грехом обмана
Я ль душу постыдил свою? — Коль можешь,
Так уличи меня!

Морозов

Против тебя
Ни сердце, ни уста упрека не находят.

Грозный

Что я сказал тогда тебе?

Морозов

Что если
Обет нарушу, с головой прошусь;
Не выручат ни други, ни заслуги,
Не скроюся ни под полой твоей,
Ни в храме Божьем не найду защиты.

Грозный

Так верно помнишь ты мои слова,

Как будто бы читал, помилуй, Боже!
Потом?..

Морозов

Пока давал обет я, братья
Прикрыли голову мою ножами
В залог того, что не задумается меч
Снести ее, лишь только мысль измены
Родится в ней.

Грозный

Что ж далее?

Морозов

Вели

Снести ее!..

Грозный

Не я, ты сам свой суд
Изрек.

Морозов

Приспел мой час; прощай, Наталья!
У Бога свидимся... Опричины — там нет!
(Обнимает Наталью.)

Грозный

Опричники! еще не прокричал нам петел
Часа полночного, а он — изменник дважды!
Вы видели, двух малых испытаний,
И тех не снес: какой же он опричник?..
Вы слышали? над вами насмеялся
И бросил мне в лицо, владыке своему,
Обидное и равному сомненье...
Теперь с ним вольны делать по закону!..
(Уходит.)

Малюта Скуратов, Вяземский, Грязный, Алексей Басманов и
прочие опричники, кроме молодого Басманова, бросааясь на
Морозова, поражают его ножами.

Изменник он!.. Умри!.. Умри, изменник!

Молодой Басманов стоит в отдалении, закрыв глаза руками.

Наталья Морозова

(бросается к мужу и попадает под нож Грязного)

Нет, не расстанусь я с тобой!

Грязный

Злодейка!

Сама под нож как ловко подвернулась!..

Наталья Морозова

Благодарю, Господь!.. Ты сочетал

Нас на земле... и там...

Морозов

Прими... обоих вместе!

ХРИСТИЕРН II И ГУСТАВ ВАЗА

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК В 4-Х АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Христиерн II, король датский, прозванный Нероном севера.

Елисавета, дочь его.

Густав Эриксон Ваза.

Матильда, мать его.

Магнус Мундс, правитель Ютландии.

Оттон Крумпен, полководец.

Магнус Гойе, начальник замка.

Барон Ландсель, королевский секретарь.

Баронесса Ландсель, жена его, гофмейстерина
при Елисавете.

Гаральд, молодой шут королевский.

Эрик, паж.

Родериг, пестун Густава, немой.

Рудольф, сокольник.

Офицер.

Гонец.

Служитель придворный.

Солдаты, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й.

Рыцари, дамы и охотники.

Действие происходит в начале XVI-го столетия, в Ютландии, в королевском замке и в окрестностях его.

АКТ I

Явление I

Комната во дворце Христиерна. Из окна видно море. В стороне стол с прибором для письма. Полдень

Христиерн и Эрик. Христиерн дремлет, лежа в глубоких креслах; у ног его сидит Эрик и слегка, по временам, трет ему ногу.

Эрик *

(Прекрасная, завидная судьба!
Ровесники мои теперь гуляют,
Где вздумалось, свободные, как ветер,
Который на конях ретивых обгоняют.
Как перья шлемов их волнуются приятно!
Как солнце в золотой броне горит!
От топота коней стонает поле;
Копыта их взрывают мураву
И мечут с нею стыд в ряды отставших).
Рудольф, Иоган, из вас кто победитель?
(Печально качая головой.)
Конечно, бедный Эрик, уж не ты!

Христиерн
(пробуждаясь)

Что, что за крик?.. Не возмущенье ль?
Не посягают ли на жизнь мою?
Кто смел?.. Меня... помазанника Бога?

Эрик

Спокоен будь... заснул было я сам
И закричал во сне...

Христиерн

Когда я сплю,
На страже ты, мой верный паж!

* Речь, включенная между знаком (), означает сказанное про себя, в сторону.

Ты знаешь, я тебе вверю
Жизнь драгоценную царя и с ней народа.
Со мною ты, так я спокоен, и опять
Могу вздремнуть. Три ночи и три дня
Глаз не смыкал.
(*Закрывает глаза.*)

Эрик

(И даже помечтать
О счастье не дает! Спи, злой старик,
Ведь только и часов у твоего народа
Без страха, без ярма, пока ты спишь.
(*Немного погодя.*)
Да, милые друзья, теперь на воле
Отвагу юности пытаете вы в играх
И жизнью тешитесь, а кто и посчастливей,
Против врагов отечества со славой
Переломил копье уж не одно.
А я — невольник... я судьбой назначен
В сиделки, в нянюшки к больному старику;
Тру ноги той рукой, которая должна
Смирять коней, мечом отцов владеть;
Бужу последние я искры жизни
На гибель тысячей, той жизни,
Которую б хотел сам задушить.
Прекрасная, завидная судьба!
(*Немного погодя.*)
Я про отечество как будто молвил?
Отечество! да где ж оно для сироты,
Который ни отца, ни матери не знал,
Не знает места, где родился?)
(*Плачет.*)

Христиерн

(*не открывая глаз, ищет чего-то рукою*)

Где ты, мое дитя? дай голову свою.
Вот так... Как мягок шелк твоих волос!
Как пальцам в них блуждать приятно!

Эрик

(Зачем на голове мой каждый волос
В змею не обратится, чтоб тебя,
Злодея, столько раз на смерть ужалить,
Сколько ты совершил злодейств!)

Христиерн
(открывая глаза)

Нет, не могу заснуть: все он в глазах
Мерещется в моей короне и порфире.
Как нагло на меня глядел мятежник!
Как дерзко мне с усмешкой погрозил!
Не я, Густав властителем казался.
Нет, не засну, пока живой иль мертвый,
В цепях не явится передо мной
Крамольный Швед.

В окно взгляни-ка, Эрик,
Не едет ли корабль от шведских берегов?
Ты молод... зоркий глаз с усердьем вместе
Далеко видят.

Эрик
(смотря в окно)

Нет, я ничего не вижу;
Валы одни бегут по синеве пустыни,
Все ту же без конца неволи тянут песнь.
(Постой, помучаю его). Однако ж
Взмахнул крылом как будто белый парус.

Христиерн

Когда бы он?... Заступница, Бригитта!
Будь ласкова, дохни попутный ветер
И приведи корабль мой драгоценный;
Устрою новый храм я в честь твою.

Эрик

Вот ближе... Нет, мой верный глаз предатель,
Мне пену вод за парус показал.

Христиерн

Как, Небо, ты ко мне сурово!
Тебя ль молением не утомлял?

Эрик

Опять... как будто холст ветрил надулся,
Как будто иглы мачт пронзают воздух!
Ах! я обманут... виноват:
То чаек пестрая семья,
Качаясь на синем гребне волн,
Печально выкликает бурю.

Христиерн

Вещун негодный! бурю?.. лжешь!
Да знаешь ли, что голова моя,
Что мой венец у этих вод в залоге?
Да знаешь ли, что море это
Несет сокровище, которое не купишь
На золото ганзейского союза?
Когда бы не любил тебя так много,
Я вырвал бы глаза у злого вещуна.

Эрик

Давно пора!

Христиерн

Вот ты уж и надулся,
Мое дитя, мой баловень негодный!
Поди ко мне...

Эрик подходит к королю; этот дает ему поцеловать свою руку

и скрепим мировую.

Кто скажет, отчего так Эрика люблю!
Хотел бы я подчас тебя и пожурить,
Да в сердце гнев спешит тотчас улечься.

Эрик

У вас есть дочь: поберегите
Любовь свою и ласки для нее.

Христиерн

Щенок слепой, тебе ль учить меня,
Кому их расточать я должен!

Явление II

Те же и Гаральд.

Гаральд

Вести!

Бесценны вести, мой король бесценный!
Что дашь за них?

Христиерн

Торгаш всегда товар
Показывает свой, а там и цену
Запрашивает он.

Гаральд

А если знает,
Что покупатель таков, что может все
Забрать, и пфеннига не заплатя?

Христиерн

И может за утай велеть повесить!

Гаральд

Каков купец! упрямый похоронит
В земле товар. Сокровище-товар!
Горя желанием иметь его,
Святых мольбой и данью утомляли;
В тревоге дни, без сна все ночи проводили.

Христиерн

Не может быть, что ты... нет, эту весть
Мне пушки пасть расскажет, не твоя.

Гаральд

Та будет медная, теперь моя
Покажется тебе за золотую.

Христиерн
(бросая ему кошелек)

На, вот твои уста озолотить!
Но если дашь не то, что ожидаю,
Велю тебя соломою набить.

Гаральд

Не я один, покорный твой слуга,—
Твои три королевства знают,
Как обещания ты держишь верно;
И потому спешу скорее к делу.
По должности моей шныряя там,
Где люди есть, где только есть язык,
Чтоб усладить твой слух на сон грядущий,
И наконец концов наскучив слышать
Одно и то ж, что все тебя боятся,
А любят лишь лазутчики твои...

Христиерн

Да кто ж им, дуракам, сказал, что я
Любви червей презренных добиваюсь,
Которых задавить могу ногой!
Потом?.. скорей!

Гаральд

Я на берег морской
В раздумье том стопы мои направил,
Что может быть там ловлею потешусь
Такой, какая мне и в жизнь не удавалась.
Как в руку сон: гляжу — челнок волна
Волне передает, то пеной надуваясь,
То золотым стеклом смиренно расстилаясь,
И шасть ко мне, к моим-таки ногам.
«Что шлет-то мне Один?» — подумал я,
И с этим словом прыг из лодки.
Рыбак, не молодых, не старых лет,
Пал на колена, стал творить молитву,
И так молился горячо, что слезы
Струями по лицу его бежали.
На мой вопрос, откуда и за что

Он так усердно молится, рыбак
Мне рассказал, что буря занесла
Его далече к шведским берегам,
И что на родину теперь он возвратился;
А что он видел, слышал там, лишь вспомнить,
Так дыбом волосы на голове встают.

Христиерн

Ну, говори скорей, что видел?

Гаральд

(скидая дурацкую шапку)

Во-первых, видел он Густава Эриксона
В цепях...

Христиерн

(Благодаренье вышним силам!..

Он мой). В цепях, сказал ты? где и как?

Гаральд

Когда его на твой корабль сажали.

Христиерн

Да подлинно ль то был Густав, не кто другой?
Быть может, рыболов и обманулся.

Гаральд

Вопрос я тот же сделал рыбаку.
«Меж тысячи узнаешь Эриксона,—
Он отвечал,— высок, пригож, умилен
И сановит, как вождь небесных сил;
Лишь взглянет раз, не позабудешь взгляда
Того и в час, как станешь умирать.
Меж стражи, в узах, он царем казался;
Народ, и стар и мал, за ним стекался;
Кто обнимал его колена, кто
Детей грудных просил благословить,
Когда же на корабль взошел, рыданья
Стояли в воздухе, и берег застонал,
Как будто бы отца в могилу опускали».

Христиерн

Он мой — мой, наконец! (Пусть провожают,
А встречи ждут на свете разве там!)
Куда ж корабль девался?

Гаральд

Буря злая

Его было в объятья увлекла;
Да вырвался от жарких поцелуев
Иосиф наш, и у Борнгольма
Стал в целомудренной тиши.

Христиерн

(грозя пальцем)

Смотрите

Вы, сладкие историки героя,
Чтобы к заре истории конец
Был довершен у здешних берегов;
Не то доскажете...

Гаральд

А если буря?

Христиерн

Молитесь, усерднее молитесь,
Чтоб бури не было: ведь это ваше дело!
Надеюсь, рыбака...

Гаральд

Как водится схватили

И, вероятно, допросили

И, вероятно, засадили,

Пускай себе поет в тиши ночной:

Где ж лучше жить, как не на родине святой!

Христиерн

(Он дерзок, но надежней дерзость эта,
Чем лезть коварная моих баронов).
Какие ж ужасы тебе он рассказал?
Я их досель, мой милый, не слыхал.

Гаральд

Бельмо-то на глазу Густав, во-первых,
И надо снять его: был член
Другой с огнём антоновым: заразу
Мог сильно в теле он распространить:
Отец Густава, знаешь, Эрик буйный —
Его в отечестве любили *слишком!* —
Зарезан Эрик. Все, что его
Держалось жилочкой родства иль дружбы,
Мечом посечено и брошено собакам.
Был вредный член — язык Густава дядьки,
Который мог про операцию эту
Невыгодно шепнуть Густаву — вон!
А человек, немой, за эту милость
Купил себе блаженство жить в тюрьме
При господине...

Эрик

Вот герой, венцов достойный!
(*Христиерн молча смотрит на него сурово.*)

Гаральд

Безделица! в тюрьме великого Христьерна!
Не шведская вонючая тюрьма!
И словом, говорят, была такая
Резня, что кровь по улицам лилась.
По крайней мере, слышал так рыбак
Везде, где не было кому подслушать.

Христиерн

Все хорошо; да только я немых
До смерти не люблю.

Гаральд

Что бы тебе
Когда мне дать такое порученье?
Как весело должно в крови купаться!
Смерть хочется порезать; так рука
И просится на нож. Не веришь ты?
Вели спросить у поваров своих:

Что день, то душу каплуна в Валгаллу
Переселяю я — и мудрено ль?
Ведь, говорят, отец мой был мясник.
Да вот и комендант.

Явление III

Те же и начальник замка.

Начальник замка

Тебе известно,
Должно быть, государь, что пойман важный.

Христиерн

Да, важный вестовщик. Надеюсь, он
Допрошен?

Начальник замка

Вот допрос, который счастье
Имею положить к стопам твоим.
(*Подает бумагу.*)

Христиерн
(*прочитав ее*)

Одно и то же! показанья верны.
Благодарю, мой шут, ты не солгал.

Гаральд

Когда я лгу! При древних божествах
Оракула вернее не бывало.
Еще не то увидишь (подшучу
Когда-нибудь, что ад и небо захохочут).

Христиерн
(*начальнику замка*)

Откуда ветер?

Начальник замка

Север напирает

Его на нас.

Христиерн

Я не люблю таких
Иносказаний. Север напирает?
На Данию? Пока я жив, природа
И люди севера несут ей дань.
Но Бог простит, ты старый мне слуга
И верный.

Начальник замка

Языком могу и ошибиться,
Но не рукой и верностью к тебе.

Христиерн

И потому *вам* пленника вручаю,
Какого Дании не снилося во сне.
Важнее он приобретения флота,
Открытья рудников, текущих златом;
Столицу б на него мою сменил.
Для встречи с ним вся, вся она в огни
Потешные должна бы нарядиться.
Знай, Дания! теперь я коронуюсь;
Теперь лишь только тверд венец
На голове моей: теперь три королевства
У ног моих лежат Ваш, сударь, пленник
Развенчанный король. Да, да, я говорю!
Он не был им, но Швеции надежды
И сердце он держал в руках своих
Сильнее может быть меня; ее владыки!
Не даром называл ее *своей*!
Не даром кровь хранилась в нем царей!

Эрик

(Кто не велит тебе в сердцах народа
Свою власть основать!)

Христиерн

(*подозвав рукой начальника замка, тихо ему*)

В цепях он будет —

Я цепи, может быть, с него сниму;
Свободу, может статься, дам ему,

Но помни твердо, что свобода эта
Должна быть крепче стен гробовых; сетью
Невидимой надзора окружить
Его ты должен; сквозь нее чтоб пуще
Всего ни звук, ни черточка, ни знак
О Швеции его не пробрались:
Храни Господь! В помощники тебе
Даю Гаральда; он лукав, пронырлив
И верен мне. Повсюду вход ему
Средь бела дня и в черный час духов;
Как тать, пусть в душу вкрадется Густава;
Не только слово, мысль его пусть ловит;
Как тень, везде за ним!.. Не позабудь, смотри,
Твой пленник Эриксон. Меня ты знаешь?
Казнить и награждать Христыерн умеет;
А рыбаку на шею камень... понял?

Н а ч а л ь н и к з а м к а

Не отступя на волос, выполняю
Я твой приказ: надейся на меня.

Х р и с т и е р н
(*громко*)

Смерть, смерть тому, кто выронит хоть слово
Об Эриксоновом отце, кто лишь
Произнесет его хотя в бреду горячки,
Хоть шепотом об нем во сне промолвит!

Слышен со стороны моря выстрел из пушки.

Ба! слышишь, гром к моим словам печать
Свою кладет. (Ага, условный знак!)

Г а р а л ь д
(*смотря в окно*)

Стрелой летит корабль под датским флагом.

Х р и с т и е р н

Раз!.. (Господи, скорей дополни
Меж смертью и жизнью промежутки!)

Не вырвись, сердце, из груди:
Не дай ты слабому составу разорваться!)
(*Слышен выстрел.*)
Другой!.. (Благополучно!.. отдыхаю).

Гаральд

Вот к замку пристаёт.

Христиерн

За мной победа!

И... (*слышен еще выстрел*) третий!.. Господа, идите.
Что ж вы стали?

Идите поскорей встречать его.
Густав прибыл... ведь он породы Вазы!
Вся Дания кричи со мной: виват!
Друзья, усыпьте его путь цветами! (*Опомнясь.*)
Безумный!.. скройте вы мое безумье
В молчаньи замогильном... слышите,
Все вы, которые ему внимали!

Начальник замка, Гаральд и Эрик
(*вместе*).

Слышим.

Христиерн

А ты (*подзывает начальника замка и отдает
ему шепотом приказание*)
Распорядись, как я сказал.

Начальник замка уходит.

Явление IV

Христиерн, Оттон Крумпен, барон Ландсель, Эрик
и Гаральд.

Барон Ландсель
(*забегая вперед*)

Твой преданный слуга тебя с победой
Спешит поздравить — счастлив я, что первый...

Христиерн

Благодарю! ты в радостях моих
Всегда участник искренний; надеюсь,
И в черный день равно...

Барон Ландсель

Молитвы миллионов,
Любовь и преданность твоих детей
Стеною адамантовой тебя
От всех бед хранят, а если б... Боже!
От мысли лишь одной кровь в сердце стынет...
По трупам моему дойдут они...

Христиерн

(обращаясь к Оттону Крумпену)

Спасибо!

Сто раз спасибо! ты доставил мне
Такую голову, которой нет
Цены в моих трех королевствах.

Оттон Крумпен

Счастлив, исполнив твой приказ священный!

Христиерн

Хоть ты не удивил меня — уверен
Заранее я был, что ты исполнишь все,
Что долг и преданность тебе велят —
Но я, я удивить тебя хочу.
*(Подзывает Ландселя и дает ему шепотом приказание;
Ландсель садится за письменный стол. Оттону
Крумпену.)*
Что Швеция? спокойно ль было там,
Как ты отбыл?

Оттон Крумпен

Ручаюсь головой,
Спокойно в городах, как на погосте;
Не вскрикнет более мятежный голос,
Не выглянет наверх уж ни одна
Вершина гордая. Мечом провел,
Как уровнем, хоть шаром покати.

Что начал ты, с епископом — я кончил *.
Но, государь, тебе донести обязан:
В горах, куда мой меч не проникал,
Куда ни золото, ни власть святая
Епископа, ни самый голос твой
Могучий не найдут путей, — в горах,
Я говорю, еще гнездо таится
Разбойников, воспитанных Густавом;
И лишь дойдет до них, что жизнь его
В опасности, все горы разом встанут
И, ощерившись родным железом,
Пойдут на нас.

Христиерн

Смешно!.. Кто? рудокопы?

Чернь жалкая, день в день живущая работой —
Какой еще? в земной утробе, где
Век света Божьего ты не увидишь;
Где голоса отсюда не услышишь;
Кроты, которые боятся днем
На землю выползти?.. Смешно, ей-богу!
Признайтесь, вы усердем пылким вашим
Из этих нищих полк сформировали
Скоренько... Вот, я вижу, легион
С ломами, с вилами, идет на нас,
И веют уж лохмотьев их знамена!

Оттон Крумпен

Есть слух...

Христиерн

Бумага есть, надеюсь?

Оттон Крумпен

Удалиться

Шуту и пажу прикажи.

Христиерн

Останьтесь!

В дому моем чужих распоряжений

* Архиепископ лунденский, Теодор.

Я не терплю, вы знаете давно. (*С сердцем.*)
Бумагу, сударь?
(*Оттон Крумпен подает бумагу.*)

Христиерн

А! пора бы вздумать!
(*Читая бумагу.*)

Ну так, я отгадал!.. Чернь любит сказки,
Один болтнул, другой прибавил, наконец
Горошинка становится горой.
Про Эрика что ни сказали — вздор!
Он жив, как я, свидетелем тому
Письмо, которое он сыну написал,
Заложником его пересылая.
А пестун глупый — поделом язык
Ему отрезали: меня ругал!
Знать, рыбаку хотелось поживиться
В воде, его словами возмущенной!
(*Продолжает читать.*)

Гаральд

(*тихо Эрику*)

Тоненько! да не проведешь ты нас:
На хитреца всегда хитрец найдется.
Обман, обман, хоть обернись сто раз!

Христиерн

Еще благодарю тебя. Оттон.
(*Ландселью.*)
Ну, что, готово ли?

Ландсель

Несу.

(*Подносит королю на бархатной подушке бумагу
и подает перо.*)

Христиерн

(*подписав бумагу, отдает Оттону Крумпену*)

Теперь

С тобой бумагами мы поменялись:
Прочти.

Оттон Крумпен

Глазам ли верить? командорство
И на год пошлины с пролива Зунда!
(*Становится на колени перед королем и целует
у него руку.*)

Гаральд
(*Эрику тихо*)

Кто знает, этот год продлится ли неделю?

Христиерн
(*дает знак Ландселю, чтобы он скинул с Крумпена золотую
цепь, и, когда это исполнено, снимает с себя орден Слона и на-
девает на полководца*)

Вот цепь еще, связать ей должно память
Заслуг твоих и благодарности моей.

Оттон Крумпен

Нет слов в устах, все сердце захватило.

Христиерн
(*дает ему знак, чтобы он встал*)

Хочу, чтобы мои со мною веселились:
Тебе, Ландсель, норвежский лучший рудник.

Ландсель

Твои слова мне рудник золотой.

Христиерн
(*держа цепь Оттонову*)

А эту цепь...

Ландсель
(*принимая ее*)

На Эрика надеть
Прикажешь?

Христиерн
Хорошо.

О т т о К р у м п е н

(И то прекрасно!

С меня на мальчика!)

Эрик

(отталкивая цепь, которую хочет надеть на него Ландсель)

За что же мне?

В великих подвигах участником не был

Твой бедный паж, твоя сиделка.

Мне ль цепь, когда меча носить не смею?

Скорее пальцы мне; скорей иглу,

Шелки, чтоб этих подвигов узоры

На память будущим векам изобразить.

Л а н д с е л ь

Опомнись.

Христиерн

Брось, брось, он другой дождется цепи!

Теперь с детьми возиться нам не время;

Хочу великого Густава видеть.

(Удаляется, за ним Эрик и Ландсель; Оттон Крумпен выходит в другие двери.)

Явление V

Г а р а л ь д

(один)

Он счастлив... А! настал мой час. Все в дело!

Ум, хитрость и любовь и мщенье... Мщенье!

Подай мне силу льва и злобу тигра,

И взгляд орла глубокий мне подай.

И вы, о мать моя, о мой отец,

Чета прекрасная, земли венец,

Лишенные злодеем жизни, чести,

Всего, что лучшего на свете только есть.

С небесной высоты пошлите помощь мне:

За вас уж настает святой час мести.

Явление VI

Сцена представляет небольшой двор на берегу моря, между зданиями королевского замка, которые оканчиваются башнями, выдающимися в море; среди левого крыла зданий виден сход из дворца, среди правого крыла — ворота. Вечер, солнце на закате.

Густав, с цепями на руках, Родериг и стража.

Густав

И вот опять на датской мы земле!
Два года, ровно два, как я здесь был.
Тогда я приезжал не так, как ныне,
Невольником, в цепях, залогом жалким
Покою жалкого моей отчизны;
Я приезжал тогда послом от ней,
Христьерну самому едва не равный,
С челом возвышенным и речью смелой.
Тогда и ты, Ютландии краса,
Чудесное сиянье полуночи,
Какого не видал отвеса Север,
Кидала на меня лучи свои;
Тогда, роскошный цвет, в снегах рожденный,
Чтоб дивом быть снегов, души своей
Ты посылала мне благоуханье.
Прочь память этих дней! все, все прошло;
Елисавета — дочь тирана...
Все бич его кровавым залил следом.
(*Немного погодя.*)
Но разве я теперь не так же счастлив?
О мать моя, тебе несу свободу;
Надел я эту цепь, чтоб снять твою;
Купил я ею жизнь отцу, тебе могилу
Под небом севера благословенным.
(*Прохаживается по двору, заглядывая
в окна зданий*)
Где ж мать?.. В которой же из этих башен
В неволе дни влачит?.. где мне искать ее,
Скажи мне, сердце; пусть на твой призыв
Откликнется она!.. Нет встречи, нет привета;
Отзыва не дает знакомый голос!
Молчание, как в гробе... Тс! тише, сердце;

Замри на этот миг... Мне показалось,
Тень у окна знакомая мелькнула...

Матильда показывается у окна

Явление VII

Те же и Матильда.

Густав

О, Боже! ты ль, родная?

Матильда

(протягивая к нему руки сквозь решетку)

А! .. сын мой!.. дорогой
Мой, милый, обними меня.. Железо,
Везде железо!.. не смогу.. а то б
Я бросилась к тебе... И ты здесь,
Мой верный Родериг?
*(Родериг старается знаками изъяснить
свою преданность.)*

Густав

Хоть издали

Пошли ты мне свое благословенье

Матильда

(вглядываясь в него)

В цепях ты?.. Нет благословенья!
(Скрывается.)

Явление VIII

Те же, кроме Матильды, и Гаральд.

Гаральд

(кривляясь, кланяется Густаву)

Герой полуночи, которого так имя
По всей подсолнечной гремит, позволь
Приветствовать тебя с великой западной.

Г у с т а в

Прочь, шут!

Г а р а л ь д

Что лучше, быть предметом шутки,
Или шутить? орлом в железной клетке,
Или насмешницей сорокой на свободе?

Г у с т а в

Прочь, говорю, и в клетке у орла
Есть клюв и когти.

Г а р а л ь д

Жаль! и те бедняжки
Так шуткой скованы, что разве я,
Да, я их разорвать могу.

Г у с т а в

Христиерн

К цепям послал и это униженье!

Г а р а л ь д

Вот видите, король шутить изволит;
А если эта блажь им в голову придет,
Так голове чужой порядком достается.

Родериг показывает руками на облик свой и потом взорами
на Гаральда.

Г у с т а в

(*тихо Родеригу*)

Да, смелый, умный вид и добрый — редкость
Здесь, при дворе Христьерна.

Родериг делает ему еще знаки, показывая на башню.

Г у с т а в

Понимаю!

Как капли две воды Кронсгельм, тот самый,
Что с башни этой (*указывает на одну из башен*)
сброшен, а жена,

Красавица, в позор вовлечена
Насильственно. Была она ведь Шведка
И роду нашего. Исчахла
Несчастная!.. Был сын у них... неужли шут?

Гаральд

Вглядися в шутку, каяться не будешь;
Скорлупку разгрызи — найдешь ядро.
(*Убегает в сторону.*)

Густав
(*Родеригу*)

Какое чудное он впечатление
Оставил; объяснить не можно. Шут!
А между тем неведомая сила
Меня к нему влечет. Не тайна ль крови?

Явление IX

У всех окон и на балконах показываются дамы и рыцари; у одного окна — Елисавета: увидав Густава, она закрывает глаза платком и на время удаляется; в продолжение явления показываются и уходят разные лица

Густав

Лишь этого еще не доставало!
О Господи, какое унижение!
Смотри, Христьерн, тебе оплатит Небо.
(*Ландсель проходит по сцене.*)

Густав
(*останавливая его*)

Эй, господин! стоять я долго ль буду
У этого позорного столба?
Найдется ль хоть один между рабами,
Который королю сказать бы смел,
Что я заложник, не преступник,
Что стыд ему — меня позорить, стыд!
Бесчестие не мне в плену — ему, владыке.

Ландсель

Я ничего не знаю, ничего
Не слышу.

Густав

Так тебя давно я знаю!
Стой здесь ты, деревянный столб,
(*накладывает на плечо его руку*)
И унижению служи опорой,
Пока его не придут снять с меня.
А вы, честные рыцари и дамы, (*кланяется*).
Пред вами я на суд Христьерна вызываю.
За жизнь отца и матери свободу,
За тишину страны моей родной,
Я отдался заложником Христьерну:
Свободно отдался — свободен должен быть.
Меж королем и мной на то условие
Его, епископа великим словом
И государственной печатью скреплено.
Теперь вы видите, я предстою
Унижен, оскорблен, в железа скован.
Где слово рыцаря? не говорю,
Где слово короля, великое, святое,
Залог народной правоты и чести?
Не я, Христьерн условие раздирает.
(*Немного погода.*)
Молчите, рыцари?.. Ужели слово
Бойтесь произнести за дело чести?
(*Слышен ропот.*)

Елисавета

(*показываясь у окна*)

Когда молчат защитники ее,
За благородных дам я отвечаю.
Густаву Вазе цепи не позор:
Он долг исполнил свой, как паладин.

Густав

Благодарю.

Баронесса Ландсель
Что делаешь, принцесса?
Мятежник он.

Елисавета
Достойному
Плачу достойное.

Матильда
(показываясь у решетки)
Позор Христьерну!
Начальник замка
Густава Эриксона к королю.

По этому призыву все дамы и рыцари скрываются.
Густав
В цепях я не пойду.

Начальник замка
Изволит ждать.
Густав
Хоть вечность целую прождать изволит.
Ландсель
Мне в церемонью...

Густав
Церемонься здесь.
Эрик
(прибегая, с восторгом)
Снять цепи приказал.

Начальник замка скидает цепь; Эрик помогает ему.

Густав
(вырвав ее из рук начальника замка, бросает в море,
как мячик)
Теперь иду.

Эрик

(схватив руку Густава, хочет поцеловать ее)

Дай руку мне поцеловать свою.

Густав

У пленника? за что?

Эрик

За доблести

Твои.

Густав

И ты, ты казни не боишься?

Эрик

Боюсь я одних постыдных дел.

Густав

(обнимая его)

Так обними меня; всегда привет
У сердца моего найдет высокий подвиг
Как звать тебя, прекрасный юноша?

Эрик

Без роду сироте прозвания нет.

Густав

Заслужишь ты его, конечно, скоро:
Пророчу я тебе. Хоть имя мне
Свое скажи.

Эрик

Мне имя Эрик.

Густав

С отцом моим — одно ты носишь, друг!
Отныне имена я эти вместе
Соединю в груди моей.
(Обращаясь к окружающим его.)

Так есть
Еще и здесь прямое благородство
(Уходит, за ним Эрик и начальник замка.)

Гаральд
Виват! (Каков воспитанничек мой!)

Явление X

Ландсель, Гаральд, Родериг и солдаты.

Ландсель
(потирая себе плечо)
Железная рука!

Гаральд
Да, говорят,
Ему убить медведя, все равно,
Что муху нам; а задавить осла...
Сравните, господин: вы сами голова
Ведь умная, тра-ла, тра-ла, ла-ла!

Ландсель уходит.

Явление XI

Гаральд, Родериг и солдаты.

Гаральд
(Родеригу, уходящему на дворцовую лестницу, тихо)
Я знаю все... зарезан Эрик... в сыне
Кронсгельма Эриксон найдет слугу.
Девиз наш: мщенье. До свиданья, друг!
(Убегает к солдатам.
Родериг смотрит на него с изумлением,
всплеснув руками, и удаляется.)

Один из солдат
(Гаральду)

Позвольте вас спросить —
Сиятельный или барон,
Как вас назвать, не знаем —
Ведь к королю вы близки, —
Какая вышла нам
Награда за труды,
Что привезли Густава?

Гаральд
(показывая палец)
По шишу! (Убегает.)

Другой солдат
Черт поberi, невелика пожива!

Третий
А молвит правду-матку,
Ведь принца шведского куда как жаль!
Вот, добрая душа!

Четвертый
Словечко бросит — подарит;
Не то, что Христхен наш — глядит сычом:
Не тем он будь помянут!
(Уходит.)

Гаральд
(показываясь из сеней)
Теперь все заняты приемом Эриксона:
Миг дорог... (Бросает камешек, завернутый в бумагу,
сквозь решетку Матильдина окна.)

Полетай ты, роковая,
И раздери кровавую повязку
С очей, злодейством ослепленных.
Так, видно, Бог в своем совете повелел,
Чтоб избранник его моей рукой владел;
Лишь только он сюда, уж духи мщенья
Ему через меня готовят путь спасенья.

АКТ II

Явление I

Сцена в приемной зале дворца; вечер; освещение.

Христиерн и Елисавета. Сидят в креслах на некотором возвышении; за ними рыцари и дамы, между коими барон и баронесса Ландсель; Густав Ваза входит сопровождаемый начальником замка и Эриком, вскоре и Гаральд.

Христиерн

Добро пожаловать! король трех королевств
Приветствует тебя.

Густав

(обращаясь к рыцарям)

Кому из вас

Его величество приветствие дарит?

Христиерн

Тебе, Густаву Эриксону Вазе.

Густав

Мне? мне, с которого ярмо лишь сняли,
Которого шаг первый на земле
Христьерна был означен униженьем?
Стрелу в вола покорного вонзили
И, болию его чтоб потешаться,
Кругом собрали зрителей наемных:
Теперь цветами жертву убирают;
Но крови не унять из-под них!

Христиерн

Винюсь, меж нами были счеты,
Которые очистить надо было.
Теперь, Густав, с тобою по квитались,
И старое вино мы новым заменим.
Сюда поближе, к стороне сердечной.
(Указывает ему на место с левой стороны.)

Густав

Где я? опомниться я не могу.

Христиерн

Так ты нейдешь на дружеский мой зов?
Гордец! король твой сам к тебе подходит
(*Приближаясь к Густаву.*)
И руку подает тебе в знак мира.
Ну, руку мне!

Густав

Не троньте, государь,
Еще не стерлось с ней клеймо железа.

Христиерн

Король рукой своей клеймо стирает,
И кто осмелится тебе напомнить,
Что цепи ты когда-нибудь носил,
Поймет тот бремя их.

Густав

(*становится на одно колено и целует у него руку*)

Невольню покоряюсь:

Ты за орудие такое взялся,
Какому и враги противиться не смеют.

Христиерн

(*сидясь*)

Елисавета, руку дорогому гостю!

Елисавета

(*подает Густаву руку*)

От сердца мой привет.

Густав

(*целует у ней руку, став на одно колено*)

(Бальзам чудесный,
Каких глубоких ран не заживишь!)

Христиерн

Когда б я долее на сердце зло держал,
Напомнил бы тебе, как дочь, забыв
Родителя святое приказанье
И стыд девичий, воздала тебе
Дань должную средь рыцарей и дам.
Я, я, отец, не оскорбился этим;
Напротив,— дочери хвалю к тебе вниманье.
Не скрылось также от меня, что паж
Какой-то горячо уж слишком встретил
Тебя, Густав... Другому, не Христьерну,
Он поплатился б головой своей.

Густав

Еще благодарю, мой государь!

Христиерн

Теперь ты гость наш, не заложник,
И гостю угодить душой мы рады.
Воспитан ты в горах; охота
Была тебе любимой забавой
Из детства, и лесов мохнатый житель
Не раз под богатырскою рукой
Твоею, издыхая, прославлял
Густава Вазы силу и искусство.
Моя Елисавета — также
Не юга дочь: смирять коней ретивых,
Стрелой оленей метко догонять
И сокола пускать искусно в небо
Рука ее привыкла — вот тебе
Товарищ для охоты; если ты
Не будешь помнить зла.

Густав

Забыто все,
Все, кроме клятв, запечатленных честью
Моей и честью короля Христьерна.
Теперь позволь мне, государь, исполнить
Священный долг: мать ждет меня давно;

Спешу ей дать и сына, и свободу,
И вести об отце моем.

Христиерн

Так скоро!

Когда своим разбитым членам от тревог
Стихии грозной не дал отдохнуть?
Когда и ум и сердце не успели
Опомниться от стольких треволнений,
Тебя так долго искушавших?

Густав

К суровостям стихий привыкли члены
Мои от малах лет; судьбы же ласки
Еще меня досель не баловали:
Так неге мне теперь ли предаваться?
Когда поставлен ратник на часы,
Сойдет ли с них за тем,
Что дождик бьет его, иль он устал?

Христиерн

По крайней мере, мать твою, старушку
Больную, хилую, предупредить
Нам должно бы; нечаянность убить
Бедняжку может... право, подожди
До завтра, добрый друг!

Густав

Она в цепях

Меня уж видела, чего же боле!

Христиерн

Подходит ночь.

Густав

Что ночь, что день, любовь
В подобных случаях не разбирает.

Христиерн

Старушка сну давно, чай, предалася.

Густав

Неужли прогневится мать, когда
Ее разбудит сын свиданья поцелуем?

Христиерн

Сдаюся; волен делать здесь, что хочешь.
Но виноват, ее предупредить я должен:
В подобных случаях любовь безумна!
(*Говорит на ухо Ландселью.*)
Ночь добрая, Густав!

Елисавета посылает ему поклон рукой. Густав удаляется, за ним начальник замка; Христиерн дает знак окружающим его, все удаляются, кроме Елисаветы и баронессы Ландсель.

Явление II

Христиерн, Елисавета и баронесса Ландсель.

Христиерн
(*Елисавете, взяв ее руку*)

Хотел бы помощи твоей просить.

Елисавета

Ты можешь приказать мне, государь!

Христиерн

Вот видишь, щекотливы могут быть
Для слуха твоего мои слова;
Но, думать надо, не противны сердцу
Они... по крайней мере, я привык
К той мысли, что взаимность чувств
Тебя соединяет... с Эриксоном...
И, если не ошибся, с той поры,
Как он послом от Шведов был у нас...
Два года уж тому... Неравнодушной
Тебя и ныне видел... Ты молчишь?

Елисавета

Когда отец прочел в душе моей, не смею
Я долее скрываться от него.
Но сердцу пишу мне зачем давать?
К чему?... Заложник он, едва не пленник...

Христиерн

Кто знает, Промысл сам к чему его готовит!
Он пленник ныне — завтра царь... Я хил,
Наследника прямого не имею,
И... остальное можешь ты понять.

Елисавета

Что ж делать я должна?

Христиерн

Прямая дурочка!

Скажи яснее... чары красоты,
Ума, любезности... взгляд кстати и улыбку,
Словечко впору... ведь вы так искусны,
Когда пленять захочете... природа
Тебя так щедро наделила!
Все хитро расточай перед Густавом,
Чтоб пленника мне крепче привязать.

Елисавета

Тебе?... отец мой!.. И ты, ты решился
Сказать мне это?... Чтоб Елисавета
Унизилась до роли площадной
Прелестницы?... Когда ты хочешь знать.
Люблю его, люблю в нем благородство,
Возвышенность души и вкрадчивость ума,
И ту суровую красу лица,
Которым дочери Севера не смеют
Противиться. Любовь его — мне жизнь,
Свет солнца, воздух, все, чем жизнь красна;
Но я хочу в любви свободы — волен он
Меня любить и не любить; счастливой
Я чту себя, что взоры он и сердце
На мне остановил; ему принадлежать,
Иль Богу — вот обет души моей!

Но чарами своими не хочу
Я счастья своего купить.

Христиерн

Довольно!

Прими слова мои за испытанье,
За тайное предчувствие отца,
Идущее навстречу счастью
Любимой дочери.

Елисавета

Благодарю.

Христиерн

Благодарю?.. Однако я ж за это
Упрек от дочки заслужил!.. Отец
С своими кровными уж должен притворяться;
Меж царственных забот и дум, слова
В беседах от души, с своей семьей,
На грани взвешивать, как бы аптекарь;
Заботиться, чтобы на те алмазы,
Которыми он дочь дарит, пылинка
Не пала как-нибудь,— дыханьем их
Не потемнить!

Елисавета

Простите, государь!

Христиерн

Лишь из любви к тебе хотел сказать,
Что, право, не мешало навести
В речах без смысла ясного... Никто
Не говорит, чтоб ты сама навстречу
Сердечных объяснений шла, чтобы
Ты возбуждала их... король Христиерн
И без твоих напоминаний детских
Падет ли до того, чтоб в торг постыдный
Родную дочь пустить?

Елисавета

Благодарю.

Христиерн

Не говорю, чтоб ты, но если он
Начнет тебе намеком изъясняться,
Помочь ему... Любовники бывают
Так иногда застенчивы и робки...
Ты в душу брось ему... что я, я сам...
Когда бы память он прошедших дел
Забросил навсегда и верен мне
По смерть мою остался... намекни,
Что руку я твою отдам из всех
Друзей вернейшему...

Елисавета

Благодарю.

Христиерн

Благодарю! благодарю! Нет слов
Других, неблагодарная девчонка?..
Смотри, не каяться!..
(*Дает знак, чтоб она удалилась; Елисавета,
сделав глубокий поклон, уходит.*)

Вот простодушье,
Достойное золотого века! (*Баронессе.*) Эй!

Баронесса, которая шла было за Елисаветою, подходит к королю.

Ты слышала — я так и говорил,
Чтоб слышала — и поняла меня:
Ты уж не девочка в восемнадцать лет
И от меня уроков не попросишь.
Свободу полную им для свиданий!
Посматривай, следи и доноси.
Но не мешай...

Баронесса Ландсель

Уверен будь, исполню:
Не первый раз в любви мне мастерить.
(*Уходит.*)

Явление III

Христиерн
(один)

Тяжелый день, довольно поработал!
Все силы, все способности души,
Как груды камней, исполински поднял разом
И Эрика труп ими завалил.
Какой титан из-под громады этой
Его откроет?.. Спи до радостного утра!
Оледеневших рук уж не прострешь
Ты к моему венцу. Я властвую один!..
Пора награду мне — хоть эту ночь
Спокойный сон. (*Зовет в свисток, и потом
немного погодя.*)

Усну ли? ныне день
Екатеринин; ровно в полночь, ровно
Тринадцать лет, как умерла она.
Что ж душу мне мутишь, о лик прекрасный?
Исполнил я обет, у гроба данный:
Устроил счастье детей твоих,
И Эрик, сын наш, мой любимец.
Чего ему я не прощаю для тебя!

Явление IV

Христиерн, Эрик и Гаральд.

Христиерн

Поди, раздень меня, мой милый Эрик;
А после вы, с Гаральдом, будьте здесь,
И мой покой до первого луча
Посторожите, я прошу вас, дети!
На вас одних моя почиет жизнь
И безопасность: да, лишь вам одним
Могу я ввериться.. а там, повыше,
За ржавый гвоздь меня продать готовы.
Для развлечения в полночный час
Займитесь шахматной игрой: но только

Прошу не говорить: мат королю!
Вы можете привыкнуть... неприлично...

Гаральд

Мы будем говорить: мат первой шашке!

Христиерн

Лишь только до зари, мои друзья;
А там идите спать себе хотя на креслах
Моих.

Гаральд

Уж нам ли не беречь тебя!
Мы золотом твоим и ласками богаты.

Христиерн уходит, за ним Эрик.

Явление V

Гаральд

(один, ставит шахматный стол и к нему два стула.)

Вот глубина лукавства — пропасть
Бездонная, куда и Вельзевулу
Ужасно заглянуть!.. Нашла, однако ж,
Коса на камень; он искусно строит,
А я еще искусней разрушаю
Недаром я воспитан иезуитом!..
Увидим, чья возьмет!.. Расставим шашки,
И в таинство игры введем мы друга.

Явление VI

Гаральд и Эрик

Гаральд

Итак, уверен ты, что я не шут.

Эрик

Что ты шута личину только носишь;
А то бы мог ли я тебя любить!

Г а р а л ь д

*(посмотрев в замочную скважину двери, чрез которую вышел
король, и прислушавшись у ней)*

Злодей устал! спит в первый раз спокойно.
(Оба садятся за шахматный стол.)

Э р и к

Святое слово ты мне дал; пора исполнить:
Удобней времени нам не найти.

Г а р а л ь д

Готов... приличный час!.. Так слушай повесть
Ужасных дел. Не удивит тебя
Она — ты здесь довольно дел кровавых
Свидетелем уж был. И не хитра!
Как всем насилие начало, а конец
Безвестный гроб на дне морской пучины.
Не любопытству льстить я твоему хочу,
Не потешать тебя хитросплетенной сказкой —
Найдешь и без меня искусных краснобаев —
Но с кровию твоей беседовать хочу.
Не слухом, — нет, чем только бьется жизнь,
Ты должен мне внимать; хочу, чтоб мне
Наградой был из сердца крик глубокий,
Крик ворона над трупом жертвы, стон
Земли, когда она живых извергнет гробы.
(Эрик подвигает к нему стул.)
Но, прежде чем начну, ты поклянись
Мне прахом матери, что волю ты мою
Исполнишь так же свято, как бы мать
Сама тебе ее передавала.

Э р и к

Клянусь.

Г а р а л ь д

Что без меня ты не приступишь
К развязке никакой; что ты не только делом,
Иль, словом, даже взглядом не выронишь
Намека одного о тайне роковой.

Эрик

Клянусь.

Гаральд

Так начинаю.. скоро полночь...
Екатеринин день!.. Забуди, где ты,
Кого ты слушаешь: молись — мы в храме,
И этот храм сукном подернут черным,
И в этом храме гроб стоит...

Молись!..

Под белой пеленой в нем мать твоя лежит.

Эрик

О, Господи! благослови ее!
Прострите, ангелы, над ней крыле свои!

Гаральд

(немного погодя)

Ей имена даны: Екатерина,
Кронсгельм по муже, по рождению Ваза.
Была она зари весенней краше,
И лилии белее, непорочней
Была ее душа; — добра, как агнец,
На помощь ближнему стрелы быстрее.
И выбрала она по сердцу друга,
И сердце отдала ему с рукой.
Спроси ты всякого, кто знал Кронсгельма,
И скажут все, что генерал Кронсгельм
Достоин был ее по всем правам.
Восторгами любви часы они считали.
Счастливая! знать, возбудила зависть
Ты Неба самого. Христиерн увидел
Екатерину — и... желаньем воспалился.
Власть, почести, услуги, злато, страх, —
Все, все испытано, что мог он испытать;
Ничто не помогло. Но Христиерна ль
Страстям когда преграды знать? Похитил
Он мать твою, и лилия стопой

Порочною осквернена, и агнец,
Испив насильственно из ядовитых струй,
В страданиях жизнь кончил...

Эрик

А отец?

Гаральд

Отец?.. Еще задолго до того
Против насилия последний крик его
В морской пучине заглушен

Эрик

О, Господи! и жив еще злодей!
Нож, нож!
(Ищет орудия на себе и на Гаральде и не найдя.)
Нет ничего!.. Обломком стула...
Подушкой...

Гаральд

(закрывая ему рот рукою и удерживая его)

Тише, тише, ты разбудишь
Его.

Эрик

Да, разбужу, чтоб смерть
Ужаснее лицом к лицу он видел...

Гаральд

Безумный! стоит лишь — удар шнурка,
И стража явится скорее мысли.
Хотя б успел?.. зачем?.. он должен жить:
Я требую того... ты мне клялся.

Эрик

Клялся безумный!.. да!
(Плачет, потом немного погодя.)
И не было кому
Позора матери досель отмстить!

Гаральд

Был сын у ней еще... Гаральд: я — старший,
А ты — меньшей.

Эрик

И ты, ты столько лет
Жизнь маешь на земле, ешь, пьешь и — шутишь?

Гаральд

Шучу!.. шучу, любезный брат!..
Да мало этого, я забавляю
Убийцу матери моей, отца,
Когда печален он, гоню печаль
С чела, изрытого злодейской думой;
Служу ему лазутчиком, слугой,
Какого он вернее не имел;
И более — его хранитель — гений,
Смотрю за ним я неусыпным оком,
Как за детей своим, чтобы убийцы нож
Его на праздниках народных не коснулся,
Чтоб яду не подсыпали ему
На тайных оргиях, в любимое вино:
Все сам я пробую сперва... Шучу,
Любезный!.. но пора придет — развязка шутке!
Он должен жить, я говорю,
И будет долго жить, пока Господь
Не позовет его к суду другому.
Уж близок грозный срок — покуда тайна —
И жизнь ему тошнее будет смерти.
Беду он эту и во сне не видит.
Все помыслы, все бытие его
Теперь устремлены, как плен Густава
Упрочить навсегда: а там.. куют
На самого железа вечные.
Но чтобы силы разделить злодея,
Чтоб жертвой лакомой развлечь его,
Скорей дадим свободу Эриксону —
На этих днях... тем лучше, чем скорей,
Пока лукавый упоен счастливым
Успехом замыслов своих лукавых,

Пока не родилися подозренья.
Ты будешь помогать... не спрашивай,
Где, как и чем; узнаешь, время будет.

Эрик

Готов исполнить все, хоть в ад вели
Сойти, чтобы достать орудья мести.

Гаральд

Теперь я расскажу тебе, где был я
По смерти матери, и от кого
Узнал я тайну нашего семейства.
Короток мой рассказ: к монахам отдан,
И там воспитан был у иезуита.
Духовника он матери был друг
И, искушению когда прошла пора,
Он рассказал мне все, что слышал ты.
Тогда же в сердце зароилось мщенье;
Рука моя не раз кинжал точила;
Но я, лукавством искушен, другой
Искусней и вернее план придумал.
Христьерн шутов любил: я сделался шутом,
И скоро шутками обитель возмутил.
Ютландии правитель, Магнусь Мундс,
Меня увидел... полюбил, увез,
Пристроил у себя, направил к цели...
И наконец Христьерну подарил.
Три года здесь...

Эрик

Неужели он не знает,
Что ты Кронсгельма сын?

Гаральд

Проникнул тотчас,
Меня ж ни в чем не подозревает он.
Что до тебя, безвестный сирота,
Воспитан королем, пошел ты в гору
И у руки его стоишь, любимый паж!

Эрик

Недаром я его возненавидел.

Гаральд

Вот все... Да, да, я позабыл сказать,
Был сын у них, отвергнутый законом.

Эрик

Где ж он?

Гаральд

Быть может, первый детский крик
Его в полночный час был задушен
Наемною рукой злодея; может быть,
И видела одна луна, как ангел смерти
На зеркале холодных вод писал
Таинственный свой круг... Мир мертвым!
(На башне бьет полночь.)
Полночный час!.. Святой, великий час!
В последний раз, когда ее я видел,
Под белой пеленой она в гробу лежала.
Как хороша была с венком на голове
Из белых роз!

Эрик

Кто?

Гаральд

Мать! улыбкой мертвых губ,
Казалось мне, со мной еще хотела
Беседовать...

Эрик

Пахнул откуда ветер!

Гаральд

Затворены все двери, и никто
Не смеет в этот час...

Эрик

Мне страшно что-то;
Мороз меня насквозь проникнул.
(*Им чудится тень матери.*)

Гаральд

Боже!

Она.

Эрик

Она?.. Тень милая, помедли!

Гаральд

Прости, что мы встревожили твой прах,
И дай благословенье нам, родная!

Слышен крик из отделения, где находится король.

Явление VII

Те же и Христиерн.

Христиерн

(*прибегая, бледный, в иступлении*)

Екатерина, сжался!.. Дети, о скажите,
Что вы счастливы... Ради Бога.
(*Гаральд и Эрик, обнявшись одной рукой,
закрывают друг друга епанчей своею.*)

Гаральд

Король!

Эрик

Ужасный призрак!
Кровь, кровь на нем; струями
Бежит с его одежды.

Гаральд

Лужа

Кровавая под ним стоит.

Эрик

О, Боже!..

Сгинь, сгинь, проклятое виденье!

Христиерн

Дети!

*(Влачится к стене, дергает за звонок, и падает;
прибегают служители, офицеры и стража.)*

АКТ III

Явление I

Комната со сводами, в окнах решетки железные. Напротив к левой стороне дверь; направо две двери.

Матильда и Гаральд

Матильда

*(сидит у стола, погруженная в задумчивость; услышав, что
кто-то вошел, вздрагивает и оборачивается)*

Я думала, сын мой!.. Нейдет!.. Здоров ли?
Не новое ль грозит ему несчастье?

Гаральд

Здоров и, ласками коварными опутан,
Не мыслит, что отца могилу ими
Скрывают от него.

Матильда

Вот как! он-то

Заставили и мать забыть. Ведь это ласки
Христьерна, короля трех королевств,
Не дряхлой пленницы!..

Гаральд

Несправедлива

Не будь. Вчера, лишь только он ступил
На датский берег, первой мыслью, первым

Его желаньем было броситься
В объятия твои; но донесли,
Что заперлася ты и спишь сном крепким.
Сейчас он будет.

М а т и л ь д а

Мало им, что мужа
Злодейскою рукой меня лишили,
И сына у меня отнять хотят!
Но, друг, мы не дадим — мы не дадим,
Не правда ли?

Г а р а л ь д

Пока хоть капля крови
Останется во мне.

М а т и л ь д а

(схватив его руку, прижимает к сердцу)

Родной ты мой,
Мой благодетель!

Г а р а л ь д

Нет, я прочь от дани этой:
Кронсгельма сын трудится для себя;
Отца и матери он мститель, а вы — кстати!..

М а т и л ь д а

Да мне-то что! спаситель ты Густава.
Не знаешь ты, кого... еще спасаешь
В нем...
(Прислушивается у двери.)

Г а р а л ь д

Никого здесь нет: не бойся, болен
Король; ужасный сон он в полночь видел,
И слег.

М а т и л ь д а

Так слушай же. В Далекарлийских
Горах мы рудники имели; там
Я сына родила. В то время молоко

Пропало у меня: что ж? рудокопов жены
Взялися моего ребенка грудью
Своей по жеребью кормить; и был здоров
Густав мой, и с тех пор в горах Густава
Все жители дитей *своим* зовут.
Там рос он лет до десяти; любили
Его, как сына милого Далекарлийцы
И гордо на руках своих носили;
И он к ним так привык, что лиц их черных,
Объятий их запачканных не бегал;
И часто пропадал по целым дням
Он в рудниках. Раз, как теперь я вижу:
Толпа — что говорю, толпа? — народ
Из гор спустился на долину нашу
И, будто море, затопил ее —
Все рудокопы, жены их и дети —
И впереди у старца на руках
Мое дитя: ему лет восемь было:
Мое дитя в серебряном венце.
На этот дар сложились рудокопы
И лепту равную все принесли.
Как был хорош в венце мой сын, мой Ваза!
Как радостно ручонками он бил
И ласково и гордо на народ
Смотрел! И воздух наполнялся кликом:
«Да здравствует король, Густав *наш*, Ваза!»
С тех пор меня все эти клики будят,
Во сне и наяву Густава вижу
В венце.

Г а р а л ь д

Народа голос — голос Бога!
Недаром матери предчувствие, недаром,
Лишь только он ступил на датский берег,
Ему спасенья путь уж изготовлен.

М а т и л ь д а

И ты начатое dokonчишь, друг?

Г а р а л ь д

Записку ты мою прочла?

М а т и л ь д а

Прочла.

Г а р а л ь д

Так ты собой пожертвовать готова?

М а т и л ь д а

Чем? этой рухлядью костей, которых
В добычу ждет к себе давно земля?
Не этим ли пергаментом бесценным,
Что скоро червяки испишут словом:
Смерть, смерть, смерть?.. Чем еще? Вдовством
моим,

Тюрьмою этой, горькими слезами
И днями черными, которых счет
В иссохшей голове уж потеряла?
Возьмите все мое, лишь сохраните сына
Для Швеции моей. *(Немного погодя.)*

Хотелось бы увидеть
Его в венце... Но, Господи, ты мне
Порукою, что будет в нем Густав:
Не погуби моих надежд!.. Умру
Спокойно с этой мыслью.

Г а р а л ь д

Чу! идут.—

Ты уничтожила мою записку?

М а т и л ь д а

(показав, что проглотила ее)

Здесь, здесь она у сердца моего,
В утробе этой, где носила сына;
И буква каждая твоя уж кровью
Моею напиталась...

Г а р а л ь д

До свиданья!

Тогда слова все примут грозный образ
И сильной ратию ударять на врага.
(Уходит.)

Явление II

Густав, Матильда и Родериг. Густав бросаясь на колена перед матерью, хочет поцеловать у ней руки.

Матильда
(не давая ему руки)

Зачем пожаловал? Христьерна слуг
Число умножить? Да, из роду Вазы
Доныне у него в передней не служили:
Ты первый будешь, поздравляю — мать
Хотел, конечно, ты утешить этим!

Густав

О, не смотри ты так сурово на меня,
Не раздирай мне сердца пополам
И не вини меня без оправдания!

Матильда

Встань и скажи, что можешь ты сказать.

Густав

По тайному приказу твоему
Я сжал в горы...

Матильда

Колыбель твоих
Счастливых, детских лет, приют любви
И твердой преданности к нам народа,
Простого, доброго и — сильного, когда
Вооружится он на дело неба.
Что ж ты, исполнил мой приказ?

Густав

С письмом

От моего отца гонец мне путь
Перехватил. В посланье этом
Вот было что написано: «Покорность
И полная покорность государю!
За голову твою пылают города,

И братья тонут сотнями в крови:
Заложником отдайся, и купи
Свободою своею жизнь отцу,
Отечеству хоть год отдохновенья
И матери свободу».

Матильда

Узнаю

Я Эрика: дороже жизнь ему
Сыновней головы и счастья. Но прах
Его зачем тревожить?

Густав

Прах? отца?

Он жив, как я; письмо его король
Мне переслал, что б ты его читала
(подавая ей письмо.)

Матильда

(отталкивая письмо)

Читай ты сам, дитя, и выучи
По нем урок, который задает
Тебе учитель твой!.. И ты, несчастный,
Лукавому поверил, как ребенок
Внимает простодушно сказкам мамки?
У сердца моего спроси ты лучше;
Спроси ты у очей моих: сгорели
Они от слез в один протекший день.
Да вот всех лучше, всех красноречивей,
Несчастный пестун твой тебе расскажет.

Густав

Немой!

Матильда

Да, да, и потому, что он немой.

Густав

На все мои запросы отвечал
Он знаками, что Эрик жив остался.

Матильда

И ты, Густав, мой сын, не отгадал,
Что клятвою ужасною он связан;
Что для тебя лишь дал ее, и муки
Ужасные он выдержал, чтобы
С тобой не разлучаться? — Верный раб
И друг, приди и обними меня.
*(Родериг бросается на колени и целует у ней
руки; Матильда обнимает его.)*

Густав

Неужели так жестоко насмеялись
Над клятвою священной вицерой —
Епископ и король?.. О, Боже! верить
Чему ж придется в наши времена!
Злодей, как дерзко он еще вчера лукавил!
И я ту руку целовать спешил,
Которую он пролил кровь отца!

Матильда

Для Христиерна уж давно святого
Нет на земле; а вицерой его,
Слуга его наложниц, брадобрей,
Виновник доблестный несчастья многих
Семейств, и в том числе Екатерины
Кронсгельм... судить ты можешь сам,
Что от наместника такого ждать!
Но дело сделано. Отца мы праху
Дань принесем — слезами ль? Нет, мы слезы
Зароем в глубине души, чтобы
Никто и не подозревал о них;
Когда их горечь закипит со дна,
Проглотим горечь, будто чашу меду,
И сладкою улыбкою приправим.
Обманем их, как обманули нас.

Густав

На все готов, хоть на гвоздях лежать,
Пока свободу ты получишь;
А там... Густав уж будет знать, что делать.

Матильда

Ты о какой свободе говоришь?

Густав

О той, которую своей свободой
Купил. Готовят уж корабль надежный,
Чтоб перевезть в отечество тебя.

Матильда

Насмешка горькая над бедною старухой!
Чем заслужила я ее? Куда,
Скажите, плыть? чего искать в морях?
Отечества, где мужа и друзей
Останки я должна у псов голодных
Оспаривать; где матери с насмешкой
Укажут на меня в позор народу
И молвят: «Вот она, та молодлица,
Которая пришла нам Шведов дать,
Защитников отечества могучих!..»
Нет, остаюсь здесь, а ты — ты должен
Бежать, когда и как, я прикажу.

Густав

О, Господи, какое искушенье!

Матильда

Ты должен отомстить отца погибель,
Свои железа, мой позор и рода Вазы
Всего, но не убийством: нет, это
Разбойников достойно, черни подлой!
Поверь, кровь купится такою ж кровью!
Явись к друзьям моим, Далекарлийцам:
Они зовут тебя *своим*; дитею
Тебе венец они сулили — пусть
Теперь украсят им Густава, мужа;
И остальное Богу поручи.

Густав

Ты здесь останешься, и вслед за мною
На плахе голова твоя слетит;

А я, я буду это знать, и вдаль
Мои мечтанья понесу, в восторге,
Что скоро вырвался из плена,
Что матери жизнь променял на дни
Спокойные под царским балдахином —
Когда еще удастся сесть под ним!
Нет, никогда!

Матильда

Сын милый, друг ты мой,
Не разрушай ужасным этим словом
Блаженства, цели жизни всей моей:
Для этой цели только и жила я,
Не отравляй последних дней моих:
Немного их считать осталось. Вспомни,
Для ней одной железа я носила,
Для ней пила неволи я отраву;
Не отнимай единственного блага
У матери, которая всего
Лишилась: мужа, родины, друзей,
Которая тебя лишь одного имеет,
Тобой одним все это заменила.

Густав

Что делаешь со мной? Своим убийцей
Меня творишь. Мать милая, опомнись.
Ты предлагаешь сыну нож, и я,
Я мать, родившую меня, зарежу
Лишь для того, чтоб кровию ее
Купить себе венец. Не повинуюсь
Теперь. Не мальчик же я безрассудный!
Нет, сто раз нет.

Матильда

Не все ль равно?
Меня зарежет твой отказ, умру ж
От рук я сына своего, жестокий!
И если ты не уворишь меня
Так скоро, как бы я сама хотела,
Клянуся, завтра ж в море свой конец
Найду.

Густав

Когда судьбе неумолимой
От нас угодно жертвы непременно,
Умрем же вместе, вместе на костер
Взойдем обнявшись.

Матильда

Нет, хочу, чтобы ты жил,
Хочу, чтоб жизнью наслаждался ты,
Чтоб Вазы род мой сын собой возвысил,
Чтоб Швеция моя тобой гордилась.
О сжался, милый сын! неужли хочешь
У ног своих увидеть мать?

Густав

Скорей
Я в прах повергнуся перед тобою
И ноги обниму твои с мольбой —
Ужасный приговор свой отменить!

Матильда

Когда на то пошло, когда законы,
От века данные, ты не забыл,
Так здесь, сюда, к ногам моим, мятежник!
(Густав становится на колени, мать кладет ему руку
на голову.)

Ты слышал волю матери своей,
Зане от Господа она дана;
Нет перемены ей, хотя б сам Бог
Потребовал другого приговора.
Прими ее, и с ней мое благословенье;
Но если ты движеньем хоть одним
Против нее пойдешь, проклятие мое
Пушай на голову твою падет,
И ветвь последнюю от рода Вазы
Сгубит топор презренный дровосека.

Густав

О! первый в жизни раз так тяжело
Мне милой матери повиноваться!

Но — покоряюсь воле я святой —
И если Господу уже угодно,
Чтоб мать отечеству я в жертву нес,
Пусть выведет он из ее могилы
Царей великих, добрых новый род,
И Швеция за них всегда, всегда
Тебя благодарит!

М а т и л ь д а

И будет, будет,
Пророчу я тебе. Мой Бог сказал
Мне втайне то давно.

Г а р а л ь д

(показываясь из-за двери)

Начальник замка.

(Скрывается.)

М а т и л ь д а

(тихо)

Гаральду вверься; он Кронсгельма сын
И также мститель за отца и мать.
К побегу твоему готовы средства —
Какие, — ныне от него узнаешь.

Явление III

Те же и начальник замка.

Н а ч а л ь н и к з а м к а

Корабль уже снаряжен во всех статьях
И просит лишь ветрил, чтоб полететь.
Такой поспешностью король наш хочет
Густаву доказать, как свято он
Свое условие исполняет.

Г у с т а в

(Свято?..)

Да разве притупились громы неба?)

Матильда

Отправиться в отечество я рада,
Но пусть его величество решит,
Могу ли ныне я расстаться с сыном,
Которого так долго не видала.
Дня два, и много три, прошу я срока.

Начальник замка

Ответ твой передать не премину;
А все-таки примолвить надо кстати:
Корабль — как царский дом! и мудрено ль?
Мой тезка Мундс, Ютландии правитель,
Его на славу снаряжал. Чего
Им не придумано уж в нем для неги!
Есть помолиться где и где всхрапнуть,
И в погребок лазейка и еще... (*Хочет.*)
Матросы чудные ребята, цап —
Царап: все больше ваша братья, Шведы!

Матильда

Благодарю от сердца короля,
Что он остаток дней моих покоит.

Начальник замка

Ну, на прощанье руку мне, хрычу —
Тюремщику: худым не помяни его
В дому своем и — там, в дому Господнем!
Он присягал, и только долг свой делал.

Матильда

Нигде я жалобы не принесу:
Ты честный, добрый страж был заключенной.

Начальник замка

Была и ты ведь бравая старушка
И шашнями не мучила меня!

Но заболтался с вами я: король
Ворчит чай, а — *(качает головой)*
куда не шла кривая! —
Ведь ужас наш Христьерн нетерпелив!
(Уходит.)

Явление IV

Густав, Матильда, Родериг и барон Ландсель.

Барон Ландсель
(отворив в половину двери)

Позволено войти?

Матильда

У нас нет тайн!

Войди.

Барон Ландсель

Поздравить смею вас, во-первых,
Счастливая из жен и матерей.

Матильда

(Какая пытка!)

Густав

Ну, скорей, господчик!
(На ухо Ландселю.)

Но то в ладонь мы втиснем речь твою.

Барон Ландсель

Поздравить с будущим благополучным
Возвратом в Швецию имею честь.

Матильда

У Бога будущность в руках. Дельней
Мне что имеете сказать?

Барон Ландсель
(*оборотясь к Густаву*)

К тебе,
Светлейший принц, я миссию имею.

Густав

Без титулов вас прошу; в чужие перья
Я не привык хвастливо наряжаться;
Я просто шведский дворянин и званьем
Горжусь таким.

Барон Ландсель
Прочел ли кто, что в небе
Написано?..

Густав

Скорей ты с миссией своей!
Не то за дверь я миссьонера, слышишь?

Барон Ландсель
Принцесса датская, Елизавета,
Меня, нижайшего слугу, избрала
Покорно доложить тебе: угодно ль
Забавы и опасности охоты
С ней ныне ж разделить?

Густав

Так скоро? ныне ж?

Барон Ландсель
Вепрь яростный тебя на битву вызывает
И с ним волшебные глаза принцессы.

Матильда

Еще он с матерью не наслаждался
Беседой очей, не только слов;
Но доложи Елисавете, сын мой
Почтет за долг приятный согласиться
Желанье даме быть угодным и любезным
С отвагой рыцарской, ему так сродной.

Густав

Прошу и от меня сказать ей то же.

Барон Ландсель

Оружье выбери сам в оружейной:
Король велел мне предложить тебе.

Густав

Оружье то мое — скажи ему, —
Которое другим не по плечу.
Я зверя бью в лицо: уловок с боку
Я не терплю — псарям они приличны...

Матильда

(префыкая его)

Иди, Густав, когда король желает. *(Тихо ему.)*
Но, ради Бога, сердце с языком
Держи в раздоре. О! не погуби себя.
*(Густав и Ландсель уходят: Матильда дает
знак Родеригу, чтобы он остался.)*

Явление V

Матильда и Родериг.

Матильда

Уж не предчувствие ль?.. Как сердце бьется!
Злодей не новые ль готовит сети,
В которые Густав мой должен пасть?
Безумная! зачем так скоро согласилась!
Быть может, я сама его на смерть послала!
(Родеригу.)
Друг, ни на шаг не покидай его,
Молю тебя... зверь лютый... а еще лютей
Враждебный человек... смотри, следи,
Не пропускай ты взгляда одного.
Движенья... поручи его Гаральду.

Но как ты объяснишь ему?

(Родериг показывает знаками, что он исполнит все.)

Друг верный,

Надеюсь на тебя. Но чаще имя Бога

В помощники зови к себе. Ступай;

Миг дорог... может быть, уж ковы строят.

(Родериг хочет идти.)

Постой... дай, напишу... Елисавета

Добра и благородна... и к Густаву

Неравнодушна... мать уж замечала

Давно... *(Берет свинец и пишет,*

потом отдает записку Родеригу.)

Видал дочь короля?

(Родериг дает утвердительный знак.)

Отдай...

Чтоб не заметили... поосторожней...

Перед охотой... хоть через Гаральда.

(Родериг, взяв записку, хочет идти.)

Постой, мой друг, я прежде помолюсь.

(Становится на колени, за ней Родериг.)

О Господи! ты знаешь, за Густава

Сто жизней отдала б, когда б имела:

Возьми и ту, что даровал ты мне,

Но сохрани его.

(Когда она встает, входит Елисавета.)

Да вот сама принцесса;

На помощь Бог ее мне посылает.

(По знаку Матильды Родериг уходит.)

Явление VI

Матильда, Елисавета и баронесса Ландсель.

Елисавета

(баронессе)

Ступай; хочу одна беседовать с Матильдой.

Баронесса Ландсель
Позволь остаться мне с тобой; король
Мне приказал.

Елисавета
(грозно)

Сказала я — довольно!

Баронесса, низко поклонившись, уходит.

Явление VII

Матильда и Елисавета.

Елисавета

Пришла тебя с свободой поздравить,
Почтенная Матильда.

Матильда

Сам Господь,
Он сам с тобой мне душу посещает,
О милая, бесценная моя!
Хотела б дочерью тебя назвать;
Но ты — Христьяерна дочь... а я
Мать пленника, и оба — несчастливцы,
Достойные лишь чувства состраданья.

Елисавета

Не состраданья, нет, а уваженья
И зависти достойная чета!

Матильда

Сказала: зависти?.. расслушала ли я?
Счастливая, завидная чета!
С свободой меня все поздравляют,
Когда в неволе сын — какая радость!
Не убирают ли опять к венцу
Меня: не с первенцом ли поздравляют?

Да разве кровных нет у них, нет ближних,
Нет никого, кому бы сострадали,
Чьи радости и горести назвать своими
Могли они?.. Горька свобода эта!
Скорее пытки, заточенье, смерть,
Все, все, перенесла б.— И где же сын мой
И у кого останется в залоге?

Елисавета

Уверена ли ты, что я люблю тебя?

Матильда

Как в Боге!

Елисавета

Так мне ты поручи беречь
Густава голову; за ней смотреть
Я буду оком матери.

Матильда

Все ж ты

Не мать!

Елисавета

Не мать... но... из любви к тебе,
Как брата милого, Густава буду
Хранить от здешних непогод; я сети,
Что для него расставят, укажу;
Сама сперва ступлю на яму роковую,
Прикрытую цветами обольщенья,
Которую изроют для него.
Послушай... сам король позволил мне
Быть чаще с ним.

Матильда

Не верь, не верь ему;
Король он твой, и только что король.

Елисавета

Он, как отец, мне говорил так лестно
О видах на Густава...

Матильда

Ложь! обман!

Не верь ему. О Господи, прости,
Что душу дочери я возмутить
Должна против... Нет, роковое слово
Уста мои произнести коснеют.
Когда бы знала ты, что сделал он
С моим Густавом и что замышляет
Против него!

Елисавета

О, Расскажи скорей:
Спасти его найдем, быть может, средства.

Матильда

Когда бы так!.. когда бы ты вступилась,
Как ангел благодатный, за него!
Тебе, родная, да, тебе скажу —
Густав достоин твоего вниманья,
Любви твоей... Зачем скрывать, что Богу
И мне самой так хорошо известно? —
Тебе скажу. Ты знаешь, что условием
Густава плена было даровать
Свободу мне и жизнь отцу его
И Шведов кровь остановить.

Елисавета

Все знаю.

Матильда

И что ж? лишь только отдался Густав
Заложником, всех предали ножу,
Отца, родных, всех, всех, кто лишь связями
Держался как-нибудь за Вазы дом.

Е л и с а в е т а

Не может статья. Нет, таким злодействами
Нельзя поверить.

М а т и л ь д а

Сталось, говорю,
И правда то, как свят Господь.

Е л и с а в е т а

Отец?

Отец?.. (Лицо горит его позором;
И грудь сожгло... а в сердце... кто бы к сердцу
Прислушался, бежал бы с ужасом
От голоса его. Пропало все,
Что счастьем на земле я называла;
Густав, надежды, радости мои,
Все погубило слово)... Что ж еще
Против Густава замышляет он?

М а т и л ь д а

Что шаг, то бедствия пророчит сердце.
Едва приехал сын, уж делят нас;
Едва сказать мы слова два успели,
Уж высылают мать скорей... Зачем?
У матери глаз зорок, сердце чутко,
Сейчас на след злодейства набежит:
Понятно! А охота?.. кто ее затеял?
Зачем так скоро?

Е л и с а в е т а

(смутясь)

В этом не вини

Отца... он намекнул... я согласилась
Тотчас...

М а т и л ь д а

Где искру бросить, чтоб пожар
Произвести, он знает хорошо.
Змея умильно так, так сладко смотрит,

Чтоб жертву притянуть. В раю души
Своей, ты за оградю ее
Не видишь ничего.

Елисавета

(после минуты размышления)

Да разве не отыщешь
Ты средства сына твоего спасти?
Уговорить... купить?... Найдешь везде
Изменников, где царствует обман.
И если я нужна, свяжи меня
И спеленай, как малого ребенка,
И брось туда, куда захочет воля
Твоя — хотя бы в пасть самой пучины.

Матильда

(прижимая ее руку к сердцу, тихо)

Ты наша... так тебе откроюсь я:
Нашла я средство моего Густава
Спасти... Корабль к отплытию готов;
Матильда не поедет в нем, поедет
Густав. Он будет я, я буду он...
Готовят все... ты поняла меня?

Елисавета

Мне не понять!... *(задумывается и немного погодя)*

Прекрасно, бесподобно!

Я помогу... да, помогу, как ты
И не воображала никогда.
Я провожу *тебя*... ты поняла.
Никто и в подозренье не возьмет,
Чтоб не Матильду провожала я.

Матильда

Теперь на это я не соглашусь.
Что скажут через час, когда *его*
Не будет здесь?

Е л и с а в е т а

Про Елисавету

Кто смеет что сказать? Хочу — и быть
Тому. Прощай, до проводов, Матильда!

М а т и л ь д а

Охота... сбереги его, родная!

Е л и с а в е т а

Спокойна будь, я заменю тебя.
(*Уходит.*)

М а т и л ь д а

Вот сыну моему была б подруга!
(*Удаляется в ближнюю комнату.*)

Явление VIII

Двойная сцена. Комната во дворце Христиерна, с правой стороны
длинный коридор, едва освещенный лампою.

Христиерн, барон Ландсель и Гаральд.

Х р и с т и е р н

(*сидя в креслах*)

(Жестокая! ты все передо мной стоишь
И жалко вопишь, чтоб детей твоих
Счастливыми я сделал, и грозишь
Мне казнию ужасной, если я
Не выполню твоей загробной воли.
(*Махает против себя руками.*)

Прочь, прочь, молю тебя... Все цепию гремишь,
О неотступная!)
(*Немного погодя Гаральду.*)

Эй! Баронессу

Позвать ко мне.
(*Гаральд уходит.*)

Явление IX

В коридоре.

Гаральд и Эрик.

Гаральд

Сейчас здесь будет баронесса. Знаю,
Давно она желанием сгорает
Тебя в свои оковы заключить.
Влюбленным на два дня прикинься, друг!
Рассыпсья перед ней ты мелким бесом;
Хвали и глаз ее волшебных негу,
И розу губ ее, и белизну
Роскошных плеч, и все, что в мысль придет!

Эрик

Когда в груди лишь ненависть кипит?

Гаральд

Кокетку заманить нам нужно в сети:
Не мелкое орудье в нашем деле!
На этой оси колесо вертится
Судьбы Густава Вазы и судьбы
Всех тайных помыслов моих.

Эрик

Велишь —

Исполню свято все, мой милый брат!

Гаральд уходит.

Явление X

В комнате.

Ландсель, стоя позади короля, переступает ногами и кашляет.

Христиерн

(в испуге, хватая из-за пояса нож и бросаясь на Ландселя)

Злодей!

Барон Ландсель
(на коленях)

Я... верный раб твой... пощади.

Христиерн
(хватая его за грудь)

Что делал здесь? подслушивал мои
Стенания, мои беседы с невидимкой?
И если слово подобрал одно,
Что выронил я вслух, ты в прах сотри
То слово; если в памяти твоей
Пробьется как-нибудь, когда-нибудь,
Его малейший отзвук, помни: рядом
С ним плаха восстает на лобном месте.
А? говори.

Барон Ландсель
Клянусь святыми всеми,
Я не слышал. С Гаральдом был я здесь...
Спроси... о Крумпене проведать ты велел.

Христиерн
(отпустив его и садясь на кресла)
Да, да, забыл. Что ж?

Барон Ландсель
(вставши)

Офицеры все,
Солдаты говорят, что знатных Шведов
Имущество он забирал себе
И у казны утаивал; что слитков
Он серебра так много вывез,
Что после в море принужден бросать,
Со мною — знаю я — готов бы поделиться,
Чтоб я не доносил тебе; но честь
Сокровищ мне дороже... Хоть Гаральда
Спроси: он не успел об этом доложить
Тебе.

Христиерн

Садись, пиши. (*Впадает в задумчивость.*)

Барон Ландсель

(*подождав немного*)

Кому прикажешь?

Христиерн

(*с сердцем*)

Ведь ясно, кажется, сказал я: Гойе,
Начальнику над королевским замком,
Пиши: «Казнить и награждать умеет
Христьерн; вчера он милостями осыпал
Оттона Крумпена за верность и усердье,
А ныне за грабеж и похищенье
Казны в железа приказал его
И в замке уморить голодной смертью».

Ландсель садится к столу и пишет; в продолжение следующего явления он прислушивается с беспокойством к стене коридора и переносит стол ближе к двери.

Явление XI

В коридоре.

Эрик, баронесса Ландсель и Гаральд.

Гаральд

(*вводя баронессу в коридор*)

Ах, если б знали вы, как он страдает!
Но он такой неопытный и робкой...
Всю ночь со мной об вас проговорил;
Да и во сне уста его шептали
Все имя милое сто раз.

Баронесса Ландсель

(*ласково ударяет по лицу его веером*)

Болтун!

Привык ты все шутить.

Эрик

(преграждая баронессе дорогу, становится на колени)

Нет, баронесса,
Решите жизнь мою: одно лишь слово
Прекрасных уст, один лишь взгляд,—
И буду знать, мне жить иль умереть.

Баронесса Ландсель
(нежно, перебирая его кудрями)

Шалун!

(Эрик целует у ней руку.)

Ответ получишь ты в боскете...

(Она наклоняется и шепчет ему что-то на ухо, потом долго смотрит на него с нежностью; наконец, как будто вырвавшись из упоения, идет к двери и отдает Гаральду кошелек.)

В комнате.

Христиерн

Что ж, написал?

Барон Ландсель

Сейчас. Лишь пятнышко
Мне поскоблить.

Христиерн

Ты знаешь, не люблю
Поскобков: вы, секретари, привыкли
Подчистками жить. Раздери
Бумагу, и пиши сейчас другую.

В коридоре.

Гаральд
(загораживая дверь баронессе)

Благодарю!.. Еще подарок вам один?
Возвысьте вы его: что стоит вам!
Блаженством, почестями вам будет он обязан.

Баронесса Ландсель

Все сделаю, что сделать я могу,
Клянусь.

Гаральд

Какие дни проводит он у ног
Христьерна! часу не дают свободы.
Когда б не я, давно бы в петлю влез...

Эрик

И не улыбка ваших милых уст,
Как солнца луч средь мрачных облаков.

Баронесса Ландсель

О льстец!

Гаральд

Густава мать отправят завтра
В ее отечество, начальство стражи,
Что будет провожать ее, пускай
Поручат Эрику.

Эрик

Тогда к прекрасным ножкам
Всех подвигов моих я лавры принесу.
(*Баронесса Ландсель задумывается.*)

В комнате.

Барон Ландсель

(*кашляет*)

Замучил кашель, чай, бедняжку?.. В петлю
Предчувствие не манит ли тебя?

В коридоре.

Гаральд

Любовь растет от славы и честей,
Которыми любви обязана она.

Баронесса Ландсель

(Эрику)

Чего б ни стоило, венок я этот
Надену на тебя, мой милый капитан!
(Эрик целует у ней руку; баронесса уходит.)

Гаральд

(обнимая Эрика)

Ну, выплыли из Сциллы и Харибды!

Служитель дворцовый

(вышел из глубины коридора, где он поправлял лампу)

Повесы вы, повесы;
Вот я на вас барону!

Гаральд

(давая ему монету)

На, золотой крючок для языка!

Служитель

Добычу подцепили молодцы!
Подарки разве деньги;
А то б пора на барабан! (Уходит.)

Явление XII

В комнате.

Христиерн

(подписав бумагу, которую подал ему Ландсель)

Сейчас, сей миг, отправить к коменданту!

(Ландсель уходит. Баронессе.)

Нетерпеливо ждал я вас, Ландсель,
Совет мне нужен ваш и утешенье.

Баронесса Ландсель

Нет жертвы, государь, ты знаешь сам,
Которой не снесла б я на алтарь усердия.

Христиерн

Любила ты Кронсгельм, Екатерину?

Баронесса Ландсель

Привыкла с детских лет ее любить,
И Эрика еще ласкала в колыбели.

Христиерн

Ты Эрика рожденья знаешь тайну,
И темные места из жизни нашей,
Как полдень, ясны для тебя, мой друг.
Поверишь ли? из всех прекрасных женщин,
Которых я любил, Екатерина —
Одна она не умирала в сердце
Моем; и часто лик ее, увенчан
Цветами юности и красоты,
С волшебною улыбкой принимал
Христьерна к изголовью. Но вчера,
В полночь прошедшую, она руками
Холодными, как лед, меня обвила,
И в слух мой вторгнулись с каким-то воплем,
Как будто звук трубы последнего суда,
Слова ужасные: «Железа!.. дети!
Три дня лишь сроку дам!» Вскочил я с ложа...
Глазами впалыми, мертвец уж давний,
Она смотрела на меня, и все
Шептала неподвижными губами,
Которые уж прах земной подернул:
«Железа!.. дети!..» И — распалась понемногу;
А все еще цепей был слышен звук.
И даже днем все этот образ
Стоит передо мной, все слышу эти звуки.

Баронесса Ландсель

Когда ты хочешь знать, я объясню
Тебе виденья этого причуды.
Какую жизнь ведет твой Эрик здесь?
Отвагой рыцарской пылает он;
К тревогам бранным рвется грудь его,
И дух и руки просят жатвы славы —

В нем кровь кипит отца, кровь Христиерна —
И что ж? сиделкою у ног твоих,
Скрестивши руки, затаив в груди
Все, что прекрасного ему дала природа,
Не цепи ль носит он — скажи ты сам?
Мать просит скинуть их. Сбрось цепи,
И духу рьяному ты пищу дай.
Тогда увидишь, милое виденье
Опять к тебе с улыбкою приникнет
И сына возвратит к тебе любовь.

Христиерн

Что ж присоветуешь мне сделать для него?
Все, все исполню.

Баронесса Ландсель

Капитаном стражи,
Которая должна отвезти Матильду
В ее отечество, назначь его.
Сердитых волн набег, величавый
Клик моря и вид царственный его.
И берегов чужих нежданный образ,
И честь начальствовать над сонмом храбрых,
Все жажду утолит его отваги.

Христиерн

Так молод! может ли он?..

Баронесса Ландсель

Головой

Своей ручаюсь, что верней и лучше
Никто не выполнит такого порученья.

Христиерн

Бумагу и перо. *(Баронесса подает и то и другое, король подписывает бумагу.)*

Бланкет, — а впишешь ты в него, что хочешь.
(Баронесса идет к столу и вписывает в бумагу приказ.)

Поди, и поспеши его поздравить.

(Баронесса уходит.)

(Как будто бы мне легче стало!)

Явление XIII

В коридоре.

Баронесса Ландсель, Эрик и Гаральд.

Баронесса Ландсель
(подавая Эрику бумагу)

Патент на капитанский чин, и вместе
Приказ: Густава мать в Стокгольм доставить.

Эрик

Отныне жизнь мою и все, что в жизни
Найду прекрасного, вам посвящу.

Явление XIV

Те же, барон Ландсель и гонец

Баронесса Ландсель

Барон, я вашу должность отправляю:
От солнца луч я принесла ему. (Эрику.)
Поди, и короля благодари. (Уходит.)

Явление XV

В комнате.

Христиерн, барон Ландсель, Эрик и Гаральд.

Эрик

(став на колени перед королем и целуя у него руку)

О мой король! ты воскресил меня.
(Вставши, к окружающим его.)

Теперь увидите, на что способен!

Барон Ландсель

От вицероя шведского гонец.

Христиерн
Прими бумагу от него.
Барон Ландсель
Вручить
Приказано тебе.

Христиерн
Вели войти.

Ландсель, отворив дверь в коридор, дает знак гонцу, чтобы вошел.

Явление XVI

Те же и гонец. Гонец вручает бумагу королю и потом, по знаку этого, становится в отдалении.

Христиерн
(разломав печать и сорвав шнурки, читает)
(«У нас не смирно здесь. Далекарлийцы
Подняли грозно знамя возмущенья
И требуют, чтобы Густава Вазу
Им показали — жив, иль нет, желают знать».
Кто б ожидал от подлых рудокопов!
«Сам с войском поспешай». Я — нищих,
Я — угольников блаж сам унимать
Пойду? с ватагой жалкой братьи
За свой венец, как будто бы за кость,
Собакам брошенну, полезу в драку?
Что он? посмешищем меня перед царями
Творит! (читает далее) Ох, ох, мне этот вицерой!
Я, видно, у него наместник, полководец,
И скоро в брадобреи попаду.
Нет, нет, меч с митрою не могут ладить!
«Не диво, что сюда пожар переберется».
Открой побольше рот — влетит ворона!»)
(Эрику.)
Когда ты будешь в Швеции, узнай

Вернее там, что так тревожит вицерея,
И мне с гонцом нарочным весть подай.
А вслед я за тобой отправлю помощь.
(*Читает.*)
(«Густава кровию спешу залить пожар».)
(*Задумывается и изменяется в лице.*)
(Да, да, один мне путь, чтобы спокойно
Тремя коронами владеть!.. Один!..
Какая прибыль на бессменной страже,
В своем дому, у своего добра,
Быть вечно? вечно мучиться, бояться,
Что завтра, в миг один, лишат тебя
Сокровища, которое годами
Кровавыми приобретал? что прибыл
День каждый ветви отсекаль? посмотришь,
Завтра новый побег пустили!
Вон с корнем злое дерево на век,
И месту, где оно стояло, пусть
Следа не сыщут. Благо он в руках
Моих: не даром доставал!) Гонец!
Ответ получишь завтра поутру.
(*Гонец выходит.*)

Г а р а л ь д
(*тихо королю*)

Не поскорей ли проводить старушку?
При матери возиться мудрено:
Глаз зорек и...

Х р и с т и е р н
(*тихо Гаральду*)

Послушаюсь тебя.
(*Эрику.*)

Чем свет ты завтра в путь: Матильду
Предупреди — моя на то есть воля.
Счастливый путь ей пожелай.

Э р и к

Быть может, видется с тобой попросит?

Христиерн

Сказать, что болен я, что вид старушки,
И слезы, и мольбы в конец меня расстроят.
Терпеть я бабьих воплей не могу:
Пусть дочь моя их слушает, коль хочет!

Гаральд
(*тихо Христиерну*)

А Родеригу?.. оставаться здесь?
Немой так предан господину!

Христиерн
(*Эрику*)

И Родеригу в путь скажи с Матильдой.
(*Эрик уходит*).

Гаральд

Охоту отменить?

Христиерн
(*задумывается*)

(Попытка не беда!..

Иль отменить, пока уедет мать?.. Однако ж
Что час, то новые препятствия растут:

Запутается ум и дух невольно...

Я человек... и человечеству

Могу дань заплатить... Христиерн! стань выше...

Во время бури — поскорей за руль!)

(*Ландселю.*)

Ландсель! вели к охоте все готовить.

(*Ландсель уходит. Гаральду тихо.*)

Сокольника Рудольфа в кабинет.

(*Король уходит.*)

Гаральд

Когда зовут Рудольфа — кровью пахнет.

«Пора и нам» — пусть этот грозный лозунг

Услышит Магнус Мундс. Пора и нам!

АКТ IV

Явление I

Среди леса лужайка, зеленеющий холм и подалее утес, из которого бьет ручей; за деревьями видны вдали, на горе, монастырь и у обрыва его море.

Густав, Елисавета, Эрик, Родериг и два охотника.
Они спускаются на лошадях с утеса; Эрик держит сокола на руке, слышны вдали звуки рогов и крик охотников.

Елисавета

Подале от охоты, ради Бога,
Густав, подале.
(Все слезают с лошадей; охотники удаляются.)

Густав

Сделалось что с вами?
Не узнаю никак я вас, принцесса!
Бывало, звук рогов, удалый крик
Охотников и зверя близкий рев
Ваш взор воспаляли, грудь дышала
Скорей, и конь преграды не знавал.
А ныне... вымолвить боюсь... тень страха
Ложится на прекрасное лицо,
Взор смутно ищет тайного врага,
И конь, как раб, едва переступает.

Елисавета

И в мысль мне никогда не приходило,
Чтоб день, чтоб час такую перемену
Мог в жизни произвести — не говорю
Я, в сердце — нет, для сердца нет времен.
Вчера, еще вчера я все любила,
Что ты красиво так изобразил;
И мысль с тобой быть на охоте ныне,
В глазах героя Севера отвагу
Свою над лютым зверем показать,
Какою радостью грудь наполняла!
Я помню... на охоте...

Густав

Да, тех дней,
Тех сладких дней не позабыть и в гроб!

Елисавета

И даже ныне сердце мне сулило
Так много, много... но одно лишь слово
Разрушило все радости мои
И сердце бедное в куски разбило.

Густав

Загадки этой не могу понять:
Раскрой ее; ты знаешь... знала прежде,
Какое Ваза — не заложник жалкий —
В твоей судьбе участие принимал.

Елисавета

Неправда! для меня Густав все тот же.
(*Дает знак, чтобы он остался, и потом заботливо осматривает местность.*)

(Несчастливая! ты ловко добыла
Свиданье... Вот он!.. Что ж? наслаждайся,
Пока, по милости твоей, не грянул
Миг роковой... Срывай цветы под громом!
(*Немного погодя.*)

Когда б я ранее могла узнать,
Охоту отменила б я... Нет, нет,
Что сказано отцом моим, Господь
Сам разве отменит. На стражу, сердце!
Зачем на этот раз мне взгляд орлиный
Не дан!.. Рудольф, Рудольф... нет, не забуду:
Твой образ врезался в душе моей).
(*Густаву.*)

Здесь остановимся; в долине этой
Так хорошо, так далеко от света
И от людей, как будто никогда
Нога их зелень эту не сквернила.
Здесь, может быть, загадки нашей тайну
Узнаешь. (*Подходит к соколу.*)

Сокол мой, удалый сокол,

Товарищ неизменный красных дней
Моих, расстаться и с тобой мне должно,
Как и со всем, что в мире я люблю.

(Скидает с него шапочку и цепочку.)

Свободен будь, и в небо без границ,
Под солнце, унеси свою отвагу.
Что ж? полетай, крылатый рыцарь мой,
И позабудь средь подвигов своих
Высоких ту, которая тебя
Так много...

(Сокол улетает; Елисавета, не договаривая, закрывает глаза рукою, потом говорит тихо Эрику.)

Помни, милый Эрик мой,
Сокольника.

Эрик

(смотря за полетом сокола, делает утвердительный знак)

(Где сокол спустится,

Рудольф там верно будет.)

(Удаляется, за ним Родериг.)

Елисавета

(Густаву, указывая на холм)

Сядем здесь.

(Садятся.)

Густав

Что с вами случилось, Елисавета,
Опять спрошу? тревожны, грустны вы,
Как будто бы несчастье вас постигло,
Как будто роковой стрелы вы ждете.

Елисавета

Да, многих стрел — одной не для себя;
Но ту, Господь поможет, отразить
Сумею я: не даром же судьба
Сама мне это дело поручила!
Но скоро роковая прилетит —
О! той никто не отразит!

Что говорю? — она достигла цели
Своей, и разве смерть ее исторгнет.
Слова мои, быть может, оскорбят твой слух
И чувства тонкое приличие; но теперь...
Когда в последний раз я говорю
С тобой, Густав, когда беседа эта
Прощанье умирающей с живым,
Приличья в сторону, и пусть слова
От сердца моего текут, как в сердце
Они родились.

Густав

Страхом неизъяснимым
Наполнила ты грудь мою. Что значат
Слова твои? Не новую ль готовит жертву
Моя судьба? а я, как агнец глупый,
На слезы и на кровь спокойно буду
Смотреть!

Елисавета

Нет, не вини себя: не звал
Ты жертвы ни одной, великодушно
Ты за отца и мать сам в жертву нес
Себя; но милосердья Бог тебя
Блюдет для доли высшей, уж конечно.
Есть бедные творенья на земле...
Их доля здесь: любить... любить... другого
Им назначенья нет; и лишь зажжется
Святой огонь на алтаре, и спросит
К нему судьба избранника под нож,
Сейчас спешит то бедное творенье
Стать за него. И славы нет для них,
Нет удивления: так быть *должно!*
Но счастье есть для них — награда есть;
Святая мысль на дне души — лампада
Неугасимая любви — и память
Того, кого они любили здесь.

Густав

Когда б не грозный долг, кто б славу нашу
На счастье любви не променял?

Елисавета

У матери твоей была я ныне
И говорила с ней. Матильда знает
Меня и лучше, может быть, чем ты:
Все сердце высказала мне свое,
И страх, и опасенья, и надежды,
Все, все, что сыну, дочери, сказать
Лишь можно было. Но из речи этой,
Из нити этой драгоценных камней,
Одно лишь слово выпало, как яду
Пылинка, и мне мигом грудь сожгло,
И разом иссушило жизнь мою.

Густав

Какое было слово то, скажи?

Елисавета

Зачем его произносить!.. Он враг
Тебе; он боле... но закон природы
Велит молчать мне...

Густав

Если знаешь все,
О милый, чудный друг!.. Позволь назвать
Елисавету этим именем.

Елисавета

Тебе сама дала я ныне право
Так называть меня; теперь ты можешь...
В последний раз мы видимся с тобой
И — завтра разлучит нас вечность:
Теперь ты *мой*... тебя мне поручила
Сама судьба, отец и небо, и любовь,
И злодеяния людей тебя
Мне ныне отдали: ты мой, Густав!
Да, милый, незабвенный друг, ты мой!

Густав

(схватив ее руку и удерживая в своей)

В последний раз мы видимся? зачем?
Когда из сладких уст услышал я

Любви твоей бесценное признание;
Когда ты знаешь все: мои надежды,
И волю матери моей и мой побег,—
Так убежим — престол со мной разделишь,
Иль хижину в горах Далекарлийских,
Что даст Судьба — о, убежим скорей!
Здесь кровию упитана земля,
Здесь дышет все коварством, мщеньем, злобой.

Елисавета

Бежать с тобой?.. мне? Нет, тогда презренья,
А не любви была бы я достойна.
Когда б в душе могла осилить чувство,
С которым мы так гордо по земле
Ступаем: снявши пояс свой бесценный —
Толпе его на поруганье бросить;
Когда бы от стыда я не сгорела,—
Да, и тогда с тобою б не бежала.
Меня ты худо знаешь. Мне, голубке бедной,
Орла задерживать в его полете?
В пути твоём помехой мне служить?
Мне бременем, мне камнем преткновенья
Быть к цели, где тебя народы ждут
И может быть венец; куда тебя
И мать и воля Бога посылают?
Нет, никогда. Скорей я к этой цели
Тебе подножьем счастливым буду,
Скорей — орудием... хотя б должна...
Против отца...

Густав

О! почему не Шведка ты?
Зачем ты дочь Христьерна?

Елисавета

Имени

Мне этого не говори... оно
Мне горькую судьбу мою напоминает.
(Немного погодя, указывая ему на монастырь.)
Ты видишь ли, там... ближе к небу,
На берегу морском, обитель?

Густав

Вижу.

Елисавета

Даю обет тебе, бесценный друг,
И Господу, когда поможет Он
Тебе от плена быть свободным,
Остаток дней моих Ему принесть.
Не говори, дана уж клятва Богу,
Как дал ее Густав Матильде Вазе!
Мы оба ею связаны, и силы
Нет на земле, ее чтоб разрешить.

(Указывая на монастырь.)

Там, завтра же, сестра Елисавета
Молиться будет за тебя.

Теперь

*(Елисавета, обрезав охотничьим ножом
свои волосы, отдает Густаву.)*

Прими ты этот дар ничтожный...

Их Богу надобно б отдать, но Богу
И без того я много отдаю.

Носи их в битвах на груди своей;
Но... если ты когда меня забудешь,
Брось в море...

Густав

(целуя волосы и спрятав их на груди)

Дар бесценный, в гробе ляжешь

Со мной!

Елисавета

Быть может, славы подвиги тебя
Когда-нибудь с Ютландией сведут;
На монастырь святой Бригитты, может быть,
Взглянуть захочешь ты: в одной из келий,
Что смотрит окнами в полночный край,
Неугасимую лампаду ты увидишь —
Знай, молится сестра Елисавета
Там за тебя... Прости!.. Но... завтра утром
Приду сказать последнее: прости!

Слышны звуки рогов и крики охотников, сначала вдали, потом все ближе и ближе. В испуге схватив руку Густава.

Охота!.. Боже мой! сюда... Остерегись,
Густав!.. Быть может, тайный враг... здесь
близко...

Ты слышишь?..

(Слышен треск сучьев от бегущего зверя.)

Густав

(схватывая лук и стрелу)

Зверь!.. Чего бояться! глаз
Мой верен и рука надежна.

Елисавета

Видишь...

Из-за куста... как уголья, горят
Глаза?

Густав

Нет, никого.

Елисавета

Я вижу... Боже мой!

Не зверь то, человек, но он страшнее зверя!

Рудольф

(из-за кустов)

Остерегитесь, лютый зверь бежит,
Густав, принцесса... я выстрелю
Сейчас... *(Метит в Густава.)*

Елисавета

(загораживая Густава вскрикивает)

Злодей!

Эрик

(ударяя сзади Рудольфа ножом, вместе с ним и Родефиг)

Ты метишь не в того.

(Рудольф падает.)

Не по тебе была добычка, друг!

Рудольф

О! умираю... золото... король...
Сам, видно, Бог... хранит Густава... дни!

Елисавета

(схватив Густава за руку)

Пойдем отсюда поскорей... И здесь кровь
Оставила свой след. Везде,
Везде!.. Скорее к Богу!.. Господи!
Благодарю: Ты мой обет исполнил.
(Уходит.)

Явление II

В комнате Матильды.

Матильда

(устанавливая лампу)

Чтоб падал свет слабее на лицо...
Вот так... Как я дрожу!.. Одна минута,
И может рушиться все то, что сердце
Так долго строило... и мой Густав
Опять у Христиерна пленник! Но —
Я Богу поручила это дело,
И совершит его мой Бог. *(Прислушивается.)*
Идут...

Быть должен он... шаги его!.. мать знает
Их хорошо... Скорей, пока луч солнца
Не осветил моих надежд.

Явление III

Густав, Матильда, начальник замка и Гаральд с фонарем. На рыцарской одежде Густава накинута широкая епанча.

Матильда

(бросаясь в объятия Густава)

Густав!

Мой сын, мой дорогой!.. прости!.. когда-то

Увидимся, Бог знает... может быть,
Уж в стороне другой.

Начальник замка

Я оставляю
Вас на часок. Проститесь хорошенько,
А там и в путь! Ведь длинные проводы —
Лишь слезы лишние.

Матильда

Благодарю.

Гаральд

А я хоть и охотник посмеяться,
Но слезы подсмотреть люблю: что ж делать?
Натура такова. Я остаюсь,
Но только с позволенья...

Густав

Пленник ваш
Ни позволять, ни запрещать не может.

Гаральд

(проводя до двери начальника замка, тихо)

Не выпущу из вида на мгновение.
Теперь, Цербера головы, прошу
Не спать, а там хоть все на боковую!

Начальник замка уходит.

Явление IV

Матильда, Густав и Гаральд.

Густав

В последний раз молить ли мне тебя
Переменить свой приговор?.. Подумай.
Каким пятном всю жизнь свою покрою!
Сын мать свою принес на жертву;

Сам нож ей предложил, которым
Господь велел его заклать; огонь раздул
Сам для нее на жертвенном костре;
И все лишь для того, чтоб самому
На розах спать!.. Прекрасный, дивный сын!
Вот скажут что, мою услышав повесть,
И горько пальцем на меня укажут.

М а т и л ь д а

Нет, будут говорить, Густав, чтобы
Ослушником не быть священной воли,
Решился всем пожертвовать: молвой
Народною, укорами врагов
И самого себя. Какое диво,
Что сын пойдет, не думая, в огонь,
Чтоб мать спасти! Не сделает того
Один лишь изверг. Но твой подвиг выше,
И мать его умеет оценить
Здесь, здесь (*показывает на грудь свою*),
и Бога молит о награде.
А я, что принесла тебе взамен?
Сомнительную жизнь: в волнах, быть может,
Не ныне, завтра, был бы ей конец
Ничтожный, глупый: а теперь умру
Счастливая — с надеждами какими!

Г а р а л ь д

Минуты дороги... теперь борьбе
Нет места; жребья было время выбирать!
Бери скорей, какой на долю выпал;
Триумф иль казнь — бери. Один лишь час —
Всему конец!.. Скорее разменяйтесь
Одеждами, пока не рассвело,
И Богу остальное поручите.
(*Идет к двери.*)
Для осторожности запру я дверь.

М а т и л ь д а

(*указывая Густаву на одну из боковых дверей*)

Найдешь ты там такое ж точно платье,
Какое видели теперь на мне:

Покроя и цветов других я не ношу,
Ты знаешь, а твое я здесь найду.
(Указывает на другую боковую дверь.)

Гаральд

Лишь панцырь, епанчу и шлем свой нам оставь.

Матильда

Теперь прости, мое дитя! (Обнимает Густава.)
Благословенье

Мое прими. Венец ли ты наденешь,
Или останешься, чем прежде был,
Гордися, что ты Швед — но что ты человек,
Ты на престоле не забудь. Прости!
Передаю тебя Отцу Небесному.

Густав

(складывая у двери панцырь, который Гаральд помогает ему
сбросить, епанчу и шлем)

На жертвенник кладу свои доспехи,
Ах! думал ли когда, чтоб продал вас
За цену крови матери моей?
(Уходит в боковую комнату.)

Матильда

(схватив доспехи сына)

В руках моих трофей... за мной победа!
За мной! О, слава Богу, торжествую!
Попробуйте отнять, земные силы!
(Уходит в другую боковую комнату.)

Гаральд

Окаменей ты, сердце! слезы,
Назад, назад; не время вам теперь.
Отец и мать, пусть образ ваш стоит
Передо мной, как страж моей души!
(Прислушивается у двери. Немного погодя
едва отворяет дверь, в которую вошла
Матильда.)

Идут... скорей!.. но не забудь чего
Смотри!..

(Матильда входит в одежде сына.)

Лицо свое закрой рукою...

Вот так... нам истина сама поможет...

(Ведет ее к выходной двери.)

Сюда ко мне... поближе... здесь темнее,

Вы росту одного почти, нельзя узнать.

(Отпирает дверь.)

Явление V

Матильда, Гаральд и Эрик.

Эрик

(вбегая)

Пропало все.

Гаральд

Что, что такое?

Матильда

Боже!

Эрик

Велел отъезд Матильды отменить.

Гаральд

Зачем, причины ты не знаешь?

Эрик

Сон видел

Опять.

Гаральд

Все сны ужасные Христьяерна
Тревожат! Что ж?

Эрик

«Предвестие худое.—

Сказал он, подозвав меня к своей
Постели,— три короны на подушке
Передо мной лежали тесно рядом,
Как будто одного гнезда птенцы;
Как дети одного отца, казалось,
Обнявшись, умильно так смотрели
Друг на друга. На страже богатырь
Ходил, меч наголо, и свеж и бодр,
И вдруг, к подушке прислонясь, заснул.
Откуда ни возьмися ведьма; с нею
Пришла Матильда... стали торговаться...
Матильда ведьме отдала змею,
А от нее корону получила
Взамен, и долго, долго озираясь,
Тихонько под полу ее и — убежала.
Тут ведьма из земли сплела венец
И с хохотом надела на меня.
Проснулся я; с чела как будто капли льду
Мне падали на грудь. Худое
Сулит мне этот сон!» — сказал Христьерн
И за тобой послал меня, чтобы
Распорядиться отменить отъезд.

Гаральд

Нельзя! не может быть! не должно быть!
Пожалуй, так восторжествует он.

Матильда

Да, да, не должно быть... ты слышал сам.
Что станется тогда с Густавом, с верой
Моей? Что сделаю тогда я с нею?

Гаральд

Постой... подумать дай... Так; хорошо.
Бог даст, не все потеряно. Скорей

Клочок бумаги. (*Матильда подает ее.*)
Знает почерк он Руки твоей?

Матильда

Как почерк свой. Не раз
Один писала я к нему об сыне
(*Эрик, по знаку Гаральда, становится
на страже у двери.*)

Гаральд

Так пиши. (*Матильда пишет.*)

«Милый сын, придумай, изобрази, вымоли
средства отложить отъезд мой хотя еще на один
день. Один только день, и ты спасен. Я притво-
рюсь покуда больною».

(*Берет от Матильды записку, приписывает к ней
и свернув отдает Эрику.*)

Беги, как ветер, и отдай ему.
Скажи, что я нашел записку... Где?..
Перескажу я после, где нашел,
Теперь не время... Притворилась
Больной она (*указывая на Матильду*),
отнекивается ехать...

Скажи, что может сбыться сон, когда
Христьерн отъезд хотя на час отменит;
Что он, он, страж своих венцов, заснул:
Пускай проснется, пусть мечом блеснет
И узел Гордиев разрубит разом.
Скажи, что я не слушаю его —
Нейду... что головы мне не приставит
Другой, когда ее уж снимет раз:
Я остаюсь на страже у Густава,
Пока меня не сменил комендант.

Эрик уходит; Матильда становится на колени и молится.

А! и тебя, Гаральд, проникла дрожь!
Ну, если комендант теперь застанет

Нас в этом положении... бесподобно!
(*Схватывает Матильду за руку и влечет ее к двери.*)
Сюда, прошу, сюда, на всякий случай;
Твори молитву здесь, коль есть охота.
Я дело сделал (*грозит ей*), не испортить его!
Личину, мать, личину, говорю!

Эрик
(*являясь у двери*)

В путь, в путь! Хоть мертвую велел ее
Везти. Остерегитесь — комендант!
(*Скрывается.*)

Явление VI

Те же и начальник замка.

Все составляют тесную группу у двери.

Гаральд

Берите на руки его скорей... Матильда
Без чувств. (*Показывает на боковую дверь.*)
Король чтоб петуха
Нам третьего не прокричал!.. Пора!

Начальник замка

Пора; зарей, как алым кушаком,
Уж подпоясался восток — вперед, дружище!
(*Уходят.*)

Явление VII

Эрик и Густав.

Эрик
(*отворив то одну, то другую боковую дверь*)
Густав! сейчас принцесса будет.

Г у с т а в
(входя)

Слово

Как свято и ужасно исполняет!
Что скажут, Боже мой! когда узнают,
Прощалась с кем!

Э р и к

Король позволил ей
С Матильдою проститься. Он на террасе
Всех сторожит совиными глазами,
Следит малейший шорох чутким ухом.
Любимую султану одалиску
Вернее б евнух не берег. Но с нами
Сам Тот, Кто умудряет и слепца.

Г у с т а в

Молиться только я могу — о чем
И сам не знаю... знает мой Господь!

Явление VIII

Те же и Гаральд.

Г а р а л ь д
(Эрику)

Пойди, принцессу встретить; сюда, я видел,
Уж шла она.— Кокетку излови
И шашнями, любовными займи.

Э р и к

Последний геркулесов подвиг! доле
Личину не смогу нести. Пойми
Другой, не я, как ты давно не задохнешься
Под нею, чудный человек!
(Уходит.)

Явление IX

Густав и Гаральд.

Гаральд

Прекрасно

Идут дела. Матильду видел я
В твоих покаях — и не в силах был,
Чтобы не броситься к ногам ее.
Какая женщина!.. Король глазами
Умильно провожал Густава-двойника;
Когда я шел назад, со мной шутил,
И весел так, как будто подгулял!
До речи с пленником я коменданта
Не допустил, чтобы — как я сказал —
Сыновней горести не оскорбить.
У башни караул тройной поставлен.
Прощай (*подает ему руку*), иду опять я к делу.
Удастся ль нам еще замолвить слово!
Прощай; Кронсгельма сына не забудь.
(*Уходит.*)

Явление X

Густав, Елисавета и Эрик.

Эрик

(*едва отворив дверь*)

Принцесса! (*Скрывается.*)

Густав

Боже мой! Елисавета?

Елисавета

Неверно ль исполняю обещанье?

Густав

Нет слов; но здесь, здесь глубоко в душе,
Я чувствую, что стоит этот шаг
Тебе, что делаешь ты для меня.

Елисавета

Пойдем. Я проводить тебя сама
Хочу. Готово все. Минуты сочтены
У Господа... Последнее прости!
(*Бросается в его объятия.*)
Прости навек! Не позабудь меня...

Густав

Пусть прежде сердце иссушит Господь!
О, подожди хоть несколько еще;
Дай на себя еще налюбоваться,
Дай руки мне свои облобызать
В последний раз... Теперь я наслаждаюсь
Любовию твоей; ты в небеса
Перенесла меня. И это все *былым*
Я скоро назову; и не придут
Назад уж *никогда* минуты эти.
Про небо я мое в мечтах земных
Лишь вспóмняю, и горькими слезами
Былое счастье оболью. Помедли
Хоть миг один.

Елисавета

Забудешься с тобой.
Смотри, не погуби себя, Густав!

Густав

Все для меня; а я, неблагодарный,
Что делаю для вас? Пора бы вспомнить!
Пойдем, пойдем: минута лишняя,
И на покров души твоей, чистейший снега,
Наложит клевета пятно... Веди ж меня,
Хранитель-гений, под крылом своим,
Куда назначили мне Бог и мать моя!
(*Уходят.*)

Явление XI

Терраса дворцовая; с нее видны море, у берега лодка с гребцами и солдатами, ближе Густав, поддерживаемый Гаральдом, а потом и Эриком. Елисавета, пока она не простилась с Густавом. Родериг и баронесса Ландсель; у левой башни начальник замка; вдали виден корабль.

Христиерн и барон Ландсель на террасе

Христиерн

Елисавета с ней прощается как нежно!..
Она у дочери целует руку...
Ох! этот Вазы род мне возмутил
Весь дом.

Барон Ландсель
(*смотря из-за него*)

Жена кивает ей умильно...
И... Боже!.. Эрику жмет страстно руку.

Христиерн
(*насмешливо*)

И пажу бывшему, я слышу, говорит:
Прости, мой друг; не доверяйся, милый,
Красоткам севера — они опасны!

Барон Ландсель
Позвольте, государь; такой разврат...

Христиерн
Останься, не мешай — ты глуп и стар!
(*Кивает головой.*)
Прощай, Матильда! Бог с тобой, старушка!
(*Махает рукою.*)
Не слышит и не видит: непогоду
Сердечко чует знать!.. Не удалось
К сынку послание. Гаральд не промах;
А то бы сбыться сну. (*Немного погодя.*)
Ге, ге! в тюрьме
Отъелась, словно кот в мучном амбаре;
Как разжирела у меня! Житье

Худое — говорят же — у Христьерна!
(*Немного погодя.*)

А Эрик — злой мальчишка! — короля
И благодетеля хоть бы поклоном
Он удостоил!.. Но пусть едет дальше!
К Густаву что-то льнет негодник.
(Еще вчера сокольник без него
С лица земного стер бы Шведа.
Зверь истерзал Рудольфа... знаю зверя!
Он дорого бы поплатился за него,
Когда бы так на мать не походил).
(*Видно, как Густав вскакивает в лодку.*)
Голубушка не по летам проворна!
(Ну развязался с ней, и скоро в воду
Концы.)
(*Лодка удаляется, Густав открылся;
Эрик подает ему меч.*)

Теперь она как на Густава
Похожа!.. Странно, вздумалось что ей
Взять в руки меч! Как смело им владеет!
Не воротить ли мне, как думаешь?

Барон Ландсель

Что в ней вам, государь; от лет рехнулась.
Когда бы в барабан стучать желали,
Всегда Густавова приятней кожа.

Христиерн

Смотри, чтоб не ударил по твоей!
— Она и не она? Густав и не Густав?
Эй, Гойе!

Начальник замка
(*подходит к террасе*)

Приказать что ты изволишь?

Христиерн

Густав где?

Начальник замка
В башне.

Христиерн

Позови его

Ко мне. Сей час, сей миг хочу его я видеть.

(*Со страхом.*)

Что сердце так болит?

Барон Ландсель

Всегда к добру

Тоскою весть дает: старушка-мать

Меня приметам этим научила.

Христиерн

Чтоб Вельзевул побрал тебя и с ней!

Густава я хочу, Густава мне

Подайте; у земли, у неба, у кого

Хотите вы, исторгните его;

Достаньте мне хоть кровью вашей,

Хоть жизнью ваших жен, детей; но только

Подайте мне Густава... я хочу,

В мгновенье ока. Слышишь? Коменданту

Скажи, что если Вазу через миг

Один перед собою не увижу,

Зубец на башне первый ждет его

Безмозглой головы... Что ж стал? беги!

(*Барон Ландсель сбегает с террасы.*)

Явление XII

Христиерн, один.

На дворе слышны крики: «Скорее сети! лодки!.. Бросился с башни—в море.—Кто?—Густав! Ну слышу. Недолго уж командовать ему!»

Христиерн

Вот каково! уж крики возмущенья!

Я вас! Лишь дайте справиться с Густавом!

(«Рыбаки поймали.—Он жив.—Ну, бедному и умереть не дали».)

И правда, жаль, что умереть не дали!
Один конец!.. Уж развязал бы он
Меня!.. Несут... Но странно... как черты
Его вода морская изменила!
Быть может, он не вынесет удара;
А если на весах не станет грана,
Так смерти гран подкинуть не беда...

Явление XIII

Христиерн и барон Ландсель.

Барон Ландсель

Несут... но... государь... ужасный случай...
Боюсь...

Христиерн

Ну, говори.

Барон Ландсель

Оборотился

Густав в Матильду. Сторож говорит:
«Я все Густава караулил — вижу,
В одно мгновение он в окно, что к морю,
На крепостной зубец — лишь вымолвил:
«Чтоб развязать его!» — смотрю уж в море —
И я за ним. Тут рыбаки успели
Нас подцепить». Да вот и сам двойник.

Явление XIV

Те же, Матильда, офицер и служители. Служители и рыбак
несут Матильду на ковре; лицо ее покрыто смертною бледностью,
волосы в беспорядке и мокры.

Христиерн

(подбегая к ней и глядяваясь в нее)

Матильда? Ты ли это, говори!
Услышать голос, ай... Матильда! слово
Одно?.. Она!.. Теперь открылось все:

Она сама!.. Все были в заговоре
Против меня: Гаральд, Елисавета, Эрик,
Начальник замка, все кого любил.
Вольно ж было глупцу любить кого!
Кругом обманут я... О, силы ада!
Неужли не найду у вас ума,
Чтоб казнь для них такую изобрести,
Какой не слыхано с рожденья мира.
(*Офицеру.*)
Отправить корабли за ним в погоню!

Офицер

Здесь нет ни одного; они отплыли
Еще вчера.

Христиерн

Зачем? Приказ кто дал?..
Оттона Крумпена! (*Все молчат.*) (В цепях!.. Слуги
Вернейшего я сам себя лишил.)
Гаральда мне!

Барон Ландсель

Гаральд исчез.

Христиерн

Так дочь!

Подайте дочь. Несчастную ко мне!

Барон Ландсель

Разнесся слух здесь об ее побеге.
Служитель от жены записку мне вручил,
Не помню где. Тебе она, быть может,
Откроет путь ее.

Христиерн

Читай скорее.

Барон Ландсель

(*читает*)

«Принцесса в монастырь Бригитты

Отправилась, и из обители святой
Не возвратится более: обет
Дала она небесному Отцу —
И царский сан, и красоту, и юность,
Все в дань принести у алтаря его,
И приказала то сказать отцу земному».

Христиерн

Проклятие... Я проклял бы ее,
Когда б под сенью алтаря не скрылась.
Где Гойе?

Офицер

Приказал сказать тебе,
Что в крепости запрется он с командой,
И до тех пор изменникам не сдаст
Ее, пока останется хоть капля крови в нем.

Христиерн

С ума сошел!.. В глазах чертенки пляшут,
А он, глупец, изменников в них видит.
(Подходит к Матильде.)
«Чтоб развязать его?» А! понимаем.
Так свяжем мы его, так мы еще
Его сюда притянем. (Барону.) В руки ей перо
И под перо бумагу. (Дает знак, чтоб перенесли
Матильду на кресла.)

Ну?

Барон Ландсель
(исполнив приказанное)

Держу.

Христиерн
(Матильде)

Пиши. (Матильда берет дрожащими руками
перо и пишет.)

«Была безумна я; теперь
О, возвратиться поспеши, мой сын!

Не то проклятие мое тебя догонит.
Гремят орудья пытки — не стерплю —
Взглянуть на них, кровь стынет. Поспешай,
Мой сын, когда ты человек — не изверг».
Что ж, написала?

М а т и л ь д а

Да.

Х р и с т и е р н
(*барону*)

Прочти.

Б а р о н Л а н д с е л ь
(*читает*)

«Мое
Проклятие, когда ты возвратишься.
Теперь благослови тебя Господь!
Благодарю: ты дал мне сладко умереть».

Х р и с т и е р н
(*потирая себе руки*)

Ге, ге! так мы найдем другие.

М а т и л ь д а

Ты видел... смерти... не страшилась я:
Так пыток ли твоих... бояться мне!

Слышен звон колоколов и народные крики: «Да здравствует Фридерик I, Король датский! Да здравствует Фридерик II!»

Х р и с т и е р н
(*прислушиваясь с возрастающим ужасом*)

Я помешался, знать?.. Колокола
В ушах и сердце так гудят. (*Барону.*) Беги, узнай.
(*Барон выбегает.*)

Явление XV

Те же, Магнус Мундс, Гаральд и стража
в богатом придворном платье.

Барон Ландсель

(сбегает и машет с террасы платком)

Да здоровствует Фридерик I, голстинский,
Король датский!

(Обращаясь к Мундсу.)

Виват! Пускай король узнает новый,
Что первый во дворце я закричал.

Магнус Мундс

И потому ты будешь у него
Последний, мой дружок!

Христиерн

Гаральд?

Гаральд

(выступая гордо вперед)

Прибавь:

Кронсгельма сын.

Ты слышал эти крики?

Я вызвал их из гроба моего
Отца; я их сложил из воплей,
Исторгнутых в твоих объятьях скверных
Позором матери; я собрал их,
Как мед пчела, из горечи проклятий,
Которыми тебя страдальцы поминают.
Ты слышал ли? все я, Кронсгельма сын!

Христиерн

(обращаясь к Мундсу)

Что значит это, господин правитель,
Мой верный подданный и лучший друг?

Магнус Мундс

Христьерн! от имени сената и чинов
Я прислан объявить тебе, что ты,

За злодеяния, каких досель
Не видел мир, за кровь безвинную народа
И угнетение сословий всех,
Лишен венца и в заточенье сослан,
Пока угодно Богу жизнь продлить
Твою. Твой дядя, Фридерик голстинский,
Тебе наследует, *наш* бывший государь!
Да здравствует Фридерик, по имени первый,
король датский!

Все присутствующие повторяют: «Да здравствует Фридерик II!»

Христиерн
(гордо озираясь)

Кто смел?.. Я вас, презренные творенья!
(Присутствующие, кроме Гаральда, невольно
отступают.)
Король я ваш, пока я жив.
(Схватывает нож и хочет им ударить себя.)
Солгали!..

Умру я королем!

Гаральд
(вырывая у него нож)

Солгал же ты,
Злодей, в последний раз. Ты должен жить,
И будешь жить еще, пока Господь
Не позовет тебя к суду другому;
Но жизнь тебе тошнее смерти будет.
Не тщетно ж мщенья плод я собирал!
Досель ты видел все у ног своих;
Народы слушались тебя со страхом,
И кровь лилась руки твоей по мановенью.
Пришла пора: в цепях и одинокий,
Томиться будешь ты в той самой башне,
Откуда сбросил моего отца.
Тебя все бегать будут, как заразы:
Тюремный глупый страж почитит тебя
Своей беседою, и горьким смехом
Тебе напомнит про былой венец;
И речь о злодеяниях Христьерна

Коль заведет, внимать ты будешь ей,
Как сказке, писаной, чтобы детей пугать.
Но полночь грянет... жди: Екатерина
С твоею совестью беседовать придет,
И не отстанет от нее, пока
Твой час последний не пробьет.
(Обращаясь к окружающим.)
Теперь я свой сыновний долг исполнил,
И Богу моему иду служить.

Магнус Мундс

Останься при дворе; твои заслуги
Достойно новый государь оценит.
Твой ум, отвага могут быть полезны
Еще отечеству.

Гаральд

Нет, нет, с земными
Расчет покончил чисто навсегда.
(Входит Эрик.)
Ах! лишь ему я должен вечно буду.

При входе Эрика Матильда, бывшая в предсмертном усыплении,
приходит в себя.

Явление XVI и последнее

Те же и Эрик.

Гаральд

Так скоро?

Эрик

Сам Господь навстречу нам
Спешил. Едва мы захватили моря
Пространство доброе, увидели корабль.
Когда мы с ним в переговоры вошли,
Он поднял флаг с цветами дома Вазы
И море огласил восторга кликом.
Затем посольство шведское явилось

К нам на корабль, и донесло Густаву,
Что преданность к нему Далекарлийцев,
Составив множество полков, из гор
Потоком грозным вылилась, все ею
Разрушено, что Христиерн имел
Себе оплотом на пути к столице.
За ними Швеция восстала вся
И королем своим провозгласила
Густава Эриксона, дому Вазы.

М а т и л ь д а

(которая в продолжение Эрикова рассказа приподняла голову)

Благодарю... Тебя, Господь!.. Густав мой!..
(Умирает.)

Г а р а л ь д

(схватив ее руку)

О, Боже!.. умерла.

Э р и к

Так — сладко умирать!

Мундс дает знак Христиерну, чтобы он шел за стражею; Христиерн повинуется.

Э р и к

(Христиерну)

Ага! убийца матери моей
И моего отца, и от меня
Награду получи: пускай тебе
В изгнание сопутствует мое...

Г а р а л ь д

Остановись.

Х р и с т и е р н

И ты, мой сын?

Э р и к

Как? сын...

Его?.. Гаральд, мой брат, что значит это?

Гаральд

Ты сын Екатерины, милый брат
Мой...

Эрик

Сын его... Молчишь?

Христиерн

Когда тебе
Мои несчастья открыли тайну
Рожденья твоего, приди ж на грудь
Мою... приди скорей... и облегчи
Мне цепи тяжкие своей любовью.
Ты мне один отрадой здесь остался.

Эрик

Так я, выродок его презренный?
Чудовища я сын?.. какое счастье!
Благодарю, Господь! благодарю!
(Христиерну.)
Довольно я игрушкою служил!
Так и теперь могу служить я куклой,
Которою ты забавляться волен,
Когда не можешь кровью потешаться?
Так и теперь лечу подчас улыбку
Я на уста твои призвать?.. Ошибка!
Живи, как прежде жил ты, одинокий!
Где б ни был я, мне легче, чем с тобой!
(Закалывается.)

Гаральд

(припадая к нему и целуя у него руку)

Брат, милый брат!.. Что сделал я, несчастный!
О, вымолви хоть слово на прощанье!

Христиерн в глубокой печали удаляется.

МАТЕРИ-СОПЕРНИЦЫ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ С ЭПИЛОГОМ

Из времени великого князя Иоанна Васильевича III.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Великий князь Иоанн Васильевич, высокий, сутуловатый, черные волосы с проседью.

Великая княгиня Софья Фоминшна, жена его из рода греческих императоров.

Великая княгиня Елена, вдова сына Иоаннова от первой жены, *младого* Иоанна, дочь господаря молдавского Стефана, лет 30-ти с небольшим.

Великий князь Василий Иоаннович, сын великого князя Иоанна III-го и Софии, лет 23-х.

Великий князь Дмитрий Иоаннович, сын Елены, в первых действиях 16 лет, в эпилоге 20-ти с лишком.

Михайло Русалка, великий дворецкий.

Федор Курицын, дьяк по посольским делам (сторонник Елены).

Владимир Елизаров Гусев, дьяк по законоведению (сторонник Софии).

Князь Даниил Дмитриевич Холмский, воевода большого полка.

Марфа Борецкая, бывшая посадница новгородская.

Алегам, царь казанский, жена его и татаре, заключенные в черной избе.

Аристотель Фиоравенти, зодчий.

Рыцарь Николай Поппель, посол от немецкого императора.

Варфоломей, толмач.

Схариа, чернокнижник и астролог.

Небогатый, тюремный пристав.

Постельничая великой княгини Софии.

Суконник Золотой.

Даньяр, царевич касимовский.

Привидение.

Бояре, почетная стража при приеме посла, свита посла.

Бояре, суконники и прочего звания люди и на сборище Схариа.

Стража из детей боярских в черной избе, народ за кулисами.

ДЕЙСТВИЕ I

КАРТИНА I

Терем великой княгини Софии Фоминишны, богато обставленный по тогдашнему времени.

Явление I

Великая княгиня Софья Фоминишна сидит в креслах, обитых бархатом. Постельничая ее барыня поправляет на голове ее кичу, убрannую жемчугом и драгоценными камнями, и охорашивает на ней парчовую ферязь. В глубине сцены несколько боярских жен и девиц.

Великая княгиня Софья

Боюсь я больше прогневить его,
Не то б одежду эту сбросила с себя
И вдовью победней надела.

Постельничая

Полно,

Сударыня княгиня, над собой
Ты не давай кручине волю — брось
Под ноженьки. По-нашему, как муж
Серчает больно на тебя напрасно,
Так тут назло ему и наряжусь
Наряднее, клин клином выбиваю.
Ты посмотришь-ка в фряжское стекло:
Какая ныне ты красавица!
Десяток лет свалилось с плеч,
Была такая, как въезжала к нам
В Москву великокняжеской невестой.

Великая княгиня Софья

Да, не забыть мне дня, когда встречали
Меня, пригожую и молодую,
С невиданным дотоле торжеством,
Бояре, дьяки, войско, духовенство,

Владыка сам с хоругвями святыми,
И мой жених, красивый, величавый,
Впился в меня любовными очами.
О! как душа в то время ликовала.
Казалось, я с земли взята на небо.
(*Немного погода.*)
И были дни потом, недели, годы,
Когда на свете сем я никого
Себя счастливее не почитала.
Любовь супруга, дети, честь, величье,
Все это Господом дано мне было.
А ныне...

Постельничая дает знать рукою боярским женам и девицам, что-
бы вышли.

В горе, в тяжком униженьи
Заброшена и мужем и дворскими.

Постельничая

За что ж он на тебя так рассерчал?

Великая княгиня Софья

Ты помнишь, что по моему желанью
Ты знахарку ко мне ввела.

Постельничая

Так что ж?

Беды ведь оттого не приключилось
Ни с кем. Ты сказывала мне, в реке
Тот корень приворотный утопила,
Что знахарка дала.

Великая княгиня Софья

Бог видит, князю

Ни в яствах, ни в питье я не давала;
А вороги мои ему шепнули,
По научению невестки злой,
Что зелием его известь хотела.
А я, Господь свидетель, воротить
Единственно любовь его желала.

Постельничая

Маленько потерпи, гроза пройдет
И солнышко, великий князь, и сам
С любовью к тебе оборотится.
А наши дворские все таковы,
Как парус, ветер куда его потянет,
Туда они надувшись за ним.

Великая княгиня Софья

Нет, гнев его не мимолетный гнев,
Не ссора, каковы у всех бывают
И никаких следов не оставляли
В быту семейном. Нет, теперь кладет
Позор великий на меня, на жизнь мою,
На все мое семейство и, чего не в силах
Я выдержать — венцом обходит сына,
Законного наследника, для внука,
Отродия Алены Волошанки.
А там, помилуй Бог, умрет мой муж...
Везде ей первый шаг, почет ей первый...
Что ж мне тогда? пред нею унижаться,
Иль в келью заключить себя навек.
*(Задумывается и потом немного погодя
в исступлении показывает рукою.)*
Ты видишь там, как говорю с тобой,
За этими стенами...

Постельничая

Нет, не вижу.

Великая княгиня Софья

А я, я вижу там... сынка ее,
Мальчишку глупого, венцом венчает
Митрополит, мой враг, ее любимец,
Бояре ближние с земным поклоном
Его целуют руку...

Слышен колокольный звон, потом крики: «Да здравствует многие
лета великий князь Иван Васильевич, да здравствует великий
князь Димитрий Иванович!»

Великая княгиня Софья

Слышишь?.. А!..

Свершилось!.. Гром небесный на меня
Упал. В груди кипит смолой горючей.
Святые силы, помогите мне!..

Явление II

Те же и дворецкий Русалка.

Великая княгиня Софья

Зачем пожаловал ты с торжества
Великого, которое дает
Наследника стола великой Руси,
И разумом высокого и духом,
Надежного на богатырских плечах
Снести все бремя управления царством?
Не для того ль пришел, чтоб посмеяться
Над женщиной, покинутою мужем
И опозоренной перед народом?

Русалка

Ты знаешь, господыня, неповинен
В дворских я кознях, шли оне помимо
Меня. Дьяк Курицын всем делом правил
И клеветой с Аленой Волошанкой
Тебя перед великим князем обошли.
Я преданный тебе всегда был раб
И буду до тех пор, пока Господь
Во мне хоть искру жизни сохранит,
Хоть искорку... И ныне я пришел
Тебе великую поведать тайну...
Боярыня (*указывая на Постельничую*) родная мне
сестра

И за тебя готова умереть,
Так я при ней могу поведать между нами
Что тяжело на душе моей лежит.
Меня лишь не забудь, как будешь в силе.

Великая княгиня Софья

Не знаю, доверять тебе ли можно;
Ты ныне из корысти льнешь ко мне,
А завтра из того ж во все лопатки
Перебежишь к другой.

Русалка

Господь порукой,
Что я тебя не выдам, хоть пили
Меня, глаза мои тогда пусть лопнут,
Пуская лихая немочь разнесет
Суставчики на пищу вороньям.

Великая княгиня Софья

Скажи.

Русалка

Сюда приехал Схариа жидовин.
Знаком он был с Аленой Волошанкой
В Молдавии. Оттуда перенес
Свою он ересь в Новгород и ныне
Ее в престольном граде рассеваet.
Бояре, смердь, суконники, попы
И сам владыка заразились ею.
Народ в соблазн, ой-ой! великий вводят.

Великая княгиня Софья

Да что же их так сильно в ересь тянет?

Русалка

Ведь Схариа великий чародей.
Он с неба молнию Господню сводит,
Велит — и гром при солнышке гремит,
И вызывает мертвых из гробов.
Умерших сродичей он показал
Боярам, а твоей невестке князя
Великого, младова Иоанна,
Сулил живого скоро показать.

Великая княгиня Софья

То, видно, дьявольская сила в нем.

Русалка

Большущая есть книга у него —
Антихриста с печатью кровяной.
Дает печать ту целовать тому,
Отступится коль кто от нашей веры.
Он ворожит по звездам и планидам,
Написана кому судьба какая;
Пророчит представленья света
И год и день.

Великая княгиня Софья

Ты не слышал когда?

Русалка

Сам не слышал, а говорят в народе:
Уж близится звериное число.
По-моему лишь православный люд
Мутят. А заправляют делом всем
Жида начальник главный Курицын,
Да ручка сильная Алены... Скоро,
Пожалуй, в ересь и сынка введет.
Уж подлинно, что преставленье света.

Великая княгиня Софья

Об этом знает ли великий князь?

Русалка

Не думаю.

Великая княгиня Софья

Так доложи ему.

Русалка

Хотел тебя спросить; тогда Алене
Не сдобровать.

Великая княгиня Софья

Шепни, ты попытай,

А за услугу двадцать пять рублей.

Слышен напев молдаванской песни.

Постельничая

Нишни. Идет сама. Всегда поет
Родную песнь, коль весела бывает.
Уж вдовушке пора бы перестать,
Да ветер больно в голове гуляет.

Великая княгиня Софья

Зачем нелегкая ее несет.

Русалка

Уйти бы мне хоть с заднего крыльца.

Постельничая толкает его в боковую дверь.

Явление III

Великая княгиня Софья, Великая княгиня Елена,
Великий князь Димитрий Иоаннович. Последний в великокняжеской остроконачной шапке и в бармах, постельничая отходит в сторону.

Великая княгиня Елена

(показывая рукою на уходящего дворецкого)

Ха, ха! А хвостик все-таки поймала.

Великая княгиня Софья

Спросить мне не прикажешь ли, кого
К себе должна я в терем принимать?

Великая княгиня Елена

Не ссориться с тобой пришла, княгиня,
Из-за шута...

Великая княгиня Софья

Не шут — великокняжеский дворецкий.

Великая княгиня Елена

Пожалуй так. Не ссориться пришла,

А справить лишь поклон тебе, старейшей
В великокняжеской семейке, вместе
С наследником стола великой Руси.
Иван Васильевич сам приказал.

Великая княгиня Софья
Наследник?.. что-то не дослышала.
Старенька стала, глухота нашла.

Великая княгиня Елена
(усиливая голос)
Владыкою венчанный в храме Божьем.

Великая княгиня Софья
Так-так наследник, истый богатырь!
(Великий князь Дмитрий Иоаннович подходит
к руке Великой княгини Софьи, она трет то место,
где он поцеловал.)

Великая княгиня Елена
Аль укусил?

Великая княгиня Софья
Нет, ничего, недавно,
Знать, режутся у мальчика зубки.
Великий князь Дмитрий Иоаннович
(обращаясь к бабке)

Жить многи лета, бабушка, тебе,
А мне тебя на старости покоить.

Великая княгиня Софья
Спасибо, внук (оглядывая его и показывая на шапку)
Ахти! какие цацки!
Унизана вся жемчугом, горят каменья.
На палочке теперь уж не поскачешь.

Великий князь Дмитрий
Зачем на палочке? Я на коне
Лихом поеду, на таком, чтоб грыз

Он удила и вихрем бы летал:
«Вот русский молодец!» — народ пусть скажет.

Великая княгиня Софья
(поправляя на голове внука шапку, так что она сдвинулась на глаза)

Кажися, на тебе невелика ли?

Великая княгиня Елена
Как будет царствовать, придется впору.

Великая княгиня Софья
Уж не желаешь ли, чтоб поскорей
Иван Васильевич лежал в гробу?

Великая княгиня Елена
У баб лихих коренья не брала,
Чтоб извести его отравой!

Великая княгиня Софья
У Схария, жидка, ты попроси
Лихого зелья, чтоб заснул навек.

Явление IV

Те же и Курицын.

Курицын

Крепись, великая княгиня, Софья
Фоминишна, Господь послал тебе
Великую, неожиданную напасть.

Великая княгиня Софья
От недругов своих не ожидаю
Известия другого. Ко всему
Я приготовилась уже давно.

Курицын

Твой сын Василий пойман Государю
В измене воровской. Детей боярских

Он шайку молодцов набрал и с ними
Бежал на Вологду; хотел казну
Ограбить там и войско стал скликать,
Чтоб на войну идти против Москвы.

Великая княгиня Елена
Против отца!

Великая княгиня Софья
О, Господи! за что
Меня, несчастную, караешь снова!
Лишь этого еще не доставало.

Курицын
В пути он царскими гонцами схвачен.
Иван Васильевич, зело вскипев,
Велел под крепкой стражей содержать
Его, а молодцов, детей боярских,
Казнить. Да вот и сам пришел проститься.

Явление V

Те же, великий князь Василий Иоаннович и стража.

Великий князь Василий Иоаннович
*(бросается к матери, падает перед нею на колени
и целует у нее руку)*

Родная, свет очей моих, прости.
Не мог я перенести обиды тяжелой
И незаслуженной, грудь разрывалась,
Кипела молодая кровь. Невмочь
Мне был позор. Пред кем меня унизил —
Пред мальчиком, дрянным молокососом,
Злодей отец!..

Великая княгиня Софья
Опомнись, про кого ты говоришь,
И здесь. Кругом все недруги стоят.

Великий князь Василий Иоаннович

Пускай передают!.. В тюрьме, в цепях,
На площади, под плахой мастера
Запленного, все то же я скажу.
Пускай со всех концов святой Руси
Услышат сына-мученика голос,
И судит нас с отцом Господь небесный!
Эй! шептуны! подите, донесите,
Размажьте хорошенько, чтоб слова
Мои в груди змеею повернулись.

Великая княгиня Софья

О, Господи! он вовсе помешался.
Дитя мое, голубчик, укроти
Свой безрассудный гнев и покорись
Отцу, хотя б снести голову с тебя
Велел. Ты кровь его, как и моя.

Великий князь Василий Иоаннович

И подлинно уж кровный, как не скажешь!

Великий князь Димитрий Иоаннович

Голубчик дядя, больно жаль тебя.

Великий князь Василий Иоаннович

Побереги ты жалость для других.

Великий князь Димитрий Иоаннович

Пойду я к дедушке и упрошу,
Чтоб он тебя простил.

Великий князь Василий Иоаннович

Простить меня,
По милости твоей, дрянной мальчишка?..
Пискунчик, только что в пушок оделся!
Надел великокняжескую шапку
И думает, что милости уж сыплет.
*(Замахивается рукою, чтобы ударить по шапке
Димитрия, великая княгиня Софья в испуге
хватает его за руку.)*

Великая княгиня Елена

(берет сына за руку)

Уж этого нельзя стерпеть. Пойдем
Мы к бабушке и жаловаться будем,
Что больно опозорил нас при всех.
Он с этим справится бунтовщиком.
(Уходит с сыном.)

Курицын

(обращаясь к Великой княгине Софии)

Приказано великим князем мне
За ним, как можно строже, наблюдать,
Чтоб он чего во гневе не поделал.
Но, видно, князь Василий глух к советам,
Ругается и волю дал рукам;
Так по приказу ж государя должен
Его куда назначено свести.
Прощайся с матушкой и с Богом в путь.

Великий князь Василий Иоаннович

Прощай, ты не суши себя, родная.
Что б ни было, молися за меня
И не склоняй ты головы пред тем.
*(Великая княгиня Софья обнимает его,
благословляет и в изнеможении падает
в кресла. Постельничая плачет, ухаживая
около нее.)*

Великий князь Василий Иоаннович

(страже)

Идем, ведите в черную избу.
(Стража уводит великого князя Василья)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ II

КАРТИНА II

Брусная великокняжеская изба на старом месте. На сцене узорчатое кресло, на спинке которого вышит двуглавый орел; перед креслом скамейка, на которой вышит лев; близ кресел стол, кругом скамейки с суконными полавочниками.

Явление I

Князь Даниил Дмитриевич Холмский, главный воевода, дьяки Курицын и Гусев и боярин Мамон.

Дьяк Курицын

(тихо Гусеву, отводя его в сторону)

Великое он дело, слава Богу,
Покончил.

Гусев

Тяжкое, прибавь еще —
Не по закону. Обошел во гневе
Венцом родного сына в пользу внука.
Я вижу впереди одне лишь смуты,
Раздор среди семьи и неустройства.

Курицын

Он сам закон. Василию вольно ж
В сердцах, по злomu наущенью дьяка,
Набрать отчаянных ребят ватагу,
Чтоб погубить Димитрия, уйти
На Вологду и там казну заграбить.
Он сам отцу признался без утайки.

Гусев

Быть по тому, коль хочет князь великий.

Курицын

Замыслил раз — ничто не изменит.

Гусев

Уж дело сделано; я только к слову молвил
Приятелю, чтоб с сердца бремя сбросить,
А, может быть, и как законник строгий.
Прошу тебя меж нами речь хранить.

Курицын

Меня ты знаешь, шептуном я не был,
Но вот дворецкий.

Явление II

Дворецкий Русалка и те же.

Дворецкий

Все ли собрались,
Которых князь великий призывал?

Голоса

Все, все.

Явление III

Те же и великий князь Иоанн Васильевич. Входит, зорко оглядывает всех, на низкие поклоны царедворцев ласково откланивается и садится на приготовленное ему кресло; в руках у него тонкая трость из резной слоновой кости. Дворецкий подставляет под ноги его скамейку.

Курицын

(подходит к нему с поклоном)

Великий всяя Руси государь!
Венчал ты внука своего на царство,
Богатое наследье приготовив
Ему: так нарекися ты царем,
Вся Русь к тебе сим именем взывает,
Чужим царям давно слывешь ты братом...

Иоанн Васильевич

(прерывая его)

И ты, мой любя Курицын, пустился
Прельщать меня опасным искушеньем.
И без тебя довольно в голове
Сидит царя. Угмонить хотел бы,
Но невмочь. Давно уж глаз мой видит,
Да зуб неймет. Вся Русь?.. а где ж она?
Где это царство сильное, как рой пчелиный,
Слетевшийся со всех концов земли
В единый улей по призыву матки?

Курицын

Ты победил татар, сломил Казань,
Навеки смолк новгородский вече,
Ты широко раскинул так свою державу,
Что можешь смело нарецись царем.

Иоанн Васильевич

Раскинул широко? Га; полно, так ли?
Что захватил и правдой и неправдой,
Держу-то крепко и не выпущу.
А тут на сердце налегли свои
И вяжут крепко руки мне. Кругом меня
Тыны поставили: Ростов, Рязань,
И Ярославль и Углич; некрепка
На шаткой Верее моя калитка;
Поеду в Новгород, всегда о Тверь
Я запинаясь. Выгляни в окно —
Увидишь из него чужую треть,
Чужое княжество. Нет, прежде свалим
Везде тыны, везде заставы срубим,
А там, продлит Бог, если живота
И милости Его не оскудеют,
Царем тогда я буду настоящим.
Легко себя обставить птицами и львами,
Велел, чем хочешь величать себя,
Да настоящим быть царем и словом,
И делом нелегко. Но об царе
Довольно долго речь вели. Теперь

За службу примется великий князь.
Ну, Мамон, дело как с Литвинами?

М а м о н

Князь Лукомский и Матифас толмач
Сознались, что тебя извести хотели
Отравой по насылу Казимира.
Пытал давать я зелье колдунам:
Их пучило от макова зерна
И разорвало пса в единый миг.

И о а н н

(скинув тафью, благоговейно)

Благодарю Тя, Спаса моего,
Что недостойного раба Ивана
Насильственной избавил смерти лютой.
(Лизнув перстень на руке)
Спасибо и Менгли-Гирею брату;
Снабдил меня он этим перстеньком:
В нем сила чудная против отравы.
Своих ты бойся боле, чем чужих.

М а м о н

Помилуй, государь, допустим ли
Мы, верные всегда твои холопы.

И о а н н

Холопов не хочу, хочу я слуг;
Под страхом только те живут одним.

Г у с е в

Блюдет владык законных око Божье.

И о а н н

(задумывается)

Еще высокий, благородный краль,
Краль христианский, хуже басурмана:
Так зелием, коль силой не берет.
Посмей отныне лаять, что затеял
Размирье с ним лишь из одной корысти,
Хотя б и было что поговорить

Нам о Литве, земле исконной нашей.
Да это дело впереди еще,
Об нем добре пусть потрудятся внуки.
Коль разумом сподобит их Господь.
Смотри, однако, Мамон, кривды злой
В твоём допросе не было ль; не мстил
И не дружил ли ты кому, признайся.

М а м о н

Семь добрых *видочков*, детей боярских
Крест целовали, не было греха
Ни перед Господом, ни пред тобою.

И о а н н

Пусть будет так. А что по твоему
Судебнику, мой Елизарович,
Уложено?

Г у с е в

А татьбу доведут, или разбой,
Иль душегубство, иль иное дело
Лихое, и лихой тот будет ведом,
Боярину того велеть казнити смертной казнью,
А истцево доправить, а что
Останется, боярину и дьяку.

И о а н н

Небось, законники не позабыли
Себя и, заодно уж тут, бояр:
Рука, по поговорке, руку моет...
Так быти по закону: живота
Не дать, кто посягает на чужой.
(*Делает Курицыну знак рукою, чтоб подошел,
но потом отстраняет его.*)
Забыл, что курице петь петухом
Несродно. Мамон начал это дело,
Так пусть и кончит он. (*Мамону.*) Скажи
Московскому тиуну, да дворскому,
Чтобы сожгли их на Москве-реке,
Другим чтоб не повадно было впредь.

Мамон уходит.

Явление IV

Те же, кроме Мамона

Курицын
(великому князю)

Послы тверского...

Иоанн

Князя, скажешь ты?

Не признаю тверского князя боле.
Спрошу тебя, что обещал он нам
Своею грамотою договорной?

Курицын

Что с польским королем он разрывает
Союз, без ведома он твоего
Иметь не будет боле с ним сношений,
Что он клянется за себя и за детей
Вовек Литве не поддаваться.

Иоанн

Так.

Лист у тебя ль хранится к Казимиру
От нашего доброжелателя,
Которого тверским ты князем назвал?

Курицын

Имею, государь.

Иоанн

Что говорится там?

Курицын

Тверской князь возбуждает Казимира
Против тебя.

Иоанн

Теперь суди нас Бог!
Ступай и объяви тверским послам,
Что я не принимаю их в Москве.

Им было слово милости мое,
 Над ним они смеяся надругались...
 Что я им?.. Ветошь! — ныне в прахе топчат,
 А завтра ставят вместо чучела
 В своих садах, чтобы пугать ворон.
 Или болван, которому сегодня
 Поклоны до земли, а завтра бросят
 В поганое болото с причитаньем:
 «Князь, батюшка наш, выдыбай!»
 Не на того напали! Пусть ведут
 Изменническую с Польшей речь
 И короля честят своим владыкой;
 А я своим лицом приду сказать
 Твери, кто господин их настоящий.
 (*Ударяет в гнев посохом в пол, отчего
 он переломляется в куски.*)
 Вот, кстати, наша с Тверью грамота
 Разметная. Трость покажи послам —
 Кабы погнулась, так была б цела!

Курицын

(*подобрав обломки трости, про себя*)

Так рушится соперница Москвы!
 (*Уходит*)

Явление V

Иоанн, князь Холмский, Гусев и Русалка.

Иоанн

Князь Холмский здесь?

Князь Холмский

Здесь, государь.

Иоанн

Ты слышал?

Князь Холмский

Прикажешь войско снаряжать?

И о а н н

Исправь.

(Встает и положив ему руку на плечо)

Не в первый раз судьбу вручаю Руси
Шелонскому богатырю. А чтоб
Вождя скорее в битве узнавали,
Я на тебя цепь эту возлагаю.

*(Скидает с себя золотую цепь и возлагает ее
на князя, тот принимает ее, став на колено
и целуя руку у великого князя.)*

Так с Богом в путь, мой славный златоносец!
Тебя я на походе догоню.

Холмский уходит.

Явление VI

Иоанн, дьяк Гусев и дворецкий Русалка.

И о а н н

А ты, мой Елизарович, в другой
Поход.

Г у с е в

Куда прикажешь, господине.

И о а н н

Махни-ка ты в Ростов и Ярославль.
Ты знаешь, уступить мне обещали
Князья их обе отчины свои,
А то в боку как будто два кола.
Смекаешь,крепи узлом законным
Благое даянье; учить тебя напрасно.

Г у с е в

Надежен будь, что напишу пером,
Не вырубить и топором самим.
(Уходит)

Явление VII

Иоанн и Русалка. Последний подходит с ужимками к великому князю.

Иоанн

Ты что?

Русалка

Дозволь мне слово тайное замолвить.
Хотел было на сердце схоронить,
Тебя не прогневить бы, господине,
Да Божья Мать является во сне
Уж третий день, меня все понукает:
Скажи, скажи.

Иоанн

Ну к бесу, говори же без ужимок,
Час дорог.

Русалка

Ведомо ль тебе, в Москву
К нам ересь Схариа жиды вползла,
Как змий в благословенный вертоград.
Бояре ближние и пастыри духовны
Вкушают уж поганую отраву;
За них печальник главный Курицын,
Который милостью твоей осыпан.
(*На лице великого князя возрастает неудовольствие.*)
И ведомо ль тебе, что православный
Народ они в соблазн великий вводят?..
(*Шепотом*)
Твоя невестка даже...

Иоанн

(*спокойно*)

Ведомо,

Науку любомудрью изучают.
Пусть тешатся, лишь дела своего
Не запускали бы. А если бабы
Все пересуды слушать, так не сварить

И шей горшка, подавно царством править.
Об Курицыне строго запрещаю,
Кому бы ни было, худое говорить.
Я не забуду никогда, что сделал
Он для меня. С Менгли-Гиреем дружба,
Союзы с королем венгерским,
С молдавским господарем и иными,
Все это дело Федора. И если
Я ими силен, и потому
Могу с Литвой тягаться, так за то
Ему поклон, и до земли поклон.
Знай, худо и добро не забываю
До гробовой доски.

Русалка

Лишь из усердья

К тебе не мог я доле умолчать;
Народ весь вопиет против тебя.
*(При этих словах раскалились очи у великого князя,
он воспрянул с кресел, вцепился в грудь Русалки
и, тряся ее и задыхаясь, закричал.)*

Иоанн

Народ?.. Где он? Подай его, чтоб я
Услышать ропот мог и задушил,
Как я тебя душу. Народ где этот;
Отколь взялся?.. На свете сем, я знаю,
Есть государство русское и все
Оно, по Божьей милости, во мне одном,
Слышь, негодяй? Поди и объяви
Везде, на торжищах, в церквах,
В концах вели ты это прокричать,
И если голоса людского мало,
Вели ты прозвонить колоколам
И пушкам прогреметь... Народ?
Не тот ли, что два века с лишком ползал

У ног Татар и кланялся им данью,
И руки целовал у Псковитян,
У Новгородцев, у Литвы?
Я первый поднял на ноги его
И крикнул: встань, опомнись, ты Русин!..
И смерд поднять смел голос на меня?..
Пойди и Курицыну объяви,
Что жалую я верного слугу
Кафтаном золотым, слышь, с плеч
Моих, и так скажи, чтобы народ
Твой ведал. Вон, теперь, шептун поганый!

Русалка

(становясь на колени)

Помилуй, государь, отец наш, грех попутал.
Возьми свое нелюбие назад:
Немалую я службу сослужу
Тебе; доволен будешь сильно мной —
Князь Михаил верейский захворал;
Нароком с этой вестью родич прибыл
Пошли скорей гонца, пока не отдал душу.

Иоанн

(в испуге)

Сказал, хворает? сильно захворал?..

Русалка

Мой родич говорит, уж не подняться.

Иоанн

(ласково)

Да, да, Михайло, можешь сослужить
Мне службу, никогда я не забуду.
Ты голова неглупая, не знаю,
Как ныне оплошал — попутал, видно,
Лукавый. Встань. Так ты... мой любя...
*(Говорит дрожащим от душевного волнения
голосом, глядя Русалку по голове).*

Немедленно отправься в Верею,
Сейчас. Скачи, гони и в хвост и в гриву,
Коней хоть десять замори, а князя
Михайлу заставай еще в живых,
Как хочешь заставай... Где лаской лисьей,
Где речию духовной убеди,
А если нужно, так пугни порядком.
И *грамоту душевную* вези скорее,
Передает московскому-де князю
Всю отчину свою, всю без остатку,
На вечны времена, за бегство сына.
Тебе же, помни, сто рублей награды.

Русалка

А если ножки до меня протянет?

Иоанн

Не должен он, не может... говорю.
Не то не приезжай ко мне назад.

Русалка

Так и мертвый у меня подпишет.
(*Великий князь Иоанн Васильевич уходит*)

Русалка
(*один*)

Потряс таки, ой-ой, державной ручкой,
Да за толчком не гонятся дворчане,
Лишь голову б свою снести на плечах
Да денежек поболее загрести.
Вдобавок матерям обеим угожу...
Одной, что за нее побои вынес,
Другой — хоть о побоях умолчу —
Любимцу золотой кафтан снесу.
(*Уходит*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ III

КАРТИНА III

Палата в набережных сенях.

Явление I

На сцене узорочное седалище, обитое золотую парчою, над ним балдахин со столбиками в виде пирамид из резного позолоченного дерева, с двуглавым орлом сверху; с одной стороны седалища — кресла, обитые цветным бархатом. Неподалеку стоянец, на котором серебряная умывальница, поверх ее тонкий утиральник, отороченный кружевами, и серебряное блюдо. Великий князь Иоанн Васильевич сидит на седалище, под ноги его подставлена колодка (скамейка), обитая парчою. На нем кафтан становой из серебряной парчи с зелеными листьями и, поверх кафтана, зипун из желтого атласа, на шее ожерелье из лал и яхонтов, на груди золотая цепь, на голове островерхая шапка с золотым крестом, усыпанная жемчугом и драгоценными камнями, на ногах башмаки, вышитые золотом по белому сафьяну. Великий князь Дмитрий Иоаннович садится на другие кресла. На нем также богатая одежда со всеми принадлежностями, какие на деде его. Бояре, в богатых одеждах первого наряда, стоят перед своими скамьями, в том числе касимовский царевич Даньяр в богатой азиатской одежде, и зодчий Аристотель Фиоравенти — в итальянской; стража у дверей с шестоперами и бердышами. На сцене тишина.

Явление II

Курицын
(входит)

Великий князь Иоанн Васильевич
Что там еще?.. Зачем остановилось дело?
Великий князь московский не привык
Послов прихода долго ожидать.

Курицын

Заартачился было, хотел к крыльцу
Дворцовому подъехать на коне,
Да я его назад поворотил,
Сказал, что ты, великий князь, один
Имеешь право на коне к крыльцу.

Теперь дозволишь ли ему предстать
Пред очи ясные твои?

Великий князь Иоанн Васильевич
Веди.

Курицын хочет уйти, но, когда входит поспешно Русалка и Гусев в дорожных платьях, великий князь дает ему знак рукою, чтобы остановился.

Явление III

Те же, Гусев и Русалка.

Великий князь Иоанн Васильевич
(*радостно*)

Вот и мои послы. Благословен
Да будет ваш приход. Теперь посол
Цесарский сам пусть подождет немного.
(*Русалке*)
Какие вести?.. Жив верейский князь?

Русалка

Скончался.

Великий князь Иоанн Васильевич
(*со страхом*)

Что ж еще потом?..

Русалка

Но прежде,
Чем душу Господу верейский отдал,
Он *грамоту душевную* успел
Своею подписью скрепить, за ним
Скрепили ближние его бояре.
(*передает великому князю лист*)
Всю отчину свою, всю без остатку
Он отдает на вечны времена
Тебе за послушание-де сына.

Великий князь Иоанн Васильевич
(*рассмотрев лист и потом передав его Курицыну*)

За эту весть в головку поцелую.

(*Целует Русалку в голову*)

А сто рублей получишь из казны,
Да пятьдесят дворов в придачу к ним.

(*Обращаясь к Гусеву*)

А ты, мой Елизарович? Ну что
Ростов и Ярославль?

Гусев

Они твои (*подает ему лист*)

Все сделано, как приказал; князья
Исполнили свое святое слово.

Великий князь Иоанн Васильевич

Спасибо, любя мой, еще спасибо

Да сто дворов. Благодаренье Богу,
Растет святая Русь! (*восторженно*). Пройдут года,

И вырастет великая держава

На страх врагам, на удивленье мира:

Быть может, наши правнуки помянут
Меня, строителя родной земли!

Гусев

Помянут правнуки, а мы тебе

Челом бьем до земли. Да здравствует

На много лет великий Государь!

Голоса

Да здравствует еще на много лет!

Великий князь Иоанн Васильевич
(*встает и кланяется*)

Теперь (*обращаясь к Курицыну*)

посла цесарского сюда ведите.

Явление IV

Те же, Курицын, посол цесаря римского Поппель, за ним свита из дворян цесарских с дарами и толмач Варфоломей. На Поппеле бархатный малиновый берет с страусовыми перьями, прикрепленными пряжкой из драгоценных камней, на плечи накинута бархатная спанечка, обложенная золотыми галунами, на шее фрезы в три ряда, на руках манжеты; он в белом атласном нижнем платье с разрезами и буфами и в сапожках с золотыми шпорами.

Курицын

(останавливает посла в дальнем расстоянии от великого князя, потом подходит с низким поклоном к Иоанну Васильевичу)

Великий Государь, дозволь послу
И лицарю цесарскому тебе
Поклон от господина своего
По уложению править.

Великий князь Иоанн Васильевич

Дозволяю.

Курицын

(подвигает посла на несколько шагов вперед, потом останавливает его и через минуты две опять подвигает вперед по восточнице. Посол всходит на вторую ступень и, становясь на ней на одно колено)

Поппель

Erlauchtigster, von Gott gesandter Friedrich,
Der Kaiser Rom's und König von Ragusa,
Schickt dir, dem grossen Herrscher aller Russen.
Den innigsten und tiefsten Gruss von Herzen.

Толмач Варфоломей
(переводит по-русски)

Светлейший, найяснейший Фридерик,
От Бога римский цесарь и король рагузский,
Тебе, великому владыке всея Руси,
Поклон свой задушевный посылает.

Великий князь Иоанн Васильевич
(*встает с своего сидища*)

Во здравии ли добром пребывает
Светлейший, найяснейший Фридерик,
Благоприятель мой и верный брат?

Толмач Варфоломей
(*переводит по-немецки*)

Erlauchtigster und grosser Kaiser Friedrich,
Ist er gesund, mein Freund und treuer Bruder?

Поппель
(*по-немецки*)

Gesund, sei Gott gedankt, mein grosser Herrscher
Und wünscht dasselbe dir auf viele Jahre.

Толмач
(*переводит по-русски*)

Здоров великий государь, чего
Тебе желает он на многи годы.

(*Великий князь Иоанн Васильевич подает послу руку, после того садится на сидище и предлагает ему сесть на скамейку против себя. Дворецкий Русалка, успевший уже переодеться в одежду первого наряда, подает великому князю умыть руку из серебряного умывальника и потом утиральник, которым великий князь слегка и вытирает ее*).

Курицын
(*обратясь к великому князю с низким поклоном*)

Великий князь и господине Руси,
Посол от господина своего
Тебе с поминками челом бьет низко.

(*Великий князь Иоанн Васильевич ласково кивает послу, и, затем, дворяне цесарские из свиты посла, один за другим, подносят с коленопреклонением дары: монисто и ожерелье золотые, куски венецианского бархата разных цветов и на золоте, сукна и позолоченную клетку с попугаем*).

Великий князь Иоанн Васильевич
(указывая на клетку)

А что за птица? отродясь не видел.

Толмач
(переводит по-немецки)

Und welch ein Vogel ist's? In meinen Leben
Hab ich ein'n solchen Vogel nie gesehen.

Поппель

Ausländisch. Dort am Westen wo die Sonne
Zu Nacht sich schlafen legt in Meereswogen,
Ein kühner Spanier Christoph Columbus
Hat eine neue Welt entdeckt mit Vögeln,
Mit Thieren, Bäumen. Leuten nie gesehen
Bei uns bis jetzt; und diesen Vogel hat er
Von dort gebracht. Und wenn man lehrt den Vogel.
So kann er, wie ein Mensch, verständlich sprechen.

Толмач
(переводит по-русски)

Заморская. На западе, где в волны
Морские солнце на ночь спать ложится,
Испанец Христофор Колумб отважный
Открыл свет новый с птицами, зверями,
Деревьями, людьми досель у нас
Невиданными, вот и эту птицу
Оттоле он привез. Как выучить,
Так может по-людскому говорить.

Великий князь Иоанн Васильевич
Диковинно, ей-ей! Благодарю
Я цесаря за добрые поминки.

Толмач
(переводит по-немецки)

Gewiss es ist ja wunderbar! Ich danke
Dem Kaiser für die herrliche Geschenke.

Великий князь Димитрий Иоаннович
(*встав с своего кресла, всплеснув руками и заглядывая в клетку*)

Хорошенькая же она какая!
Зеленые, малиновые перья;
Ну так бы и расцеловал ее.
(*Великий князь Иоанн Васильевич грозно
смотрит на него; великий князь Димитрий Иоаннович,
угадав этот взгляд, садится*).

Великий князь Иоанн Васильевич
(*дворецкому, указывая на клетку*)

Чтобы к Димитрию князю отнесли.
(*Цесарские дворяне удаляются с подарками*).

Курицын

Дозволь, великий государь, послу говорить
Тебе от господина своего.
(*Великий князь Иоанн Васильевич кивает головой
в знак согласия и делает с своего места несколько
шагов вперед*).

Поппель

Wovon zu reden ich die Absicht habe,
Bitt' ich vollständiges Geheimniss halten;
Wenn deine Feinde, uns verhasste, wissen
Was ich von ihnen sage, wird mein Leben
Der grössten dann Gefahr wohl unterliegen.
Vernommen haben wir, dass du, Erlauchtster,
Allmächther grosser Fürst Ioann, beim Papste
Gebeten hast die Würde und den Namen
Des Königs dir zu geben.

Толмач

(*переводит по-русски*)

О том, что я намерен говорить,
Прошу я скромности и тайны полной.
Когда же неприятели твои,
Нам ненавистные, узнают
Что я скажу об них, так жизнь моя
В опасности тогда великой будет.

Мы слышали, что ты, светлейший князь,
Всемогущий Иоанн, просил от папы
Достоинства и званья короля.
(*На лицо великого князя Иоанна Васильевича
набегает неудовольствие, которое в продолжение речи
усиливается*).

Поппель

Aber wiss denn
Dass nicht der Papst — der Kaiser nur allein
Zu König, Prinz und Ritter kann erheben.

Толмач

(переводит по-русски)

Но знай же, что не папа — император
Один лишь в короли и в принцы жалует,
И в рыцари.
(*Великий князь Иоанн Васильевич отступает
и садится на свое место*).

Поппель

Man muss die That verbergen vor den Polen;
Sie fürchten, wenn du wirst der König Russlands
Und folglich gleich dem Könige von Polen,—
Verlangst du deine uralten Gebiete.

Толмач

(переводит по-русски)

Скрыть это дело надлежит от поляков,
Которые боятся, чтобы ты,
Как русским сделаешься королем
И с польским будешь равен, потому
Потребуешь своих земель исконных.

Великий князь Иоанн Васильевич
(*твердым владычным голосом*)

Ты спрашиваешь нас, нам любо ли
От цесаря хотеть, чтоб поставил
Нас королем на русской на земле.
Так знай ты, лицерь Поплев, навсегда,
Что милостью мы Божьей государи

На ней от прародителей своих,
И ставит нас на царство Бог один,
И молим Господа, чтобы Он дал,
Как нам, так детям нашим, вечно
В том быти, как доселе были мы,
А постановления другого прежде
Ни от кого мы не хотели, так
И ныне не хотим ни от кого.

Толмач

(переводит по-немецки)

Du fragest uns, ob wir vom Kaiser wollen,
Dass er uns nennt zum Könige von Russland:
So wiss denn, Ritter Poppel, und auf immer,
Dass wir durch Gnade Gottes sind Beherrscher;
Von unsern Ahnen, dieser grossen Reiche,
Und Gott allein uns diesen Namen gab,
Und flehen Gott, für uns und unsre Kinder,
Zu bleiben ewig wie wir bis jetzt waren
Wie ehemals von Niemand diesen Namen
Wir haben wollten, ebenfalls auch heute
Von Niemand wollen wir denselben haben.

Поппель

*(растерянный поник головой, потом немного оправившись,
продолжает робким голосом)*

Verzeihe, grosser Herrscher, meinen Fehler.

Толмач

(переводит по-русски)

Прости, великий государь, мою ошибку.

Великий князь Иоанн Васильевич

Ошибка не беда и не помеха
Нам с цесарем приятельство вести.
Имеешь что еще сказать ты нам?

Толмач

(переводит по-немецки)

Ein Fehler ist kein Uebel, kann nicht stören

Die Freundschaft mit dem Kaiser zu erhalten.
Hast du noch weiter etwas uns zu sagen?

Поппель

Erlaube mir im Namen meines Herrschers
Als Bund der inn'gen Freundschaft vorzulegen
An seinen Neffen, Markgraf Badens Albert
Helene oder Theodosie, deine Tochter,
Zu v'rheirathen; erlaube mir jedoch
Die Braut zu sehen.

Толмач

(переводит по-русски)

Дозволь от господина моего
Тебе по дружбе предложить, чтоб выдал
Ты дочь свою Алену иль Федосью
За Альберта, маркграфа Бадена,
Племянника его, но прежде, видеть
Невесту мне дозволь.

Великий князь Иоанн Васильевич

Благодарю.

И потому с тобой пошлю посла
Об этом трудном деле рассуждать.
Касательно же до желанья видеть
Невесту, должен я тебе сказать,
Что русские обычаи претят
До времени показывать невесту
И женихам, и сватам — не взыщи.

Толмач

(переводит по-немецки)

Ich dancke für die Ehre
Und schick daher mit dir einen Gesandten
Um zu besprechen diese wicht'ge Sache;
Was aber deinen Wunsch betrifft vorher
Die Braut zu sehn, so muss ich dir es sagen,
Dass unsre Sitten Russlands untersagen
Bis zu gewisser Zeit die Braut zu zeigen
Dem Bräutigam und Freiwerber — verzeihe.

Поппель

So hab' ich noch nur eine letzte Bitte:
Mein Herr wünscht Thiere haben, die bei euch
Man Elenthiere nennt, nur ohne Hörner,
Ganz junge noch, und einen jener Wilden,
Die rohes Fleisch geniessen; solche Gabe
Wie Brudersfreundschaft wird der Kaiser schätzen.

Толмач

(переводит по-русски)

Так просьба есть еще одна к тебе,
Последняя. Мой господин желает
Зверей, которых лосями у вас
Зовут, но только молодых без рог,
И одного из вогулят,* что мясо
Едят сырое; дар такой наш цесарь
Почтет за братское благоприятство.

Великий князь Иоанн Васильевич

С великой радостью. На место ж их
Прошу у цесаря я деловцов,
Копателей руды да рудника,
Который бы от золота умел
Отребье отделять, да мастера
Серебряного, хитрого, умел бы
Посуду, кубки делать, да чеканить
И тож писать на судах.

Толмач

(переводит по-немецки)

Mit grosser Freude.— Und anstatt derselben
Bitt' ich den Kaiser Arbeiter mir zu schicken:
Bergleute und mit ihnen einen Küstler,
Der Gold von Erd' zu reinigen verstünde,
Und auch einen geschickten Silbermeister,
Der allerlei Geschirr und Becher machen
Und gleichfalls prägen, auch bemahlen könnte
Verschiedenes Gefäss.

* Вогуличи, жители Угорской земли, незадолго до того покоренной Иоанном, ныне обитатели Березовского уезда, Тобольской губернии.

Поппель

Ich werd's vortragen.

Толмач

(переводит по-русски)

Доложу.

(Великий князь Иоанн Васильевич кланяется послу в знак того, что аудиенция кончена; посла провожают с почетом Курицын и другие бояре).

Великий князь Иоанн Васильевич
(Аристотелю)

А ты, мой Аристотель, покажи
Ему Успенья храм великолепный,
Палату золотую, дивный Кремль,
И колокол большой, Царь-пушку, что
Нам вылил Павел Дебосис, и все,
Что наше имя сохранит в потомстве
(Великому князю Димитрию Иоанновичу)
Теперь переоденемся с тобой,
Да в черную избу пойдем смотреть,
Смирненько ль пташки там сидят по клеткам;
Пусть будет ныне праздник для меня!
(Уходят.)

Явление V

КАРТИНА IV

В черной избе (в тюрьме). Сцену разделяет поперек перегородка, в которой несколько дверей. Пристав тюремный Небогатый, стража из боярских детей; дверь в одно отделение открыта.

Великий князь Василий Иоаннович и пристав Небогатый.

Великий князь Василий Иоаннович
(стоит у двери)

Что я хочу сказать тебе, мой добрый пристав?

Небогатый

Скажи.

Великий князь Василий Иоаннович

Вот мотылек влетел. Он по цветам
Порхал и веселился; ветерок
Занес его в тюрьму. А как придет
Мне блажь его поймать и задавить?

Небогатый

Грешно.

Великий князь Василий Иоаннович

Да мало ль что грешно на свете сем.
Э! все судьба! вертится колесо —
Так наша жизнь. Лишь сильный мах руки,
И ты сегодня на верху; мах посильнее —
В избе ты этой черной и в цепях.

Явление VI

Те же, великие князья Иоанн Васильевич и Дмитрий Иоаннович показываются в конце перехода.

Один из стражи

Великий князь Иван Васильевич!

Другой

Великий князь Иван Васильевич!

(Все суетятся. Небогатый спешит навстречу великому князю, стража растворяет двери в отделение заключенных, так, чтобы они все видны были).

Великий князь Иоанн Васильевич

Василий здесь?.. Смирен? послушен был?..

Небогатый

Пожаловаться не могу.

Великий князь Иоанн Васильевич

Под стражу в прежний терем перевести.
(Небогатый выпускает из клетки великого князя Василья Иоанновича).

Небогатый

(страже)

По приказанью Государя Иоанна
Васильевича перевести его
Под стражу в терем, где он прежде жил.
(*Стража выпускает великого князя Василья
Иоанновича.*)

Великий князь Василий Иоаннович

С цепи спустили пса, гуляй же, пес,
Погода жаркая, взбеситься можешь.
(*Великий князь Иоанн Васильевич при встрече с ним
смотрит на него сурово, на лице великого князя
Василья Иоанновича изображается твердая холодность,
он проходит мимо отца, не кланяясь ему, и,
остановясь на одну минуту против племянника,
с насмешкой глядит на него.*)
Пушок растет; клевать пришел учиться.
(*Его уводит стража.*)

Великий князь Иоанн Васильевич

(вслед ему)

Все тот же непокорный! (*С сожалением*) похудел
Однако ж... черная изба не красит.
В несчастьи, а голову не клонит.
Таков правитель должен быть народа.
(*Стучит у двери одной клетки. Из нее выглядывают
несколько татар и татарок.*)

Явление VII

Великий князь Иоанн Васильевич, великий князь
Димитрий Иоаннович, казанский царь Алегам, же-
на его и пристав тюремный

Великий князь Иоанн Васильевич

(приставу, указывая тростью)

Ты растолкуй ему, кто здесь сидит.

Небогатый

(великому князю Дмитрию Иоанновичу)

Худой такой, с шафранными глазами,
Вот что привстал перед великим князем,
Казанский царь, слышал ты, Алегам.

Великий князь Дмитрий Иоаннович

Нет, не слышал досель ни от кого.

Великий князь Иоанн Васильевич

(про себя)

Василий все бы рассказал доточно,
Как будто бы читал по летописцам;
Немудрено: мать у него с издетства
Знакомила его с родной страной.

Небогатый

Страх наводил он много, много лет
На землю русскую, повелевал
Народу сильному, теперь едва
Имеет место, где бы голову
Склонить. К их предкам русские князья
На поклонение не раз ходили.
Чтоб вымолить себе венец и ласку,
У них держали стремя, им платили
Дань — ныне ж видишь...

Великий князь Иоанн Васильевич

Понимаешь,

Казанский царь, я отправляю
Тебя на Вологду с женой любимой,
А мать, сестер и братьев в Каргополь:
Гуляй там вволю; отпущу на корм
По три алтына в день.

Алегам

Спасибо, батька

*(бросается к ногам великого князя Иоанна
Васильевича)*

Жена Алегама *

*(удерживая его за полу одежды, с негодованием
и презрением)*

Что делаешь ты, царь казанский!

Великий князь Иоанн Васильевич

Баба

Сердитая!

(Он подходит к новой клетке.)

Явление VIII

Те же и два брата Нордоулат и Айдар. Они сидят рядом обнявшись, но увидав великого князя Иоанна Васильевича, расплещаются.

Великий князь Иоанн Васильевич
(указывая на них тростью)

Менгли-Гирея, хана крымского
И друга моего сердечного, два брата.
Последыши той азиатской силы,
Которая едва не задавила Руси
И потому не разлилась на запад.
(Махнув рукою.)

Да ты не понимаешь ничего.

Великий князь Дмитрий Иоаннович

А вот что, дедушка, ты подари
Мне этих старичков.

Великий князь Иоанн Васильевич

Зачем тебе?

Что сделаешь ты с ними? в гроб глядят.

Великий князь Дмитрий Иоаннович

На волю выпущу, чтобы тебя
Благословляли.

* Та самая, которая впоследствии, во втором браке, вышедши за казанского царя Магмет-Амина, сильно отомстила великому князю Иоанну III за унижение своего первого мужа.

Великий князь Иоанн Васильевич

Небогатый! дать

И им свободу и сказать,

Чтоб в Вологду отправить на кормы

Хорошие. Я это делаю для внука.

(Великий князь Иоанн Васильевич, великий князь Димитрий Иоаннович, пристав Небогатый идут далее по переходу и останавливаются у одной клетки, над дверями которой мелом написано крупными буквами: «Марфа Борецкая, посадница Новгорода».)

Явление IX

Те же и Марфа Борецкая. Видно, что она стоит на коленях и молится.

Великий князь Иоанн Васильевич

(стучит тростью у дверей,

Борецкая встает и показывается у дверей)

О ком, посадница, молилась ты?

Марфа

Вестимо об умерших, князь великий.

Великий князь Иоанн Васильевич

О ком же именно, спросить дозволишь?

Марфа

Спроси об этом у детей моих,

Боярами тобою ж нареченных,

Которых ты казнил, спроси еще

У Новграда, что залил кровью ты

И пепелом засыпал.

Великий князь Иоанн Васильевич

О, го-го!

Знать, не забыла дурь свою и здесь

Великого Новгорода господыня?

Марфа

Была-таки, голубчик.

Великий князь Иоанн Васильевич
Попытай!

Опять.

Марфа

Над чем? сказала уж тебе,
Что я молюсь над прахом мертвецов.
Твою Москву, с лачугами ее,
Два раза в год спали до тла, и в год
Один ее построишь. Ведь два века
Татары жгли ее и разоряли,
Два века чахла, чахла и все-таки
Цела осталась, только променяла
Неволю на другую. А господина
Великого Новгорода не стало,
И более Новгорода не будет.

Великий князь Иоанн Васильевич
Почем знать!

Марфа

В сотню лет уж не поднимешь.

Великий князь Иоанн Васильевич
В десяток подниму его на славу.

Марфа

Лишь в сказке деется, как говорится.
Купцов ганзейских созови, что распугал.

Великий князь Иоанн Васильевич
А-а, торговка, жаль купцов тебе,
Которые тебя обогащали.

Марфа

От торгового моего и город не беднел,
А богател.

Великий князь Иоанн Васильевич
Лишь брякну денежкой,

С концов земли слетятся торгаши.

Марфа

Граждан ты именитых собери,
Которых заточил по городам.

Великий князь Иоанн Васильевич

Обманщики, бунтовщики, плуты,
Не стоят этого. Им по делам!

Марфа

Когда ж бывает сила виновата!
Но если б ты все это сделать смог,
Так одного Новгороду не можешь дать,
Иван Васильевич.

Великий князь Иоанн Васильевич

Чего же?

Марфа

Воли,

А без нее ему уж не подняться.
Он будет жить, как дуба пень зажженный,
Что ни горит, не гаснет. Ведь и я
Живу еще в тюрьме.

Великий князь Иоанн Васильевич

Не эта ль воля

И погубила вас. Я б посмотрел,
Как на моем ты месте повела б.

Марфа

Свое ты сделал, князь московский,
А я — свое. Не смейся ж надо мной,
Когда сижу я в тесном заточеньи,
В последние мои часы.

*(Марфа сильно кашляет и прижимает к губам
конец убруса.)*

Димитрий Иоаннович
(жалостным голосом)

Кровь, кровь
У бедной на убрусе, посмотри.

Марфа

Что? любо? зорек глаз у вороненка!
Чай, радостно, великий князь московский?..
Накинь на Новгород убрус ты этот:
Богатый саван!.. стяг погибшей воли!

Великий князь Иоанн Васильевич
(ласково)

Послушай-ка, Борецкая, я дам
Тебе совсем свободу. Хочешь ли
В другую сторону, в иное место?

Марфа
(махнув рукою)

В другую сторону, в иное место?
Бог позаботится и без тебя.

Великий князь Иоанн Васильевич
А я хотел в Верх Бежецкий отправить.

Марфа
(выпрямляясь)

В Верх Бежий?.. *Наша* там была земля;
Хоть умереть бы на родной земле!

Великий князь Иоанн Васильевич
Так с Богом в путь. Молись там на всей воле,
Строй церкви, нищих братьев оделяй;
Казну твою с тобою отпущу.
Прощай, уж не увидимся мы боле.

Марфа

Мы свидимся на Божием суде.

Беликий князь Иоанн Васильевич
(отойдя несколько шагов по переходу, скидает тафью)

О, Господи, суди раба Ивана,
А не правителя всея Руси!
И если я подчас грешил неправдой,
Не о своей корысти я радел,
А об корысти моего народа.

Беликий князь Димитрий Иоаннович

Тебе должно быть весело, родной,
Когда добро творишь ты человеку.

Беликий князь Иоанн Васильевич
(ничего не отвечая, про себя)

Боюсь я за него, мягонек малый.
Василий не таков — в отца и мать.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ IV

КАРТИНА V

Комната со сводами, окна с железными ершами расположены высоко. В середине большой стол, на нем разложена книга с большою печатью; кругом скамейки в несколько рядов, на небольшом возвышении стул; с правой стороны комнаты род беседки с открытою дверью, в ней треножник, на котором горит огонь, около нее на пьедесталах черная кошка и сова. Во внутренности беседки потаенная дверь, невидимая зрителям; с левой стороны комнаты деревянная лестница.

Явление I

Алхимик и астролог Схариа и великая княгиня Елена.
Схариа занят чем-то в беседке.

Великая княгиня Елена
(робко подходит к нему)

К тебе, отец, я с задушевной тайной
Пришла. Она лежит на сердце тяжко
И не дает ни днем ни ночью темной
Покоя, словно змей мне грудь сосет.

С х а р и а

Поведай, дочь моя, какая скорбь
Тебя так сильно ныне тяготит.
Досель была всегда ты весела,
Печалиться не вижу я причины:
Твой сын Димитрий только что на царство
Венец приял. Великий князь к тебе
Так милостив, соперница твоя
И сын ее, великий князь Василий,
В опале, вороги у ног твоих.

Великая княгиня Елена

Все это так, как ты пророчил мне;
Но на меня тоска напала вдруг;
Быть может, человек лихой неспросту сделал,
А... соберусь лишь я тебе поведать,
Что в сердце у меня, горит лицо,
И я трясуся словно в лихоманке.
Боюсь я сильно прогневить тебя.

С х а р и а

Учителем, отцом названным, другом
Тебе я был всегда, так от меня
Ты ничего не можешь утаить
Ни по закону нашему, ни клятве.

Великая княгиня Елена

Ты знаешь, после мужа Иоанна
Осталася я молодой вдовой.

С х а р и а

А сколько лет тебе, краса моя?

Великая княгиня Елена

Лет тридцать, с небольшим придатком.

С х а р и а

Кипучая, опасная пора,
Ой, ой! Еще же вдовье дело. Далее...

Великая княгиня Елена

С недавних пор не знаю что со мной
Творится, то огнем меня палит,
Как будто обдали всю кипятком,
То холодом меня обхватит, словно
Вдруг в прорубь опустили. Мысли
Мутятся, голова кругом идет
И не смогу молитвой и крестом
Избавиться от наваждения злого.

С х а р и а
(про себя)

Забывшись, знать, говорит она.

Великая княгиня Елена

Две ночи сряду видела я сон,
Сон дивный! Разметавшись я спала
И нежилась, как будто в жаркий день.
На грудь плескала свежая волна.
Потом казалось, некий херувим
Своими крыльями меня обнял.
Вдруг вижу, юноша припал ко мне
Устами, начал целовать меня
Так горячо, так сладко, сильно, словно
Хотел он душу вычерпать мою
Из тела. Тяжело тогда мне стало,
А просит все душа еще, еще
Такого ж поцелуя, пробуждаться
И не хотела б никогда.

С х а р и а

То змий,
Что соблазнил в раю прабабку Еву.

Великая княгиня Елена

Нет, нет, не змий то был лукавый, страшный,
А вьюноша пригожий. По плечам
Вилися кудри, очи говорили
Мне про любовь. С тех самых пор хожу
Я словно без ума. Скажу тебе,

Как в песне на Руси у нас поется:
«Куда бежать, тоску девать?
Пойду в леса тоску губить,
Пойду к реке тоску топить,
Пойду я в луг тоску терять —
В густых лесах она со мной,
В струях реки течет слезой,
В лугах под след траву сушит.»

С х а р и а

По-нашему — ты влюблена; не дух же
К тебе бесплотный ночью прилетает,
Наверно носит образ человека,
Тебе знакомого, признайся мне.
Не то заветная мне книга скажет.
Она от Бога вручена Адаму
И перешла потом в храм Соломона.

Великая княгиня Елена

Когда уж так, не утаю, отец.
Спаси, спаси меня от наважденья.
Пригож он, как тебе сказала я,
Не сыщется пригожее его
Во всей Москве. Он брат мне по тебе;
Учиться вместе у тебя приходим;
Со мной он рядом здесь сидит и жмет
Мне руку и так сладко говорит
Мне про любовь, никто и никогда
Таких слов не сказал.

С х а р и а

И боле ничего?

Великая княгиня Елена

Нет, ничего.

С тех самых пор и сын не так уж мил,
На голове его померк венец.

С х а р и а

Как звание его и имя знать?

Великая княгиня Елена
Суконник он, а имя *Золотой*.

Сх а р и а
Суконник?.. Малый статный, и красавец,
И удалой. Недавно *позвал в поле*
Боярского сына и тяжко ранил.

Великая княгиня Елена
Когда под Тверь ходила наша рать,
Полка большого воевода Холмский
Сам обнимал его во время битвы.

Сх а р и а
Но все-таки суконник. Имя это
Язык сковало мне.

Великая княгиня Елена
Ты сам учил,
Что люди перед Богом все равны.

Сх а р и а
Сказал бы я: «Люби — сам Бог любовь»,—
Когда бы ты была простого рода,
Хоть бы боярыня. Но ты княгиня,
Еще великая, и мать. Твой сын,
Быть может, царствовать уж скоро будет.
Всей Руси очи на тебя глядят.

Великая княгиня Елена
Породу, честь и стыд, я все забыла.

Сх а р и а
Для сына хоть себя побереги,
Для царства, для себя, для нас.
Что станется, когда узнает князь
Великий, Иоанн Васильевич?..
Изменники быть могут между нами,
Шепнут — и наша голова слетит.
И ты, и сын твой пропадете.

Смотри, княгиня, берегись скользнуть
В ту яму, черную, как волка пасть,
Что, безрассудная, себе готовишь.
Тогда ты вспомнишь и меня, но поздно,—
Пророческий мой голос говорит.
Но вот сюда приходят наши братья.
К приему их кой-что заправить нужно.
(Входит в беседку и скоро возвращается.
Берет великую княгиню Елену за руку, сажает ее
возле себя на скамейку и сам садится на стул.)

Явление II

Те же, несколько бояр, князей, суконников, отшельников и крестьян. Все они сходят с лестницы и садятся на скамейку, кто как попало. Суконник Золотой ищет места, чтобы сесть подле великой княгини Елены, но видя, что она перешла на другое, подле Схариа, садится на первое попавшееся ему пустое место.

С х а р и а

В прошедший раз мы с вами говорили
О Божием величии, любви,
Премудрости и благодати Его;
Как проявил их Он в своих
Созданиях и в солнце, что нам свет
И теплоту дает, и оживляет
Растения, животных, человека;
В звездах, которыми щедрою рукой
Усыпал Он свод голубой небес,
В цветке, которого одежда краше
Одежды царской, в пчелке, что пьет сок
Из чашечки цветов и лепит воск,
И мед готовит нам на услажденье,
А выше всех творений, человека
Поставил господином, наделив
Его и разумом, и устным словом.
Но есть избранники из нас: печать
Руки державной наложил с любовью
На их чело еще при их рожденьи.
Вот, избранникам этим тайны мира

Раскрыл, чтобы учить непосвященных
И силу дал им чудеса творить:
Так Илия огонь и громы сеял
С небес высоких, Моисей смириться
Волков самих заставил, Даниил
Львам разъяренным челюсти смыкал.*

Явление III

Те же и Курицын. Последний берет за руку Схариа и отводит его в сторону, чтобы никто из присутствующих не слышал их разговора.

С х а р и а

В смущеньи ты, худые верно вести?

К у р и ц ы н

Недобрые принес тебе я ныне.
Работает великая княгиня
Фоминишна всей силою ума
И хитрости против тебя, Зосима,
Меня и всех учеников твоих.
Василий выпущен уж из тюрьмы,
Великий князь скучает и сердит,
Торжественно из Твери воротясь,
Алена Волошанка из ума
Как будто выжила и свекра
Совсем забросила, и сына
На волю глупых мамок отдала.
Лишь песенки у ней да хороводы.
Все это нам недоброе сулит.

С х а р и а

О ве! о ве! Когда б ты знал еще,
Что вздумала в суконника влюбиться
И наяву, и в грезах полуночных
Его лишь видит одного.

* История Государства Российского, том VI, изд. 1819 г., стр. 194.

Курицын

Напасти

Лишь этой нам еще не доставало.

Схариа

Пугнул-таки порядком волошанку,
И новый страх, увидишь, ей готовлю.

Курицын

За голову твою тебе ручаюсь.
Великому я князю сильно нужен.
По-прежнему он жалует меня
И об тебе не помнит лихом.
Но я боюсь, что княгиня Софья
Над тем верх не взяла, кто выше
Себя не почитает никого.
Ума и хитрости опасны чары.
Наветы Гусева и, пуще всех,
Иосифа волоцкого к ней в помощь
Приходят. Если же тебя гроза
Накроет, уекай, постелем путь
Тебе на полдень и добром проводим.
(Схариа жмет ему руку, оба садятся
на места свои.)

Схариа

(обращаясь к братьям)

Я обещал сестре любимой нашей,
Вот что сидит возле меня, ей мужа
Умершего, младого Иоанна
Из гроба вызывать.

Великая княгиня Елена

Пощади, отец.

(Схариа идет к беседке и возвращается оттуда
в одежде мага с жезлом в руке. Сова махает крыльями
и пронзительно кричит, Схариа чертит на стене
фосфором, на ней блистает молния, гремит гром.
На треножнике горит синее пламя, отчего все
в испуге, великая княгиня закрывает руками глаза.)

Одна из боярынь

(соседке)

Мне страшно, матка.

Другая

Я дрожу как лист.

Схариа

(чертя в воздухе жезлом)

Мне данной свыше силой неземной

Тебя, великий князь, Иван-младой,

Из гроба призываю в мир живой.

Сатор, Арепо, Тенет, Опера,

Ротас, мне помощи... явись, явись!

(Из беседки выступает медленными шагами
мертвенно-бледное привидение с усиками и бородкой,
в саване.)

Курицын

Он, он, великий князь Иван-младой!

Одна из боярынь

Он, вылитый! Не раз его видала

Красавца батюшку.

Привидение

Вдова моя,

Великая княгиня! Прах ты мой

Встревожила постыдными делами.

Забыла ты меня, забыла сына

И предалася сатане в плоти

И образе красавца молодого.

А если ты на правый путь не взыдешь,

Так на тебе мое проклятье вечно;

Спадет венец с главы безвинной сына,

И ожидает вас тюрьма и цепи.

(Великая княгиня Елена вскрикивает и падает,
ее поддерживают окружающие.)

Один из бояр

Уж подлинно кудесник Схариа!

Другой

Кто б мог из нас подумать про княгиню?

Третий

Грех молвить, а была того... маленько...

Один из бояр

Заметил, брат, и я, да непригоже
Ее порочить было. Думал — молода,
Играет кровь, остепенится скоро.

Второй

Умру, так женочка по ней пойдет.

Один из бояр

Невмочь пришлось, глоток бы воздуха.
(*Опираясь на руку молодого человека, уходит.*)

Схариа

Он лицемер, пойдет еще шептать, пожалуй.

Голоса

Так огласить. Так огласить по миру.

Схариа

Петух нам прокричал второй уж раз;
Пора урочная нам расставаться.
Напомню, дщери, вам и вам, сыны:
Что делается здесь и говорится
Должны вы в сердце вашем схоронить,
Храните клятву пуще глаз своих
И за нее терпите истязанья,
Коль Богу их на нас послать угодно.
Страдальцев не оставит Саваоф
И в лучшем мире вам венец готовит.

Голос

Не изменим, пусть жгут нас и пият.

Другой голос

Не изменим, пусть на дыбы поднимут.

С х а р и а

На расставанье песнь споем мы Богу
Хвалебную, которой вас учил.

Х о р

Слава всемогущему Богу,
Видимого и невидимого мира Создателю,
Благ земных и небесных Подателю.
Славим мы Его словом и духом;
Славит в песнях соловушко,
Пчелка в жужжании скорбном,
Травка и дуб величавый,
Небо, огнями усыпанное,
Человек в деяньях своих.

Явление IV

Те же, Мамон и стража. Они спускаются с лестницы. Все
в испуге.

Одна из боярынь

Ахти! пропали мы.

Другая

Помилуй Бог!

М а м о н

По строгому приказу Государя
Его вам волю объявляю Слушать!..
Князь Ряпловский, князь Патрикеев,
Вас, с сыновьями вашими, отправят
Под стражу по монастырям на север,
Другим объявят наказание завтра.
Которых баб я здесь найду,
В свои дома открыт им чистый путь.
Жида анти... алфимика и востролога,
Лишь солнышко поднимется с земли,

Спровадят за город, с его слугами,
Куда глаза глядят, но с тем условьем,
Чтоб на землю русскую не смел следа
Впредь класть.

Курицын

А обо мне какое приказанье?

Мамон

(тихо)

Лишь заикнулся было Гусев слово
Промолвить о тебе, пугнул его
Иван Васильевич, да так пугнул
Владычным голосом, что Гусев
Свой язычок порядком прикусил.
*(Отмечает рукою, кого отвезть под стражу,
кого отпустить.)*

Вот этих в черную избу, а баб
Поскудных хоть по шее вон отсюда.
(Обращаясь к великой княгине Елене.)
И ты, княгиня, в сонме нечестивых?..
Что господину нашему скажу
Я про тебя, ох, ох!

Великая княгиня Елена

Скажи, что хочешь.

Суконник Золотой

(великой княгине Елене тихо)

Постигнет ли тебя напасть — вели,
И за тебя я голову сложу.

Великая княгиня Елена

(тихо)

Прочь, прочь, злодей, ты погубил меня!
(Уходит)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ V**КАРТИНА VI**

Терем великой княгини Софьи.

Явление I

Великая княгиня Софья и Гусев.

Гусев

С вестями добрыми пришел, княгиня.

Великая княгиня Софья

Отвыкла я от них.

Гусев

Эх! не грехи.

Не радует разве тебя, что сына
Великий князь освободил из плена
Тюремного, что цепи снял с него?
Одно могу сказать: пошла ты в гору,
Остерегись же поскользнуться.

Великая княгиня Софья

Пока Димитрья с головы не спал
Венец, украденный у сына, душу
Разбитую ничем не исцелю.
Еще Алена Волошанка торжествует.

Гусев

Надейся, скоро — празднику ее
Конец. Она сама к тому ведет.
С тех пор, как внука твоего венчали
На царство, думала ль она венец
Тот закрепить на голове его?
Уроками какими и каким внушеньем
Его готовит к управленью царством?

Великая княгиня Софья
Все так, но дело сделано, и кто ж
Венец тот скинет с головы Димитрия?

Гусев

Мать.

Великая княгиня Софья
Мать!.. Не понимаю я, как сына,
Рожденья своего, лишит она,
И добровольно, счастья. Не забудь
Чего ей стоило добыть его —
Коварства, лжи и низкой клеветы.
Не может быть!

Гусев

Она-таки сама —

И тот, кто надевал венцы в час гнева
Несправедливого, в час роковой,
С вестями добрыми пришел к тебе.
Я говорил, это не слова
Одни, а дело.

Великая княгиня Софья

Задал мне загадку,
Так сам и разгадай — я не смогу.

Гусев

Ушами слушай, сердцем, помышленьем.
Вчера узнал я от своих ищейных,
Что в будущую ночь должна собраться
У Схариа жиды в его домишке
Вся братия, что ереси его поганой
Посвящена; и в том числе бояре,
Князь Рязановский, Патрикеев...

Великая княгиня Софья

Все недруги мои.

Гусев

И не любить
Тебя им есть за что. Ты завела

Порядок небывалый при дворе
И спесь бояр куда крутенько сбила
Своей владычной ручкой. Было время,
В хмелю пред очи царские являлись;
Послы от Руси при дворах чужих
В хмелю косноязычно говорили
И нас позорили своим бесчинством.

Великая княгиня Софья

Да, Ряполовский при цесарском дворе
Порядочно нас русских пристыдил.

Гусев

А воевод *кормление*, казны
Грабеж, неправый суд, на все
Великого ты князя навела.

Великая княгиня Софья

Забыл однако ж ты, что к этой речи
Свело тебя.

Гусев

Да, я не все сказал.
У Схария собираются бояре,
Суконники, попы и жены их.
А в этом сонмище что-де творится,
Так дыбом волосы встают от слов
Одних. Сперва отец, как называют
Жидка, им чтет поганое ученье,
А там уж пение, бесовски пляски,
И под конец... претит мне стыд сказать.
И вот, в пиру богопротивном этом
Великая княгиня заседает.

Великая княгиня Софья

Сама великая княгиня, мать
Димитрия, невестка наша?.. Боже!..

Гусев

Еще конец хазовый впереди.
Твоя невестка, мать Димитрия,
В суконника влюбилась. Урок же
Ей задал грозный сам учитель Схариа:
Из гроба молодого Иоанна
Призвал, и тот пугнул ее порядком,
Так, что родимец с нею приключился.

Великая княгиня Софья
(иронически)

Бедняжка!.. Может ли, однако ж, статься,
Чтобы из гроба мертвого призвал?

Гусев

Он чародей и чернокнижник, диво ль,
Что мертвецов из гроба вызывает!
А, может, православный люд морочит:
Слугу оденет в саван, так Иосиф
Пойдет и за Ивана самого.
У страха велики глаза. Лишь саван
Накинут был бы на плечах.

Великая княгиня Софья

Слуга мой верный ничего таки
Ивану Васильевичу...

Гусев

Не говорил?

Нет, не для того послал нам Бог
Сокровище такое, чтоб сберечь в груди;
Я уголья разжег, хотя б пришлось
Мне самому обжечься. В ту же полночь,
Как верный человек, дал знать об этом,
Махнул к царю и сон его нарушил.
Он сам мне в важных случаях велел
Его будить.

Великая княгиня Софья

Что ж он?.. скажи скорей.

Гусев

Царь гневом воспыал таким, в каком
Его я никогда не видел. Кстати,
Волоцкий Иосиф написал ему
Посланье, грозное вельми, против
Еретиков. Потребовал к себе
Царь тотчас Мамона и приказал
Ему на сборище ночное грянуть
И захватить всех недругов твоих.

Великая княгиня Софья

А с той?

Гусев

Судьба ее решится ныне.
Потом царь о тебе стал говорить,
Да грустно так, что сердце у меня
Заныло, словно умирать собрался.
«Вот любя мой,— сказал он мне —
А слезы на глазах его дрожали,—
Семейка областей и городов
Растет вокруг меня, а я один,
Как перст: в семье своей родной, не слышу
Ни слова милой ласки, ни утех.
Бежит меня невестка, сын ее
Мальчишка добрый, да куда недалний.
Ни дум моих, ни слов не понимает.
А было время, близ меня жена и друг,
Помощница, советница, все, все,
Чего недостает мне в те года,
Когда и ласка и совет так нужны,
В груди моей, в глазах она читала».

Великая княгиня Софья

Так и сказал он?

Гусев

Слово в слово так.

Великая княгиня Софья

О, Господи, зачем к ногам его
Меня не допустил в тот час!..
Я облила б их жгучими слезами.

Гусев

Потом он сына вспомнил.

Великая княгиня Софья

Что ж сказал?

Гусев

«А сын, Василий — тешила меня
Надежда на него — отважен, горд,
Писание святое знает твердо,
Разумен, не чета ребенку Дмитрию».
Что ж, я сказал, ошибку сделал ты,
Поправить можно, все в твоей же власти.
Ответ ты Богу дашь перед народом,
Что недостойному вручил державу,
Которому не смочь десницей слабой
Ее сдержать. Царь встречу любит
Своим речам, как знаешь ты сама;
И вот он поддался... Пришел тебе
Я повестить, что ныне ж, может быть,
Сейчас, он собирается к тебе, княгиня.

Великая княгиня Софья

А я и не оделася, как должно,
Чтобы его принять. (*Охорашивается.*)

Ко мне?... сегодня?..

О, Господи! благодарю Тебя.
От счастья не умереть бы мне!
Спасибо и тебе, слуга мой верный;
По гроб твоей я не забуду службы,
Зайди к Василию, да накажи
На случай, если б царь позвал его,
Чтоб дух смирил строптивый для меня,
Для счастья своего и для народа.

(*Гусев уходит.*)

Великая княгиня Софья

(про себя)

Теперь в руках моих ты, Волошанка!
Какую песенку споешь нам нынче,
Послушаем. Не спал ли голосок!

Явление II

Входит великий князь Иоанн Васильевич. Великая княгиня Софья при появлении его бросается к нему навстречу, становится на одно колено и хочет поцеловать у него руку.

Великий князь Иоанн Васильевич

(обнимая ее)

Нет, к сердцу, Софьюшка, моя голубка.
Мне у тебя прощения просить —
За то, что оскорбил тебя безвинно,
Что в гневе недругов твоих послушал.
Порядком же и я им отплатил.

Великая княгиня Софья

Лишь очи ясные твои блеснули,
Забыто все. И солнышко, смотри,
Играет ярче; так в моем и сердце.
Кругом меня, мне слышится теперь,
Как будто песни брачные поют.

Великий князь Иоанн Васильевич

По-прежнему, разумница моя,
И ты мне речи сладкие поешь.
(Осматривается.)
А у тебя во терему, как было,
Когда в последний виделся с тобой,
Так и теперь. Вот у кровати
Твоей и трость моя. Забыл тогда:
Примета верная, что ворочусь;
Так видишь, любя, воротился ныне.
А чтоб не разлучали боле нас,

Велел я недругов твоих сослать
Туда, где целый год зима бывает.
Теперь по-прежнему мы заживем.
Сюда я Мамона с докладом жду;
Да вот и сам он, на помине легок.

Явление III

Те же и Мамон низко кланяясь великим князю и княгине.

Мамон

(обращаясь к первому)

По твоему приказу, господине,
Князей, бояр и многих (имя рек)
В монастыри далекие отправил
И Схариа жида прогнал за город,
Чтоб духа никогда его не пахло
Нечистого в Москве; а прочих
Казнить прикажешь?

Великий князь Иоанн Васильевич

Казню не сотрешь

Ты ересь, только расплодишь глупцов;
А чтобы дурь из головы их выбить,
Хочу лишь наказать одним *стыдом*
Вели ты посадить их на коней
Лицом к хвосту, одеждой наизнанку.

Великая княгиня Софья

Чтоб им на голову смешней набросить?

Великий князь Иоанн Васильевич

(приставив палец ко лбу)

Так шлемы берестовы, с острым верхом
Надеть, как бесы пишутся у нас,
С мочальными кистями, не забудь.

Великая княгиня Софья

Венец бы им соломенный накинуть.

Великий князь Иоанн Васильевич

Добре ты вздумала, ярлык пришить
На шлем. Что ж мы на нем надпишем?

Великая княгиня Софья

«Се сатанино воинство». Прибавь
Еще что-нибудь.

Великий князь Иоанн Васильевич

«Враги Христовы».

Великая княгиня Софья

Суконника бы Золотого надо
Каким бы знаком отличить.

Великий князь Иоанн Васильевич

Да разве
К спине приделать горб и надписать:
«Прилука женская».

Великая княгиня Софья

Тут не одна
Красотка, глядя на него, заплачет.

Великий князь Иоанн Васильевич

Поплачут пусть, другие посмеются.

Мамон

Не вынесет суконник Золотой
Позора, петлю на себя накинёт
Или утопится в реке.

Великий князь Иоанн Васильевич
(Мамону)

Так черту

Баран. По улицам проведь, чтоб бегал
Народ за ними. Будет же потеха! (*Хочет.*
Немного погода задумывается.)
Теперь же... главное было забыл,

Ты призови сюда Алену с сыном.
(*Мамон уходит и скоро возвращается.*)

Явление IV

Великий князь Иоанн Васильевич, великие княгини София и Елена, великий князь Дмитрий Иоаннович и Мамон. Мать и сын бросаются в ноги Великому князю Иоанна Васильевича.

Великий князь Иоанн Васильевич

Поклонами земными не умолишь
Своей вины богопротивной — встаньте.
Бесстыдница, чего достойна ты?
Когда б тебя судили по уставу
Церковному, живую б в землю врыли
И твой нечистый труп без погребенья,
Какое христианам подобает,
По косточкам бы волки разнесли
На все четыре ветра. Говорить
Не буду, что тебя ждет на суде
Господнем. Будь Его святая воля!
Но я глава семейства и отец Ивана,
Любимого мной детища, и мужа,
Избранного тобой — и наконец я царь —
И должен быть твоим судьей земным.

Великая княгиня Елена

Я в терему *самой* княгини Софьи,
Меня здесь судят, мудрено ль, что я
Заранее тобой осуждена.
Твой грозный взгляд, коварная усмешка
Моей злодейки, все здесь говорит,
Что мне уж милостей не ожидать.

Великий князь Иоанн Васильевич

Не трожь моей княгини, без того
Довольно ты ее оклеветала.
А отвечай мне на мои вопросы:

Зачем в ересь Схариа пошла,
Отступника от Бога самого?

Великая княгиня Елена

На Схариа клеветуют злые люди.
Не ересь это — мудрая наука,
И не отступник он от Бога — ложь!..
А дел Его великий толкователь;
Светил небесных по путям нас водит,
По ним судьбу и царств и человека
Пророчит, по созданиям Творца
Любить и почитать нас научает.

Великий князь Иоанн Васильевич

Пусть так. Зачем же сборища ночные
В глуши, под сводами, чтоб не видал
И не слышал никто, что там творится?
На площади, в народе б говорил.

Великая княгиня Елена

Народ?.. еще у нас он неразумен больно:
Его камнями бы закидал.

Великий князь Иоанн Васильевич

Зачем, когда он о святыне Бога,
О чудесах Его великих говорит,
Бесчинства разные у вас творятся?

Великая княгиня Елена

Я не видала их.

Великий князь Иоанн Васильевич

Зачем тебя

Не научил великий ваш учитель
Хранить женский стыд и чистоту
Души, смирение и у тех, кого
Обидели, прощение просить?
Когда все так, как говоришь ты мне,
Княгине поклонись ты в землю и проси,
Чтобы она тебя великодушно...

Великая княгиня Елена

Простила бы великая душа?..
У Бога, у тебя я попрошу,
А не унижусь перед ней, хотя б
Казнить велел.

Великий князь Иоанн Васильевич

Для сына своего.

Великая княгиня Елена

Ни для кого. Сказала уж тебе,
Что лишь вошла сюда, я угадала,
Что надо мной суд кончен до меня.
Знать, приворотный корень бабы
Лихой *свое* уж сделал над тобою.

Великий князь Иоанн Васильевич

Ты слышал, Мамон?

Мамон

Слышал, государь.

(Великий князь Иоанн Васильевич вне себя бежит к кровати, схватывает трость и замахивается на великую княгиню Елену, великий князь Димитрий Иоаннович становится между ним и матерью, вырывает трость из рук деда и бросает ее в сторону.)

Не дам, злой дедушка бить мать мою.

Великий князь Иоанн Васильевич

Ты видел, Мамон?

Мамон

Видел, государь.

Великий князь Иоанн Васильевич

Щенок!.. скручу — ты не Василий.

(Мамону)

Обоих заключить под стражу?..

Великая княгиня Софья
(*притворным голосом участия*)

В терем,
Ведь так?..

Великий князь Иоанн Васильевич
Пусть в терем их теперь, а там увидим.
(*Мамон отводит великую княгиню Елену и сына ее.*)
А чтоб размирья нашего следов
Не оставалось, позвать Василия.

Великая княгиня Софья
(*отворяя боковую дверь*)

Василия скорее позовите.

Явление V

Те же и великий князь Василий Иоаннович.

Великий князь Василий Иоаннович
(*припав к ногам отца*)

Прости, отец! В писании святом
Читал ли ты о блудном сыне притчу?
Покинув отчий дом, скитался он
В чужбине дальней годы, наконец,
Покрытый струпьями души и плоти,
В одном лишь ветхом рубище на плечах,
Под кров родительский он возвратился.
В ногах отца с слезами покаянья
Он у него прощения просил.
И тот не только что простил его,
Но в радости своей созвал друзей
На пир торжественный. Так я теперь,
Твой блудный сын, у ног твоих,
Пришел просить прощенья.

Великий князь Иоанн Васильевич
(*обнимая сына*)

Обними

Меня. В писаньи как святом отец,

Забывши прошлое, я уготовлю
Тебе на всю Москву такой же пир.
Теперь ко мне прошу обоих вас:
Хочу я праздновать семейный праздник.
(*Встает, за ним великая княгиня Софья и сын.*)

Великий князь Иоанн Васильевич
(*обняв одною рукою княгиню и поддерживаемый под другую сыном, при виде на полу лежащей трости*)

Мне ныне посоха не нужно боле.
Опора у меня жена и сын.

Явление VI

КАРТИНА VII

Терем великой княгини Елены; одно окно открыто.

Великая княгиня Елена и великий князь Димитрий
Иоаннович

Великая княгиня Елена

О, Господи! что сделал безрассудный!
Дитя мое, ты погубил себя.

Великий князь Димитрий

Он бить тебя хотел, не мог стерпеть.
Откуда сила у меня взялась!
Мне кажется, в то время я в глаза
Его вцепился бы. Злой дед!.. Венец
Зачем он на меня надел? Венца
Я не просил. Тяжел он для меня.

Великая княгиня Елена

Ведь не сейчас стал править государством!

Великий князь Димитрий

Мне было б весело и без него
На свете. Молодецка воля, конь
Татарский... как вихорь бы летал
Тогда с меньшими братьями Василья
По темным рощам, по лугам шелковым.

А там изюм, да пастила медова,
Да лучше всех сластей твои мне ласки.
Я об венце и не подумал бы.
К тому ж Василию и по закону
Принадлежит. Об этом часто, долго
Я размышлял. Так пусть владеет им,
Он и умней меня, и старше много.

Великая княгиня Елена

Любовь моя к почету погубила нас:
Хотела первой на Руси я быть,
Всегда величья, власти домогалась
И не могла с собою совладать.
Терзал мне душу гордый взгляд гречанки
И все ее уловки, чтоб меня,
Где б ни было, собою заслонить,
И самоцветы, что горят на кике
И нити жемчуга крупней моих,
Потом... потом... Бог судит пусть меня!

Явление VII

Те же и Курицын.

Курицын

Не стану о былом я говорить:
Что сделано, того уж не воротишь.
Пришел тебе совет я добрый дать,
Княгиня. Покорись судьбе своей
И воле грозного владыки Руси.

Великая княгиня Елена

Что ж сделать я должна?

Курицын

Все то ж, чего

Хотел Иван Васильевич — просить
Прощения у ног самой княгини.
Она ведь старшая в семье. За это
Великий князь свободу вам дарует.

Великая княгиня Елена
У ног ее!.. Димитрий, что ты скажешь!..

Великий князь Димитрий
(гневно и гордо) -

Не быть тому!.. Не покоряйся, мать!

Великая княгиня Елена
А, вижу, кровь Елены Волошанки
В тебе, мой сын, заговорила ныне!

Курицын
(про себя)

(Кто б ожидал от этого птенца!
Любовь лишь чудеса творит такие).
Что ж мне сказать царю?

Великая княгиня Елена

Что слышал ты.

Курицын
(великому князю Димитрию)

Ты вынул жребий роковой для вас обоих.

Великий князь Димитрий
Венец Василию пусть отдают.
Клянусь ему служить и верою
И правдой.

Курицын

Опоздал. В час этот скорбный
Василия венчают в храме
На царство...

Великая княгиня Елена

Поспешили же, злодеи!
Но не уйдут от Божьего суда:
Настигнет их Господень грозный гнев!
Не в детях если, так во внуках их.
И сбудется пророчество мое...

Курицын

Прощай, княгиня, свидеться ль когда
Придется нам! Прощай, несчастный князь!
(Обнимает его.)
Царя небесного молить я буду,
Чтобы дни лучшие вам даровал.
(Закрыв глаза рукою, уходит.)

Явление VIII

Великая княгиня Елена и Димитрий. Слышны из окна возгласы народа: «Да здравствует великий князь Иван Васильевич! да здравствует великий князь Василий Иванович!»

Великая княгиня Елена

Народ?.. Василья чествует он ныне,
Давно ль кричал: «Да здравствует Димитрий!»

Входит Мамон со стражей из трех детей боярских.

Явление IX

Те же, Мамон и стража.

Мамон

Велел мне государь вас разлучить.
Ты можешь оставаться здесь, княгиня,
Под стражей.

Великая княгиня Елена

А его?

Мамон

Димитрия

Я должен в черную избу вести.

Великая княгиня Елена

Нет, вы не разлучите нас, туда
Ведите и меня.

М а м о н

Царя приказа

Я не могу послушаться. Сбирайся,
Князь Димитрий, с матерью простися.

Великая княгиня Елена
(падает на колени)

Так сжался надо мной, пусти к царю;
Я умолю его, чтобы позволил
Мне с сыном жить в одной тюрьме.
Прочь спесь теперь! княгине Софье упаду
К ногам, как падаю перед тобою.

М а м о н

Сказал тебе, княгиня, не могу.
Ты пожалей хоть голову мою.

Великая княгиня Елена
(бросается к сыну и крепко обнимает его)

Сокровище мое, мой ненаглядный,
Прощай, я не переживу разлуки.
Дай насмотреться на тебя в последний,
Дай в очи и уста расцеловать.

М а м о н
(страже)

Довольно, разведите их.
(Стража силится их разлучить.)

Великая княгиня Елена

Еще,

Еще один хоть раз.
(Обнимает сына и обмирает на груди его.)

М а м о н

Что ж вы, зеваки!

Стража разнимает их и уводит Димитрия, великая княгиня простирает вслед ему дрожащие руки, шатается и падает.

Занавес опускается.

ЭПИЛОГ

Несколько лет спустя.

Черная изба.

Явление I

Пристав Небогатый и великий князь Димитрий. Великий князь с бородкой, истощенный, с цепями на руках, на войлочке, положив голову на подушку. Пристав сидит против него на скамейке.

Небогатый

Над головой безвинного страдальца
Уж сколько пронеслось тяжелых лет,
Как он в цепях и крепком заключеньи
Томится здесь. Менялись поколения,
Как листья на деревьях: молодые
Весною идут, а к осени слетают.
Недолго прожила в разлуке с ним
И мать его; за нею отошла
Сама великая княгиня Софья.
Мир им хоть там, в селениях небесных!
Вот и Василий крепко возмужал;
Иван Васильевич на одре лежит давно
И вряд поднимется, как говорят.
А об Димитрии забыли все.

(Немного погодя.)

Как был пригож, цвел словно маков цвет,
Теперь глядит не краше мертвеца.
Былинку так сухую ветер клонит
К земле, а сокрушить еще не может.

(Немного погодя.)

Вот поседел и я, как белый лунь.
Десятки долгих лет служу я здесь:
Служенье тяжкое! но не ропщу.
Благодарю Тебя, Господь! Прошла
Передо мной несчастных вереница,
И сердце у меня не очерствело:
Еще осталось слово, чтоб утешить их,
Слеза — чтобы поплакать вместе с ними.

Великий князь Димитрий Иоаннович
(*во сне*)

Вперед за мною, братцы — молодцы,
Колите, не жалеите басурманов.

Небогатый

Во сне бедняга бредит... уже не раз,
Заметил я, все в битву рать он водит.
Кто знает, может быть, полка большого
Он слыл бы знаменитым воеводой.

Великий князь Димитрий Иоаннович
(*делает усилие разорвать цепи, от звука их просыпается и потом, осмотревшись кругом, грустно*)

Ах! дядюшка, мне виделась татары,
Стучали бердыши, свистели стрелы...

Небогатый

То грезы сонные. Перекрестись,
Мой милый, успокой крови тревогу.
(*Задыхаясь вбегает Курицын.*)

Явление II

Те же и Курицын.

Курицын

Иван Васильич при часах последних...
Зовет тебя к себе. Свобода, милость!..
Голубчик, поспешай... Не терпит время.
(*Великий князь Димитрий Иоаннович сначала испуган, потом в недоумении, Небогатый спешит снять с него цепи.*)

Великий князь Димитрий Иоаннович
(*придя в себя*)

Свобода?.. Вот она!.. Что ждет меня?..
Неужели венец?.. нет, не хочу.
Легко так дышится, рукам раздолье,
Как будто гири сбросили с меня.
О, мать моя! под плитой гробовой

Меня ты не увидишь на свободе,
Уж не благословишь, моя родная!..
(*Небогатому.*)
Ведь, дядюшка, ты со мной, не правда ль!

Небогатый
(*второпах*)

С тобой, с тобой. Что мне бы на него...
В таком худом армяшке непристойно.
Да, вспомнил, сохранил его одежду,
В которой привели его сюда.
(*Бросается к сундуку, вынимает оттуда
княжеское платье и одевает великого князя Димитрия;
в это время прибегает Гусев.*)

Явление III

Те же и Гусев. -

Гусев

Скончался царь, Василий воцарился.

Курицын

А для него приказа нет?

Гусев

Велел

Его по-прежнему в цепях держать.

Занавес опускается.

18 июля 1867 года.

ЗАМЕТКИ ДЛЯ БИОГРАФИИ БЕЛИНСКОГО

Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Посвящая несколько страниц памяти одного из самых замечательных деятелей в нашей литературе, я должен оговориться, почему в длинном вступлении к моей статье я говорю о многом, что попадалось мне в цепи моих воспоминаний, и почти ничего о Белинском. Причина этому следующая: статья эта извлечена из моих памятных записок и в каком виде в них находилась, в таком ее представляю, исключая дополнения, необходимо требовавшие себе места в ней, когда я ее переписывал, и неминуемые обрезки, которые по многим причинам не могут еще увидеть свет (напр., описание состояния Казанского университета в 1820-25 годах). Я пожалел исключить длинное вступление, потому что оно обрисовывает время, когда ум и сердце Белинского начало тревожить все, что он видел, слышал и читал. Это время было оселком для врожденного критического такта его, развившегося впоследствии так художественно.

I

В конце 1820 года был я определен директором училищ Пензенской губернии.

Я приехал в Пензу поздно вечером и остановился на постоялом дворе. Желая застать училища без приготовления, я никому не дал знать о своем приезде. Хозяин двора не понимал даже, что такое за лицо директор училищ. Обыкновенно, как въезжает в заставу вновь определенная власть, управляющая или ревизующая, напр. председатель какой-нибудь палаты, обер-

форштмейстер (я разумею тогдашних, которые в два-три года наживали себе большие состояния, находя готовые клады, не охраняемые никакими духами, в лесах, преимущественно корабельных), чиновник особых поручений из Петербурга, не говорю уж о губернаторе,— когда въезжает в заставу такая власть, даже за несколько станций от города, уже в городе чутьем слышат персону. Все там, от мала до велика, приходит тогда в неописанное волнение, как бы в муравейник ткнули палкой. Немудрено: с этими властями связаны жители видимыми и невидимыми нитями интереса. Но начальник училищ чужд этих интересов. В нем не имеют нужды ни полиция, ни откупщик, ни тяжущиеся за твое и мое, ни подсудимые, ни даже члены общества, играющие по большой. А в провинции и эта последняя несостоятельность шибко роняет человека! Кому до него дело, кроме бедных учителей, да разве двух-трех чадолюбивых родителей из числа сотен, отдающих свое детище на выучку в училище... *

Спустясь на более низшую ступень, расскажу еще один случай, приблизительно выражающий почет, каким пользовались тогда *наставники юношества*. Извините, и тут не минуя отступлений.

В 1822 г. возвращался я в Пензу из Саратовской губернии, куда послан был визитатором тамошних училищ. В голове и сердце моем толпились еще свежие, отрадные воспоминания о Сарепте и вообще о колониях тамошнего края, попадавшихся мне на пути. Везде видел я поля, прекрасно обработанные, леса, не только сбереженные, но и выхоленные, опрятность в домах, храмы Божии и училища в каждой колонии, грамотность, ремесленность, сильно развитую, трудолюбие, строгую нравственность в семействах. Едешь на почтовых, сейчас угадаешь, кто тебя везет, колонист или русский мужичек. У первого лошади сыты и сбережены, сбруя на них кожаная, хорошо смазана; сам возчик в чистом, крепком кафтане, едет доброй, законной рысью, которую не прибавит ни за угрозы, ни за деньги. У другого лошади сбиты, иногда в язвах, по которым,

* Здесь автором выпущено несколько строк.

он, для поощрения своего живота, а иногда для собственной потехи, метко бьет кнутом; сбруя в узлах; иногда он едет так тихо, как будто ждет русского словца с подзатыльником, или за водку готов уморить лошадей. В колониях на праздниках слышны духовные песни, стариков и молодых застаешь за чтением священных книг, на вечеринках соблюдается приличие; девушка зарделась бы от стыда, если бы повеса осмелился сказать при ней непристойное слово, да и отец или родственники явились бы перед судом пастора грозными обличителями в оскорблении ее стыдливости. Что ж видел я в наших русских деревнях? Курные избы, в них свиньи и бараны сбивают вас с ног, нечистота, грязь, рядом с иконами безобразные картинки с Спасского моста, все это облупленное тараканами, загаженное мухами; перед избой тощая хворостина под именем березки, посаженная по приказанию. Во время богослужения в церкви, бабы, сидя на паперти, *гуторят* про житейское, если еще не бранятся; что ни речь между мужиками, то сквернословие, которого не услышишь ни у какого народа, в избе валяются кое-как вместе и женатая чета, и девки, и малолетки, не думая ограждать чувство стыдливости хоть холщовым пологом. Хороводы дико горланят до полуночи, парни с девками обнимаются при всех; приезжего на сельский праздник городского молодца девки, увидевшие его в первый раз, зазывают на тайное свидание, свекровь за деньги сама приведет свою невестку, племянник и вместе крестный сын проучивает кулаками *по рылу* своего дядю, бывшего восприемником его от святой купели... Правда, ныне в богатых великорусских оброчных и казенных селениях, особенно в губерниях, близких к столицам, стали чище и даже богаче одеваться. В праздники на улицах увидите много женщин в малиновых штофных *обжимцах*, с куньими, под соболю, воротниками, и *корсетках*, в кринолинах своего рода, в башмаках и серых тонких чулках с красными стрелками (а женская щеголеватая обувь есть уже признак цивилизации), мужчин в нанковых или суконных полушубках, обшитых котиками, в плисовых шароварах и козловых сапогах. На окошках стоят самовары, песни в хорово-

дах поются более нежными голосами. Но в избах та же нечистота, нравственность едва ли не прежней ступени. Спросите у любого крестьянина или крестьянки, знают ли они заповеди Божии, понимают ли они молитвы, если и выучили какую молитву; знает ли большая часть из них другой грех, кроме нарушения поста. Не говорю о белорусах*. Перед ними великорус и малорус смотрят барином. Зато кем не загнан был белорусский мужичок? и войной, и арендаторами, и жидами, и всем, что его окружает. Он ест обыкновенно хлеб, который великорусский крестьянин, тем менее малорус, не станет ни за что есть, разве в величайший голод (кроме псковитян, на границе Витебской, перенявших эту скудную яству от своих соседей). Это какая-то смесь из одной трети муки и двух третей мякины, род кирпича, которым в степи топят избы. Один помещик, говоря со мною об этом предмете, весьма наивно уверял меня, что если дадут белорусу хлеб, вкушаемый другою порождою людей, он будет болен. Это напомнило мне французов, взятых в плен в зиму 1812 г.; привыкшие питаться палой кониною, они вскоре умирали, как только их насыщали здоровою пищею. В Белоруссии многие владельцы прямо с полей свозят крестьянский хлеб к себе на гумно, будто бы для того, чтобы он не был пропит в корчмах (между тем, заботятся об устройстве в своих имениях таких увеселительных домов), а потом выдают в месячину вышереченную смесь. Поверите ли, что один чиновник, ездивший по делам службы в ближайший от Витебска уезд, среди 600 душ одного помещика, не нашел куска чистого русского хлеба, чтоб утолить свой голод. Бывши несколько раз по должности моей в рекрутском присутствии, я видел, с каким удовольствием поставляемый в рекруты слышал над собою отрадный возглас: «Лоб!»

* В № 3 «Русского Вестника» нынешнего года в статье «Помещики и крестьяне», П. Э. весьма верно списан быт белорусских крестьян. Надо прибавить, что те крестьяне Витебской губернии, которые живут в большом довольстве, великорусские переселенцы, засевшие на границах Лифляндии и Курляндии. И крестьяне в этом углу более довольны помещиками, и помещики более довольны крестьянами. Хозяйство тут стройнее и гуманнее. Довольство обоюдное.

Он чуял уже в солдатской артели запах чистого русского хлеба. Белорусские крестьяне не считают великим бедствием холеру в сравнении с другим, постоянно их сокрушающим — голодом. Я замечал во время пути моего через Белоруссию, что даже собаки в деревнях не лают на проезжих, а, увидав экипаж или холщовую еврейскую фуру, бегут под заворотню. Аминь.

Будем надеяться, что, с благотворным изменением общественного быта наших крестьян, примутся деятельные меры и к нравственно-религиозному их воспитанию. Об этом воспитании писал я еще в 1837 году к Пушкину по случаю его замечания в письме ко мне, будто «тиранское управление Бирона было в духе его времени и во нравах народа». Натура русского человека не хуже натуры других народов. Известны его сметливость, отвага, твердость. В нынешнем году я имел случай убедиться, как животворно действуют на крестьян внушения доброго и умного пастыря. С какою жадностью грамотные из них выпрашивали у меня *книжечки* почитать! Не вина этой натуры, если она окружена была враждующими с нею обстоятельствами, от которых осталась в загрубелом состоянии. Зачем же клеветать на нее? Почва недурна, только она была долго и долго в залежи и заросла разными плевелами. Расчистите ее, дайте свободным струям воздуха обдуть ее, лучу света проникнуть в ее пласты, бросьте на нее добрые семена, и вы увидите, какую благодарною жатвою она покроется. Скоро ли это сделается, как знать; но мы благословляем судьбу, что дожили до того времени, когда могучая и благодетельная рука взялась уже за плуг... Да подаст Господь Царственному деятелю силы, долгие и славные дни на совершение им начатого!

В одной из колоний остановился я для перемены лошадей. Это было в понедельник, на первой неделе великого поста. В одно время со мною приехала туда же одна помещица. Мы вошли в большую, светлую, опрятную комнату. К одной стороне стан с основой серпанки, к другой — шкаф с сияющей посудой; за перегородкой виднелась кровать с чистоприбранною постелью и занавесками. Из внутренней стенки выдвинулась не-

высокая, в уровень человека печь со вделанным в нее котлом, дном вверх, на котором молодая женщина, весьма опрятно одетая, готовила пшеничные блины (печь у колонистов топится из сеней так что в жилье нет ни угару, ни дыму). Молодица приветствовала нас с добрым днем и потом предложила моей временной спутнице блинков ее изделия с свежим сливочным маслом. Помещица, поблагодарив ее, сказала, что теперь грех есть скоромное, потому что у нас пост. На это молодница отвечала текстом из св. писания.

В доме не было видно никакого зрителя; лошадей запрягли в несколько минут.

На другой день, то есть во вторник на первой неделе великого поста, ожидала меня другая картина; я приехал на русскую станцию. Станционный дом был двухэтажный. На ступенях лестницы —росло грязи на вершок, паутина окружала вас со всех сторон. В комнате зрителя та же нечистота. Стекла с оранжевыми и фиолетовыми отливами и струями сырости, по запекшейся на них пыли свидетельствовали, что они несколько лет немыты; на столе, среди лужи вина, стоял опорожненный штоф. На лавке лежала в безобразном виде пьяная жена зрителя, еще молодая женщина, с распущенною, длинною косою, сметающей пыль при малейшем ее движении. Зритель был тоже порядком нагружен. Съжившись, с подобострастием принял он от меня подорожную, но лишь только блуждающими глазами поймал в ней начало слова: «училищ», как вырос целою головой. Гневно и презрительно взглянул на меня, повелительно вытянул свою могучую жилистую руку, будто превратился в трагического героя и хотел сказать: «*Qu' il mourut* (на станции)!» — и закричал хриплым, гробовым голосом: «Учитель? — Не давать ему лошадей».

Едва ли не подобный почет, только проявлявшийся не так гласно и в более мягких формах, приходился на долю тогдашних наставников юношества и от трезвых, более развитых членов общества. Бедность учителей, особенно уездных, оттого отчуждение их от этого общества, оттого дикость и странности их характера, иногда уклонения от порядочной жизни, оттого еще

большее разъединение с обществом — вот причины и последствия того состояния, в каком находились в мое время наставники юношества. В каком состоянии они и теперь, можете видеть из художественного описания членов уездного училища в 1 части «Тысячи душ» Писемского.

Но возвратимся к осмотру пензенских училищ.

В гимназию пришел я в 10 часов утра. Еще в передней послышались мне дикие голоса и между ними крики: ура! Только что я хотел войти в классную комнату, как перед моим носом распахнулась дверь; ватага гимназистов хлынула через нее и едва не сшибла меня с ног. Школьники несли на руках учителя русской словесности, в каком положении — можете догадаться. «Что это вы делаете?» — спросил я их. «Мыши кота погребают», — отвечали они. Какие меры ни употреблял я, чтобы привести этого господина на правый путь, а по своим способностям он это заслуживал — поселил его подле себя, пригласил разделять со мною хлеб-соль, старался ввести в свой кружок — ничто не помогло. Бывало, чем свет, накинёт на себя свой дырявый ситцевый халат и в туфлях на босую ногу, бежит к струям российской отуманивающей иппокрены и потом заедает их солеными огурцами. В других классах ни одного учителя, ни одного ученика.

В уездном училище, при моем посещении, тоже ни одного учителя. Был класс русской истории. Преподаватель ее, задав на выучку, слово в слово, целого удельного князя и отметив в книге задачу, ушел куда-то по своим домашним надобностям. Учеников застал я в самом разгаре гимнастических упражнений, так что в комнате стояла пыль столбом.

На место кота, которого погребали мыши, поступил школяр и педант в высшей степени. Он твердо зазубрил всевозможные риторика, русские и латинские, и даже вздумал было преподавать одну из них по иезуитскому руководству Лежая. Большею частью забивал он учеников хитрыми упражнениями на фигурах и тропях, как будто учил выделявать из слов разные фокусы. Разумеется, по-тогдашнему он учил и изобретать по известным вопросам: кто, что и т. д. Белинский

был долго под фериулой его, как учителя русской словесности и исправлявшего некоторое время, по старшинству, должность директора училищ, но, с врожденной ему энергией, не поддался ей. Вероятно, что с того времени риторика ему и опротивела. Преподавателей других предметов или не было, или были они в роде кота и ритора. Не говорю уж о жалких учителях французского и немецкого языков того времени.

Да из кого ж было набрать их?.. Помнится, вскоре после моего прибытия в Пензу, вышло постановление, чтобы желающие поступить в домашние учителя иностранных языков были экзаменуемы в гимназиях. Каких претендентов не являлось на эту должность: и солдаты великой наполеоновской армии, оставшиеся в России после 12-го года, и красильщики, ткачи, не находившие у нас работы рукам своим! Бывало, напишут ко мне на своем родном языке просительное письмо о желании их держать экзамен, а я на этом же письме, в каких-нибудь десяти строчках, подчеркну до двадцати грубых ошибок против грамматики и, без всяких дальнейших объяснений, отошлю письмо назад к просителю. Тем нередко и кончался экзамен. Один из этих господ, бывший лионский красильщик, которому я таким образом забрил затылок, увидав меня лет через восемь в Москве, с бесстыдством сказал мне: «О! я теперь хорошо знаю грамматику: вы бы теперь меня не узнали!» То есть он, уча детей, на помещичьи деньги сам учился и практиковался. Из этой-то когорты передовые люди определялись в учителя гимназии.

В скором, однако ж, времени поступило в нее несколько более образованных и надежных учителей из воспитанников университета. Между ними был один, М. М. П — в, настоящий клад для гимназии. С любовью к науке, особенно к литературе, с светлым умом и основательным образованием, он соединял теплое сердце и душу поэтическую. Я приобрел его дружбу*.

* Не знаю, как благодарить моего почтенного друга за драгоценные сведения, доставленные им о Белинском: я извлек из письма его только то, что приходилось по рамке моей статьи и мною заданной задачи, в оглавлении ее оставя в стороне все, что касалось того критического разбора, который не входил в мою программу.

Ученики любили его и никого не слушали с таким удовольствием и пользою. Счастливым был Белинский, что попал в его школу; под теплым крылом его он развил в себе любовь к литературе и ко всему прекрасному.

Удивительно ли, что я застал почти за 40 лет назад пензенскую гимназию в таком состоянии, когда я, 12 лет позднее, нашел одну из гимназий московского учебного округа, именно тверскую, едва ли в лучшем. Учителя беспрестанно занимались в ней сутяжничеством и доносами друг на друга, вмешательством в самую мелкую экономию заведения. Поверят ли теперь, что один из них, вскоре после моего определения в директоры, подал мне рапорт с приложением клочков бумаги, найденных им в каком-то секретном месте, о котором приличие не позволяет говорить? В этом донесении изъяснял он, что подозревает в бумажных лоскутках экономические счета гимназии, и потому, как верный подданный, радея о казенном интересе, просит строжайше исследовать дело... Был учитель старичок, настоящий заплесневший сухарь по наружности и по познаниям, который всегда, по выбытии из гимназии кого-либо из учителей — выходил ли преподаватель естественной истории, так называемой политической латыни, французского языка и прочее и прочее — сейчас предлагал себя для замещения его, разумеется, с прибавочным жалованьем. По его мнению, чтобы быть преподавателем, стоило только взять любое руководство, задавать из него уроки, отмечать их карандашом, или, что дешевле, ногтем, спрашивать эти уроки слово в слово или возлагать эту обязанность на старших учеников, за незнание ставить детей на колени, а иногда попросту высечь их — и вот вам готов учитель. Был учитель латыни, тоже в роде кота, который, по выходе из гимназии, не нашел для себя лучшей карьеры, как сельского заседателя, и впоследствии из этой должности порывался на прежнюю. Был преподаватель из наполеоновских тамбурмажоров, который пять дней в неделю чадолюбиво откармливал на своей ферме индеек и поросят, или шнырял в присутственных местах по своим и соседским тяжбыным делам, а два дня, на скорую руку, упитывал чужих детей задачами из французских диалогов

и грамматики, чтобы скорее возвратиться к своим четвероногим и двуногим пенатам, или к весам Фемиды. И так далее, и так далее.

Каково было мне возиться с этими господами, особенно с теми, которые имели сватов, кумов и покровителей в Москве!.. Виноват перед латинской поговоркой — покойников добром помянуть нечем.

Но и здесь (не все ж говорить о подвигах высоких особ; почему ж и не почитать память бедного труженика учителя? достойно нести 25 лет, да еще на одном месте, эту должность, нелегкий подвиг — стоит 25 лет походов!) долгом почитаю оговорить, что полезнейшим, образованнейшим из членов гимназии, украшением ее был, в мое время и долго-долго после меня, учитель математики Будревич, товарищ Мицкевича и Ковалевского * по виленскому университету.

Можно сказать, что благодатной эрой обновления гимназий московского учебного округа было то время, когда дирекция их перешла из-под заведывания советов и правлений университета в непосредственное управление попечителей или, лучше сказать, со времени попечителя графа С. Г. Строганова. Сильною, незыблущею рукою выкинул он из этих заведений всю ветошь и гниль, и заменил их свежими, разумными силами из московского университета. Многие сделал он для университета, многое совершил и для гимназий. С благодарностию отметит потомство имя этого государственного человека, обновителя московского учебного округа.

II

В 1823 году ревизовал я чембарское училище. Новый дом был только что для него отстроен. (В этом ли доме, или во вновь построенном после бывшего пожа-

* Ковалевский, ныне столь известный ориенталист, прибыл с двумя новыми товарищами в казанский университет во время четырехмесячного исправления мною в нем должности инспектора студентов. Всегда светлела душа моя, когда я по служебным обязанностям и не по обязанностям сближался с этою прекрасною, благородною личностью.

ра, не знаю хорошо, жил несколько времени император Николай Павлович по случаю болезни своей от падения из экипажа на пути близ Чембара). Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он, между тем, на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно. Таким вообразил бы я себе ученого доктора между позднейшими нашими потомками, когда, по предсказаниям науки, измельчает род человеческий. На все делаемые ему вопросы, он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностию, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал, большею частию, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве,—доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Греков) не конфузился, что его ученик говорит не слово в слово по учебной книжке (как я привык видеть и с чем боролся немало в других училищах). Напротив, лицо доброго и умного смотрителя сияло радостью, как будто он видел в этом торжестве собственное свое. Я спросил его, кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря»,—сказал он мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевною теплотой приветствовал его, тут же потребовал из продажной библиотеки какую-то книжонку, на заглавном листе которой подписал: «Виссариону Белинскому за прекрасные успехи в учении» (или что-то подобное) от такого-то, тогда-то. Мальчик принял от меня книгу без особенного радостного увлечения, как должную себе дань, без низких поклонов, которым учат бедняков с малолетства. Чембар—маленький уездный городок, не лучше посред-

ственного села. Местоположение его и окрестностей довольно живописны.

Как говорил мне зритель, Белинский гулял часто один, не был сообщителен с товарищами по училищу, не вмешивался в их игры и находил особенное удовольствие за книжками, которые доставал, где только мог. Отец его, уроженец Польши или западных губерний, был очень беден и неизвестен дальше своего околотка *. Сын его Виссарион родился в наших степях, в нашей вере, и был вполне русским. Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частью члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нараспашку, часто за ерофеичем и пуншем, слышал речи, вращавшиеся более всего около частных интересов, приправленные цинизмом взяточничества и мерзких проделок, видел воочию неправду и черноту, незамаскированные боязнью гласности, незакрашенные лоском образованности, видел и купленное за ведерку крестное целование понятых и свидетельствование разного рода побоев и пр. и пр... Душа его, в которую пала с малолетства искра Божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен. С ранних лет накопела в ней ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чем бы они ни проявлялись, в обществе или в литературе. Оттого-то его убеждения перешли в его плоть и кровь, слились с его жизнью. Только с жизнью он и покинул их. Прибавьте к безотрадному зрелищу гнилого общества, которое окружало его в малолетстве, домашнее горе, бедность, нужды, вечно его преследовавшие, вечную борьбу с ними, и вы поймете, отчего произведение его иногда переполнялись желчью, отчего, в откровенной беседе с ним, из наболевшей груди его вырывались грознообличительные речи, которые, казалось, душили

* Семейство его, сколько я знаю, состояло из трех сыновей и одной дочери. Некоторые члены из этого семейства были живы не так давно. Один из братьев его в 1857 году служил корректором во 2-м отделении Е. В. канцелярии; сестра его Александра замужем за штатным смотрителем Нижнеломовских училищ Кузьминым.

его. Он действовал на общество и литературу, как врач на больного, у которого прижигает и вырезывает язвы: можно ли сказать, что этот врач не любит человечество?.. Менее страстная и энергическая натура уступила бы обстоятельствам и не совершила бы того, что он совершил в такую короткую жизнь.

По случаю перевода моего в Казань я потерял было Белинского из виду. Знал я только, что он перешел в пензенскую гимназию в августе 1825 года (из просьбы отца его начальству гимназии о приеме его в это учебное заведение видно, что ему было тогда 14 лет). По сведениям, почерпнутым из гимназических ведомостей, видно, что Белинскому в 3-м классе отмечено: из алгебры и геометрии 2, из истории, статистики и географии 4, из латинского языка 2, из естественной истории 4, из русской словесности и славянского языка 4, во французском и немецком языках отмечен, что не учился*. В январе 1829 года в ведомостях показано, что за нехождение в класс не рекомендуется, а в феврале вычеркнут из списков и рукою директора означено: «За нехождение в класс». Что ж можно вывести из всех этих отметок? Что он был нерадив к учению? Мы могли бы указать на примеры некоторых великих писателей, в том числе нашего Пушкина, которые не считались в школе отличными учениками. Но мы найдем объяснение официальной аттестации Белинского в следующем интересном свидетельстве любимого, уважаемого им учителя о любимом своем ученике.

«В гимназии, по возрасту и возмужалости, он во всех классах был старше многих сотоварищей. Натурность его мало изменилась впоследствии: он и тогда был неуклюж, угловат в движениях. Неправильные черты лица его между хорошенькими личиками других детей, казались суровыми и старыми. На вакации он ездил в Чембар, но не помню, чтобы отец его приезжал к нему в Пензу, не помню, чтобы кто-нибудь принимал в нем участие. Он, видимо, был без женского призора, носил платье кое-какое, иногда с непочиненными про-
рехами. Другой на его месте смотрел бы жалким, за-

* Высший бал в то время был — 4.

брошенным мальчиком, а у него взгляд и поступки были смелые, как бы говорившие, что он не нуждается ни в чьей помощи, ни в чьем покровительстве. Таков он был и после, таким и пошел в могилу.

...Впрочем, зачем перечислять учителей? Некоторые из них были ученые люди, с познаниями, да ум-то Белинского мало выносил познаний из школьного учения. К математике он не чувствовал никакой склонности, иностранные языки, география, грамматика и все, что передавалось по системе заучиванья, не шли ему в голову *, он был отличным учеником и в одном, которм-то, классе, просидел два года.

Надобно, однако ж, сказать, что Белинский, несмотря на малые успехи в науках и языках, не считался плохим мальчиком. Многое мимоходом западало в его крепкую память, многое он понимал сам, своим пылким умом; еще больше в нем набиралось сведений из книг, которые он читал вне гимназии. Бывало, поэкзаменуйте его, как обыкновенно экзаменуют детей — он из последних, а поговорите с ним дома, по-дружески, даже о точных науках, — он первый ученик. Учителя словесности были не совсем довольны его успехами, но сказывали, что он лучше всех товарищей своих писал сочинения на заданные темы.

Во время бытности Белинского в пензенской гимназии преподавал я естественную историю, которая начиналась уже в 3-м классе. (Тогдашний курс гимназический состоял из четырех классов). Поэтому он учился у меня только в двух высших классах. Но я знал его с первых, потому что он дружен был с соучеником своим, моим родным племянником, и иногда бывал в нашем доме. Он брал у меня книги и журналы, пересказывал мне прочитанное, судил и рядил обо всем, задавал мне вопрос за вопросом. Скоро я полюбил его. По летам и тогдашним отношениям нашим он был неравный мне, но не помню, чтоб в Пензе с кем-нибудь

* Из того, что он составил русскую грамматику, бывши еще в гимназии, можно заключить, что Белинский ни одним учебником по этому предмету не удовлетворялся: учась, он не подчинялся авторитетам, соображал, делал свои выводы; и там он был уж критик.

другим я так душевно разговаривал, как с ним, о науках и литературе.

Домашние беседы наши продолжались и после того, как Белинский поступил в высшие классы гимназии. Дома мы толковали о словесности: в гимназии он, с другими учениками, слушал у меня естественную историю. Но в казанском университете я шел по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себе, что иногда происходило в классе естественной истории, где перед страстным, еще молодым в то время, учителем сидел такой же страстный к словесности ученик. Разумеется, начинал я с зоологии, ботаники или ориктогнозии и старался держаться этого берега, но с середины, а случалось и с начала лекции, от меня ли, от Белинского ли, Бог знает, только естественные науки превращались у нас в теорию или историю литературы. От Бюффона-натуралиста я переходил к Бюффону-писателю, от Гумбольтовой географии растений к его «Картинам природы», от них к поэзии разных стран, потом, к целому миру, к сочинениям Тацита и Шекспира, к поэзии в сочинениях Шиллера и Жуковского... А гербаризации? Бывало, когда отправлюсь с учениками за город, во всю дорогу, пока не дойдем до засеки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рекой Пензой, Белинский пристаёт ко мне с вопросами о Гете, Вальтере Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме и обо всем, что волновало в то доброе время наши молодые сердца.

Тогда Белинский, по летам своим, еще не мог отрешиться от обаяния первых пушкинских поэм и мелких стихов. Неприветно встретил он сцену: «Келья в Чудовом монастыре». Он и в то время нескорю поддавался на чужое мнение. Когда я объяснил ему высокую прелесть в простоте, поворот к самобытности и возрастание таланта Пушкина, он качал головой, отмалчивался или говорил: «Дайте, подумаю; еще прочту». Если же с чем он соглашался, то, бывало, отвечал с страшной уверенностью: «Совершенно справедливо!»

Журналистика наша в двадцатых годах выходила из детства. Полевой передавал по «Телеграфу» идеи

запада, все, что являлось там нового в области философии, истории, литературы и критики. Надоумко смотрел исподлобья, но глубже Полевого, и знакомил русских с германской философией. Оба они снимали маски со старых и новых наших писателей и приучали судить о них, не покоряясь авторитетам. Белинский читал с жадностью тогдашние журналы и всасывал в себя дух Полевого и Надеждина.

Он уехал в Москву в августе 1829 г.»

Это свидетельство, неофициальное, не требует комментариев. Скажу только, что в школе любимого своего учителя гениальная натура Белинского начала свое настоящее образование; здесь была его гимназия.

В 1829 г. жил я в Москве. В этот и следующий год являлись ко мне молодые люди, исчерпавшие глубину премудрости пензенской гимназии и переходившие в московский университет, который, преимущественно перед другими университетами, обаятельно привлекал к себе юношей из всех мест. Они являлись ко мне или по старой памяти, или с рекомендательными письмами доброго М. М. П., который заботился об них, как самый близкий родной, и за пределами гимназии. Мое дело было приютить их на первых порах в Москве, казавшейся этим дальним странникам из степей каким-то Вавилоном, похлопотать скорее пристроить бедняков в университет, и, если можно, на казенный кошт, руководить их советами, пригреть их в сиротстве добрым, ласковым словом, помочь им, чем и как позволяли мои скудные средства. Эти обязанности считал я самыми приятными; в числе этих молодых людей был и Белинский.

В 1830 году задумали мы с М. М. П. альманах «Поэжинки», и вербовали из пензенцев более даровитых молодых людей себе в сотрудники. Издание этого альманаха не удалось. Вот письмо, писанное по этому случаю 19-летним Белинским своему бывшему наставнику; оно интересно выражениями гордого, благородного характера юноши, никогда неизменявшегося и впоследствии, несмотря ни на какие обстоятельства, и процесса, каким вырабатывалось в его душе истинное его призвание.

«Москва 1830 года, апреля 30 дня.

Милостивый государь М. М.!

В чрезвычайное затруднение привело меня письмо моего родственника: «М. М., пишет он, издает с И. И. Л. альманах и через меня просил вас прислать ему ваших стихотворений, самых лучших». Не могу вам описать, какое действие произвели на меня эти строки: мысль, что вы еще меня не забыли, что вы еще также ко мне благосклонны, как и прежде; ваше желание, которого я, несмотря на пламенное усердие, не могу исполнить — все это привело меня в необыкновенное состояние радости, горести и замешательства. Бывши во втором классе гимназии, я писал стихи и почитал себя опасным соперником Жуковского, но времена переменились. Вы знаете, что в жизни юноши всякий час важен: чему он верил вчера, над тем смеется завтра. Я увидел, что не рожден был стихотворцем и, не хотя идти наперекор природе, давно уже оставил писать стихи. В сердце моем часто происходят движения необыкновенные, душа часто полна чувствами и впечатлениями сильными, в уме рождаются мысли высокие, благородные — хочу их выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, с досадою бросаю перо. Имею пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имею душу полную и, при всем том, не имею таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Рифма мне не дается и, не покоряясь, смеется над моими усилиями; выражения не улаживаются в стопы, и я нашелся принужденным приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатого — и ничего оконченного и обработанного, даже такого, что бы могло поместиться не только в альманах, где собирается все отличное, но даже и в *«Далеком журнале»!* В первый еще раз я с горестию проклинаю свою неспособность писать стихами и леность писать прозою.

Мне давно нужно было писать к вам, но я не могу сам понять, что меня от сего удерживало, и в сем случае столько перед вами виноват, что не смею и оправдываться.

Вы писали обо мне И. И. Лаж. Я это как

бы предчувствовал в то время, как вы вручали мне письмо. Благородный человек, скажите: чем я могу вам заслужить за это? Столько ласк, столько внимания и наконец такое одолжение! Ищу слов для моей признательности и не нахожу ни одного, которое было могло выразить оную, Вы доставили мне случай видеть человека, которого я всегда любил, уважал,—видеть и говорить с ним. Он принял меня очень ласково и, исполняя ваше желание, просил обо мне некоторых из гг. профессоров, но просьбы его и намерение оказать мне одолжение не имели успеха: ибо я, по стечению некоторых неблагоприятных для меня обстоятельств, не мог ими пользоваться.

Я не из числа тех низких людей, которые тогда только чувствуют благодарность за прилагаемые об них старания, когда оные бывают не тщетны. Хотя моим поступлением в университет я никому не обязан, однако, навсегда останусь благодарным вам и И. И. Если ваше желание споспешествовать устройению моего счастья не имело успеха, то этому причиною не вы, а посторонние обстоятельства.

Так, милостивый государь, если моя к вам признательность, мое беспредельное уважение, искреннее чувство любви имеют в глазах ваших хотя некоторую цену, то позвольте уверить вас, что я оные буду вечно хранить в душе моей, буду ими гордиться. Уметь ценить и уважать такого человека как вы — есть достоинство, заслужить от вас внимание — есть счастье.

Но, может быть, я утомил вас изъяснением моей благодарности. Извините меня: строки сии не суть следствие лести; нет — это изливание души тронутой, сердца, исполненного благодарности; чувства мои неподдельные: они чисты и благородны, как мысль о том, кому посвящаются. Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо: вы делаете из сего исключение, и для меня ничего нет приятнее, как изъяслять вам мою благодарность.

Извините меня, если я продолжительным письмом моим отвлек вас от ваших занятий и похитил у них несколько минут. Итак, вторично прося у вас извинения за то, что я не засвидетельствовал прежде вам моей

благодарности, остаюсь с чувством глубочайшего уважения и готовностью к услугам вашим,
ученик ваш *Виссарион Белинский*».

Пока я жил в Москве, он нередко посещал меня; мы сблизились, несмотря на расстояние лет; не было заботы и надежды, не было юношеского увлечения, которых он не поверял бы мне; случалось мне и отечески пожурить его. По моему совету, он обещал мне заняться французским и немецким языками, тогда ему малодоступными.

«Чрез полтора года,— пишет ко мне М. М. П.,— как после отъезда Белинского из Пензы я отправился в Петербург, на пути, в Москве пробыл дня три: это было во время масленицы 1831 года. Каждое утро приходили ко мне племянник мой и Белинский. Потом, возвращаясь от вас или из театра, я опять встречал их в моей квартире. Прежние разговоры у нас возобновились. Тут я увидел большую перемену в Белинском. Ум его возмужал, в замечаниях его проявлялось много истины. Там прочли мы только что вышедшего тогда «Бориса Годунова». Сцена «Келья в Чудовом монастыре» на своем месте, при чтении всей драмы, показалась мне еще лучше. Белинский с удивлением замечал в этой драме верность изображений времени, жизни и людей; чувствовал поэзию в пятистопных безрифменных стихах, которые прежде называл прозаичными, чувствовал поэзию и в самой прозе Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границе». Прочитав разговор хозяйки корчмы с собравшимися у нее бродягами, улики против Григория и бегство его через окно, Белинский выронил книгу из рук, чуть не сломал стула, на котором сидел, и восторженно закричал: «Да, это живые; я видел, я вижу, как он бросился в окно!»... В нем уже проявился тот критический взгляд, который впоследствии руководил им при оценке сочинений Гоголя.

После того между мною и Белинским не было сношений до переезда его в Петербург. В этот промежуток он выступил в московских журналах на литературное поприще.

Из первой же критической статьи его (1834) «Литературные мечтания» видно было, что он угадал талант свой. Тогда вспомнил я, что и в годы ученья он обнаруживал больше всего способность к критике; что душою его мыслей, разговоров его всегда были суждения о писателях. Еще в гимназии он пробовал писать стихи, повести прозой — шло туго, не клеилось, написал грамматику — не годилось. Принялся за критику и — пошло писать... После того ни грамматика, ни служба, ни общественные развлечения, ни жажда денег, ни слава быть стихотворцем или беллетристом, ничто уж не совлекало его с избранного пути... Он родился, жил и умер критиком».

М. М. П. в этом письме прибавляет:

«Белинского я так долго и коротко знал, что могу рассказать весь тайный процесс его умственного развития.

Прежде, говорил я, что в гимназии учился он не столько в классах, сколько из книг и разговоров. Так было и в университете. Все познания его сложились из русских журналов, не старше двадцатых годов, и из русских же книг. Недостающее в том пополнилось тем, что он слышал в беседах с друзьями. Верно, что в Москве умный Станкевич имел сильное влияние на своих товарищей. Думаю, что для Белинского он был полезнее университета. Сделавшись литератором, Белинский постоянно находился между небольшим кружком людей, если неглубоко ученых, то таких, в кругу которых обращались все современные, живые и любопытные сведения. Эти люди, большею частью молодые, кипели жаждою познаний, добра и чести. Почти все они, зная иностранные языки, читали столько же иностранные, сколько и русские книги и журналы. Каждый из них не был профессор, но все вместе по части философии, истории и литературы стояли бы против целой Сорбонны. В этой-то школе Белинский оказал огромные успехи. Друзья и не замечали, что были его учителями, а он, вводя их в споры, горячась с ними, заставлял их выкладывать перед ним все свои познания, глубоко вбирал в себя слова их, на лету схватывал замечательные мысли, развивал их далее и объеми-

стей, чем те, которые их высказывали. Таким образом, не погружаясь в бездну русских старых книг, не читая ничего на иностранных языках, он знал все замечательное в русской и иностранных литературах. В этой-то школе вырос талант его и возмужало его русское слово».

В 1832 году, бывши уже на втором университетском курсе, он написал драму, в которой живо затронул крепостной вопрос. Я предсказал ему судьбу его; действительность оправдала мое предсказание. Это его очень огорчило. С того времени стал он нерадиво посещать лекции и вскоре перестал ходить на них. Жизнь его помутилась... Но дремота его духовных сил была не долговременна; ни люди, ни обстоятельства не могли их подавить в этой юной, но уже непреклонной натуре. Дары от Бога, не от людей, не пропадают. В 1834 году, появилась в нескольких нумерах «Молвы» блистательная статья его под названием «Литературные мечтания, элегия в прозе». Мало кому из молодых писателей случалось начинать свое поприще так смело, сильно и самостоятельно. Белинский выступил в ней во всеоружии даровитого иноватора. Изумление читателей было общее. Кто был от нее в восторге, кто вознегодовал, что дерзкою рукой юноши, недоучившегося студента (как узнали вскоре), семинариста (как называли его иные), одним словом, человека без роду-племени, кумиры их сбиты с пьедестала, на котором они, казалось, стояли так твердо. Поклонники этих кумиров, провожая их по течению Леты, как ни кричали им: «Батюшка, выдывай!», сколько ни делали усилий пригнать их к вожденному берегу, — не многие из них спаслись от потопления. С этой поры Белинский угадал свое призвание, и не ошибся в нем. Критик, какого мы до него не имели, он до сих пор ждет себе преемника. Что бы ни говорили об его ошибках (не мое дело здесь защищать его: я не пишу критического разбора), за ним навсегда останется слава, что он сокрушил риторику, все натянутое и изысканное, всякую ложь, всякую мишуру, и на место их стал проповедовать правду в искусстве (разумея тут и правду художественную). Рядом с его теорией шли Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Кольцов, Даль,

артисты Мочалов и Щепкин; за нею следовала целая плеяда высокодаровитых писателей, и во главе их Тургенев — высокий поэт и в самых мелких из своих произведений. И теперь вновь выдвинувшиеся из литературных рядов деятели вышли из его школы. Артисты Мартынов и Садовский принадлежат к ней. Лучшие критики нашего времени живут ее началами. Те из них, которые фантазируют свои новые туманные теории, ими самими непонятые, тем более другими, еле-еле дышат.

Никто, как Белинский, не сокрушал так сильно ложных знаменитостей, никто, как он, так зорко не угадывал в первых опытах молодых писателей будущего замечательного таланта, не упрочивал так твердо славы за теми, кому она, по его убеждениям, следовала. Убеждения были в нем так сильны, он так строго, так свято берег их от старых литературных уставщиков, что был сурово-неумолим для всего, в чем видел даже малейшее уклонение от правды в искусстве, неумолим для всех дальних и близких, в которых замечал это уклонение, принадлежали ли они к временам Августа, Людовика XIV, Екатерины II, или к его времени. Став на страже у алтаря правды, он готов был поднять камень и против друга, который осмелился бы обратиться спиной к его богине.

Писал ли он об учебной книге, о воспитании, о художественном произведении, об игре актера в «Гамлете», каждая статья, хотя и писаная на срок, для журнала, заключала в себе целую теорию искусства, воспитания, общественной и личной нравственности. Откладывать написанное для просмотра, очищать, обтачивать было некогда и не по нем; тут все правила Буало (которого он и терпеть не мог) — за окошко. Пуризм был для него своего рода риторика. Между тем язык его прост, ясен, энергичен, вычеканивает мысль верно, четко, в образе, как мастер выбивает из слитка благородного металла, только что вынутого из горнила, крупные монеты с новым художественным штемпелем, которые ложатся, одна за другою как жар горящими рядами.

«Перечтите, — говорит М. М. П., — статьи Белин-

ского, написанные превосходным русским языком,— сколько в них мыслей, высокого ума, сколько одушевления!.. Это не сухие разборы, не повторения избитого, не журнальный балласт, но сочинения, дышащие жизнью, самобытные и увлекательные! Он был столько же замечательный литератор, сколько замечательный критик. По таланту критика, у нас до сих пор никто не превосходил Белинского; как литератор — он один из лучших писателей сороковых годов».

Приехав однажды в первых тридцатых годах из Твери в Москву, я хотел посетить Белинского и узнать его домашнее житье-бытье. Он квартировал в бельэтаже (слово было подчеркнуто в его адресе), в каком-то переулке между Трубой и Петровкой. Красив же был его бельэтаж! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его каморкой была прачешная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла. Каково было дышать этим воздухом, особенно ему, с слабой грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную беседу прачек и под собой стукотню от молотов русских циклопов, если не подземных, то подпольных! Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть. Прислуги никакой; он ел, вероятно, то, что ели его соседки. Сердце мое облилось кровью... я спешил бежать от смрада испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут мое платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что я прочувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже свое имя!

Между разными средствами, которые мы отыскивали с Белинским, чтобы вывести его из этого ужасного положения, придуман был один и одобрен нами: идти ему в домашние секретари к одному богатому аристократу, страшному охотнику писать и печататься. Он известен в литературе под именем, помнится, Прутикова. Обязанности секретаря состояли также, как и прачек, в том, чтобы чистить, штопать и выглаживать черное литературное белье его превосходительства. Зато

стол, квартира, прислуга в богатом доме и небольшое жалованье, чего же лучше! Дело было легко уладить. Прутиков не раз обращался ко мне с просьбой, по дружбе, взглянуть на его творения и, если мне не в тягость, поправить кое-где грамматические и другие погрешности. Но когда догадался, что это занятие не по мне, стал уже просить меня приискать ему в помощники надежного студента. Под этот случай попался Белинский.

Вскоре он водворен в аристократическом доме, пользуется не только чистым, но даже ароматическим воздухом, имеет прислугу, которая летает по его мановению, имеет хороший стол, отличные вина, слушает музыку разных европейских знаменитостей (одна дочь его прев-ва музыкантша), располагает огромной библиотекой, будто собственной, одним словом — катался, как сыр в масле. Но вскоре заходят тучи над этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчас жертвовать своими убеждениями, собственною рукой писать им приговоры, действовать против совести. И вот, в одно прекрасное утро Белинский исчезает из дома, начиненного всеми житейскими благами, исчезает с своим добром, завязанным в носовой платок и с сокровищем, которое он носит в груди своей. Его превосходительству оставлена записка с извинением нижеподписавшегося покорного слуги, что он не сроден к должности домашнего секретаря. Шаги его направлены к такой же убогой квартирке, в какой он жил прежде. Голова его высоко поднята, глаза его смело смотрят в небо; ни разу они, также как и сердце, не обратились назад к великолепным палатам, им оставленным. Он чувствует, что исполнил *долг* свой.

В одном из уездов Тверской губернии есть уголок (Пушкин некоторое время жил близ этих мест, у помещика Вульфа), на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие могла только собрать в стране семимесячных снегов. Кажется, на этой живописной местности река течет игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях. Да и семейство, жившее в этом уголке, как-то

особенно награждено душевными дарами. Зато как было тепло в нем сердцу, как ум и талант в нем разыгрывались, как было в нем привольно всему доброму и благородному! Художник, музыкант, писатель, учитель, студент, или просто добрый и честный человек, были в нем обласканы равно, несмотря на состояние и рождение. Казалось мне, бедности-то и отдавали в нем первое место. Посетители его, всегда многочисленные, считали себя в нем не гостями, а принадлежащими к семейству. Душою дома был глава его, патриарх округа. Как хорош был этот величавый, с лишком семидесятилетний старец, с непокидающею его улыбкой, с белыми, падающими на плечи волосами, с голубыми глазами, не видящими, как у Гомера, но с душою, глубоко зрящею, среди молодых людей, в кругу которых он особенно любил находиться и которых не тревожил своим присутствием. Ни одна свободная речь не останавливалась от его прихода. В нем забывали лета, свыкнувшись только с его добротой и умом.

Он учился в одном из знаменитых в свое время итальянских университетов, служил недолго, не гонялся за почестями, доступными ему по рождению и связям его, дослужился до неважного чина и с молодых лет поселился в своей деревне, под сень посаженных его собственною рукою кедров. Только два раза вырывали его из сельского убежища обязанности губернского предводителя дворянства и почетного попечителя гимназии. Он любил все прекрасное, природу, особенно цветы, литературу, музыку и лепет младенца в колыбели, и пожатие нежной руки женщины, и красноречивую тишину могилы. Что любил он, то любила его жена и приятная женщина, любили дети, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнее.

Откуда, с каких концов России, не стекались к нему посетители! Сюда, вместе с Станкевичем, Боткиным и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена их смешались в моей памяти), не мог не попасть и Белинский. В один из последних тридцатых годов общество молодых людей (в том числе и Белинский), гостивших у моего соседа, в уголку, мною описанном, по-

сетило и меня на берегах Волги. Говорю об этом случае, потому что он, по многим причинам, оставил навсегда в душе моей приятное воспоминание. Это было то время, когда учение Гегеля сильно у нас разгоралось, когда адепты его ходили в каком-то восторженном от него упоении до того, что вербовали в его школу и стариков, и юношей, и девиц. Один из них даже писал к молодой, прекрасной особе, к которой был очень равнодушен, послания по эстетике Гегеля. Он сам гораздо позже над этим смеялся. Сомневаться в каком-нибудь начале учителя было преступлением, тупоумием; на профана смотрели с каким-то сожалением, если не с пренебрежением. Это юношеское увлечение было, однако ж, бесполезно; оно много содействовало развитию умственной деятельности молодого поколения. Мог ли Белинский, попав в это общество, оставаться чуждым его разумному движению? Но как он нетверд был в немецком языке, то взялись посвящать его в начала Гегеля молодые гегелисты, в том числе Станкевич, изучивший глубже других знаменитого немецкого философа. За что брался с охотой Белинский, за то принимался он с жаром и всегда с успехом. Так и в настоящем случае. Статьи его сороковых годов, проникнутые философией Гегеля, это свидетельствуют.

«По переезде в Петербург»,— говорит М. М. П.,— Белинский тотчас отыскал меня. Тогдашние петербургские журналисты сами страшно ругались, но проповедовали о приличиях и умеренности. Задетые, едва ли не все, молодым бойцом, они находили особенное удовольствие называть его недоучившимся студентом. Приятель наш, А. Ф. Воейков, в знаменитой своей сатире, угощая тем и другим барона Брамбеуса, сказал, что этот писатель:

И Белинского нахальство
Совместил себе в позор!

В первые пять или шесть лет жизни Белинского в Петербурге он посещал меня довольно часто. Споры у нас случались беспрестанные. Он сам любил поспорить. К знакомым ходил он собственно для того, чтоб отвесить душу в разговорах о литературе. Когда с ним

никто не спорил, ему было скучно. Только во время споров он был в своей тарелке, настоящим Белинским, вторым томом своих сочинений. При возражениях, или даже слушая разговоры, не к нему обращенные, но несогласные с его убеждениями, он скоро приходил в состояние кипятка. Сначала говорил своим решительным, как бы рассерженным тоном, чем дальше, тем более, горячился, почти выходил из себя, будто дело шло о жизни или смерти! Лицо его подергивалось судорогами... И всегда подверженный одышке, он тут начинал каждый период всхлипыванием: в жарких же спорах случалось, что одышка или кашель совсем прерывали его разговоры. Собираясь после того с силами, он то вставал и ходил по комнате, то останавливался, скрестив руки на груди и устремив глаза в того, с кем говорил; потом опять раздражался громовой речью. Он не был ни шутив, ни остер в смысле веселости, но был жестоко-колок и грубо-правдив. Надобно признаться, что в эти минуты он был хорош. Это был факир, или нет, лучше того: это был жрец своего искусства! Обязательное влияние его на других было тем сильнее, что в нем не проглядывало ничего искусственного: все было одна натура, душа открытая, сердце чуждое всякого лукавства.

Споры литературные, в которых вольному воля, никогда не оканчивались у нас размолвками. Иногда мы расставались, я нахмуренный, он вполне взволнованный, но через месяц, через два опять он звонил у моих дверей, и я опять встречал его как гостя, по которому соскучился.

Белинский умер в бедности. Во все время литературного поприща он был поденщиком у журналистов. Нужда не дает соков, а высасывает их, и человек горящий — недолго прогорит. В Белинском развилась злейшая чахотка»...

М. В. О., по выходе своем из А. московского института одною из лучших его учениц, украшенная дарами природы и образования, страстно любившая литературу, жила несколько времени у меня в доме в Твери в 1832 году, занимаясь воспитанием моих племянниц. Она носит имя Белинского и может гордиться им.

Вот все, что я мог, с помощью моего почтенного друга, собрать для биографии Белинского. Не мое дело критически разбирать произведения его, как литератора, критика и публициста: другие сделают это лучше меня и, вероятно, тем скорее, что не замедлится выход полного издания его сочинений. Если я в этой статье и говорил об его литературных заслугах, то делал это мимоходом, невольно платя им дань от сердца, всегда любившего Белинского,—говорил только то, что служит ореолом его памяти, а другого я не находил что сказать.

Красное село. Март 1859 г.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК И ВОСПОМИНАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ А. П. ЕРМОЛОВА»

В «Русском Вестнике» помещен ряд статей М. П. Погодина: «Материалы для биографии А. П. Ермолова» — драгоценные материалы, за которые нельзя не поблагодарить почтенного их собирателя. Читая их, переносишься мыслию и сердцем в великую эпоху 1812—1815 годов, этот «век богатырей», как назвал его наш знаменитый партизан и поэт Давыдов. Из плеяды личностей, блиставших в эту дивную эпоху, ярко выступает А. П. Ермолов. Да, природа редко создает таких мужей, в которых богатырская наружность соединялась бы с такими богатырскими силами ума и духа, какими он был наделен. Присоедините к этому дар слова, дар обворожать своим обращением всех, кто к нему приближался, и, особенно, своих подчиненных «боевых товарищей», как он их называл. Подчиненных, сказал я потому, что с высшими он не умел ладить, вследствие ли своего характера, с которым знакомят нас статья Погодина и собственные записки Ермолова (к сожалению, написанные латинским строем), или вследствие того, что его пронизательный ум быстро замечал чужие ошибки и недостатки, скрывать которые он не считал нужным, или вследствие врожденной его склонности к сарказму, для успеха которого он пренебрегал иногда благоразумием. Во всяком случае, можно сказать, что в его благородной натуре не было уменья *подлаживаться*.

Я сказал, что Ермолов имел дар особенно привлекать своих подчиненных. Только одного современного ему, также знаменитого генерала, знал я с подобным даром — это был Н. Н. Раевский. Но у этого он выли-

вался безрасчетно, от душевной доброты, а у Ермолова, может быть, и от расчетов ума. Алексей Петрович выигрывал в этом отношении еще своим остроумием. Известно, что его остроты электрически расходились по армии и приобретали ему немало жарких почитателей, особенно среди молодежи, но немало и непримиримых врагов между теми, на кого были устремлены. Раевский терял еще и тем, что, по расстройству слухового органа, не мог надлежащим образом поддерживать разговор.

В должности адъютанта генерала Полуектова, которого Ермолов любил за его умную, приятную беседу, часто приправленную, с грехом пополам, красным словцом, я имел счастье служить под начальством Алексея Петровича во время походов 1814 и 15 годов, когда он командовал гренадерским корпусом, и часто видел его в офицерском кругу. Здесь-то, душою весь нараспашку, он очаровывал своих сослуживцев простотой и любезностью обращения; здесь не было чинов, и офицеры, забывая их, никогда, однако ж, не забывали, что находятся перед Ермоловым, к которому привыкли питать глубокое уважение, благоговейную любовь и преданность.

Армия наша была только в нескольких лье от Парижа. Расположась в какой-то крестьянской избушке на ночлег, закусив чем попало и завернувшись в походную шинель, я только что хотел предаться сну, как услышал зловеющий сбор. «Что за притча?» — подумал я. Уж не сделал ли неприятель нечаянного нападения на нас? Не сыграл ли Наполеон одну из своих смелых стратегических штук, которыми изумлял нас в пароксизмах своего гения после Бриеннского дела? Так, он отхватил целый отряд наш, покоившийся в объятиях обломовщины, с генералами,* пушками и знаменами, выставленными потом в торжественной процессии на потеху парижан. Но нас успокаивала мысль, что с нами целая армия, что в среде ее сам Государь и блюдет ее своими зорки-

* Здесь взят в плен генерал-майор Константин Маркович Полторацкий. В изданной им брошюре он описал разговор свой с Наполеоном и свой плен.

ми очами. На этот раз мы узнали, что Наполеон очутился позади нашей армии, чтоб оттянуть ее от Парижа к Рейну. В первые часы тревоги, произведенной этим отчаянным маневром, нам велено было отступать. Но это движение продолжалось только несколько дней. Скоро в военном ареопаге, благодаря совету князя П. М. Волконского и энергической воле Государя, решено было не поддаваться на удочку, закинутую ловким рыбаком, а идти твердо, всеми силами, на столицу Франции. Ему оставлен на приманку немногочисленный отряд, который своими усиленными бивуачными огнями должен был представить декорацию большого корпуса, готового дать неприятелю сражение. Пока происходили в главной квартире совещания и сделаны распоряжения, мы ночью шли скорым маршем на попятную. Что это за смутная, тяжелая ночь была! Солдаты, не успевшие отдохнуть от дневного похода, падали полусонные в сомкнутых колоннах, офицеры, будто опьянелые, ныряли на своих лошадях.

Солдатам вообще на походе надоедали экипажи сановников, особенно не боевых, для которых надо было расступаться целым колоннам корпусов. При этом происходили смешные вещи. Например: едет маркиз главной квартиры, а командир гвардейского корпуса Лавров, не расслышав хорошо, скамандует: «Раздайся! адъютант главной квартиры!» И колонны раздаются, сопровождая хохотом маркизанта в его торжественной колеснице. Надо прибавить, что к лишению сна примешивалось неудовольствие на отступление, которого не любит русский солдат. Известно, каким тяжелым, незаслуженным укором пало оно на голову великого полководца, который перед русским человеком виноват был только в том, что носил немецкую фамилию и не хотел драться во что бы ни стало, а перед некоторыми насмешниками в том, что нечисто изъяснялся по-французски. Вот мы и плетемся в сумраке ночи по большой дороге опять к Труа. Что до меня, отъедешь несколько десятков сажен вперед колонны своего корпуса, слезешь с лошади, присядешь близ дороги, крепко обхватив поводья, и погрузишься в судорожную

дремоту. Дремлешь, а чуткое ухо настороже. Услышишь, что шум шагов слабеет, встрепенешься... идет аррьергард. Опять на коня, и опять принимаешься за тот же маневр. Отошли мы несколько лье назад и стали на обетованные бивуаки. Какие-то огромные сараи промелькнули в глазах, и через пять, десять минут их не стало. Они пошли на дрова. Таковы неминуемые следствия войны. Между тем, в русской армии соблюдалась строжайшая дисциплина; за мародерство в неприятельской земле солдат примерно наказывался. Под Бриенном при мне расстреляны были за неважное похищение собственности у крестьянина — артиллерист и казак. Помню, как у солдат, отряженных от каждого полка армии, неустрашимых в делах с неприятелями, дрожали руки, когда они стреляли в своего товарища, за несколько часов стоявшего в их рядах.

Тут же расстрелян был и мэр, за возбуждение крестьян своей деревни к какому-то партизанскому нападению на наших, которое не удалось, но могло бы иметь для нас дурные последствия, послужив опасным примером для других подобных проявлений. До сих пор слышу раздирающие душу слова, произнесенные им, когда наш русский священник напутствовал его в жизнь вечную: «*Ma pauvre femme, mes pauvres enfants!*...»

Вообще, прибавлю кстати, народная война во Франции, по-тогдашнему настроению французов и, как я сказал, вследствие строгой дисциплины в русском войске, не имела малейшего успеха, несмотря на желание Наполеона затеять ее. Нам случалось в одиночку ехать по глухим местам и сталкиваться с толпой рабочих, и никто нас не только что не тронул, но даже не оскорбил словом. Дрались армии, народ был в стороне. Противопоставьте нашествие французов на русскую землю в двенадцатом году. Не мстили мы теперь за тогдашние оскорбления их, не ставили конюшен в церквах, не предавались грабежу. До чего личность каждого мирного гражданина была уважаема, приведу

один случай из многих подобных, прося извинения у моих читателей, что отвлекаюсь беспрестанно от главного предмета моей статьи. Мы остановились в какой-то французской деревне под Ножаном на ночлег. Капитану нашего полка отвели вместе со мною квартиру. В одной из комнат стояла постель под ситцевым пологом, с мягкой периной, чистым бельем и одеялом.

— Славно же я послужу нынешнюю ночь Храповицкому, — сказал капитан, и раздевался уже, чтобы возлечь на привлекательном ложе, как вошел хозяин дома, крестьянин, и разгорячившись объявил, что на этой постеле спит обыкновенно его мать-старушка, и он не позволит никому лечь на ней. Русский варвар крикнул только и приказал устроить себе постель из соломы на полу. Спрашиваю, сделал ли бы это неприятель-француз в России?

Возвращаясь к главному предмету моего рассказа.

Зажглись на бивуаке бесконечные костры, и среди них задвигались тысячи темных фигур, разлился гул говора. Передаю лошадь свою Ларивону, бывшему некогда моим дядькою, а тогда исполнявшему при мне должность денщика. Спешу броситься на клок сена и, убаюканный расхोдевшимся от качки на лошади волнением крови, погружаюсь в глубокий сон. Шекспиров Ричард отдавал полцарства за коня, а я не взял бы тогда полцарства за этот сон. Увы! только минут пять-десять наслаждаюсь им. Раздаются вдоль бивуака оклики: «Адъютанта такого-то!» — ходят от одного расстояния к другому, ближе и ближе, наконец, почти над самым моим ухом. Слышу сквозь сон свое имя, но не шевелюсь. Кто-то меня немилосердно толкает, говорит, что меня требуют к моему генералу. Стал я на ноги. Передо мною длинное, предлинное привидение — солдат вестовой с словами:

— Пожалуйста, ваше благородие, к генералу.

— Куда? — спрашиваю.

— В деревню, недалеко, рукой махнуть. Он у Ермолова. Темненько; извольте за меня держаться.

Иду машинально, ухватясь за рукав моего вожатого.

Вошли в какую-то каменную ограду.

— Поосторожнее,— говорит мой проводник, не наткнитесь на мертвое тело... Было здесь сражение, не успели зарыть убитых.

Действительно, тут было сражение (вчера, третьего дня — не помню хорошо места и числа). Зарево бивуака осветило передо мною два-три беловосковые лика воинов, честно павших, но лишенных честного погребения.

Покойный Фаддей Венедиктович Булгарин в своих «Воспоминаниях» говорит, что, ночуя на месте сражения, он положил себе под голову, вместо подушки, убитого неприятеля. Признаюсь, у меня не достало бы такого хладнокровия.

Да ведь Фаддей Венедиктович был во всех случаях не чета другим — герой!

Подходим к крестьянскому домику, входим во двор. На дворе множество лошадей, ни одного экипажа, около них вьюки, седла и, ближе к воротам, осел с двумя плетеными корзинами по бокам. В одной, свернувшись калачиком, спит безмятежным сном ребенок; на земле, около него, сидит мужчина лет сорока, в синей холщовой блузе, усердно уплетающий куски мяса, распластанные на огромном ломте белого хлеба.

— Как ты сюда попал, Антуан? — спрашиваю блузника.

— Mon commendant (так называл он генерала Полуктова), — отвечал мне блузник, не забыв приложить руку к козырьку замасленного картуза, — представил меня генералу Ermolo, и вот я, накормив и убаюкав mon petit morveux, по милости их excellences, подкрепляю свои силы от щедрой их трапезы. Выкинул же le corsicaïn под конец своих подвигов штуку, чтоб ему...

И посыпалась крупная брань на Бонапарта, осмелившегося потревожить блузника в его путешествии к Парижу. А на брань французы большие мастера, хоть и уступают в этом художестве русским.

Кто такой был Антуан, никто у нас не знал: знаю только, что он не имел крова и за душою ни одного су, недавно овдовел, на походе под Труа пристал с своим двухлетним сынишкой и ослом к московскому гренадерскому полку, которым командовал Полуктов, и со-

стоял под его особенным покровительством. В русском войске он находился как в своей семье, а ребенок его, вскоре баловень полка, так привык к нашим офицерам и солдатам, что охотно ходил к ним на руки. При втором нашем приближении к Парижу он исчез с своим сынишкой и ослом.

Антуан говорил, что если бы не связывал его ребенок, которого он страстно любил, и если бы не сестра, ожидавшая его в Париже, так ушел бы с ними в Россию. И в самом деле ушел бы тогда.

Француз от природы простодушен, легковверен, идет скоро на ласку, скоро дружится, особенно с русскими, к тому ж авантюрист и космополит. Его отечество там, где ему хорошо. Антуану нужно было пробраться к сестре в Париж, и вот он на первый ласковый звук французской речи в русском войске пробирается туда с сынишкой среди неприятелей-варваров, которые, как разглашали бюллетени, рассыпанные по деревням, пожирают маленьких детей. Когда мы выходили из Парижа, не было отбою от французиков, просившихся с нами в нашу гиперборейскую страну. Я и брат мой взяли с собою по мальчику лет 11—15. Мой накопил несколько сот франков, и с этим богатством возвратился восвояси, братнин остался в России, где своим хорошеньким личиком сделал себе блестящую карьеру... (*vive les dames russes*)! Чтобы довершить характеристику французов, скажу, что нет народа славлюбивее. Во время похода мы квартировали в французских деревнях и особенно под Лангром стояли несколько дней (кажется, во время какого-то перемирия), даже катались на импровизованных санях по обыденному снегу, который будто с собою нанесли, и ходили с скороспелыми приятелями-французами охотиться на кабанов (заметьте, в военное время, на неприятельской земле). В этих деревнях мы были свидетелями, как отцы и матери горько плакали и осыпали проклятиями императора за то, что вел детей их на ежедневную бойню: мы слышали, как роптали мужички, конскрипты, отправляясь в ряды военные. И что ж? при первом смотре *маленького капрала* те же отцы и матери осушали свои слезы и с гордостью глядели на своих детей в военном

строю — будущих маршалов; те же конскрипты-мужички, очарованные магическим взглядом и словом гениального полководца, клялись умереть за него.

Вхожу в избушку, ярко освещенную. На пышном соломенном ложе, разостланном на полу, расположилось в разных позах целое общество генералов, штаб-и обер-офицеров и между ними Алексей Петрович Ермолов. Если б я не видал его лица, то мог бы узнать его по огромной, львиной голове. Сюртук его нараспашку, на широкой груди висит наперсный крест с ладанкой, в которой зашит псалом: «Живый в помощи Вышняго» — благословение отцовское. С этим талисманом он никогда не расстанется, с ним он носится в бою, как будто окрыленный силами небесными. Тут же и генерал мой.

— А вот и свидетель, — сказал А. П., коварно мигнув сидевшему подле него (помнится) Дамасу,* потом, обращаясь ко мне, прибавил: — извини, что мы тебя потревожили. Надо тебя предупредить, что ты призван сюда не по службе, и потому, *птенец*, садись или ложись между нами, как тебе лучше.

Когда я уселся на место, которое мне очистили двое из собеседников, генерал мой начал передавать мне пресмешной, но невероятный анекдот, которого я будто бы был свидетелем.

— Могу только сказать, — отвечал я, — что моей личности при этом случае не было.

— Вспомни хорошенько, мой золотой, — начал убеждать меня Полуктов, — это было там-то, в такой-то день и т. д.

— Вспомните, генерал, — отозвался я, — что я поступил к вам в адъютанты, когда полк со всею армией перешел уже через Рейн, а случай, о котором вы говорите, был до перехода этого, и я находился тогда на пути из Мекленбурга.

— Ну, так виноват, — сказал Б. В., — это было, наверно, при полковом адъютанте.

Полуктов был благороднейший и добрейший из смертных и в жизнь свою ни на кого не сердился, тем

* Впоследствии министр Карла X.

менее на меня. Надо заметить, что в анекдотах его было много ума и несколько оскорбительного злословия.

Кончилась эта история тем, что все от души смеялись, в том числе и сам виновник смеха. Разговор обратился на другой предмет. Долго еще сыпались анекдоты, остроты, пока хозяин не сказал, что пора на покой.

Но я по-стариковски заболтался и невольно отдалился от статьи М. П. Погодина; обращаюсь к ней.

Он предлагает только материалы, которые, прежде чем попасть в историю, должны пройти сквозь веялку критики. Не мое дело и не по моим способам писать им полный критический разбор. Но долг каждого человека, который был свидетелем эпохи и знал людей, из ней описываемых, обязан сказать то, что ему об них известно, если он мало-мальски владеет пером. И потому я буду говорить только то, что имел случай знать об них. Многоуважаемый мною автор статьи извинит меня, если я как-нибудь, ради истины, найду его лично виноватым перед судом истории за то, что он, хоть и со слов других, поместил в своей статье некоторые неверности. Он мог бы их избежать, если бы слегка бросил на материалы, в ней помещенные, критический взгляд. Кстати я коснусь записок Ермолова и Давыдова. Я должен также признаться, что главным побуждением моим писать о статье Погодина было желание защитить память одного из замечательных деятелей великой эпохи — память, оскорбленную несправедливыми и неверными отзывами о нем, помещенными в материалах. Итак, к делу.

В статье Погодина я прочел, что Ермолов, в царствование императора Павла Петровича, был сослан вместе с Платовым в Кострому. При этом случае я вспомнил рассказ одного костромского старожилы, переданный мне лет двадцать тому назад и обрисовывающий характер Алексея Петровича. Вот что он мне рассказывал.

Когда Ермолов, в чине подполковника, жил в ссылке в Костроме, он в зимнее время возил на салазках для своей хозяйки, старушки-мещанки, у которой квартировал и которая любила его как сына, воду в ушате или

кадке с реки, по обледенелой горе. Иногда присаживался на салазки мальчуган, внучек хозяйки.

Если б я был художник, я написал бы будущего главнокомандующего на Кавказе в этом виде. Можно было бы прибавить, для полноты картины, старичка-мещанина, благоговейно скинувшего перед ним шапку, и хозяйку, радостно встречающую поезд у ворот своего дома. Ближе к главному лицу, для более полной характеристики его, я поместил бы двух пригожих, с веселыми лицами, костромитянок, которые, неся ведра с водою на коромыслах, посылают молодому офицеру приветствие рукою.

В записках Ермолова сказано:

«К ночи на третьи сутки, в Витебске *, главнокомандующий согласился послать корпус пехоты и несколько кавалерийских полков навстречу неприятелю по левому берегу Двины. Я предложил генерал-лейтенанта графа Остермана, *блестательную репутацию в прошедшую войну сделавшего* и известного *упорством* в сражении. Надобен был генерал, который бы дождался сил неприятеля и они его *не уstraшили*».

Только-то, чтобы *не уstraшили*? Подобных генералов было у нас довольно. Назначая генерала с большим корпусом на такое важное дело, главнокомандующий, конечно, имел в нем ввиду качества более важные, нежели одна неустрашимость. Заметьте слова, мною нарочно подчеркнутые; они пригодятся нам в другом месте.

Я имел в руках своих подлинную записку, вероятно, дополнительную к приказу главнокомандующего, написанную по этому случаю и подписанную начальником штаба Ермоловым. К сожалению, она у меня затерялась. Помню только, что она написана была на четвертушке листа прекрасным, четким почерком, красноречиво, хотя и без обилия слов, и в очень лест-

* Витебск замечателен особенно своим, так называемым, дворцом. Во время похода 1812 года в нем квартировал Наполеон и с балкона его делал смотр своей гвардии, дефилировавшей перед ним на площадке, довольно безобразной. В этом доме скончался великий князь Константин Павлович. Окрестности полны воспоминаний славной эпохи.

ных для графа выражениях. В ней сказано было, что главнокомандующий, поручая ему это дело, не дает никакой особенной инструкции, уверенный, что если сказано ему удержаться или разбить неприятеля, то это будет исполнено.

«Таков был Остерман,— продолжает Ермолов в своих записках,— и он пошел с 4-м корпусом! В двенадцати верстах встретил он небольшую часть неприятельских передовых войск и преследовал их до местечка Островно. Здесь предстали ему силы неприятельские превосходные и дело началось жарчайшее... Ночь прекратила сражение... Урон с обеих сторон был весьма значащий... и прочее».

К этому описанию прибавлю: здесь графу Остерману-Толстому надо было, имея против себя двойные силы, особенно на первых порах кампании, отстоять честь русского оружия. Это дело, в армии Барклая, было почти одновременно с Дашковским в армии Багратиона, где, говоря словами Ермолова: «Раевский, с малыми силами, в сравнении с неприятельскими, употребил и распорядительность (здесь уж и распорядительность), ему свойственную, и храбрость, его отличавшую: взяв знамя, он пошел в голове колонны, ведя за собою двух сыновей, из коих одному было не более одиннадцати лет». (В сражении под Парижем я видел одного из них, помнится, в егерском мундире, лет четырнадцати или пятнадцати, и любовался, как этот стройный, красивый мальчик весело разъезжал в свите нашего дивизионного генерала Паскевича по цепи стрелков). Здесь, говорю, надо было графу Остерману-Толстому *искусною распорядительностью* * и неустрашимостью, особенно на первых порах кампании, отстоять честь русского войска, и он ее отстоял. Когда в самом пылу сражения от разных подчиненных ему начальников прискакивали к нему адъютанты с донесением, что ряды наши редуют более и более и едва держатся под смертоносным огнем, и спрашивали, что он прикажет делать,— он отвечал только: «Стоять и умирать!» И стоя-

* Коновницын говорит о ней в «Истории Отечественной войны» Богдановича.

ли русские воины, и умирали, ограждая своими телами безопасность движений целой армии Барклая, которой надо было, чего бы ни стоило, соединиться с армией Багратиона. Этот лаконический ответ, известный всей русской армии, к сожалению, почему-то не попал в материалы Погодина. Ему дал, однако ж, почетное место военный историк Богданович в своем описании «Отечественной войны». Он напомнил мне другой, подобный ответ графа. Когда в одном военном обществе рассказывали о каком-то геройском подвиге, и рассказчик прибавил: «Это подвиг, достойный римлянина. Граф возразил с неудовольствием: *«Почему же не русского?»*

В статье Погодина выписано из Давыдова:

«Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую неприятельскими пикетами. Сеславин успел перейти реку и приблизился к Боровской дороге. Здесь, оставив свою партию, он пешком (заметьте, *пешком*) пробрался до Боровской дороги сквозь лес, на котором было еще немного листьев. Достигнув дороги, он увидел *глубокие неприятельские колонны*, следовавшие одна за другою к Боровску; он заметил самого Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией. *Неутомимый и бесстрашный Сеславин* (кстати заметим, эти эпитеты повторяются до приторности, когда самый подвиг показывает качества лица, его совершившего, иногда некстати, как мы увидим), выхватив (слушайте! слушайте!) из колонны старой гвардии унтер-офицера, связал его, перекинул через седло и быстро направился к корпусу Дохтурова».

Воля ваша, это было как-нибудь не так. В противном случае, подвиг Сеславина может стать наряду с сказочными Еруслана Лазаревича. Как, пешком вторгнуться в колонны наполеоновской гвардии, выхватить из них унтер-офицера (должно предполагать, дотащить его до своей лошади), перекинуть через седло и ускакать с своей добычей? И гвардейский унтер-офицер, который, конечно, был не малого десятка и не трус, сверх того не безоружный, так-таки дал себя выхватить из колонны и связать, не защищаясь, и ротозей-товарищи не двинулись на защиту его? Заметьте, Се-

славин все это совершил в виду Наполеона и маршалов его. Это невероятно, даже если бы наш партизан был Голиаф и на лошади. Позвольте, многоуважаемый мною М. П., упрекнуть вас за то, что вы не остереглись поместить это мифическое сказание. Оно не пройдет в историю, даже под щитом имени Давыдова. Статья ваша, богатая драгоценными материалами, могла бы обойтись без всякого балласта. Ермолов в своих записках говорит только:

«Ночью, на поле, сталкиваюсь вдруг с Сеславиным... Скрыв в лесу свою партию, он, в четырех верстах от села Фоминского, осмотрел шедшие неприятельские войска, которые состояли из всей пешей и конной гвардии Наполеона и из всего корпуса маршала Нея. Схваченные им несколько человек показали и прочее».

Вероятно, он это совершил уже с своею партией и над одиночными солдатами, отсталыми или отдалившимися в сторону от своих колонн...

Так и есть. По написании этих строк я прочел в описании войны 1812 года Богдановича следующий рассказ об этом событии:

«Партизан Сеславин донес, что он, укрывшись в лесу, не доходя Фоминского 4 версты, видел Наполеона со всею его свитой и также французскую гвардию и другие войска в значительном числе. Пропустив их мимо *своего отряда*, Сеславин захватил несколько *отсталых* гвардейцев и привез с собою одного из них, *расторопного унтер-офицера*».

Вот это уж не сказки!

Оборачивание листов с поверкою их в иной книге бывает очень потешно. На такой-то странице один человек представляется черным, на такой-то белым, смотря по отношению лиц к этому человеку. Отсюда легко вывести характеристику этих лиц.

В примечании сказано:

«Граф Аракчеев, узнав о назначении Ермолова начальником главного штаба, сказал ему: «Вам, *как человеку молодому*, предстоит много хлопот: Михаил Богданович весьма дурно изъясняется и много не досказывает,

а потому вам надо *стараться* (?) понимать его и *дополнять его распоряжения своими собственными* (?)».

И это говорил Аракчеев, строжайший формалист и блюститель дисциплины? Оборотите несколько листов назад, и вы увидите, что тот же Аракчеев на каждом шагу старался вредить Ермолову. Оборотите листы вперед, и вы прочтете у Давыдова:

«Доблестный и величественный (?) Барклай (в военном совете под Москвою), *превосходно изложив* в кратких словах материальные средства России, кои ему *лучше всех* были известны, требовал, чтобы Москва отдана была без боя».

Видно, Барклай умел говорить, когда нужно было и, хотя *немец*, знал лучше других русских средства России. Один Государь Александр Павлович умел тогда угадать его достоинства и оценить заслуги, как вождя армии, в такое тяжкое для России время и, только уступая народному голосу, заменил его Кутузовым.

Ермолов, описывая бородинское дело, говорит:

«Когда начальствующий корпусом, генерал-лейтенант князь Горчаков, получил рану, и корпус его приведен был в расстройство, приспеший со 2-ю гренадерскою дивизией на помощь войскам, ослабевшим от защиты укреплений, генерал-майор принц Мекленбургский остановил успехи неприятеля, но вскоре был ранен».

Да, в этом деле, как и во многих других, гренадеры покрыли себя славой. Офицеры московского гренадерского полка, в который я поступил с начала моей службы, рассказывали мне, что в конце Бородинского сражения командовал полком капитан, потому что все высшие офицеры были перебиты. Вероятно, то же было в некоторых других полках, представлявших и долго после того одни кадры.

Когда московский гренадерский полк, в начале 1813 г., проходил в Плоцке церемониальным маршем мимо Государя, смотревшего на него из окон своей квартиры, его величество изволил заметить Кутузову некоторые неисправности в полку. В самом деле, смешно было лицам, привыкшим к отличной обмундировке и выправке лучших солдат, смотреть на них в мунди-

рах обожженных, с заплатами, отвыкших от церемониального марша для боевого. Офицеры, тем более я, новичок, никогда не искусившийся в науке маршировки, сбивались с ноги. Кивера у многих из нас были солдатские, сабли медные. На все замечания Государя, фельдмаршал отзывался только: «Славно дерутся, ваше величество, отличились там-то и так-то».

Принц Мекленбургский Карл поехал лечиться во Владимир, где в то же время находился раненый граф Воронцов, со множеством искалеченных в Бородинском деле офицеров, которых он щедро содержал на свой счет.

Мать нынешнего гросс-герцога Мекленбург-Шверинского и сестра императрицы Александры Федоровны, когда я имел честь, во время ее приезда в Москву, представляться ей, как бывший адъютант принца Карла, смеясь рассказывала мне, как он, бывало, покажет ей то левую руку, в которую был ранен под Бородиным, то правую...

Можно судить поэтому, как тяжела была рана и с каким тевтонским мужеством он ее перенес. Принц был добрый человек, более ничего в его похвалу не могу сказать. Играя в карты, он проигрывал не только свои наличные деньги, но и драгоценные вещи; выпивши два-три бокала шампанского, скоро ослабевал. После перемирия, перед самым Кульмским делом, ему велено было ехать в армию конпринца шведского Бернадотта, но как он не получил там никакого назначения, то дали ему отпуск на родину. Он было попытался явиться в русскую армию близ Рейна, но это была его последняя попытка...

А. П. Ермолов упоминает в своих записках, что 22-го сентября военный министр Барклай-де-Толли оставил армию и поехал в Калугу и далее.

Я имел случай видеть Барклая-де-Толли 23-го или 24-го сентября на первой станции от Коломны в Рязань и описал этот случай в статье: «Новобранец 1812 года». Полагаю, что не будет лишним поместить здесь это описание.

«Недалеко от почтовой станции расположили мы свой табор для полднения. Раскинутые по лугу бес-

численные палатки, табун коней, оглашающий воздух своим ржанием, стан гончих и борзых, с которыми помещики в своем бегстве от неприятеля не могли расстаться, зажженные костры, пестрота возрастов и одежд, немолчное движение,— все это представляло живописное зрелище, но могло ли это зрелище в тогдашних обстоятельствах радовать нас? Я пошел с несколькими помещиками и купцами прогуляться по деревне. Когда мы подходили к станционному дому, возле него остановилась колясочка, она была откинута. В ней сидел Барклай-де-Толли. Его сопровождал только один адъютант. При этом имени почти все, что было в деревне, составило тесный и многочисленный круг и обступило экипаж. Смутный ропот пробежал по толпе, глухо слышались даже укоризненные слова...

Немудрено... отступление к Москве расположило умы против него. Кроме Государя и некоторых избранных, никто не понимал тогда великого полководца, который с начала войны до Бородинской отчаянной схватки сберег на плечах своих судьбу России, настигнутую неслыханною еще от века силою военного гения и столь же громадными вещественными силами. Но ропот тотчас замолк: его мигом сдержал величавый, спокойный, холодный взор полководца. Ни малейшая тень смущения или опасения не пробежала по его лицу. В этом взоре не было ни угрозы, ни гнева, ни укоризны, но в нем было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которым наделяет Провидение своего избранника и которому невольно покоряются толпы, не будучи сами в состоянии дать отчет, чему они покоряются.

День был ясный, коляска стояла под тенью липы, урвавшей на улицу несколько густых сучьев из-за плетня деревенского сада. Барклай-де-Толли скинул фуражку, и засиял голый, как ладонь, череп, обессмертенный кистью Дова и пером Пушкина. При этом движении разнородная толпа обнажила свои головы... Вскоре лошади были готовы, и экипаж исчез в клубах пыли. Но долго еще стояла смущенная толпа на прежнем месте.

Не знаю, куда ехал тогда Барклай-де-Толли, но

знаю, что 25-го сентября был он в Калуге. Оттуда писал он, именно этого числа, к графу Остерману-Толстому письмо, замечательное по-тогдашнему положению бывшего начальника армии.

Подлинное письмо перешло от меня к графу А. С. Уварову. Он обещал прислать мне его, но, вероятно, не мог отыскать в своих бумагах, и потому я лишен возможности передать его слово в слово. Помню только, что в нем Барклай-де-Толли выражал глубокую грусть, расставаясь с русским войском, и надежду, что в этом войске остаются достойные вожди, которые поддержат честь его. Любопытно бы знать, кто из тогдашних корпусных командиров получил подобное письмо и кто не получил.

Много было говорено о 1812 годе, но никогда недовольно говорить о нем. Еще и теперь пугает он тех, кто врагами вздумал бы ступить на Русскую землю. При этом имени встают из-под снегов русских и льдов Березины сотни тысяч окоченелых воинов, искаженных ужасною смертью, в разных уродливых одеждах, они простирают руки к своему отечеству и молят его на разных языках, как при Вавилонском столпотворении, не подвергать их внуков новым подобным бедствиям.

Знакома ль вам прекрасная гравюра, изображающая *великую армию*, небывалую в летописях человечества, воспитанную гениальным вождем своим в славных битвах нескольких лет и разных стран, когда она переходит Неман у Ковно? Она изгибается между гор и по горам и переползает реку, как огромный боа. Вы видите, как эти бесчисленные полки спешат, спешат все вперед. Сердце ваше замирает от мысли, что они идут раздавить ваше отечество. Наполеон, в своей исторической треуголке, стоит на одной из высот, скрестив по своему обыкновению руки на груди. Кажется, вы читаете на его лице и встречный, торжественный гул московских колоколов, и коленопреклоненный перед ним народ русский, и снопы трофеев, которые он ставит в Notre Dame.

Один офицер, бывший тогда при нем, вступивший потом в русскую службу и дослужившийся у нас до генеральства, рассказывал мне, что император францу-

зов в то время забавлялся, как бриенский школьник, подцепляя камешки носком своего сапога и подбрасывая их вверх.

Через несколько месяцев этой великой армии не стало, вождь ее спасается, как беглец, и едва ли не на том же самом месте переезжает русскую границу 26-го ноября, в день Георгия Победоносца.

Я был свидетелем бедствий этой армии. Прибыв в Вильно вслед за вступлением туда наших главных войск, я видел, как по тем же улицам, по которым не так еще давно проходили воинственные колонны с торжественною музыкой, с победными орлами,— как по этим самым улицам провозили ежедневно для сжигания на Вилейке целые возы нагих, замороженных воинов, перевязанных по несколько десятков веревками, словно свиные туши. Посещая с принцем Карлом Мекленбургским его раненых соотечественников, в доме еврея, мы нашли, что умершие и умирающие лежали рядом с живыми на соломе, перегнившей от крови и нечистоты. Никогда человечество не видало над собою такого поругания. В городе воздух был так заражен миазмами от сгнивших трупов, что принуждены были очищать его куревом зажженных кучек навоза.

С приездом Государя в Вильно все оживилось, следы разрушения и позора человечества исчезли, везде заструились жизнь, радость, любовь и милость; раненые, свои и неприятельские, были равно призрены. Иллюминовались здания, осветились лица и сердца. Вскоре открылся театр, дан был бал. На этом вечере, когда Государь входил в зал, то невольно наступил на знамена, только что отбитые у неприятеля. Это была нечаянность, приготовленная торжествующим, осыпанным царскими милостями, благодарностью России и всемирною славой, фельдмаршалом Михаилом Ларионовичем.

Где-то был ты тогда, Михаил Богданович?

Будущее возвратило тебе, что силилась отнять у тебя современность. Могила твоя в глуши, среди мрачных сосновых лесов твоей родины, Ливонии, но памятник тебе стоит рядом с памятником Кутузова на площади Казанского собора.

Теперь приступаю к самому капитальному замечанию. К нему подвинуло меня желание восстановить истину и, по моим средствам, защитить память одного из замечательных деятелей великой эпохи.

Я хочу говорить о графе Александре Ивановиче Остермане-Толстом.

Он происходил из древнего рода Толстых. Отец его, Иван Матвеевич, был генерал-майор, дядя Николай Матвеевич также артиллерийский генерал-майор, участвовавший с честью в одной из турецких кампаний под начальством Румянцева. К сожалению, не имею данных о других, более или менее замечательных родственниках, кроме тех, о которых здесь упоминаю.

Отец Александра Ивановича, деспот в своем семействе и над своими вассалами, был не очень богатый помещик. «Знаешь ли,—сказал мне однажды граф А. И.,—сколько у меня было рубах, когда отец отпускал меня в одну из турецких кампаний? Только шесть, и те из довольно грубого, домашнего холста». Дяди его, графы Остерманы, канцлер Иван Андреевич и сенатор Федор Андреевич, оба бездетные, передали племяннику в наследство свою фамилию, вместе с графством, несколькими тысячами душ, огромными сосновыми лесами под Москвой и Петербургом и дубовыми в Рязанской губернии, которых целый век не трогал топор. Прибавьте к этому палаты в Москве *, несколько десятков пудов серебра и разные драгоценности на большие суммы. Иван Матвеевич, несмотря на такую благодать, падавшую с неба на его сына, кичась своим древним родом, с трудом согласился, чтобы фамилию Толстых поставили в хвосте фамилии Остерманов, происходившей, как он говорил, «от немецкого попа». Действительно, отец упомянутых графов, Андрей Иванович, был сын пастора из местечка Бокум. Студент Иенского университета, он впутался в какую-то любовную историю с женою своего профессора и вызвал его на дуэль, вследствие которой бежал в Голландию. Здесь увидел его Петр I и принял к себе на службу.

* Сгорели в 12 году во время нашествия неприятеля; ныне дом семинарии.

Этот сын немецкого попа и повеса студент был потом тот знаменитый канцлер, кавалер многих российских и иностранных орденов, который ништадтским миром доставил России прибалтийские губернии и возможность великому государю прорубить окно в Европу и создать русский флот. При Елисавете он был сослан в Сибирь, в Березов, где он и скончался. Супруге его, урожденной Стрешневой, было предложено императрицей Елисаветой Петровной оставаться на свободе и пользоваться имениями своего мужа. Она отвечала только: «Куда иголка, туда и нитка», и последовала за ним в изгнание. По смерти его, графиня возвратилась на родину и, посвятив себя молитвам, провела иноческую жизнь в селе Никольском, под Москвою. Дети их, два сына и дочь, остались в Петербурге. Одного из них, Ивана Андреевича, мы видим уже в царствование Екатерины канцлером, по уму и заслугам своим достойного наследника своего отца. В начале царствования Александра Павловича он уже кончил свое служебное поприще и жил в Москве на покое, сохраняя у преддверия гроба великолепный декорум екатерининских вельмож и отблеск ума, так славно поддерживавшего политику великой государыни. Но и тогда молодой император не переставал письменно совещаться с ним о государственных делах первой важности: о политике, торговле, банке, ополчении и даже роскоши, которой государь был враг. Уже со вступления Александра на престол граф Иван Андреевич указывал на Наполеона, как на зловещую комету, встающую на политическом горизонте Европы. Императрица Мария Федоровна вела с канцлером постоянную переписку. Как уважали его другие члены императорской фамилии, мы узнаем из следующего события. Граф Иван Андреевич давал бал в своих палатах, в которых угощал по-барски каждое воскресенье московское общество всяких чинов. На вечере старец, говоря с великою княгиней Ольденбургскою (впоследствии королевою Виртембергскою) Екатериною Павловной, уронил свою трость. Эта, чарующая всех своею красотою, любовью и умом женщина поспешила поднять трость и, подавая ее, сказала смутившемуся хозяину: «Votre

tête n'a pas encore besoin de soutien, mais vos mains le demandent, et je suis heureuse de vous l'offrir» (ваша голова не имеет еще нужды в чужой помощи, но ваши руки ее требуют, и я счастлива, что могу вам предложить ее *. Не знаю, известно ли кому, что канцлер Иван Андреевич первый угадал в Канкрине будущего государственного экономиста еще тогда, когда Е. Фр. только что прибыл из Германии и представил ему свой проект об овцеводстве. Граф первый и открыл ему доступ к службе, которая должна была так блистательно увенчаться.

Сенатор, граф Федор Андреевич, известен своею рассеянностью, о которой ходили в свое время бесчисленные анекдоты.

Вот что случилось с дочерью знаменитого изгнанника. Елисавета Петровна, заметив однажды в придворной церкви взрослую девушку с интересною наружностью, усердно молившуюся, спросила находившегося при ней придворного, кто это такая, и когда ей доложили, что это дочь «несчастливого Остермана», сказала: «Девушка на возрасте, пора выдать ее замуж. Сыщите ей приличного жениха, доброго человека, а о приданом я позабочусь». Вследствие этого разговора дочь Остермана выдали за Толстого, если не ошибаюсь, тогда еще артиллерийского капитана, ходившего некогда на вести к канцлеру Петра I. Выбор был удачный. Этим союзом образовалось родство Остерманов с Толстыми.

Граф Александр Иванович Остерман-Толстой провел последние годы своей жизни в чужих краях и умер в Женеве с лишком восьмидесяти лет. Любопытно бы знать, поставлен ли на его могиле памятник, работы, кажется, Торвальдсена, замечательный по идее и исполнению. На нем кульмский герой представлен лежащим, облокотясь правою рукой на барабане; другая рука, оторванная, лежит вблизи на земле вместе с французским орлом или знаменем. Женатый на княжне Елисавете Алексеевне Голицыной, умершей

* Я имел счастливый случай видеть ее в 1814 году в Веймаре, за обедом у великой княгини Марии Павловны, и в то же время великого Гете. Образ их доселе запечатлелся в моей памяти. Тут же был тогда и герой кульмский, граф Остерман-Толстой.

прежде его, он не имел детей. Внук его, по сестре княгине Наталье Ивановне Голицыной, известной своим умом и энергией, теперь еще малолетний, получив в наследство бóльшую часть его имения, носит фамилию князя Голицына, графа Остермана-Толстого. Чудное сочетание имен, как заметил в одной статье своей М. П. Погодин.

Граф Александр Иванович получил прекрасное образование, знал отлично французский и немецкий языки и, воспитанный в идеях екатерининского времени о восстановлении Греческой империи, учился греческому языку, быв даже корпусным командиром. Во время восстания Греции он с особенною лаской принимал к себе греков, приезжавших тогда в Петербург по политическим целям. Он изучал много военных писателей, которых богатую библиотеку собирал для него генерал Жomini. В путешествии его по Египту (где Али-паша и сын его Ибрагим принимали графа с большим почетом), по Сирии и Палестине сопровождал его известный немецкий ученый. Когда он жил в Женеве, самое приятное для него общество был избранный кружок тамошних ученых. Типическая, южная физиономия его, с тонкими, античными очертаниями лица, с черными, выразительными глазами под черными бровями, была замечательна. Как он, безрукий, красив был в своем генерал-адъютантском мундире среди царедворцев!

Теперь о несправедливых отзывах, брошенных в него, едва ли еще не при его жизни.

В статье г. Погодина сказано со слов Давыдова:

«Мужественный и хладнокровный граф Остерман не отличался большими умственными способностями; совет, поданный им в 1812 году в Филях о необходимости оставить Москву без боя, был причиною того, что он несколько раз сходил с ума: ему казалось, что армия почитает его первым трусом».

Что ни слово в этом резком и опрометчивом отзыве, то неверность и несправедливость. Здесь партизан-писатель показал, что он и писатель-партизан. Во-первых, в трусости никто не мог подозревать графа Остермана-Толстого: это было ему хорошо известно.

Во-вторых, поданное им в Филях мнение согласовалось с мнениями Барклая-де-Толли, Раевского и Дохтурова, конечно, не из угождения им — он умел только угрожать своему государю и отечеству; не из какой-либо боязни — он никогда ничего и никого не боялся. Он подал свое мнение вопреки голосам Беннигсена и Ермолова, который, как говорит Давыдов, «боясь потерять свою популярность, приобретенную им в армии, подал голос в пользу битвы под Москвою, хотя и уверен был, что новое сражение бесполезно и невозможно». Предлагаю судить, кто в этом случае прямее действовал, Остерман или Ермолов? * Голоса Остермана и его единомышленников восторжествовали: они оправдались спасением России. Неужели это доказывает недостаток умственных способностей? Последствия были скоры и благодетельны, и с ума от них, да еще несколько раз, нечего было сходить. Оставалось только радоваться успеху одержанной в совете победы. Что граф Остерман-Толстой действительно на некоторое время впал в глубокую задумчивость, так это случилось после Тарутинского дела, к которому, как говорит Ермолов в своих записках, «4-й корпус графа Остермана-Толстого не прибыл по назначению и в деле почти не участвовал». Хотя этот случай мог произойти не от его вины, а по ошибке квартирмейстерского офицера, давшего в темноте неверное направление корпусу, однако ж, все-таки невыполнение графом диспозиции войск к сражению должно было сильно огорчить его. Потом, человеку, сошедшему с ума, не поручили бы командование корпусом после Тарутинского дела, тем более командование всей гвардии в 13 году под Кульмом и, по окончании кампании, гренадерским корпусом, которого он был начальником до 20 года. Писал же князь Багратион Ермолову (статья Погодина), говоря о себе: *«сумасшедший не только защищать отечества, но и капральством командовать не может»*. Что касается способностей ума графа, то мы видели его прозорливость

* Впрочем, в записках Ермолова не совсем так переданы побуждения его к подаче этого мнения, и если объяснения Алексея Петровича не оправдывают его, то, по крайней мере, облегчают вину, в которой он, однако ж, сам имел твердость признаться.

и здравые соображения в совете, происходившем в Филах; мы видели, что в Витебске сам Ермолов посоветовал главнокомандующему Барклаю-де-Толли послать его, «как генерала, блистательную репутацию в прошедшую войну сделавшего», с корпусом пехоты и несколькими кавалерийскими полками задержать силы неприятеля, вдвое более многочисленные, и тем облегчить операции целой русской армии. А блистательную репутацию едва ли можно сделать с ограниченными умственными способностями, да и сам Барклай-де-Толли, знавший хорошо генералов своей армии, не согласился бы поручить ему такое важное дело, если бы не уверен был сколько в его неустрашимости, столько и в умственных способностях.

В статье г. Погодина по случаю Кульмского дела сказано:

«Остерман хотел идти на... (?). Ермолов, основываясь на карте, убедил его оставить это намерение, которое погубило бы нас и *вообще без Кульмского сражения* (?) дало бы другой вид войне».

Мы верим, что было так, как говорится в статье, но разве тем, что Остерман послушался умного совета, он доказал недостаток своих умственных способностей? Если б у него был червяк в голове, как об нем отзывался Давыдов, он сделал бы противное. Мы читали в истории и не одних войн, что иной главный начальник из самолюбия и самонадеянности не следовал умному совету своего подчиненного потому только, что хорошее в этом совете принадлежало не ему, главному начальнику.

Там же говорится: «В начале сражения Остерману оторвало ногу, и оно ведено было Ермоловым». Как понимать это *начало*? Время остается неопределенным. Можно подумать, что лишь только наши войска вступили в дело, Остерман был ранен. Далее сказано: «Остерман, быв ранен в 10 часу утра, сдал начальство над всеми войсками Ермолову». И это пояснение не определяет, сколько времени продолжалось уже сражение; могло быть, что оно началось на заре (как это и действительно было, по свидетельствам участвовавших в нем). Все-таки показание остается неочищенным

и на него падает какая-то тень недобросовестности в отношении к Остерману. Вернее и справедливее сказать, что он был ранен в самый разгар битвы. За доказательствами прибегните к историкам кампании тринадцатого года. Истину не поймаете, ловя ее с повязанными глазами.

Что касается показания, будто графу Остерману Толстому оторвало *ногу*, то это непростительная ошибка. Хочу предполагать, что она типографская... Кто не знает, что ему оторвало руку (именно левую)? Рука эта долго хранилась в спирте. Когда я приехал с ним в 1818 году в его Сапожковское имение, село Красное, он куда-то пошел с священником и запретил мне сопровождать его. Впоследствии я узнал от того же священника, что он зарыл руку в фамильном склепе своих дядей, графов Остерманов, в ногах у гробниц их, как дань благодарности за их благодеяния и свидетельство, что он не уронил наследованного от них имени.

Раненого (рука держалась еще на плечевом суставе; надо было отделить ее) отнесли с места сражения на более безопасное; приехал король прусский и, увидав его окровавленного, в бесчувственном положении, заплакал над ним. Лишь только он пришел в себя, первую его мыслью, первым словом, был государь, которого он любил до обожания.

— Est-ce vous, sire? — спросил он короля, — l'm-pereur mon maitre est-il en sureté?

Его скоро окружили врачи из разных полков. Он остановил свой взор на одном из них, еще очень молодым человеке, недавно поступившем на службу (это был Кучковский), подозвал его к себе и сказал ему твердым голосом: «Твоя физиономия мне нравится, отрезывай мне руку». Во время операции он приказал солдатам петь *русскую* песню. Этот рассказ передан мне адъютантами его (кажется, только двое и уцелели), бывшими при нем в Кульмском деле.

Давыдов говорит:

«Хотя не подлежит никакому сомнению, что победой при Кульме Европа в особенности обязана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и силятся доказать противное. По мнению некоторых, глав-

ным героем дня был граф Остерман, по мнению других — принц Евгений Виртембергский, по мнению Барклая, весьма неблаговолившего к Ермолову (то же сказано было где-то о Кутузове), квартирмейстерский офицер Диест (о последнем-то не стоило бы и говорить — кто у нас знает его? — и поднимать старые дрязи из того, что главнокомандующий хотел дать ему орден Св. Георгия 4 степени). Цена высоко, — продолжает Давыдов, — заслуги графа Остермана (этого не видать из прежних его отзывов) и принца Виртембергского во *всю* эпоху наполеоновских войн и в Кульмском сражении в особенности, я (доказательств, однако ж, не приведено, кроме того, что Остерман хотел идти на... (?), а Ермолов ему отсоветовал) *положительно признаю* (довольно самонадеянно!) Ермолова главным виновником победы, стяжавшей русской гвардии столь справедливую признательность и удивление Европы».

И я, маленький человек в сравнении с Давыдовым, осмелюсь сказать: жаркие поклонники Ермолова силились и силятся доказать, что главным героем Кульмского дела был он, стараясь отодвинуть на задний план графа Остермана-Толстого. За что ж отдавать все одному лицу и лишать другого того, чего уже никто лишить его не может? Если б от меня зависело помирить эти мнения, я сказал бы, что оба равно были виновниками победы: Остерман славно *начал и вел* дело, Ермолов славно *довершил* его. Но все-таки, что ни говори и ни пиши, а история, упоминая о Кульмском деле, поставит имя Остермана на первое место, а Ермолова на второе, и никакой богатырь-писатель не переместит их. Это засвидетельствовал государь Александр I, наградив первого за Кульмское дело орденом св. Георгия 2-го класса и отечески благоволив к нему до конца своей жизни. Император являлся его покровителем и миротворцем даже в размолвках его (в мирное уже время) с фельдмаршалом Барклаем-де-Толли. К этому свидетельству присоединился голос целого народа чешского, поднесшего ему в *признательность* за спасение *свое* дорогой сосуд, который скромный победитель передал для священнодействия в церковь Преображенского полка. Государь отдал ему вазой, на которой герой Кульм-

ской битвы изображен в то время, когда его ранили. Красноречивый рескрипт ему, написанный по этому случаю, подтвердил голос народа.

В статье г. Погодина сказано:

«Реляция об этом сражении была написана Ермоловым; относя весь успех дела непоколебимому мужеству войск и *распорядительности* графа Остермана, он почти умолчал о себе. Остерман, прочитав ее, не видя на свои страдания, написал весьма некрасиво (потеряв руку, он всегда неразборчиво писал и впоследствии) следующую записку: «Довольно не могу возблагодарить ваше превосходительство, находя лишь только, что вы мало упомянули об Ермолове, которому я всегда справедливость отдавать привычен».

В другом месте у г. Погодина:

«Когда флигель-адъютант князь Голицын привез графу Остерману Св. Георгия 2-го класса, этот *мужественный* генерал (к чему тут мужественный? скорее в этом случае благородный, скромный) сказал ему: «Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который *принимал важное участие* в битве и *окончил* ее с такою славой».

Что ж эти свидетельства доказывают? Что оба, Остерман и Ермолов, были рыцари благородства и в этом случае вели между собою честное состязание. Впоследствии ярые поклонники Ермолова продолжали провозглашать его главным виновником победы, оставляя Остермана в тени, как человека «с недостаточными умственными способностями и сходявшего несколько раз с ума». Эти слухи, хотя не так ярко выставляемые, не могли не дойти до графа. Может быть, доброжелатели его, передавая их обиняками, вплетали в них и то, что сам Ермолов приписывал себе весь успех дела, чего, по известной его скромности, не могло быть. На стороне Алексея Петровича были: популярность его в армии и в обществе, его приятное обращение со всеми, горячая любовь преданных ему людей, острое слово и острое перо их. На стороне графа, никогда не привлекательного на словах и в обращении, разорвавшего все связи свои в России, кроме его имени, начинавшего изглаживаться в памяти его соотечественников. Как бы

то ни было, в одно время между обеими сторонами возбуждено было какое-то враждебное соперничество. Император Николай Павлович рассек было этот гордый узел, пожаловав равно обоим, по случаю открытия кульмского памятника, орденом Андрея Первозванного. Графу привез его курьер на мызу (Могилевской губернии, Рогачевского уезда), где он в то время проживал, в стране колтуна, в глуши сосновых лесов, оглашаемых волчьей музыкой, и куда он прибыл к срочному времени отпуска из родины Галилея и страны лавров и померанцев. Вскоре, уехав снова в чужие края, он не имел случая во всю жизнь свою надеть этот орден. Граф был дружен с Остен-Сакеном*, который, приезжая в Петербург, всегда останавливался у него в доме, был дружен с Милорадовичем и Паскевичем, но я никогда не видал у него Ермолова, никогда не слышал от него слова об Ермолове, ни хорошего, ни дурного, до следующего случая.

В двадцатом году Алексей Петрович был уже главнокомандующим на Кавказе; граф не командовал уже несколько месяцев гренадерским корпусом и жил в Петербурге. В это время последний получает от первого официальную бумагу, адресованную на имя «командира гренадерского корпуса, графа Остермана-Толстого». Граф, вообразив, что это какая-то насмешка, приказал мне написать на конце бумаги: «Генерал Ермолов должен знать, что граф Остерман не командует более гренадерским корпусом, и потому бумага возвращается ему назад». Когда я это написал, он выбрал в брелоках у своих часов антик с извивающимися на голове змеями и сказал мне: «Рожицу эту, рожицу-то припечатай ему: он... поймет». С такою печатью пошла бумага по назначению. Судя по последствиям, надо полагать, что Ермолов жаловался. Граф вскоре затем уехал в чужие края, я вышел в отставку из Павловского гвардейского полка, в котором числился, но дожидаясь обещанного мне места по учебному ведомству, проживал еще в Петербурге, как меня потребовали

* Впоследствии граф и фельдмаршал.

к дежурному генералу главного штаба А. А. З. Я явился.

— Вы были тогда-то адъютантом у графа Остермана-Толстого? — спросил он меня.

— Точно так, — отвечал я.

— Мне велено спросить, кто писал эти строки?

— Я писал их, по приказанию моего начальника; в доказательство, что он их засвидетельствовал, вот и сделанный им знак.

— Более ничего, — сказал мне З., раскланиваясь со мною.

Тем дело это и кончилось, по крайней мере, для меня. В статье г. Погодина сказано, что граф просил русского священника в Женеве доставить ему портрет Ермолова. Вероятно, годы утомили его недоброжелательство к Алексею Петровичу. У гроба вражда и соперничество исчезают, уступая место суду истории.

Кстати, дополню характеристику графа.

Я находился при нем адъютантом, после кампаний 1812—1816 годов, несколько лет, до самого отъезда его в чужие края. Как я попал к нему в эту должность, вместо того, чтобы за служебный проступок (в котором, однако ж, не было никакого нарушения чести) подвергнуться строгому наказанию, вполне от него зависевшему, и пребывание мое с ним в Варшаве, в свите государя, при знаменитом открытии сейма Царства Польского, в 1818 году, опишу, если удастся, в особой статье. Я был неразлучным его спутником во всех его поездках по его поместьям, в лагерях, при инспекции полков, расположенных в Калужской и Тульской губерниях; я знал его в семейной жизни, в кругу его друзей и родных, при дворе, вел с ним переписку, когда он был в чужих краях, и вот что могу сказать о нем беспристрастно. Как начальник войска, он был строг, но строгость его заключалась только во взгляде, в двух-трех молниеносных словах, которых больше боялись, нежели распеканья иного начальника. Во все время командования им корпусом он никого из офицеров не сделал несчастным, хотя и были случаи *карать*. Всем, кто имел надобность в его покровительстве, не отказывал в нем; если кому помогал, то делал это широкою

рукой и вообще был щедр. Все у него было грандиозно: и дом в Петербурге, и прием императрицы Елисаветы Алексеевны в подмосковной, Ильинском, и петербургские вечера его, которые удостоивали своим присутствием некоторые члены императорской фамилии. Мелочным интриганом никогда не был, кривыми путями не ходил и не любил тех, кто по ним ходит; никогда не выставял своих заслуг и ничего не домогался для себя, лести терпеть не мог. Для стрел, откуда бы ни шли, смело выставял грудь свою. О пище и здоровье солдат заботился, как отец. Когда стояли войска в лагере, он почти каждый день обходил их во время трапезы, всегда пробовал солдатскую пищу, и горе начальнику, у которого в полку находил ее скудную или нездоровую!

Помню, как однажды, при посещении кронпринцем шведским, отцом нынешнего короля, новгородских военных поселений, выставяли, в доказательство довольства поселенцев, в каждой избе, то жареную курицу, то жареного поросенка, и как один забавник, бывший при этой выставке, доказал, что все это пух, отрезав, несмотря на зоркий глаз Аракчеева, ухо у одного поросенка, который в том виде явился в другой избе. Никогда, ни для какого милостивого внимания, не решился бы граф на такую мистификацию; зато солдаты его корпуса не глазами, а желудком были сыты, и благословляли его за попечения о них. На каждом смотре полков во время объезда корпуса, сверх душевного спасибо солдат получал от него по калачу и доброму стакану водки. Граф строго взыскивал за слишком жестокие телесные наказания. Слово *слишком* употребил я с намерением, потому что *обыкновенные* наказания розгами и палками не выходили из тогдашнего порядка вещей и не в одном русском войске. Был в одном полку 2-й гренадерской дивизии батальонный командир из немцев, который отличался неистовыми наклонностями к ним. Ему запрещено было совсем их употреблять. Что ж? Немец ухитрился изобрести другое наказание, он (поверят ли в наше время?) поил провинившихся или худо понимавших службу солдат табачным настоем. Не любя наушничества, которого

и сам граф не терпел, я, однако ж, почел долгом довести об этом до сведения его. Как сон в руку, в этот же день, при объезде им лагеря, первое лицо, ему попавшееся, был гениальный изобретатель табачного наказания: он был дежурным по дивизии. Грянули громовые слова над его головой, и с того времени он навсегда расстался с палками и табачною настойкой. Когда мы отъезжали от него, он, ошеломленный, стоял все на одном месте, но успел бросить на меня враждебный взгляд. Впоследствии этот господин старался мстить мне на брате моем, служившем в его батальоне ротным командиром, но, вступив в борьбу с целым корпусом офицеров полка, изнемог в ней...

В лагере под Калугой каждый день обедали у графа человек до 50 штаб- и обер-офицеров из разных полков, бывали в импровизированной посреди рощицы зале и балы, к которым съезжались гости из Калуги и Москвы, и даже из Петербурга.

Граф свято чтит память людей, сделавших ему какое-либо добро. Указывая мне однажды на портрет, висевший у него в кабинете, он сказал: «Вот мой благодетель; он выручил мою честь под Прейсиш-Эйлау». Это был портрет Мазовского, бывшего в этом деле командиром, кажется, лейб-гвардии гренадерского полка, который, имея его в своем челе, исторг графа из среды неприятелей, готовых уже схватить его. Кучковскому, отрезывавшему ему под Кульмом руку, выдавал он пенсию, также некоторым незначительным лицам, которые чем-нибудь были полезны его дядям, графам Остерманам. Приезжая в свои рязанские деревни, он приглашал к себе мелкопоместных соседей, людей простых и незначительных, и обращался с ними, как добрый компаньяр. При воспоминании о матери своей у него нередко выступали слезы; с миниатюрным портретом ее, который носил на груди, он никогда не расставался. К дяде своему, Николаю Матвеевичу Толстому, питал глубокое уважение, хотя втихомолку посмеивался над оркестром его музыкантов, одетых в парадные кафтаны екатерининских времен, переходившие с плеч одного поколения на плечи другого, несмотря на рост и дородство лиц, их носивших.

Николай Матвеевич, вышедши в отставку, жил постоянно и безвыездно в селе Степановском, Бронницкого уезда. Только раз в течение нескольких десятков лет ездил в Москву за 60 верст, и то по случаю смерти сестры своей. Проезд его через Бронницы составил эпоху в этом городке, в котором долго еще потом говорили о золотой, полувековой карете генерала Толстого. Он был сосед по селу Авдотьюну и друг известного Новикова. Я помню еще старого слугу Новикова, жившего у него после смерти своего барина, о котором, между прочим, рассказывал, что в его спальне, у подножия кровати, на столе, лежали крест и человеческий череп. О фармазонских чудесах Новикова, еще лет пятнадцать тому назад, ходили в Бронницком уезде диковинные рассказы.

Николая Матвеевича, несмотря на его скопидомство, уважали в Сколодке за прямоту и благородство его характера. Сельский дом его, за сооружение которого не заплачено было архитектору ни копейки, представлял амальгаму разных пристроек. Когда, с течением времени, нужно было, смотря по хозяйственным или семейным потребностям, расширять его, тогда приставлялись к дому, то там, то тут, как грибные наросты, срубы и связывались с капитальной стеной железными связями.

У него были огромные плодовые сады, ни одного увеселительного; все для выгод — ничего для удовольствия. Впрочем, в этих выгодах наши деды и находили удовольствие, а гулять, говорили они, можно и в плодовитом саду, и в роще, среди села. Здесь они потешали свой слух пением грачей, которых берегли, как святую птицу. В день приезда племянничка графа и в день ангела хозяина, за обеденным столом раздавались увертюры и симфонии из старинных опер, порядочно разыгрываемые; за стулом каждого гостя стояло по слуге. А в будни, в праздное время, а его было много у них, артисты и прислуга занимались вязаньем шерстяных чулок и перчаток. От продажи этого изделия в свою пользу, они услаждали жизнь свою и своих семейств лакомым куском и умеренными по-своему прихотями. В упомянутые торжественные дни подавали к столу ги-

гантские индейки, откормленные на славу, и в рюмочках, немного побольше наперстка, венгерское вино, стоявшее в подвале несколько десятков лет, и диковинные наливки. Самовары при Екатерине не были еще в общем употреблении; чай делали в металлических чайниках, в которых кипятили его на спиртовых жаровеньках (вопреки автору «Таинственного монаха» Р. М. Зотову, начинающему свой исторический роман из времен Петра I чаепитием за самоваром). И у Николая Матвеевича приготавливался чай по старине. Чтобы не раздроблять общинных земель и не отрезывать от своих господских, Николай Матвеевич редко разрешал крестьянам свадьбы, с которыми неминуемо сопряжены были наложение нового тягла и отрезка земли. Кажется, он делал это только в селе Степановском. Последствия такого экономического порядка à la Мальтус были очень пагубны для нравственности крестьян. Нередко в генеральских прудах находили мертвых, брошенных туда, незаконнорожденных детей. Впрочем, крестьяне его были довольно зажиточны, дворовые, когда он умер, искренно его оплакивали. По смерти Николая Матвеевича, мне поручен был, вместе с генералом Сорочинским, раздел его имения между наследниками, и чего не нашел я в маленькой кладовой его, подле гостиной — и мотки ниток, и пуговицы, и гвозди разного размера, едва ли не подковы, и всякую мелочь, которую хранил он для хозяйственных потребностей и сам выдавал. Так-то наши старинные помещики составляли себе большие состояния. И этот дядюшка дал в приданое своей воспитаннице около ста тысяч наличными и оставил после себя своим племянникам 1200 незаложенных душ.

Возвратимся от дяди к племяннику, графу Александру Ивановичу.

Против суровостей русских непогод граф, казалось, закалил себя; нередко в одном мундире, в сильные морозы, делал смотр полкам. Это была железная натура и телом, и душою. В пище он был чрезвычайно умерен; за столом только изредка бокал шампанского. Изысканных блюд, особенно пирожных, не терпел. Любил

крутую гречневую кашу до того, что, живя в Италии, выписывал по почте крупу из России.

Однажды во время объезда корпуса, после полкового смотра на сильном морозе, возвратясь к себе в квартиру и выпив только чашку чаю, он отправился снова в путь. Между тем обеденный стол был сервирован, мы слышали уже запах яств, которыми думал угостить нас на славу полковой командир Болховской, большой *gourmand* и знаток кулинарного дела. Я с корпусным доктором, сопровождавшим вместе со мною графа, только полакомились обонянием этих кушаньев. Уж и досталось от нас вслед ему довольно проклятий! На первой невзрачной станции он спросил нас, хотим ли мы есть, и на утвердительный ответ, велел подать гречневой каши. Обильно полив ее зеленым конопляным маслом, он усердно принялся ее уничтожать, я с голоду пропустил в желудок несколько ложек, доктор отказался. За то мы решились отплатить ему по-своему. На дороге были страшные заборы, снег, мокрыми хлопьями, слепил глаза, стемнело. Военные тогдашнего времени не знали, что такое шуба, а потому мы с пустым желудком продрогнули порядочно. Для исполнения задуманного нами мщения, велено нами ямщику понемногу отставать от передовых саней (всегда открытых, во всякую непогоду), в которых сидел граф со слугою и жандармом. Вскоре мы потеряли его из виду. В стороне, в полуверсте от большой дороги, блеснул огонь из большого господского дома. Повернуть к нему, войти, предъявить хозяину свои *высокие* титула адъютанта и доктора графа Остермана и попросить его укрыть нас под своим кровом по случаю наступающей волчьей ночи и худых дорог, было делом нескольких минут. Гостеприимный помещик, вероятно богатый, судя по обстановке дома, был очень рад гостям, упавшим к нему с неба, и доказал это, как самый радушный амфитрион. Нас напоили благоуханным чаем, угостили отличным ужином и уложили спать в теплой комнате, на пуховиках, в которых мы утонули, посмеиваясь в ус всем эгоистам, любителям гречневой каши и путешествий во время загор. Так, конечно, не нежился сам Сарданапал. Я забыл сказать, что хозяй-

ские дочери, очень миловидные и хорошо воспитанные, усладили для нас вечер приятною музыкой и приятной беседой. Между тем граф, приехав в первый город (это было в Тульской губернии), где должен был делать смотр полку, беспокоясь об нас, разослал гонцов нас отыскивать и подать нам помощь в случае, если бы мы где-нибудь застряли. Разумеется, нас не нашли. Утром мы явились к нему и сыграли мастерски роль пострадавших мучеников. Он с сожалением слушал наш рассказ, как мы провозились всю ночь в глубокой зажо-ре, из которой будто вытащили нас крестьяне ближайшей к месту нашей гибели деревни, куда мы посылали ямщика. Нас велено поскорее обтереть вином и подать нам чаю с ромом.

Граф любил русскую литературу, по-тогдашнему времени, Державинскую, Карамзинскую и Озеровскую. Как-то ему в Петербурге расхвалили «Федру» Лобанова, которую Пушкин называл Федорой; меня заставили прочесть в присутствии графини отрывки, сначала из подлинника, а потом из перевода. «Отчего,—спросила меня графиня,—у Расина выходит все так гармонично, так хорошо, а по-русски так тяжело, грубо и скучно? Видно, русский язык неспособен передать красоты французской поэзии».—«Тут виноват не русский язык, который не беднее, если не богаче и гармоничнее французского,—отвечал я,—а недостаток таланта и дубоватость переводчика. Впрочем, наш язык сделался *живым* русским языком, и то литературным, со времен Карамзина, а в обществах он до сих пор остается *мертвым*».

В числе адъютантов графа был подполковник Свечин, автор знаменитой «Алексаидры», которую он, для вящего вдохновения, писал на саженной аспидной доске, и которую в тогдашних московских обществах читали, как некогда «Телемахиду». Граф, когда хотел подремать, убаюкивался ее стихами, читаемыми ему самим автором.

С глубокою признательностью вспоминаю добрые, отеческие отношения ко мне графа. Когда я бывал нездоров, он посещал меня на моей квартире. Раз в Калуге, наскучив разводами на морозе, я сказался больным.

Ко мне пришел товарищ, по-тогдашнему свитский офицер, по-нынешнему генерального штаба. Вельяминов-Зернов, прекрасно образовавшийся в школе Муравьева и много обещавший (убит в 1829 году в сражении против турок)*. Мы прочли с ним несколько страниц из Парни. Пришел другой товарищ; с этим мы стали перекидывать в банк. Целые колонны цифр были исписаны по зеленому столу, как говорится, на мелок. Вдруг в это самое время входит граф. Можно судить о моем смущении. Он ничего тут не сказал, только посмотрел на нас с неудовольствием и вышел. Но с того времени долго не давал мне покоя своими расспросами, не страстен ли я к картам, и когда мы с ним находились вдвоем, убеждал меня, как добрый отец, не играть более. В душе этого сурового по наружности человека звучали нередко нежные струны. Живя, после смерти жены своей, в Пизе или Флоренции, он страстно полюбил красавицу итальянку. Детей он также нежно любил... Боясь со временем, на старости лет, сделаться ревнивым, он пожертвовал ее спокойствию своею горячею к ней привязанностью и выдал ее с богатым приданым за молодого, красивого соотечественника ее. Детям он дал хорошее воспитание и обеспечил их будущность. Правда, для удовлетворения этих потребностей срезали вековые, подмосковные леса, которые так берегли старики, графы Остерманы, не думая, чтоб они ушли в Италию.

Не скрою, что граф Александр Иванович имел большие странности. Некоторые его эксцентричности, разглашаемые, как водится, с прибавлениями, доходили до Петербурга, где остряк Нарышкин умел передавать их в самом смешном виде. Он держал в своей лагерной палатке огромного белого орла и белого ворона и любил иметь у себя во дворе, когда жил в Калуге, медведей. Двум хирургам отрезали по сустав передние лапы, в которых заключается главная их сила. Им сделана была фантастическая одежда. Но разве Байрон в Венеции не имел около себя целого зверинца с обезья-

* Сестре его Анисье Федоровне Мерзляков посвятил многие из своих стихотворений.

нами, кошками, собаками, лисицей, ястребами и коршунами? Правда, Байрон не делал хирургических операций своим четвероногим любимцам*. Граф, живя в Италии, выписал туда из своей подмосковной, чтобы ходить за детьми, кривого бурмистра Егора, имевшего медаль за победу в 12 году над французскими мародерами. Русский мужичок и тут нашелся. Выдержав успешно двухгодовалый искуc в Авзонии, он возвратился на родину с богатым награждением и зарылся опять в свой овчинный тулуп. Вероятно, эти эксцентричности дали повод Давыдову приписать их сумасшествию. Надо, однако ж, пояснить, что они появились гораздо после наполеоновских войн, да и то сказать, если копнуть поглубже в домашнюю жизнь иного *знаменитого* человека, то и не такие проделки в ней найдутся... По крайней мере в эксцентричности графа не было ничего грязного, бесчестного...

Великий князь Михаил Павлович очень любил его и знал об некоторых его странностях. Когда я имел честь, за отсутствием губернатора, в 1844 году принимать его высочество в Твери, куда он приезжал для осмотра 7 кавалерийской дивизии, он за обедом, разговорившись о графе, спросил меня: «А что случилось с медведями его?» Ободренный особенно милостивым ко мне вниманием великого князя во все пребывание его в Твери, я рассказал ему следующий случай по поводу этих медведей.

Остерман, живя в Петербурге, получил два письма, одно от дамы, которую он называл своим другом, с известием о смерти ее мужа, другое от любимого им командира таврического гренадерского полка, с известием о смерти медведя, отданного ему графом на попечение.

Граф продиктовал мне тотчас своим лаконическим

* Делаю следующую заметку для естествоиспытателей. Одна медведица в зверинце графа жила с двумя медвежатами. Игры их были потешны. Но как последние становились злы и опасны, то их разлучили с матерью. Жалко было видеть, как она с ними расставалась и провожала их со двора; жалобные завывания ее, которым недоставало только слов, хватали за сердце, точно рыдала женщина, разлучаясь навсегда с своими детьми.

языком ответы, начинавшиеся словами: «Любезный друг», без означения имени и отчества, подписал, и передав мне эти имена и отчества для написания в адресах, велел мне запечатать письма и отослал куда следовало. Я ж, по рассеянности, адресовал письмо с сожалением о смерти мужа к командиру полка. Приятельница графа промолчала, но полковой командир возвратил письмо, которое, как он писал, вероятно, прислано к нему по ошибке.

— Что ж граф? — спросил меня великий князь.

— Ничего, ваше высочество, — отвечал я, — только очень хладнокровно дал мне прочесть письмо, обличавшее мою вину.

Но я по-стариковски опять заболтался о старине; пожалуй, так рассказням моим не будет и конца. Начав за здравие, кончим же за упокой. Помянем с благоговением имена двух богатырей великой для России эпохи, и поблагодарим М. П. Погодина, что он сохранил потомству драгоценные памятники служения отечеству одного из них.

18 марта 1864.

КАК Я ЗНАЛ М. А. МАГНИЦКОГО

С каким удовольствием принимаешься за перо, когда хочешь изобразить личность, оставившую по себе светлый след на земле, какому бы роду служения отечеству или человечеству ни посвятила она себя. Потомство поминает его имя с благоговейною благодарностью; отец приводит сына поклониться его могиле и научиться на ней урокам чести и долга. Это имя звучит так гармонически, согревает сердце таким благодатным огнем. Напротив того, с каким тяжелым чувством приступаешь к изображению человека, который, будучи одарен лучшими дарами природы и воспитания и имея в руках своих средства разливать добро и свет на все его окружающее, употребил во зло эти дары для удовлетворения одних своих страстей.

Обстоятельства поставили меня в близкие отношения к М. А. Магницкому, когда он стоял на вершине своего служебного поприща и во время его падения; я пользовался его горячим, порывистым расположением, слыл даже лет пять его любимцем и испытал столь же порывистое недоброжелательство, которого настоящую причину не мог никогда знать. Таков он был во всех своих действиях. То, что я буду рассказывать о нем на немногих страницах, сколько память не изменит мне, может служить дополнением к статье г. Феоктистова, помещенной в «Русском Вестнике» 1864 года, и новыми материалами для истории просвещения России. Предупреждаю, что я по пути моего рассказа буду иногда разбрасывать заметки, хотя и отступающие зигзагами от главного предмета моего рассказа, но которые могут быть интересны, как обрисовывающие

тогдашнюю эпоху, или поучительны для нынешних современников. Неминуемо придется мне часто говорить о себе.

Оставив в 1820 году военную службу, я стал, следуя своим наклонностям, искать места по учебному ведомству. Бывший мой начальник, граф Остерман-Толстой, перед отъездом своим в чужие края, письменно просил тогдашнего попечителя Харьковского учебного округа Карнеева, доставить мне место директора училищ в этом округе. Между тем, в ожидании ответа, который несколько замедлился, дали мне знать, что в Казанском округе открылась вакансия директора пензенских училищ, и советовали мне прямо обратиться к попечителю округа М. А. Магницкому. Этот совет был приправлен разными жаркими похвалами лицу, к которому я должен был адресоваться.

Магницкий был тогда лицо сильное, пользовавшееся неограниченною доверенностью министра духовных дел и народного просвещения, князя А. Н. Голицына, отогревшего его у сердца своего от невзгод, его поразивших, в одну и ту же грозу, павшую на голову Сперанского. Я слышал о Магницком, как о человеке острого, высокого ума, с необыкновенно увлекательным даром слова, изустным и письменным, с блестящим научным образованием (он получил воспитание в благородном пансионе при Московском университете, где имя его красовалось золотыми буквами). Чарующая известность дружеского расположения к нему Сперанского придавала еще более блеска его имени.

Вооруженный аттестатом моего бывшего начальника, копией с письма его к попечителю Харьковского учебного округа и официальным письмом статс-секретаря Н. М. Лонгинова *, при котором прислан мне был Высочайший подарок за посвящение имени государыни Елисаветы Алексеевны моих «Походных записок», я явился к Магницкому. Он, по-видимому, жил

* Эту чистую, безукоризненную личность имел я честь встречать нередко в доме графа Остермана-Толстого.

очень скромно; единственный слуга его тотчас доложил обо мне, и я тотчас был принят в кабинет. Предомною предстал человек высокого роста, с привлекательной наружностью, с голубыми, умными глазами, с приветливою речью. Он выслушал мою просьбу, быстро рассмотрел мои бумаги, сделал мне несколько вопросов о моих религиозных убеждениях (я был заранее предупрежден, что мне предстоит этот искуc, но не имел нужды лицемерить), проницательно посматривая на меня и, как мне казалось, прислушиваясь к моему голосу, будто бы испытывал меня в искренности моих ответов, и наконец сказал мне: «Признаюсь, ваша молодость несколько смутила было меня, но рекомендация лиц, мною уважаемых, и ваши религиозные правила, в которых не сомневаюсь, ручаются мне, что вы будете руководить юношеством по истинному пути, и потому извольте поскорее подавать просьбу. Раз убежденный, я не люблю мешкать». На другой день пошло обо мне представление к министру и, как нарочно, встретилось с представлением попечителя Харьковско-го учебного округа об определении меня директором училищ Херсонской губернии, вследствие чего министр велел спросить меня, на какое именно место желаю быть определен. Я предпочел Пензу, как город ближайший к Москве, имеющий более здоровую местность, нежели Херсон и представляющий мне ту выгоду по службе, что я знал уже лично моего будущего начальника, которым я тогда, еще очень молодой человек, подчиняющийся свои соображения первым чистым впечатлениям, очаровался. К тому же, Магницкий, как я сказал, был в то время *сила*, обещавшая сделать много хорошего для вверенного ему округа.

Это было время мистического настроения общества, у одних искреннего, у других притворного, из угождения или подражания сильным лицам. Начиная с первого камня того дивного храма, который задуман был в гениальной голове Витберга *, но не мог быть осу-

* Один приятель его, подозревавший, по прочтении моего «Басурмана», что я в Аристотеле Фиоравенти хотел олицетворить Витберга, повез меня к нему, когда он незадолго до того возвратился из Вятки, места своего временного изгнания, и жил в Петербурге на Пе-

ществлен по причинам от него не зависевшим, и сколько могли определить слухи, тогда носившиеся, будто по недоброжелательству графа Аракчеева к князю А. Н. Голицыну, покровителю художника,— начиная с этого камня и продолжая поэтическими экстазами г-жи Криденер, разными тайными и открытыми обществами, масонскими ложами и оргиями, описанными в «Воспоминаниях» Вигеля, все тогда было запечатлено религиозным или политическим мистицизмом. Несмотря, что все эти общества основывались для усовершенствования рода человеческого, люди не делались лучше. Взяточничество было в полном разгаре; все было продажное: места, жена, убеждения, обязанности...

Не могу не упомянуть при этом случае, что за два года до описываемого времени, именно при открытии первого сейма Варшавского, я едва не был увлечен в лоно масонства одним из самых горячих его адептов. И кто бы, вы думали, был он? Лукашевский, основатель, вместе с Мохнацким, масонских лож в Царстве Польском и Литве, в которых уже и тогда заготавливались те горючие материалы, ожидавшие только первой брошенной в них искры, чтобы произвести пожар будущей революции. И эти материалы готовились уже в то самое время, когда великодушный русский император так доверчиво сыпал свои благодеяния на поляков, в то время когда они прижимали нас, русских, к своему сердцу как родных братьев. Да, мы и были братья, но можно заключить из последовавших обстоятельств, кто из нас играл роль Авеля, кто Каина. Мы и тогда подозревали, что в лобзаниях их скрывается яд,— Мицкевичева Мавра, сказал бы я, если бы «Валленрод» был тогда написан. Еще в 1816 году, на возвратном походе из Франции, мы, субалтерн-офицеры, хотя и не дипломаты, смутно постигали, что творится что-то недоброе, когда отрывали от знамени русского и переводили из рядов наших в новоформируемую по-

сках в большой бедности. Гениальный художник был так снисходителен, что занялся более часа разъяснением мне идеи трехстепенного храма Спасителя на Воробьевых горах.

льскую армию всех польских уроженцев, уже сроднившихся с нами и обрусевших, и таким путем образовали две отдельные армии, два отдельные народа *. Так-то иногда в низших классах народа чуют инстинктивно наступающую политическую грозу, когда в высших сферах о ней и не помышляют. Что успела было мудрая Екатерина спасти в приобретенных русскою кровью западных губерниях, то разрушалось новейшими распоряжениями. Я познакомился с Лукашевским в Пасху в дворцовой квартире С., лица хоть невысокого, но приближенного к государю, неразлучно с ним находившегося во всех его путешествиях, ревностного царского слуги, готового при случае положить за него свою голову. Как пробрался к нему Лукашевский, простой армейский офицер (едва ли не поручик), без всяких преимуществ породы и заслуг, как втирался он в среду императорской свиты, не могу понять. Вероятно, доставляли ему этот доступ сильные при дворе люди из поляков, чтобы выведывать чрез него в избранном кружку нужные им сведения от простячков-москалей, которые могли бы попасться на эту удочку. Сколько могу теперь припомнить, это был офицерик небольшого роста, с черными, узенькими бакенбардами, стянутый по-тогдашнему в рюмочку, не обещавший по своей наружности и нескромным речам политического деятеля, вертлявый, краснбай. Моя ли физиономия ему понравилась, или внимание, с которым я слушал его, — он избрал меня из среды кружка, собравшегося у С., чтоб обворожить своею заманчивою речью. Мало-помалу он стал мне хвалить славное, святое учреждение масонства, пересыпая эту речь словами: «Любовь к человечеству, братство, познание великой истины, скрывающейся от глаз непосвященных, достижение раз-

* В одном из первых заседаний сейма, присутствуя на нем, я сам слышал, как один из депутатов требовал какого-то закона, касающегося численности польской армии. Будто и теперь вижу, как депутат от предместья Праги, великий князь Константин Павлович, оскорбленный его неожиданною выходкой, встал во всю высоту свою и энергически заявил, что решение сделанного предложения есть дело русского правительства, а не сейма. Глубокое молчание последовало за этим ответом.

ных благ и чуть ли не отыскание философского камня», — говорил, что в наше время стыдно порядочному человеку не быть членом этого великого учреждения. В довершение он предлагал ввести меня в одну из варшавских масонских лож. Все это открыто говорилось при многих свидетелях, чему я не удивился, потому что таков был дух времени, такова была тогда мода на масонство, и я знал, что многие из наших генералов, даже первенствующих, принадлежали к нему. Не скрою, что я поддался было обаянию красноречивых убеждений моего собеседника; но, образумившись от первого впечатления и сообразив, что не очень надо было доверять незнакомому мне поляку, я отвечал, что, судя по его словам, выхваляемое им учреждение действительно должно быть прекрасно, но чувствую, что я еще не созрел для него; что я не хочу налагать на себя обязательства, которые, может быть, не в силах буду исполнить, или которые могут быть противными моему долгу; что если вздумаю когда-нибудь вступить в масонство, так сделаю это в своем отечестве. Признаюсь, этому решению много содействовали лукавые усмешки и знаки, какие делал мне из-за плеч моего искusstеля хозяин квартиры, человек бывалый, тертый калач. Мы трое представляли тогда три народности: один — лукавого поляка, прошедшую иезуитскую школу, другой — хитрого малороссиянина, я — простодушного русачка. Так мы и расстались. Я встретил еще раз Лукашевского в кофейной; здесь он был осторожнее в речах. После того я уже никогда с ним не видался и совершенно забыл о нем. Но, читая в прошедшем году «Историю польской революции 1830 года» Смита, я немало изумился, встретив в ней имя майора Лукашевского, как одного из зачинщиков этой революции.

Я приехал в Пензу в самый разгар библейских обществ. Губернией управлял тогда Ф. И. Лубяновский (ныне маститый сенатор). Он принял меня с обыкнóу своею любезностью, обещал мне быть полезным, чем может, по моей должности и тотчас предложил меня в члены губернского библейского общества. Вслед за тем я должен был открыть отделение общества при гимназии. Цель была прекрасная, но, как у нас дела-

лось, все заботы членов ограничивались одною наружною деятельностью, формализмом, без всякого разумного сочувствия к делу. О миссионерстве, как в чужих краях, о распространении нравственно-религиозных понятий в народе, не было и помину. О том, как легко у нас вспыхивают подобные учреждения по наитию сильных лиц и как скоро они гаснут, не оставляя по себе животворного следа, как эти лица исчезают или сходят со своих высоких ступеней, можно судить по тому, как недолго продержались наши провинциальные библейские общества. Отчего ж это? Оттого, что эти благие учреждения вызваны были не общественною нравственною потребностью, а желанием подражать, угождать личностям.

Главная забота членов состояла в том, чтобы продать, кому бы то ни было, как можно более книг Священного Писания. Во всех домах лежала на виду, в простом кожаном или богатом переплете, Библия, в которую иной из обладателей ее никогда не заглядывал; у кого не было такой выставки, считался чуть ли не еретиком. Первый греховодник, первый взяточник, погрязшая в разных интригах женщина, надевали на себя личину христианского миссионера. Деятельность по этой продаже поглощала у меня много времени, да и случалось приплачивать из своего тощего кошелька за те книги, за которые бедные ученики не могли внести денег.

Заботы тогдашнего христианнейшего казанского университета и, по примеру его, подведомых ему гимназий озаменовались еще тем, что собирали со всего города нищую братию и угощали ее трапезою, за которою прислуживали ученики. В каком положении застал я пензенскую гимназию, описал я в статье: «Материалы для биографии Белинского», напечатанной в «Московском Вестнике» 1859 года. Должен здесь прибавить, что с предместником моим мы разошлись в самых лучших отношениях. Это был старик чрезвычайно высокого роста, с огромными седыми усами, с бараньими, вставными зубами, с жесткою, нетерпеливою речью, с длинною тростью, которой стука боялись ученики. Несмотря на его странности, нельзя, однако ж,

было не уважать его за честную жизнь, за самостоятельность характера, которую не могла сломить бедность. Дочь его, не первой молодости, но с наружностью, в которой проглядывала сквозь резкие черты доброта души, сносившая безропотно и гордо свою печальную участь, еще более возбуждала во мне это чувство уважения. Чета эта, без всяких общественных связей, без всяких надежд, одинокая в мире, державшаяся за слабую нить жизни только привязанностью одного к другому, так и просилась в роман.

Едва успел я, так сказать, осмотреться на новом месте, сделать кое-что в пользу учебных заведений, мною заведываемых, и приобрести доверенность пензенского общества, как попечитель поручил мне следствие в саратовской гимназии по одному скандальному происшествию между учениками ее, и вместе с тем назначил меня визитатором училищ Саратовской губернии. Обыкновенно такие поручения давались профессорам университета, и потому необычайная доверенность, мне оказанная помимо их, возбудила против меня их недоброжелательство, которое они впоследствии старались доказать на деле. Между тем, еще до моего приезда в Саратов, тамошний директор училищ Ч. был уволен от должности за слабое управление гимназией. Происшествие было представлено высшему начальству в ужасающих размерах, как опасное для государства проявление антирелигиозного духа в юношестве и наставниках, чего и чутьем не слышно было. Я нашел только гадкую шалость нескольких мальчишек, конечно, непростительную, за которую и взыскание было сделано мною соразмерно степени вины, как с мальчишек. Нравственное же настроение учителей было безукоризненное, да и учебная часть в саратовской гимназии была в лучшем положении, чем в пензенской. Окончив следственное дело и распутав важные денежные счета, с которыми связан был тогдашний губернатор П. по покупке у него дома для гимназии, я принялся обозревать низшие учебные заведения. Помнится, уездных училищ в Саратовской губернии, этом гнезде раскольников, было только три. В Царицын я приехал 1-го марта по Волге, окованной льдом.

Во время пути сопровождало меня клегтанье орлов, описывавших над головою моею широкие круги, как будто бы с недостигаемой для человека высоты они трубили над ним свое торжество. Тут же, кстати, посетил я колонию гернгутеров, Сарепту, полюбовался там оригинальным устройством общества, которое, однако же, по мнению моему, может существовать только в небольшой общине, да и здесь, с духом времени, первоначальный устав колонии постепенно изменяется; полюбовался на пути довольством, чистотою, нравственно-религиозным образованием и вообще гражданским развитием немецких колоний. С грустью видел я контраст их в русских деревнях, бок о бок с ними встречавшихся. Надо и то сказать: в одних жили люди свободные, собственники, огражденные разными привилегиями и самоуправлением, а в других, большею частью, люди отупевшие под разным гнетом. По возвращении в Саратов, я посетил Вольск в самый разлив наибольших рек. В это время езда туда, и по почтовому тракту, становится чрезвычайно трудна, местами и опасна. Воды стремительно прибывают, так что дороги заливаются в несколько часов, мосты поднимает, и надо делать объезды далеко кругом, часто по вязким черноземным пашням, или не иначе пускаться по разливам, как вслед за передовым конным, обязанным разведывать, можно ли за ним проехать безопасно экипажу. Иногда приходилось на утлой ладье, с тройкою и экипажем, лавировать по водам между кустами. Случилось даже однажды, что во время такого путешествия у одной лошади задние ноги были в воде, а передние в лодке, а люди становились для равновесия на другую сторону, чтобы она не захлебнулась. Можно судить, как приятна такая езда. Такова она была в прошедшее время; полагаю, что она не изменилась к лучшему и ныне в стороне от железных дорог и шоссе. Теперь устройство побочных путей сообщения и наблюдение за ними поручают земству, и от его разумных и энергических распоряжений мы вправе ожидать, что не будем вязнуть в топях, как вязли не только крестьянские клячи, но и извозничьи лошади-богатыри на всех проселочных дорогах России. Когда я возвращался из

Вольска, воды быстро сбывали, жадно поглощаемые Волгою, которой половодье держится в самых грандиозных размерах до первых чисел июня. Вольск, когда я посетил его, был маленький городок декорационно созданный золотым жезлом откупщика Злобина. Этот волшебник на скорую руку выстроил на берегу Волги, только для виду, множество каменных высоких домов, которые и принимались в залоги по винным откупам, и которые со смертью его, или по миновании в них надобности для этой операции, большею частью, в мое время представляли одни необитаемые стены без окон и дверей и проч. По оврагам и косогорам лепились избушки и пещерки, едва прикрытые дранью. Это, как мне сказали, кельи беднейших из вольских изуверов, питающихся пособиями их богатых собратьев и за то обязанных поддерживать раскол и помогать их тайным проделкам. Здесь я мог сделать сравнение двух обществ—сарептских гернгутеров и вольских раскольников. В конце весны посетил я живописную Зубриловку (упоминаемую нередко в «Воспоминаниях» Вигеля), в которой находился женский пансион, содержавшийся на счет владельцев ее, князей Голицыных. По моему мнению, такие женские пансионы, удаленные от городов, в местностях, где нет над ними постоянной учебной инспекции и надзора родителей и общества, не должны быть терпимы. Правительство это доказало в сороковых годах, отказав тверскому помещику Ртищеву в основании женского пансиона в его богатой усадьбе, доходы с которой он предлагал на содержание заведения.

Какой благословенный край эта Саратовская губерния! Есть в ней девственные земли, от века не тронутые сохою. Здешняя флора богата такими дарами, которые могли бы украсить наши сады; энтомолог может собрать здесь, особенно на восточном берегу Волги, сокровищницу бабочек, которых разнообразною красотой не налюбуеться.

По возвращении моем в Пензу, попечитель писал мне: «Получив с удовольствием донесение ваше об осмотре саратовской гимназии и подведомых ей училищ, усматриваю, что поручение мое исполнили вы наилуч-

шим образом. Отдавая полную справедливость трудам вашим, усердию к службе и основательным сведениям по управлению учебными заведениями в христианском духе, мне весьма приятно уверить вас, милостивый государь мой, заранее, что не премину ходатайствовать, дабы отличные заслуги ваши были награждены примерно. Между тем предлагаю вам место директора казанской гимназии, и в случае вашего на сие согласия, прошу поспешнее уведомить меня».

Заметьте слова: «В христианском духе». Уж, конечно, в этом духе, потому что я исполнил мои обязанности по долгу совести. К этой замечке надобно присовокупить, что я не только примерной, и никакой награды не получил. Письмо было от 18-го марта 1823 г. Означаю числа, чтобы показать фазисы расположения ко мне Магницкого.

Жаль было мне расстаться с моими учениками, с учителем П., в котором я нашел не только прекрасного наставника (впоследствии руководителя Белинского), но и прекрасного человека, оставшегося до сих пор моим другом, с пензенским обществом, которое меня полюбило, с живописною Пензой, с драгоценною для меня могилой; но мне, при недостаточном состоянии, предстояли в Казани выгоды по увеличению моего скудного жалованья и я дал свое согласие.

Не прошло месяца с этого письма, как я получил от попечителя официальную бумагу, от 13 июня 1823 г., за № 846, следующего содержания:

«Государь император, по докладу господина министра духовных дел и народного просвещения, высочайше повелеть соизволил назначить казанскому университету, вместо штатной его суммы, оброчные статьи, в ведении казенных палат находящиеся, в губерниях казанского округа, по моему избранию. Прилагая при сем список предварительно избранным мною статьям по Пензенской губернии, я прошу вас, милостивый государь мой, собрать о них подробнейшие и, сколько возможно, положительные сведения на самом месте отдачи их в оброк, или от людей, совершенно знающих истинный доход каждой из сих статей.

Сведения сии должны состоять в следующем:

1) Какой выгоды может ожидать университет казанский от оброчных статей Пензенской губернии, когда получит их в свое ведение, независимо от платы, ныне содержателями их вносимой, которую можно узнать под рукою в казенной палате.

2) Сколько получает содержатель оных действительного дохода?

3) Тот ли содержит статью, кто заключил на сие контракт, или передана она другому, чрез сколько именно рук и по какой цене переходила?

4) О мельницах вы в особенности удостоверитесь, верна ли опись казенной палаты, то есть столько ли поставок находится при мельнице, как показано в описи, и в каком она положении, то есть новая или ветхая.

5) Рыбные ловли должны быть описаны с такою же точностью, как в рассуждении выгоды их, так и относительно дохода, ныне содержателями оных собираемого; ибо ежели бы оказалось в некоторых уездах, что крестьяне не имеют на душу узаконенной пропорции земли, то вместо оной могут быть взяты все без исключения мельницы и рыбные ловли. Для сведений, кои нужно будет получить в уездах, вы можете отправиться на основании § 78 Устава учебных заведений.

Впрочем, вы ограничитесь осмотром только означенных в списке статей; но ежели узнаете от себя другие, лучшие, то для блага университета доставьте мне о них подобные же описания.

Ежели посредством вашим значительно, я разумею вдвое или более противу настоящей цены, может подняться оная, то усердие ваше я доведу до сведения господина министра духовных дел и народного просвещения и буду просить его сиятельству о представлении его императорскому величеству.

Попечитель казанского учебного округа

Михаил Магницкий».

Можно судить по этой бумаге, как важно было поручение, мне сделанное, с какими затруднениями оно было сопряжено, и какого доброжелательства должен

я был ожидать от лиц, заведывавших оброчными статьями. Однако ж смущаться и раздумывать было некогда: во главе послания стояло имя, перед которым расступаются все затруднения, и я принялся ретиво исполнять это поручение, которого мысль, вероятно, принадлежала горячей, эксцентрической голове Магницкого. Так сужу, потому что эта мера не касалась ни одного учебного округа, кроме Казанского.

Пустившись, как новый Язон, отыскивать для университета золотое руно и запасшись под рукой, вооруженною магическим жезлом, делающим в мире чудеса, некоторыми основными сведениями, я признал за лучшее отправиться на самые места оброчных статей. Беседуя с крестьянами, как простой путешественник, я узнал, что мне нужно было знать, лучше и вернее, нежели мог бы это сделать от чиновников, заинтересованных в этом деле. Следствием моим розысканий было донесение попечителю, что если исполнение предполагаемого поручать людям, которые будут более хлопотать о пользе казны, нежели своего кармана, то оброчные статьи могут дать без сравнения высшую цену (не помню, какая была мною означена), чем они дают ныне. Но все мои труды и даже расходы по моему путешествию, не вознагражденные ничем, пропали даром. Поступил ли тогда новый министр финансов, не любивший играть в проекты, и нашел дело, затеянное Магницким, неудобоисполнимым — мне неизвестно; знаю только, что предположение и осталось предположением. Чтобы не начинать его напрасно, стоило только сообразить, как удобно было бы членам министерства народного просвещения заниматься учебною частью и заведовать оброчными статьями. Что ж делать? Кошке игрушки, а мышке слезки.

Сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский, в проезд свой в Петербург, посетил *sa bonne ville de Penza*, где он за несколько лет был губернатором и заведывал губернией, как могучий кормчий, водивший прежде государственный ковчег по морям и посаженный на лодку, плывущую по водам тихой речки. Ему, кстати, нужно было распорядиться богатыми землями, незадолго до того пожалованными ему в Чем-

барском уезде. Это был новый залог возвращения ему милостей государя. Можно судить, с каким усердием все чины в губернии, от большого до малого, старались угодить ему в этом деле. Его любили в Пензе за добро, сделанное им многим во время управления губернией, понимали также, что он снова государственная сила, которую уже трудно вновь поколебать, и потому чувства любви и личного интереса привлекли к нему толпы посетителей-поклонников. Целый день осаждали его просьбами, словесными и письменными. Не отказал он никому в своем ходатайстве и покровительстве, ни один посетитель не отошел от него не обласканный и не обнадеженный. Отъезд его сопровождался всеобщими благословениями. Зато, по выезде его из Пензы, в камине его квартиры жгли целые ворохи прошений и докладных записок. Вероятно, самые уважительные из них взял он с собой. На обеде у помещика Мартынова он подошел ко мне. Я в это время сидел и при первых словах, ко мне обращенных, привстал, но он дотронулся до моего плеча, понуждая меня опять сесть, чего я, однако ж, не исполнил. Говорю об этом для того только, чтобы показать, как безделицы характеризуют иногда человека. Он сделал мне несколько вопросов о состоянии гимназии, сказал мне несколько одобрительных слов. Ни слова о Магницком. В жизни этого государственного человека была целая поэма, и потому можно судить, с каким чувством смотрел я на его умное лицо, с поникшими глазами, слушал его приветливую речь. Какие лучи царских милостей, едва ли не дружбы, озаряли некогда его обнаженную голову, какая ужасная гроза разразилась над нею!

Определенный директором казанской гимназии, которая тогда именовалась императорскою, в память того, что ее основал император Павел Петрович, едва ли не в посещение свое Казани (тогда же подарена была ей богатая библиотека князя Потемкина-Таврического, перешедшая потом в университет), я отправился в начале следующего лета к месту своего назначения. Во время пути меня окурал, как будто против миазмов, ожидавших меня в Казани, медовый аромат гречневых полей, расстилавшихся на несколько десятков

верст. По нескольким станциям я мчался как вихрь на лихих татарских конях, управляемых бешеным татарин-ом-ямщиком. Казалось, я не чувствовал расстояний.

Вскоре по приезде моем в Казань поручена мне и должность директора училищ губернии с двойным жалованьем, по этому месту и месту директора гимназии — новый знак особенного внимания ко мне попечителя. Ни прежде, ни после меня никто не занимал этих мест в одно и то же время.

Осенью 1825 года приехал в Казань Магницкий. После предварительных экзаменов в гимназии, продолжавшихся несколько дней и ежедневно им посещаемых, происходил торжественный акт. Читая отчет об управлении гимназии за академический год, я окончил его следующей речью (напечатанную впоследствии во II-й части «Славянина», журнала, издававшегося Воейковым): «При этом торжественном случае могу ли я умолчать об одном из приятнейших предложений наших? В то время когда единодушным соревнованием наших соотечественников по всему протяжению России возносятся памятники великим мужам ее: Ломоносову на берегах Двины, меценату Демидову в стенах Ярославля, герою Донскому на полях Краснохолмских, Ришелье у вод Черного моря, — в то самое время, когда благодарность не есть только долг, а собственное наше удовольствие и слава, останется ли казанская гимназия равнодушною к памяти Державина, получившего в ней начальное образование? Здесь гений долго испытывал силы свои; здесь одобрение наставников было первым лавровым листком того венца, которым со временем почтило его восторженное отечество. Отсюда, прозирая свое будущее поприще, вышел он на первые опыты славы. Смело можем сказать: Державин был наш воспитанник. Кому же уступим честь первенства в почтении достойным образом памяти великого? Я предлагал бы воздвигнуть ему здесь приличный памятник с его изображением и надписью: *«Воспитаннику своему Гавриилу Романовичу Державину казанская гимназия»*. За усердное выполнение этого дела ручается мне любовь к просвещению почтеннейших сочленов моих и, конечно, здешних сограждан, которых в сем случае преду-

предил я только словом, а не чувствованиями». Присутствовавший на акте управлявший тогда губернией, А. Я. Жмакин, объявил тут же, что он готов собранием пожертвований осуществить предположение мое в случае соизволения на то правительства. Последствия известны: памятник Державину стоит на площади против университета. Горжусь, что я положил первый камень в основание этого памятника».

При выходе с акта попечитель горячо благодарил и обнимал меня, и тут же предложил мне место инспектора студентов в университете. Вскоре в «Московских Ведомостях» изъявлена мне благодарность за отличное устройство гимназии. Как я ни отговаривался от предлагаемой мне должности, как я ни представлял, что буду полезнее на прежнем своем месте, Магницкий настаивал, чтоб я занял ее; скрепя сердце я должен был повиноваться. Инспектором был тогда Г. Ф. Вишневский, благородный, добрый, истинный джентльмен по своей жизни и в обращении со студентами. Его жена, урожденная Еропкина, умная, примерная мать, нежная спутница его жизни, в которой они испытали много невзгод, содержала женский пансион, прекрасно устроенный, с целью оградить свое семейство от нужды и дать приличное воспитание детям. Негодовал ли попечитель на мягкость характера Вишневского, или по другой причине желал его удаления, — мне неизвестно. Он не был еще уволен от должности инспектора и мне поручено было пока исправление ее; следственно, я поступал на место, которое еще было номинально занято.

Я переехал в университет, и за мною затворились двери в светлый мир моей жизни.

Магницким сделано было много на увеличение и украшение зданий университета, на устройство церкви (по образцу домашней князя А. Н. Голицына в Петербурге), библиотеки, физического кабинета, обсерватории, одним словом, все что можно было сделать денежными средствами, щедро ему отпускаемыми. И это все осталось бы навсегда памятником попечительства его, если бы в этих сооружениях не вмешались расчеты, о которых, основываясь на фактах, упоминает г. Феоктистов в своей статье. Что до меня, то я,

по своей должности не вмешиваясь в экономические дела университета и не стараясь разведывать темные пути, которыми они проводились, не скажу ничего ни за ни против. Правда, у Магницкого был чиновник, правая рука его, который любил занимать деньги, и когда кредиторы напоминали ему о долге, старался чем-нибудь отместить им. Если б я не боялся резко выразиться, я упомянул бы при этом французскую пословицу: «*Tel maître tel valet*». Здание университета соответствовало своему назначению, но чтоб эти палаты, эти камни, прекрасно сложенные и изукрашенные, можно было в самом деле признать тем, чем они титулуются на фронтоне золотыми буквами, надо, чтобы дал им высокий смысл животворный дух прогресса, чтобы юноши, посещающие аудитории, находили в них для ума и сердца здоровую, с потребностями времени и успехами наук обновляемую пищу. Что ж если для утоления голода хочешь припасть к груди матери, а тебе предлагают коровий рожок, хоть бы и в золотой оправе, с прокислым молоком.

С попечительством Магницкого была учреждена и новая должность директора университета. До меня занимал ее медик Владимирский очень недолго. Прекрасный сначала, он через несколько месяцев никуда не годился. Люди переставлялись, как шашки в руках опрометчивого игрока. На его место поступил доктор медицины и хирургии, надворный советник Трифон Егорович Л — ров. Хирургические операции он вздумал делать и над университетом. Раздражительный от природы и по болезни, он по временам доходил до иступления. Говорили, что он родом из южных славян, но в нем были все инстинкты их азиатских соседей. Он постоянно употреблял опиум в сильных приемах. В один из пароксизмов своего раздражения он прописал себе такую ужасную дозу, что аптекарь не решился отпустить ее без рецептуры официального врача Фукса (который был и ректором университета). Можно судить, как приятно было мне находиться в ежедневных сношениях с такою личностью. Расскажу только один пример его любезного обращения со мною. Раз я как-то заболел и послал к нему вместо себя своего помощника,

надзирателя, служившего и согладааеи за моими действиями, с ежедневной рапортной. Взебенный, что не я сам пришел, и не разбирая причины, по которой я не мог прийти, он приказал моему помощнику сказать мне, что он плюет на мои рапортники. Этого я не мог вынести; хотя больной, я оделся, отправился к нему и расквитался с ним по правилам Ветхого Завета... после чего ему так не поздоровилось, что он был вынужден прибегнуть к усиленному приему опиума. Через месяц-два, он пошел к праотцам своим.

Уже до меня в университете была ломка всему, что в нем прежде существовало. Начальники, профессора, студенты, все подчинялось строгой клерикальной дисциплине. Науки отодвинулись на задний план. Гонение на философию доходило до смешного фанатизма, если фанатизм, в чем бы он ни проявлялся, может быть когда-либо смешон. Например, во всех аудиториях на кафедрах вычеканен был золотыми буквами текст, приговоренный против этого *злохудожественного* учения. Руководства немецких ученых, как растлевающие душу, были изгнаны из университетских курсов; преподавание многих учебных предметов, основываясь на богословских началах, как будто готовило студентов в духовное звание. Профессор русской литературы читал большею частью духовное красноречие; образцом слога, по предложению попечителя, служили некоторое время Четии-Минеи. Имена Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина, не смели произносить на лекциях. За то, что профессор всеобщей истории строго придерживался подобных начал и читал ее по Боссюэту, он прозван был русским Боссюэтом. Также и несколько других профессоров облечены были в почетные имена европейских ученых, — имена, которые так же шли к тогдашним казанским знаменитостям, как бородачу-прасолу кафтан маркиза или султана кардинала. Профессор поэзии, добрый старичок, в иссохшей голове и сердце которого не было и чутя поэзии, почитатель не только Хераскова, но и графа Хвостова, удостоился названия пресловутого во время оно французского литературного законодателя (не помню хорошо, Лагарпа или Боало, которого он пере-

вел несколько сатир). На лекциях его разбирали одни переложения псалмов. Только с увольнением Магницкого он дерзнул написать и напечатать в «Казанском Вестнике» пасторальное стихотворение в подражание идиллии И. И. Дмитриева, кончавшееся стихом: «Ты рвешь цветы с ее могилы». С каким восторгом подал он мне номер журнала, в колыбели которого почивало это новорожденное дитя, и потирая себе руки сказал: «Вот-ста каковы мы теперь», как будто посягнул на отчаянный подвиг.

Долгом почитаю оговорить, что и в мое время, помимо бездарностей, были достойные преподаватели и ученые, служившие науке с любовью и пользою, как-то: медики Фукс и Лентовский, естествоиспытатель и археолог Эйхвальд, ориенталисты Казембек и Эрджман, астроном Симонов, математик Брашман. Говорили, что профессор математики, Лобачевский, пишет какой-то курс этой науки, долженствующий сделать в ней громадный переворот; но когда издан был этот курс, оказалось, по суждению компетентных критиков, что гора родила мышь. В одно время был любимцем Магницкого француз Жобар, знаменитый борьбою с ним, утомивший своими жалобами трех министров: князя Голицына, Шишкова и графа Уварова, до того, что ему велено было выехать из России. Бешеный его характер свернул ему голову, умную, начиненную хорошими познаниями. Г. Феокистов достаточно упоминает о нем в своей статье. Лектор немецкого языка К., ловкий человек, бывший прежде католиком, потом лютеранином, перешел наконец в православие. Церемония миропомазания была торжественная. Магницкий, бывший недаром его крестным отцом исходатайствовал ему Владимирский крест 4-й степени. Не только студенты, даже профессора воспитывались в строгой дисциплине. «Вы жалуетесь,— говорил мне профессор Никольский, подняв руку и сложив три пальца в виде благословения, между тем как в душе своей ненавидел меня,— вы жалуетесь, государь мой, что ныне служба здесь тяжела. Посмотрели бы, что было до вас». И начал он мне поведывать чудеса только что минувшего времени. За профессорами наблюдали, чтоб они не пи-

ли вина. Из числа их, некоторые весьма воздержные, но привыкшие перед обедом выпивать по рюмке водки, в свой адмиральский час, ставили у наружных дверей на караул прислугу, чтобы предупредить грозу нечаянного дозора. Таким образом, прислушиваясь к малейшему стуку и беспрестанно оглядываясь, преступник дерзал ключом, привешанным у пояса, отворял шкаф, где, в секретной глубине, хранилось ужасное зелье. У одного из ученых мужей, которому прописали вино в микстуре, был директором, внезапно посетившим его, запечатан сосуд, вмещавший в себе запрещенное питье. Медик, осмелившийся прописать такое лекарство, равно как и пациент его, остались на замечании. Только один доморощенный Боссюэт, настоящий революционер против магометова кодекса, не являлся на лекции по целым неделям. На торжественных университетских обедах, и в мое время, пили тосты не шампанским, а медом. Студенты подчинялись строгим монастырским правилам. Не говоря об общих утренних и вечерних молитвах при восстании от сна и отхода ко сну, везде в учебных заведениях соблюдаемых, произносились еще молитвы перед завтраком, обедом и ужином и после них. За завтраком дежурный студент читал вслух духовную книгу, за обедом тоже, за ужином тоже, и все это при неминуемом стуке тарелок, ложек, ножей и вилок, при разносе прислужкой кушаньев. Прекрасные, святые слова непременно ударяли в слуховой орган, в нем и пропадали, потому что нельзя было в одно время слушать внимательно и утолять голод. Много ли этих слов в эти часы пали на сердца слушателей? Все, что для молодых людей должно было быть духовною потребностью, делалось уже докучным бременем, противно словам Божественного Учителя: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко». Студент, ставивший свечи к образам и клавший большое число земных поклонов, был на замечании отличного. Всякий здравомыслящий человек убежден, что нравственно-религиозные начала должны быть поставлены в основание всякого воспитания, необходимы на всех путях жизни, но разве эти начала не могут ужиться мирно с науками, разве должны вытеснять их из учебных заве-

дений? Обстановка карцера и дисциплина для содержащихся в нем доставили бы богатые сюжеты для кисти Гогарта. С удовольствием могу сказать, что ни один студент не был посажен мною в это чистилище. От стен университета, хотя и обновленных, веяло каким-то холодом, какою-то гнилью старых аббатств. К чести студентов моего краткого инспекторства я должен сказать, что не слыхал ни об одном буйном или безнравственном поступке их. В это время прибыли из виленского университета в казанский трое студентов-филомафитов: Ковалевский, Верниковский и еще третий (не помню его имени). Что сделалось с двумя последними, не знаю. Ковалевский составил себе почетное имя как профессор восточных языков. Он смотрел тогда красною девушкой. Все они с любовью предались науке. Одну участь с ними имел Мицкевич и другие виленские студенты-филомафиты, но ему дарованы были особенные льготы... С ним я познакомился у издателя «Телеграфа», Н. А. Полевого * (помнится в 1829 году), когда этот жил на 1-й Мещанской. Мицкевич не походил тогда на врага России: казалось, воды не замутит. Прибавьте к монастырской жизни, на которую я был обречен, нездоровую местность и нездоровые воды Казани. Волга отстоит от города в шести верстах, следственно доставка из нее ежедневно воды чрезвычайно затруднительна, да и сопряжена с большими расходами. Разливаясь в половодье почти до самого города и входя в берега только в июне, она образует на этом пространстве настоящие Понтийские болота, которые в жаркое время гниют и издают миазмы, заражающие воздух. Этим испарениям обязаны жители сильными лихорадками, имеющими, особенно для приезжих, худые последствия. С другой стороны города — тоже болота. Остается казанцам довольствоваться водой из озера Кабана, где летом купают лошадей и куда зимой свозят всякую нечистоту. Как здорова она, можно судить по зеленым шапкам, всплывающим на ней,

* Я доставил тогда для его журнала драгоценные статьи из архива канцлера графа Н. А. Остермана, как-то: о театре при Елисавете Петровне, исполненное остроумия письмо Ломоносова к Елагину и некоторые другие, более важные.

когда ее кипятят, и по роям зеленых букашек, появляющихся в ней, когда она постоит в сосуде хотя четверть часа. Тогдашний главноуправляющий путями сообщения, принц Виртембергский, приезжал до меня в Казань для осмотра тамошней водяной местности и вместе с тем хотел приискать средства помочь этому бедствию. Его поместили в доме клуба, где он имел удовольствие слушать за стеной стук бильярдных шаров. Это неловкое помещение так рассердило его, что он сказал при отъезде: «Жители Казань свинья, а короший вод им дам». Впоследствии составлено было много проектов, чтобы провести воду из источников, находящихся в нескольких верстах от него; если не ошибаюсь, Казань до сих пор не имеет «короший вод». Прибавьте к этой невзгоде и ту, что во время дождей при мне была на улицах грязь непроходимая, и надо было ездить в легковом экипаже не иначе, как тройкой, а на одной из торговых площадей, кажется на Сенной, случались утопленники в грязи. В сухое время поднималась тонкая пыль, которая проникала во все щели и облекала все предметы в комнатах пепельным саваном.

Что сказать о тогдашнем казанском обществе? Провинциальная аристократия, казалось, оградила себя каменной стеной от ученых плебеев, из которых большая часть и сама, по образу своей жизни, избегала проникнуть через нее. Я посещал только два-три дома, не великосветских, но радушных, приятных. Еще сквозь туман нескольких десятков лет, среди казанских болот, выступает для меня, как цветущий оазис, дом госпожи Геркен, вдовы с несколькими дочерьми, милыми, умными, образованными. В кругу их я отдыхал сердцем и головой от мрачной университетской жизни. Если кто-нибудь из членов этой семьи ныне живет в Казани, то я прошу его снести мой сердечный поклон на могилу их матери и принять от меня горячую благодарность за те прекрасные часы, которые я провел в их доме.

Редко, редко когда, бывало, услышишь слово о литературе, и то робко, как о запрещенном плоде. Во время моего пребывания в Казани появились два яркие явления: одно атмосферическое на небе, с ужасным

треском и гулом, другое на земле, литературное. Одно-временные, если не одночасные, они смутили сердца старых барынь и наших аскетов, и, по словам их, предвещали несчастья, едва ли не представление света. Литературное — была бессмертная комедия Грибоедова. Она появилась здесь в рукописи. Между молодым поколением ее вырывали из рук, хотя, как запрещенная, она жгла их, списывали по ночам, в несколько дней знали наизусть. Горе было бы тому, у кого она попала бы на глаза университетской полиции!

Театра номинального не было тогда в Казани, но разыгрывались в обществе и оперы, и комедии, и трагедии благородными актерами. Местность губернии представляла такую великолепную сцену, какой не могла представить другая; артисты были мастера своего дела. При мне была особенно в ходу волшебная опера: *Дровосеки*. Поднимается занавес. Декорации представляют друидические, вековые, дубовые леса. Мрак их и тишина обхватывают вас ледяным холодом. В глубине сцены возвышается холм и на нем каменный идол, безобразно иссеченный. Вдруг тишина и уединение нарушаются приходом толпы Чуваш, Мордвы, Черемис, сооружается огромный костер; жрец начинает свои волхования, костер пылает, и на него падают закланные животные — жертвоприношение грозному богу. Дикое пение, дикие пляски. Среди этого ликования раздается более стройный хор. Дикари в тревоге: они почуяли, что идут новые господа этих лесов, и в страхе разбегаются. Являются на сцену толпы русских крестьян с топорами и секирами; во главе их идут вожди в одеждах образованных стран. По ритурунелю одного из них блещут разрушительные орудия и падают вековые деревья. Стук топоров, жалобный стон маститых лесных старцев, преклоняющих голову свою пред стопы победоносных пришельцев, живые возгласы рабочих, — все это прекрасно выражено в обворожительной для слуха музыке. Но, о диво! из корней деревьев сочится золотой песок. То страх, то радость изображаются на всех лицах. Работники и начальники ощупывают золото — оно не жжется. Тут начинается дележ ниспосланной небом добычи. Он исполняется без крику, без

драк, соразмерно ступеням иерархической лестницы. Карманы, мешки, из которых вынуты съестные припасы, набиты драгоценным металлом. Благодарственная молитва довершает этот дележ. Но прежде чем разойтись, главный начальник произносит волшебный пароль. На холме воздвигается новый костер и на нем из блестящего песка, оставшегося на корнях деревьев, выливается золотой телец.

Разыгрывалась при мне и трагедия. Героем ее был обер-страж лесов, из поляков, Не—ский, и я знал его по службе в гренадерском корпусе, как бедного офицера. Он дослужился до майорства, и квартируя в Тульской губернии, своею статною, молодецкою фигурой пленил сердце дочери одного из тамошних помещиков, не очень молодой и не очень красивой, получил ее руку с 30000 придачи, вышел в отставку и приобрел себе место сберегателя лесов Казанской губернии. В благодарность жене за тепленькое местечко, он полосовал и душил несчастную арапником, который давно употреблял на жену и собаку. Под его начальство поступил унтер-страж лесов Казанского уезда, N. N. Через месяца два по определении его, обер призывает его к себе и в строгих выражениях напоминает ему, что пора выполнить *известные* обязанности. Подчиненный в смиренных выражениях докладывает, что он издержался и не успел еще в такое короткое время скопить требуемую акциденцию. Начальник решительно объявляет ему, что если он в 24 часа не принесет, то будет удален от должности и предан суду. Исполнить эту угрозу было легко: грехи, на которые, может статься, и покусился уже N. N., а если еще не покусился, то грехи его предместника, которые легко было свалить на него же, могли быть тотчас найдены в первом лесу уезда. Несчастный, не имея в наличности денег и не найдя их в 24 часа, испугался уголовного суда, его ожидавшего, пришел домой и застрелился в своем саду. Но вот и сцена более веселая. Я знал одного русского мастера или мастера, который от избытка денег, падавших на него как манна небесная, не зная куда их девать в маленьком городке и от скуки, поил шампанским во всякое время дня и ночи всякого посетителя,

был ли то плебей, или *благородный*. Он служил в лесной глуши, а в глуши-то и привольное житье: тишь, да гладь, да Божья благодать; знай только свои *урочные* обязанности.

Думали ли *господа*, о которых упоминаю в этой статье, что чрез несколько десятков лет сыщется отшельник, который в своей бедной келье, подобно Пушкинскому монаху Пимену, будет описывать их темные деяния. Благодаря обновлению России, эти деяния могут ныне выйти из-под спуда, под которым они были похоронены. Может быть, и теперь есть такие отшельники-летописцы, записывающие, под диктовкою грозной Немезиды, черные дела своих современников. Да и то сказать: пиши и пиши, кричи и кричи, «а Васька слушает да ест».

Кстати к лесам и темным деяниям. В городе отстраивали дом, бывший под военным ведомством. Раз приезжает ко мне Не—ский в каком-то необыкновенном смущении.

— Сейчас был у меня начальник (такой-то),— говорит он мне,— и требовал от меня значительное количество разного леса без письменного законного требования, без разрешения моего начальства.

— Что же вы сделали?— спросил я его.

— Сначала отказал,— отвечал мне Не—ский,— а потом дал. Он сказал мне одно магическое слово «Аракчеев», и я приказал отпустить; в противном случае мне угрожало удаление от должности.

Строители получили благодарность за усердие и соблюдение значительной экономии; Не—ский еще тверже стал на прежнем месте.

Магницкий был в Петербурге. В это время стали приходить оттуда и разноситься у нас вести, что он отшатнулся от бывшего своего покровителя, князя А. Н. Голицына, и вместе с графом Аракчеевым, под крыло которого перебежал, начал действовать против него разными интригами. Еще в бытность свою в Казани он стал холоднее относиться о *князе* и горячее о *графе*, с которым будто бы затевает новое христианское общество. Христианское! Едва ли не в то время, когда владыка Грузина ходил обвязанный платком, смочен-

ным в крови своей любимицы, которую зарезали крепостные люди, не вынесшие ее тирании. Едва ли не в это же самое время написал Магницкий свой знаменитый сон в Грузине. Вероятно, под покровом господствующей тогда силы он стремился на место другой, колеблющейся. Честолюбие ослепило его.

Скончался император Александр Павлович: на престол вступил новый государь. Быв еще великим князем, он видел, как *без лести преданный* во зло употреблял царское доверие и возбуждал против себя всеобщую ненависть. Участь Аракчеева была решена. Помню еще живо резко-замечательный вечер (директор Л—ров был тогда). Я сидел в своей комнате в нижнем этаже университета. Студенты уже спали; кругом царствовала глубокая тишина. Вдруг слышу какую-то тревогу, все в доме засуетилось, дежурный надзиратель прибегает ко мне и дрожа, вполголоса, объявляет мне, что приехал неожиданно попечитель, в сопровождении полицейского чиновника...

Несколько дней не принимал он к себе никого кроме своих интимных. Наконец, я явился к нему. Он принял меня сухо, холодно; мутные глаза его выражали мне какое-то недоброжелательство...

Что было особенно причиной этого обращения со мною, я до сего времени не знаю. Догадываюсь только, что вскрыли мое письмо, где я описывал некоторые эксцентричности его управления университетом, и письмо было им прочитано; может быть он узнал, что я ел скромное в постный день или что-нибудь подобное.

Министр не согласился уволить инспектора Вишневского; он поступил снова на свое место после четырехмесячного моего инспекторства, показавшегося мне годами. В это время я получил от попечителя Московского учебного округа, Писарева, приглашение служить под его начальством. Обращаюсь к Магницкому с просьбой уволить меня в отпуск; он мне решительно отказывает, и когда я спрашиваю о причине этого отказа, наотрез и даже с сердцем отвечает: «Не отпускаю, и только». Я несу тяжелое ярмо его неудовольствия и ограничиваюсь должностью директора училищ.

Магницкий пытается еще раз съездить в Петербург, и так же неблагополучно возвращается назад.

Во дни своего падения он предается мистическим галлюцинациям, спит на медвежьей шубе, разостланной на полу, рассказывает своим приближенным, как посетила его в прошедшую ночь Пресвятая Дева и прочее. Приезжает ревизор, генерал Желтухин; попечитель уничтожен. Он высылается на житье то в Ревель, то в Одессу или Херсон, и влачит жизнь свою не сопровождаемый ничьею любовью кроме родных, ничьим сожалением. А сколько мог бы он сделать добра, сколько благотворного света мог бы он, по своему уму и образованию, разлить на свое ведомство, если бы не увлекли его на ложный путь эксцентрический его характер и ложное честолюбие. Спрашивают меня, действительно ли он был по убеждению фанатик? Да, он был фанатик, когда думал этим выиграть у сильных лиц; не знаю, чем бы он был, если бы ветер подул на него с другой стороны.

Еще одно, последнее сказание о моей служебной карьере в Казанском округе. За несколько месяцев до первого отъезда Магницкого в Петербург, по вызову некоторых профессоров, я представил в совете университета диссертацию для получения звания адъютанта по русской словесности. Может быть, я устыдился бы теперь этого сочинения, но как бы то ни было, совет одобрил его и избрал меня в адъютанты. Влияния попечителя не было никакого в в этом деле, так как оно свершилось в его отсутствие. Когда обстоятельства переменились, ученый синклит университета не представил меня к утверждению в этом звании за препятствиями, ни на какой законности не основанными.

Выезжая из Казани, я с замиранием сердца взглянул в последний раз на Сумбекину башню, возвышавшуюся среди ночного мрака над простертым перед нею городом, вздохнул свободнее и перекрестился за избавление меня из плена казанского.

Прекрасным, красноречивым словом проводил Магницкий прах Сперанского в его вечное жилище. Кто из читавших это слово не помнит того места, где он описывает, как некогда бедный семинарист, с котом-

кой на плечах, вступал в ворота Александро-Невской Лавры, и как теперь вступает он, по окончании своей славной, полезной отечеству жизни, в те же ворота — графом, украшенный высшими знаками отличия, провожаемый русским венценосцем и первыми сановниками империи!

Жаль, что не могу сказать, — это была последняя лебединая песнь Магницкого.

25 октября 1865 года.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВКЛЮЧЕННЫХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Басурман **5**

Беленькие, черненькие и серенькие **1**

Внучка панцирного боярина **1**

В старом доме **1**

Вся беда от стыда **6**

Горбун **6**

Гримаса моего доктора **1**

Заметки для биографии Белинского **6**

Замечательные городские личности **1**

Знакомство мое с Пушкиным **1**

Как я знал М. А. Магницкого **6**

Колдун на Сухарева башне **1**

Критико-биографический очерк С. А. Венгера **1**

Ледяной дом **4**

Материалы для биографии Ермолова **6**

Матери-соперницы **6**

Некоторые поверья Мордвы **1**

Немного лет назад **2**

*Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи
«Материалы для биографии Ермолова»* **6**

Новобранец 1812 года **1**

Окопировался **6**

Опричник **6**

Последний Новик **3**

Соляной пристав и его дочь **1**

Христиерн II и Густав Ваза **6**

СОДЕРЖАНИЕ

Вся беда от стыда	5
Окопировался	89
Горбун	139
Опричник	219
Христиерн II и Густав Ваза	339
Матери-соперницы	449
Заметки для биографии Белинского	527
Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии Ермолова»	555
Как я знал М. Л. Магницкого	593

Иван Иванович Лажечников
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 6

Редактор *Л. Серякина*
Художник *О. Котенко*
Технический редактор *В. Сидачова*
Корректор *В. Щавелева*.

ЛР № 063541 от 22.07.94.
Сдано в набор 20.06.94. Подписано в печать 14.11.94. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура баскервиль. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,76.
Уч.-изд. л. 31,9. Зак. 437. Тираж 10 000 экз.

ТОО «Можайск—Терра»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Можайский полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации
по печати.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

6

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

